

ЛИЦА РУССКОГО МИРА

ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ МИР.RU» В 2008–2009 ГОДАХ

АНДРЕЙ АННЕНКОВ «НУЖНО, ЧТОБЫ ИНТЕРНЕТ БЫЛ ПОСТАВЛЕН В ПОЛОЖЕНИЕ РАДИО»		ВЕРА МЕДВЕДЕВА ИСТОРИЮ РУССКИХ В БАЛТИИ НЕ ПЕРЕПИШЬ		ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ МАГИЯ КАРНАВАЛА МИХАИЛА БАХТИНА	
ЯНВАРЬ 2008 ГОДА	2	ОКТЯБРЬ 2008 ГОДА	64	МАРТ 2009 ГОДА	132
ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО НЕПРЕДСКАЗУЕМАЯ ПАРА		ЕВГЕНИЙ ВЕРЛИН НОВЫЕ ХРОНИКИ КУЧУГУР		ВАСИЛИЙ ЖУРАВЛЕВ НИЖЕГОРОДСКИЙ ЛЕГИОНЕР	
ФЕВРАЛЬ 2008 ГОДА	4	ОКТЯБРЬ 2008 ГОДА	67	МАРТ 2009 ГОДА	138
АРСЕНИЙ ЗУБАКОВ «У ВСЕХ НАРОДОВ ЕСТЬ РОДИНА, ТОЛЬКО У РУССКИХ – РОССИЯ»		АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ «ФАРФОРОВАЯ» КРОВЬ		ЕВГЕНИЯ МИХАЙЛОВА «ЗАКОН О РЕПАТРИАЦИИ – ЭТО КАК ФЕЙС-КОНТРОЛЬ ПРИ ВХОДЕ»	
ФЕВРАЛЬ 2008 ГОДА	10	ОКТЯБРЬ 2008 ГОДА	76	АПРЕЛЬ 2009 ГОДА	148
ЗОЯ МОЗАЛЕВА РЕМБРАНДТ В ПОГОНАХ		ЕЛЕНА ГЕНН-БЕРДНИКОВА ЛИЦО ТРАГЕДИИ		ВЕРА МЕДВЕДЕВА «НУЖНО МЕЧТАТЬ О ВОЗМОЖНОМ, А ЖЕЛАЕМОЕ ОСТАВИТЬ ПРИ СЕБЕ»	
МАРТ 2008 ГОДА	18	ОКТЯБРЬ 2008 ГОДА	82	АПРЕЛЬ 2009 ГОДА	154
ВЕРА МЕДВЕДЕВА «ЧТОБЫ КАТАРСИС БЫЛ У ЧИТАТЕЛЯ, ОН ПРЕЖДЕ ДОЛЖЕН СЛУЧИТЬСЯ С САМЫМ ПИСАТЕЛЕМ»		ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ ВСЕ ПЕРЕМЕЛЯТСЯ...		АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ РОССИЙСКИЙ ЛЕПЕСТОК «НОВОГО ЦВЕТКА»	
АПРЕЛЬ 2008 ГОДА	20	ОКТЯБРЬ 2008 ГОДА	86	МАЙ 2009 ГОДА	158
ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО ТРУБАДУРЫ ИЗ КУЗУКИ		МИХАИЛ БЫКОВ ПЛОТЬ ОТ ПЛОТИ		ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО «В МУТНОЙ ВОДЕ ЗОЛОТУЮ РЫБУ НЕЗАВИСИМОСТИ НЕ ВЫЛОВИШЬ»	
МАЙ 2008 ГОДА	24	ОКТЯБРЬ 2008 ГОДА	90	ИЮНЬ 2009 ГОДА	164
ЗОЯ МОЗАЛЕВА ПОЛЯРНЫЙ ВИРУС		АЛЕКСАНДР БУРЫЙ «ПИСАТЬ АБЫ КАК – ЗНАЧИТ НЕ УВАЖАТЬ ОКРУЖАЮЩИХ»		КСЕНИЯ БОБРОВИЧ НЕ ПРЕДАВАТЬ СЕБЯ	
МАЙ 2008 ГОДА	28	НОЯБРЬ 2008 ГОДА	94	ИЮНЬ 2009 ГОДА	168
ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО «ЯЗЫК РАЗВИВАЕТСЯ ТАК, КАК НУЖНО НАМ»		ЕВГЕНИЙ ВЕРЛИН ПЕРВЫЕ ЗВОНЫ		ВЕРА МЕДВЕДЕВА «ХХI ВЕК ДАЕТ РОССИИ ШАНС ОПРЕДЕЛИТЬСЯ СО СВОИМ МЕСТОМ В МИРЕ»	
ИЮНЬ 2008 ГОДА	34	НОЯБРЬ 2008 ГОДА	98	ИЮЛЬ 2009 ГОДА	172
ИГОРЬ САВЕЛЬЕВ ПИСЬМА ЛЕСНОЙ ФЕИ		ИГОРЬ САВЕЛЬЕВ ПЯТЬ ТЫСЯЧ ТУМАНОВ		ЕВГЕНИЙ ВЕРЛИН ТАКОЕ ВОЗМОЖНО ТОЛЬКО В РОССИИ	
ИЮЛЬ 2008 ГОДА	40	НОЯБРЬ 2008 ГОДА	106	ИЮЛЬ 2009 ГОДА	178
ВЕРА МЕДВЕДЕВА «МНОГОЕ В ЖИЗНИ ОПРЕДЕЛЯЕТ ЛЮБОВЬ К ЖЕНЩИНЕ»		ЛАДА КЛОКОВА, АЛЕКСАНДР БУРЫЙ РАНЕННЫЙ ИЗОБРАЖЕНИЕМ		ЛАДА КЛОКОВА, АЛЕКСАНДР БУРЫЙ С ДРУГОЙ СТОРОНЫ СВЕТА	
ИЮЛЬ 2008 ГОДА	42	ЯНВАРЬ 2009 ГОДА	110	АВГУСТ 2009 ГОДА	184
ГЕОРГИЙ БОВТ «НА САМОМ ДЕЛЕ Я – АНТОН ИВАНОВИЧ»		ЕВГЕНИЙ ВЕРЛИН ОТ ГЕСТИИ К РЫНКУ		ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ ОБЕДНЯ БЕЗБОЖНИКА	
АВГУСТ 2008 ГОДА	48	ЯНВАРЬ 2009 ГОДА	116	АВГУСТ 2009 ГОДА	188
КСЕНИЯ БОБРОВИЧ «ИНСТИНКТИВНО МЫ ВОЮЕМ С СОВРЕМЕННЫМ РУССКИМ ЯЗЫКОМ»		ЕВГЕНИЯ МИХАЙЛОВА «РУССКИЙ ЯЗЫК НАВЯЗЫВАЕТ ТО, ЧТО НАЗЫВАЕТСЯ ДУХОВНОСТЬЮ»		ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ ВЕРГИЛИЙ ГОРЫ ПЛОДСКОЙ	
СЕНТЯБРЬ 2008 ГОДА	52	ФЕВРАЛЬ 2009 ГОДА	118	СЕНТЯБРЬ 2009 ГОДА	196
МИХАИЛ БЫКОВ ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО		МИХАИЛ БЫКОВ ЗА ВЕРУ И ВЕРНОСТЬ!		МИХАИЛ БЫКОВ НЕВОЛЬНИК ЧЕСТИ	
ОКТЯБРЬ 2008 ГОДА	56	ФЕВРАЛЬ 2009 ГОДА	122	ОКТЯБРЬ 2009 ГОДА	202
		АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ ЗВЕЗДА ДВУХМЕТРОВОГО РОСТА			
		ФЕВРАЛЬ 2009 ГОДА	128		

«НУЖНО, ЧТОБЫ ИНТЕРНЕТ БЫЛ ПОСТАВЛЕН В ПОЛОЖЕНИЕ РАДИО»

ЗАПИСАЛ АНДРЕЙ АННЕНКОВ

О сегодняшних проблемах
публичных интернет-библиотек
в Рунете журналу «Русский Мир.ру»
рассказывает создатель lib.ru
Максим МОШКОВ.

Максим, что происходит с российскими электронными библиотеками? Года три-четыре назад логично было бы предположить, что к 2008 году индустрия – крупнейшие библиотеки, РГБ в первую очередь, а также коммерсанты, торгующие цифровыми текстами, – потеснили проекты энтузиастов. Однако этого не произошло, я по-прежнему хожу за книгами в Библиотеку Мошкова. Но что-то же должно было измениться! Что?

– Давай я скажу, что действительно стало заметно. Может, еще не всем, но я это вижу отчетливо. Появилось такое понятие, как электронная книжка. Само устройство. У меня оно уже три года, кажется. Три года назад эта штука была таким же маргинальным товаром, как когда-то «наладонники» или в 2000 году сотовые телефоны, – много у кого есть, но еще не «мейнстрим». Сейчас такой момент настал для электронных книг. Они есть и очень скоро, через год, окажут влияние на читателей. Как iPod влияет на рынок MP3-музыки. В некотором смысле это будет ураган. Среди производителей электронных книг серьезных игроков пока нет, но это не значит, что их нет совсем.

Еще появились орлы, которые торгуют «сидюками» и «дидидюками» (CD и DVD-плееры) с книжками. Вполне осмысленный бизнес. Они выгрызают какую-то поляну, всегда

тематическую. Берется, например, какое-нибудь издательство, которое всю жизнь клепало некий научный или технологический журнал. На базе этого журнала собирается комплекс публикаций и из него строится просто электронный фонд, который становится товаром. Примером тематики могут быть антиквариат, философия, исторические сборники, химия, математика etc. Библиотека Мошкова просто «худло» («художественная литература», термин из романа А. Андреева «Паутина». – Прим. ред.) собрала, и все, но есть же еще специальная литература. Люди научились ею торговать не через Интернет, а просто на дисках.

– А как эти диски распространяются?

– У их продавцов есть сайты, есть заказчики. Лучше спросить у продавцов, как они живут и на что. Но что не разоряются, это видно. Еще, например, из разговора на форуме, где тусуются библиотекари, я понимаю, что собеседник в своем городе оцифровал химико-технологическую библиотеку из нескольких тысяч томов, если не десятков тысяч. И живет как библиотекарь.

– Много ли в стране электронных библиотек?

– Библиотек штук триста. Общего плана, не специализированных, менее сотни.

– А что РГБ?

– Все то же самое. Есть отделы автоматизации, есть много лет назад с помпой начавшийся проект оцифровки старых фондов. Проект этот ничем, правда, не кончился, но тысяч 20–30 книжек оцифровать успели. Не знаю, как обстоит дело с Google, который предлагал РГБ сотрудничество. Ясно, что Google, если бы взялся, оцифровывал много и быстро. Очевидно, самая заметная вещь в РГБ – это оцифровка диссертаций. Коммерческий проект, который приносит совершенно живые деньги. Это работает. Оцифровка старого фонда – не бизнес. Оцифруешь 100 тыс. книжек, и никто этого не заметит. База диссертаций с платным доступом по всей стране – другое дело. Доступ к ней организуется по закрытому каналу. Подписчиками обычно являются крупные библиотеки. Абонемент стоит несколько тысяч долларов в год, библиотек много, деньги живые, и это направление развивается с бешеной скоростью. Пример того, как госконтора научилась зарабатывать.

– Библиотека Конгресса уже лет 13 оцифровывает свои фонды – без всякой коммерции, за казенный счет.

– Я спрашивал однажды у г-на Федорова (Виктор Федоров, директор РГБ. – **Прим. ред.**), как оцифровывают Библиотеку Конгресса. Ответил: хорошо. Но как именно хорошо, я проверить не удосужился. Думаю, электронная часть Библиотеки Конгресса кроет все, что у нас есть, во много раз. В какой-то телепередаче цифры слышал, что они с удовольствием принимают материалы в «цифре», и это тысячи, если не десятки тысяч, документов в день. Отстроена система импорта из издательств, газет и журналов. За месяц в Библиотеку Конгресса приходит больше электронных текстов, чем их есть во всем Рунете.

– А с твоей библиотекой что происходит? Она снизила темпы пополнения?

– Снизила. Все эти «копирайтные» разборки даром не прошли. Чем интенсивнее пополняешь фонд, тем больше риска нарваться на очередной «копирайтный» скандал.

– Разве эти скандалы не пошли на убыль?

– Интенсивность их стабилизировалась. Всплеск был, но «КМ» свою долю пиара получил и успокоился. Кроме того, они почувствовали, что невозможно стать первыми в этом деле. А новых инициаторов скандалов не появилось. Сейчас идет обычный фоновый процесс, пара-тройка разборок за год. Обычно они все тихие. Снимем тексты, извинимся, и все.

Конечно, такие вещи настроение не улучшают. Но если бы я просто активизировал трудовой порыв, выкладывал все, что мне присыпают, и без задержек... Это всегда имеет отдачу. Новые тексты – новые посетители. Если бы не проблемы с авторскими правами, если бы библиотеки были легализованы в той или иной форме, можно было бы строить идеальную библиотеку, такую, в которой все есть либо рано или поздно все будет.

– А что тебе нужно от законодательства?

– Хотя бы то, чтобы Интернет был поставлен в то же положение, что и радио. Этого бы хватило.

– То есть отчисления автору за сам факт публикации?

– Да. Без требования прямых договоров. Так, как это принято на радио и на телевидении.

НЕПРЕДСКАЗУЕМАЯ ПАРА

ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

Фигуристы
Юко Кавагути
и Александр
Смирнов сближают
два народа и две
страны, мечтая вместе
выиграть Олимпиаду.

К

огда закончился чемпионат Европы-2008 по фигурному катанию в хорватском Загребе, его дебютантка и бронзовый призер Юко Кавагути с трудом скрывала слезы. На нее смотрели как на уникума – девушка впервые в мире безупречно исполнила четверную подкрутку, не подвластную никому, кроме нее. А фигуристка кусала губы от обиды: из-за другого сорванного прыжка, параллельного, Юко Кавагути и Александр Смирнов, первая российская пара и лидер национальной сборной, «улетели» на третье место. «Эта девочка еще удивит, – считает профессор фигурного катания Алексей Мишин, тренер олимпийских чемпионов Евгения Плющенко и Алексея Ягудина. – Я вообще завидую Тамаре (Москвиной – тренеру пары. – **Прим. ред.**). Юко и Саша – идеальные ученики, каких единицы. Они работают

столько, сколько нормальный человек, кажется, не потянет. Да при этом еще не радуются успеху, а находят в себе силы рваться выше. Признак чемпионских характеров».

Хрупкая японка Юко Кавагути и мощный россиянин Александр Смирнов стремительно ворвались в элиту мирового фигурного катания. Начав кататься в паре год назад, они с ходу стали девятыми в мире, первой международной парой России и первым номером национальной сборной по фигурному катанию. Вот тут их и подстерегли проблемы, к которым сложно быть готовым. «Легионерша», – шипят в спину Юко Кавагути те, кого в мире фигурного катания называют «королями кулааров». По слухам, девушка из-за этого едва и не расплакалась в Загребе, что «доброжелатели» ей дали понять, мол, потому и третья, что «наемница».

И по формальным признакам распространители слухов бьют в самое яблочко.

Юко Кавагути начинала выступать за Японию с россиянином Александром Маркунцовым. Тогда Тамара Москвина для подготовки к Олимпиаде-2002 Елены Бережной и Антона Сихарулидзе уехала в Америку. Там она ради бесплатного льда взяла к себе американцев Киоко Ино, Джона Циммермана и «японцев» Юко Кавагути и Александра Маркунцова. После Олимпиады, когда у Москвиной закончился контракт в США и она вернулась в Петербург, Юко Кавагути встала перед непростым выбором.

– Мое му первому партнеру, Саше Маркунцову, не давали японское гражданство, – рассказывает «Русскому Миру.ру» Юко. – Это долгое дело, лет десять пришлось бы ждать без особых шансов на успех, а век фигуриста короче. Что мне оставалось? У нас в стране парное катание не развивается – мальчики невысокого роста. Пришлось из США, где закончился контракт у Тамары Николаевны, перебираться в Петербург

вместе с моим новым американским партнером Дэвином Патриком. Саша ушел в профессионалы и остался в США, а мы с Дэвином приехали в Петербург. Тогда-то у Юко Кавагути и появилась мысль снова встать в пару с русским партнером.

ФИГУРИСТКА-ДИПЛОМАТ

Сначала все шло неплохо, но американцу Патрику не удавалось приспособиться к жизни в России. Ему не хватало калифорнийского тепла, привычного сервиса, солнца, наконец. И он собрал чемоданы. Юко в США ехать отказалась.

– Юко, вам трудно далось решение выступать за Россию?

– Ой, я об этом не думала. Просто когда по телевизору увидала, как катаются Лена Бережная и Антон Сихарулизде, сразу поняла, что хочу тренироваться только у их тренера. Отправила факс Тамаре Николаевне Москвиной. Она не от-

вертила. Я еще и еще. Так оказалась в ее группе. И вижу себя только у нее.

– Даже в России?

– Ну а куда деваться? Ну да, в России все непредсказуемо. У вас вообще многое устроено по-другому. Вроде бы все как у всех, а когда сталкиваешься, то, как говорит мой партнер Саша Смирнов: «Опа, ты попала». Извините, что так говорю, но первое впечатление от Петербурга, который я знала как город-дворец, – грязно. Уже на моих глазах стало намного чище, но по сравнению с Японией все такое старое... Охота отмыть. Я люблю русский балет, русскую культуру, преклоняюсь перед вашей профессурой, но никак не могу соединить грязный город с его людьми. Непонятно. Еще от отключения горячей воды летом я в шоке. Думала, хотя бы с годами привыкну, но каждый раз – шок. У нас такого не бывает.

– Остались без партнера, без привычного комфорта и все равно не уехали?

– А куда ехать? В Японию – ставить крест на парном катании, в США – ставить крест на Москвии. Там просто нет тренеров-парников такого класса. Но и в Петербурге я осталась тоже одна. А кататься одной и искать партнера, знаете как тяжело? Бьешься как об стену. Тогда вообще было не ясно, получится или нет с фигурым катанием. Тамара Николаевна посоветовала мне поступить в университет. В России? У меня таких планов не было, но я обрадовалась. Хоть чем-то займусь. Выбрала факультет международных отношений Санкт-Петербургского университета, потому что, простите, тогда так думала: «Звучит красиво». На втором курсе стала догадываться: «Неужели стану дипломатом?» Теперь рада, что моя специальность звучит так – «международные отношения».

– Ваши собственные международные отношения с партнерами чему вас научили?

– Парам вообще труднее, чем одиночникам. И не важно – с соотечественницей или нет. Смотрите, уже много смешанных пар в танцах, у нас в парном катании тоже. Тут все дело, я думаю, в выучке, в совпадении класса партнеров и в совместимости. Даже если не знаешь языка. Все это приложится, наработается, если пара совместима. Мы вот больше года вместе и все еще привыкаем друг к другу. Кажется, получается. Иногда легко.

– **По-японски еще не заговорили?**

– Знаю только пару-тройку слов – «здравствуйте», «спасибо», «пожалуйста». Остальные пока выветриваются из памяти. Дело не в знании языка. Вот моя мама ни слова не знает по-японски. Но когда увидела Юко, сразу мне сказала: «Саша, держись за Юко. Это твой шанс». А мама меня знает. Я же до этого тоже не раз менял партнерш. И совместимыми были, и скатанными, но так складывалось, что расставались.

– **Ваша партнерша старше вас, имеет опыт международных выступлений. Давит авторитетом?**

{ Просто на катке я увлекаюсь и забываю, что мое катание отличается от катания русских девушек, с которыми меня часто сравнивают. Они в катании предельно эмоциональны, потому что открыты и откровенны. Я не такая. Но хочу научиться кататься как они и привнести в русскую школу катания чуть-чуть японской сдержанности. }

– Когда я каталась с первым Сашей, было трудно. Он почти не говорил по-английски, а я – по-русски. Контакт был почти как между инопланетянами. Спасало то, что вокруг было много русских фигуристов и тренеров, как-то на пальцах, пополам с английским объяснялись. Катание было, а вот парного катания, наверное, было мало. С американцем все шло легче. Общение было, но вот катался он сам, как-то без меня. Я тогда поняла, что у него другая школа фигурного катания – американская, а у меня уже русская. Она у моего второго партнера не пошла. А для меня американская школа что-то непонятное, такое атлетичное катание, но для себя. Когда начинаешь чего-то достигать, понимаешь, что фигурное катание не только катание для себя, но еще и в паре. А чтобы кататься синхронно, надо друг друга понимать. И со словами, и без слов. Вот с Сашей Смирновым я общаюсь уже почти как русская. Правда, иногда я не понимаю, почему он или Тамара Николаевна смеются. Но это ерунда, потому что мне с ними на льду легко. А в жизни заметила, что из-за моих переездов я почти как русская для японцев и японка для русских и американцев.

– **Саша, а для вас трудно было встать в пару с иностранкой?**

– Постоянно, – смеется Саша.

– Только чуть-чуть, – робко вставляет Юко Кавагути. – Мне казалось, совсем незаметно для тебя.

– **Юко, вы говорите, что всегда будете почти как русская для японцев и японка для русских. Как вы пришли к таким выводам?**

– Ой, я не знаю, можно ли об этом говорить... Наверное... Тема моего диплома – российско-японские отношения по поводу четырех островов. В Японии их называют Северными территориями, в России – Курильскими островами. Я писала в дипломе, что это японские острова, но! Но я догадывалась, почему русским не нравятся американские военные базы на Окинаве. Они же могут оказаться и на этих четырех островах. Но все равно, Россия такая большая, почему не вернуть острова с условием, что там никогда не будут находиться военные? Как вы думаете, мои мысли, которые я высказала в дипломе, не обидят русских?

– **За всех не ручаюсь, но я бы вам ответил, что опыт показывает: если мы что-то отдаем или возвращаем, у нас, как долж-**

ное, просят еще больше. Поэтому, надеюсь, моя позиция вас не обидит, но отдавать нельзя.

– Да, я в университетской библиотеке читала, что возвращение островов может создать потребительские настроения у других: «Делитесь, вы большие». У нас тоже не все требуют – отдайте четыре острова. Может, правда где-то посередине или в совместном их освоении?

– Это в вас заговорил дипломат? После спорта собираетесь на дипслужбу?

– Может быть. Не знаю. Но что-то полезное для отношений наших стран мне хотелось бы сделать. Может, то, что я выступаю за Россию, хоть как-то сблизит нас.

– А как японцы относятся к тому, что вы перешли под флаг российской сборной?

– Так же, как когда я выступала за США. Кто-то поддерживает, кому-то все равно. Спокойно. Как и к тому, что я делаю свою карьеру. Вот если получится, тогда, может быть, заметят. Но знаете, как... Если бы я выступала за Японию, тогда бы порадовались, но если бы не стала чемпионкой – точно рассердились бы. Такой мы народ. Теперь на меня еще одна ответственность давит: русский зритель смотрит – японка за Россию выступает. А у вас ведь столько талантливых девушек!

– Чтобы ваша пара выступила на Олимпиаде-2010, по правилам ISU (Международный союз конькобежцев) вам надо принять российское гражданство, но по законам Японии вам придется отказаться от своего гражданства. Как вы будете решать эту проблему?

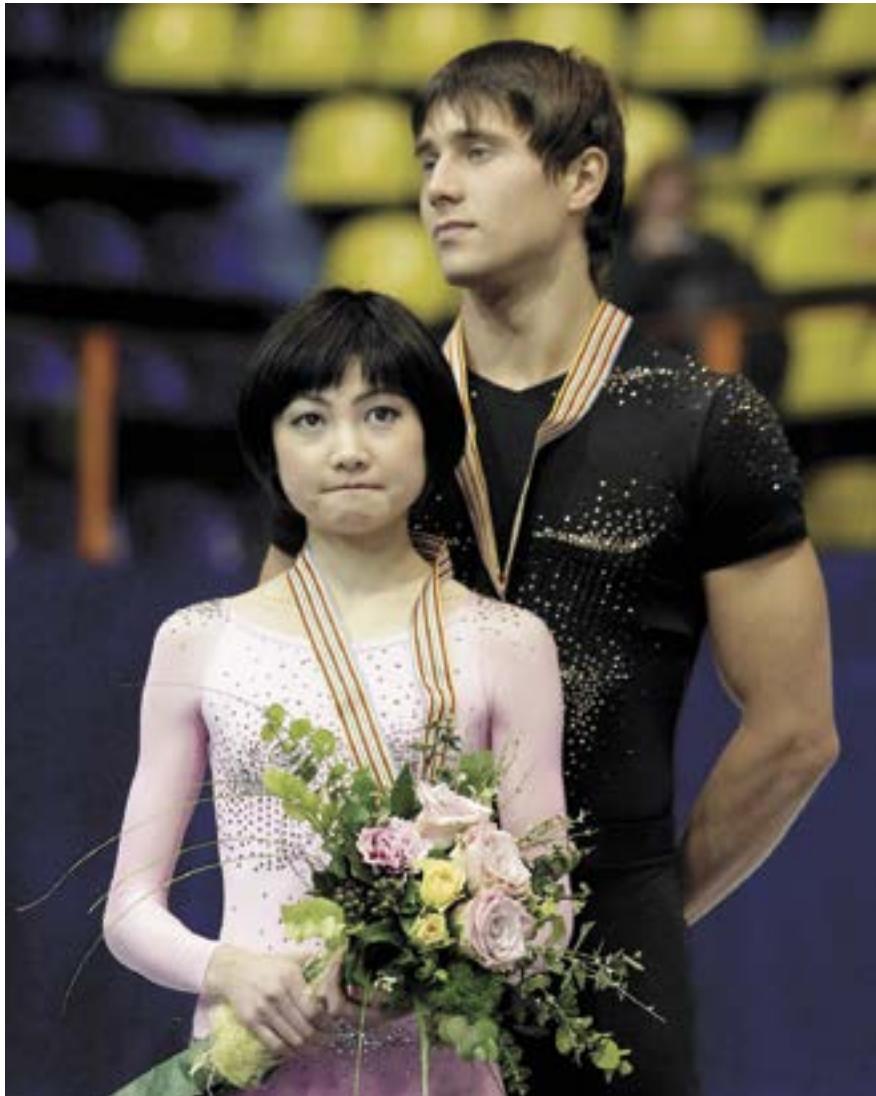
– Ее мы будем решать в конце сезона. По его итогам. Если есть перспективы на Олимпиаду-2010, то поступаем просто: я хочу и готова получить российское гражданство. Для меня честь выступать за страну, у которой в фигурном катании, как в балете и в космосе, авторитет законодателя.

– Тогда по законам вашей страны вы теряете шанс вернуть гражданство Японии даже через своих родителей.

– Но я могу выйти замуж и через 10 лет восстановить гражданство. Хотя вдруг я захочу жить в России? Не знаю. Все очень сложно, поэтому надо относиться к порядку вещей проще.

– Проще – это как? Как вы – взяли и купили квартиру в Петербурге?

– Это все Тамара Николаевна и мои родители. Нам удалось ее купить еще до безумного скачка цен. Так получилось, что Тамара Николаевна для меня в первую очередь не тренер, а мама, а ее муж, Игорь Борисович, для меня папа, дедушка и тренер. Мне очень близка хореограф Таня Дручинина. Мы как семья. И с Сашей мне легко. В Токио, когда моя мама

ОДЕРЖИМЫЕ НОВАТОРСТВОМ

Когда Тамару Москвину удалось поймать в перерыве между тренировками и выступлением ее подопечных на турнире в Загребе, тренер, воспитавшая не одну пару олимпийских чемпионов, долго откращивалась от вопроса о том, почему она неизвестно усложняет программы своих учеников. Как опытный наставник и блестящий тактик, она просила обратить внимание на других, мол, их программы посложнее будут. Лишь раз Москвина приоткрылась:

– Да, мы ускоряем темп. У нас нет выбора. В парном катании наступает эра четверных выбросов и подкруток. Пока у нас срывы есть. Но даже если выброс не готов на сто процентов, надо пробовать. Так поступают и китайские пары, и американские с канадской. Сегодня такие правила игры, что за счет чистоты исполнения привычных элементов уже не выиграть. Надо покорять и элементами,

и сложностью. Вот мы и учимся сочетать и держать лицо. Причем настолько уверенно, что и вне льда трио Кавагути-Смирнов-Москвина воспринимается как единое целое. Когда за спиной у Юко пополз липкий слух про «легионершу», Тамара Москвина не бросилась оправдываться или скандалить, она озвучила факты: легионерам, например, в российском футболе или хоккее платят баснословные суммы, Юко

увидела Сашу, пообщалась с ним, то сказала мне: «Все у вас получится».

– Саша, а вы не собираетесь прикупить недвижимость в Японии?

– С удовольствием бы, но это нереально. Пока хватило поездки на чемпионат мира в прошлом году и знакомства с родителями Юко. Мне было интересно их глазами посмотреть на Токио. Японцы въедливы и придиличны к своей столице, во всем находят несовершенство, поэтому, наверное, многое достигли.

и сложностью. Вот мы и учимся сочетать и держать лицо.

Причем настолько уверенно, что и вне льда трио Кавагути-Смирнов-Москвина воспринимается как единое целое. Когда за спиной у Юко пополз липкий слух про «легионершу», Тамара Москвина не бросилась оправдываться или скандалить, она озвучила факты: легионерам, например, в российском футболе или хоккее платят баснословные суммы, Юко

Кавагути, являясь членом сборной по фигурному катанию России, от страны не получает ни копейки. А Саша Смирнов только смеется над «легионерскими» замашками своей партнерши: «Да в Академии фигурного катания Петербурга о непрятательности Юко легенды ходят. Она не то что очень скромно одевается, она такси не пользуется. Даже если мы едем в аэропорт, ее такси взять не заставишь».

– На метро и в Петербурге, и в Токио быстрее, чем на такси, – поправляет партнера Юко. – А когда чемодан совсем большой, то я беру такси.

Но Смирнов с партнершей не согласен. Саша в качестве примера приводит историю о том, как Юко однажды не пустили на тренировку во дворец спорта «Юбилейный». Она оставила пропуск дома, а вахтеры не узнали в «маленькой девочке» известную фигуристку. Пришлось Смирнову проводить Юко самому. «Да что там! – удивляется он. – Она такая скромняга, что ее даже консьержи ее же дома не всегда узнают. Останавливают у входа и спрашивают:

щает. Простая вещь – у бортика на тренировке молча берут мою салфетку, и все. Берут потому, что пять минут назад мы дружески обсуждали хороший фильм или постановку в Мариинском. То есть берут как у подруги. Мне это непонятно. Почему так откровенно люди попирают мое пространство и не считают, что это плохо? Ну, спросите: «Можно?» Я не скажу: «Нельзя». Но тем самым вы выражаете уважение ко мне и к моему пространству. А так... я не хочу, чтобы отношения со мной использовали как салфетку. Вначале меня это шокировало больше, чем грязь в петербургских переулках. Теперь привыкла. Конечно, такое и в Японии есть. Но...» И из таких, и из совсем непростых ситуаций фигуристка выходит по опробованному рецепту – старается кататься

{ Я хочу и готова получить российское гражданство. Для меня честь выступать за страну, у которой в фигурном катании, как в балете и в космосе, авторитет законодателя. }

«Вы к кому?»

– Вот и нет. – Юко бро- сается на защиту кон- сьержей. – Они мне часто говорят: «Удачи вам». Просто когда я для новой произвольной програм- мы сделала короткую стрижку, они не все меня узнают. И, честно говоря, мне это нравится больше. Потому что, если на меня обращают внимание, осо- бенно неизвестные люди, то я не знаю, как себя вести.

– А как же необходимость выступать перед трибунами?

Юко замолкает ненадолго, потом, подбирая каждое слово, говорит мягко, с паузами, явно стараясь не задеть собеседников: «Это не стеснение. Другое. Наверное, мы, японцы, так себя чувствуем. Вот вы, русские, очень открыты. Мы так не умеем, а я еще и не хочу. Я так себя не чувствую. Просто иногда откровенность это не очень вежливо по отношению к окружающим. Вот в университете или на катке всякие сцен- ки бывают. На них никто, кроме меня, внимания не обра-

лучше, и тогда тяжелые мысли выветриваются как ненуж- ные. «Юко просто одержимая, – говорит Тамара Москви- на, – вот почему я с ней».

Когда Юко услышала оценку тренером своих трудов, она чуть улыбнулась, но все же потупила голову: «Просто на катке я увлекаюсь и забываю, что мое катание отличается от катания русских девушек, с которыми меня часто срав- нивают. Они в катании предельно эмоциональны, потому что открыты и откровенны. Я не такая. Но хочу научиться кататься как они и привнести в русскую школу катания чуть- чуть японской сдержанности». ●

**«У ВСЕХ НАРОДОВ ЕСТЬ РОДИНА,
ТОЛЬКО У РУССКИХ – РОССИЯ»**

АРСЕНИЙ ЗУБАКОВ

В конце 2007 года в Москве состоялся Первый международный кинофестиваль «Русское зарубежье», одним из приглашенных участников которого стал живущий в Париже князь Александр ДОЛГОРУКИЙ.

мой отец родился в Крыму, в местечке Кореиз. Название этого крымского городка звучало для меня довольно странно. Информацию о нем я обнаружил в Интернете. Раньше мне казалось, что Кореиз – это всего лишь убежище на дорогах эмиграции. Оказалось, мои родственники имели на Южном берегу Крыма дворец, обширные латифундии... Впрочем, не одни Долгорукие, но и Воронцовы, Романо-вы... В 1919 году вдовствующая императрица Мария Федоровна, мать Николая II, на крейсере «Мальборо» забрала с собой из Ялты за границу всех Долгоруких, в том числе моего отца, которому тогда было два года.

И вот наконец я попал туда: искал и нашел то место, где родился мой отец. Потом я отправился в Киев – ведь история нашего рода, Рюриковичей, начиналась именно там. За Киевом следовали Москва, Питер. В России я встретил свою родню: знаете, теперь существует слишком много Долгоруких для меня. Я, конечно же, имею в виду Долгоруких, оставивших след в истории. До приезда в Россию все известные мне Долгорукие были членами моей семьи – я, мой брат и наши родители. И вдруг, попав на старые кладбища в России, я увидел, как много представителей моего рода сыграли важную роль в российской истории. Это удивительно.

– Ваш интерес к документальному кино не случаен?

– Мое занятие кинематографом, можно сказать, возникло случайно. По окончании курса в университете я начинал стажироваться как

журналист. И это мне не очень понравилось. Тогда я стал работать на радио.

– А как появился интерес к кино? Вы просто взяли в руки камеру?

– Нет-нет, я не брал в руки не то что камеру, даже фотоаппарат, – к сожалению, я мало приспособлен к технике.

– Как вы выбираете свою тему в кино, то, что вас особенно волнует?

P

ежиссер документального кино, француз по паспорту и русский по сердцу и духу, князь переживает исход из России миллионов ее граждан после войн и революций прошлого века как личную драму. Наша беседа была посвящена судьбам России, русской эмиграции и кино.

– Александр Александрович, для меня стало открытием то обстоятельство, что в Париже живет и работает князь Долгорукий – не только представитель древнего рода Рюриковичей, но и кинорежиссер. Традиционный вопрос – как, в результате каких событий вы оказались во Франции?

– Я родился во Франции, в Париже, в 1945 году в семье русских эмигрантов. Затем из Парижа мы переехали в Германию, жили в Висбадене и Баден-Бадене, потому что моя мать работала переводчицей в лагерях для перемещенных лиц. Через какое-то время мы вернулись во Францию, где я пошел во французскую школу. К сожалению, рядом не было русской школы. Мы жили в ближайшем пригороде, Лузэ, в двадцати километрах на юг от Парижа.

– В ближайших пригородах Парижа – Ванве, Медоне, Кламаре – выходцы из России первым делом устраивали скромные эмигрантские храмы. Вы связаны с православной традицией с юности?

– Моя Россия – это Сен-Женевьев-де-Буа. Потому что и русское кладбище, и храм, построенный в псковской архитектурной традиции, знакомы мне с детских лет. Именно в этом месте прививали мне «любовь к отеческим гробам», к моим предкам, которые обрели там упокойение среди представителей других известных фамилий. Правда, Долгоруких во Франции почти не было, поэтому моя Россия более узкая, нежели Россия других родовитых фамилий.

– Александр Александрович, вы – выходец из Петербурга или Москвы, где жили ваши родители до исхода из России?

– Совсем недавно, в августе 2007 года, я снимал фильм про Долгоруких в России. У меня было громадное желание узнать как можно больше о родственниках в России, потому что я почти ничего о них не знал. Разве только то, что

журналист. И это мне не очень понравилось. Тогда я стал работать на радио.

– А как появился интерес к кино? Вы просто взяли в руки камеру?

– Нет-нет, я не брал в руки не то что камеру, даже фотоаппарат, – к сожалению, я мало приспособлен к технике.

– Как вы выбираете свою тему в кино, то, что вас особенно волнует?

логианами? (Евлогиане – последователи Евлогия, возведенного патриархом Тихоном в 1922 году в сан митрополита и назначенного экзархом Западной Европы. В конце 20-х годов Евлогий отказался выразить лояльность к советской власти и перешел под юрисдикцию Константинополя.– Прим. ред.) Для себя я уже ответил на этот вопрос, руководствуясь словами Евангелия: «Где сердце ваше, там и сокровище ваше». Мое сердечное влечение, мои симпатии – в церковной ограде евлогиан. Определяет мое влечение не принцип юрисдикции, а, скорее, мироощущение и христианская открытость Парижской богословской школы, те богатые плоды духа, которыми эта школа может гордиться. Как христианин, я вырос на книгах о. Сергея Булгакова, Бердяева, Струве, о. Георгия Флоровского, Вышеславцева и других.

– Сначала это была история. Не глобальная история человечества, конечно, но история как встреча с людьми, прожившими интересную жизнь. Это всегда судьба человека, проходящего через события в истории. Как мы могли видеть, например, в фильме о трагедии казаков в австрийском Линце. Это были простые, нормальные люди, 20 тыс. человек, которые прошли через небывалые ужасы и трагедию в истории. Единственное, что меня интересует, – это сам человек и то, как он проживает свою жизнь в истории. И что же в итоге остается: только то, что касается нас, трогает наши души. В последнее время мои интересы в большей степени связанны с современной жизнью – весь мир очень быстро меняется, и Россия вместе с ним.

– Скажите, связь с русской культурой для вас нечто постоянное?

Русская культура всегда была областью ваших интересов?

– Для меня было бы откровенной неправдой ответить «да». Никогда. Никогда я не обращал внимания на это. Я жил нормальной жизнью французского обывателя. Только сейчас я задаю себе вопрос: что я делал во Франции? Я никогда не чувствовал себя там вполне комфортно. Понимание некоторых сущностных вещей приходит позже: в 50, даже в 60 лет. Пришло прикровенное знание того, что корни мои, мои душевные привязанности именно здесь, в России. Вопрос корней чрезвычайно сложен для любой эмиграции, не только русской. Хотя об особой стати русских, их мистической связи с Россией протоиерей Георгий Флоровский, историк и богослов Парижской школы, однажды заметил: «У всех народов есть Родина, только у русских – Россия».

– Вы знаете, тому же отцу Георгию Флоровскому принадлежат другие слова: «В России по-настоящему культурно лишь то, что по-настоящему церковно». По-видимому, первая русская эмиграция сумела сохранить свою культурную самобытность, не раствориться в чужой стихии во многом благодаря церкви, православию...

– Наличие церковных центров русской эмиграции и, конечно же, храмов – это единственное и самое серьезное обстоятельство, которое поддержало людей здесь и помогло им выжить, иначе все бы они погибли. Это обязательное условие для выживания нашей эмиграции – русские храмы, а потом, к сожалению, еще и русские кладбища.

– История эмиграции – это еще и история церковных разделений, церковных расколов. Что помогло вам определиться в церковном разнообразии русской эмиграции, представленном как минимум тремя юрисдикциями: Зарубежной церковью, Московской патриархией и Архиепископией русских православных церквей в Западной Европе – так называемыми ев-

– Вы знаете, меня этот вопрос, то есть выбор юрисдикции – куда ходить молиться, совсем не беспокоит, потому что у нас, русских, здесь всегда были и рю Дарю, и Сен-Женевьев-де-Буа, и Сен-Петель. Москва, Париж или Нью-Йорк – меня это совсем не беспокоит, меня принимают везде. Я не вижу необходимости в унии – зачем различным юрисдикциям, церквям объединяться? Слишком поздно, мы не хотим и не можем уже соединиться, чтобы иметь только один церковный центр, например Москву.

– Подобно вам, Александр Александрович, да и огромному числу людей в русском зарубежье я не принял недавнее соединение Московской патриархии и Зарубежной церкви. Многое в этой унии кажется мне надуманным, искусственным, навязанным внешними обстоятельствами политического характера. Впрочем, для православных русских людей, живущих на Западе, это нормально – иметь различные мнения, часто не совпадающие с мнением церковной иерархии. В России иная традиция, имеющая своим началом византийский цезарепапизм с жестким авторитарным началом и отсутствием разномыслия.

– В эмиграции были свои искушения, если можно так сказать. Например, после войны, когда Советы на волне военного патриотизма обратились к эмиграции с предложением вернуться на родину, в Советский Союз. Для решившихся на депатриацию возвращение стало трагедией: вместо обещанных благ – жилья, работы, учебы – большинство возвращенцев попало в концлагеря, в Сибирь. Среди тех, кто по возвращении оказался в ГУЛАГе, были не только русские, но и армяне, евреи, представители многих других национальностей.

– Вас это душевно не задело? Вы хотели бы снять фильм об этой трагедии – истории обмана репатриантов в советскую Россию?

– Кажется, однажды я предлагал французскому телевидению фильм о трагедии армянского народа, о том, как произошел чудовищный геноцид армян в Османской империи в начале XX века. Но никогда не думал сделать фильм о трагедии русских репатриантов послевоенного времени. Вы правы, конечно, мне интересно будет заняться этим. Теперь встает такой вопрос: мы здесь, мы смотрим материалы про эмиграцию – что это такое, как и почему появился феномен беженства, феномен жизни на чужбине. Встает вопрос: зачем это нужно русским, которые живут здесь, в России? Почему они занимаются этим? И что история эмиграции принесла им и приносит? Мне это не ясно. Конечно, хорошо знать историю вообще. Но почему здесь поднимается такая волна интереса к истории нашей эмиграции? Что современным русским даст наше свидетельство, наш опыт? Какое знание в результате сохранится в их сознании, в сердце? Это мне не ясно.

– Пожалуй, я попытаюсь ответить на ваши вопросы, поскольку большую часть своей жизни провел в России. Но достаточно долго жил на Западе среди русских эмигрантов. Россия, искореженная и исковерканная большевизмом, советчиной, та

ко для русской эмиграции, но для русских людей вообще. В 20–30-е годы XX века повсюду в Европе жизнь была очень сложной и тяжелой. Я не думаю, что основной целью, лейтмотивом для эмиграции было сохранить свою религиозную и культурную самобытность. Основной целью в то время для большинства русских в Европе было физическое выживание. Эмигрантская жизнь чаще всего сопровождалась нищетой. Когда я был маленьким мальчиком, в послевоенные годы я постоянно испытывал чувство голода, у нас не было еды, мы не ели досытая. Вот почему даже сейчас я не могу оставить что-нибудь в тарелке. Культура пришла потом. Так или иначе, в русском зарубежье были великаны духа, которые работали в культуре. Что меня удивляет – так это вопрос существования религиозной традиции, православной церкви, неотделимой от русского народа. Действительно, начиная с IX–X веков невозможно разделить церковь и русский народ. Я, правда, не понимаю, почему

{ Я никогда не чувствовал себя во Франции в полне комфортно. Понимание некоторых существенных вещей приходит позже: в 50, даже в 60 лет. Пришло прикованное знание того, что корни мои, мои душевые привязанности именно здесь, в России. }

Россия, в которой люди моего и предшествующего поколения в итоге оказались, существенным образом отличалась от России, оставленной первой волной эмиграции. Не будь русской трагедии XX века, наша страна могла бы быть иной. Однако она стала советской. Память о другой России – умопостигаемой, – какой она могла бы быть, но не стала, о той России, которую беженцы вынесли на подошвах своих сапог, чудесным образом сохранилась в эмигрантской среде. Эта идеальная Россия, эдакий град Китеж, удивительным образом воздействовала на сознание не только эмигрантов, но и думающих людей в советской России. Именно этим в первую очередь обусловлен наш интерес к культурному феномену русского зарубежья. Я вижу историческую миссию русской эмиграции прежде всего в том, что, находясь в иноязычном, инославном, инокультурном пространстве, она сохранила свою русскость, свою культурную и религиозную целостность, самобытность.

– Да, но это возможно сказать сейчас. Между двумя мировыми войнами заключен тяжелый период для всех, не толь-

ко в России, когда садишься в такси, рядом с рулем непременно видишь иконку. Неужели таксист всякий раз молится в машине? Огромное удивление в России вызывает живая народная вера. Я не могу объяснить, как возможно такое, что церковь здесь осталась живой. У каждого русского его вера – это первая вещь. В современной Франции католическая церковь практически исчезла. А вот русского человека и православную веру разделить невозможно.

– Увы, в современной России уже возможно: за последние 15 лет наша страна оказалась участником процесса глобализации, материальным свидетельством чего являются бесчисленные закусочные «Макдоналдс», абсолютное господство Голливуда на телевидении, казино и т.д. А духовным свидетельством глобализации я бы назвал засилье сект и не-

обычных для России культов при полной инертности официальной церкви – Московской патриархии.

– Мы живем в переходное время. Не будем столь наивными, чтобы ожидать: вот, сегодня пал коммунизм, а завтра матушка-Россия станет такой, какой была при царе. Такой, какой была, Россия уже никогда не будет – времена меняются, все условия

Возможно, он верит в это, либо местный обычай диктует «так надо», потому он и сделал это на коленях в дорогом костюме.

– К сожалению, магизм, двоеверие – причудливая смесь язычества и христианства – очень сильно укоренены в русских людях, часто подменяя подвиг личной веры и личной ответственности христианина перед Богом. Вспоминаются слова Василия Розанова: «Дуй на свечку, клади гривенник и спасешься». Сейчас этого катастрофически мало, для того чтобы спасти. Конечно, необходимы традиции, которые дают внутреннюю опору человеку. И слава Богу, если они есть и помогают.

Однако давайте вернемся к вашей истории. Скажите, у вас русская семья, вы женаты, есть дети?

– Нет, я не женат, но есть дети, которые, увы, почти не говорят по-русски. Они меня упрекают в том, что не получили в детстве знания русского языка. Я сам довольно плохо говорю по-русски, потому что более 40 лет находился по преимуществу во французской языковой среде и почти не говорил по-русски. В последнее время я часто бываю в России и снова

жизни меняются. Но основной духовный костяк человека здесь, в России, даже если он не ходит в церковь, все равно несет в себе какие-то элементы церковного воспитания. Вся страна пропитана этим, и нельзя пройти даже мимо полуразрушенного храма, чтобы это хоть как-то не повлияло, хотя бы и с эстетической точки зрения, потому что это красиво.

– Возможно, вы судите о России по Москве. Но это то же самое, что сравнивать Канн или Антиб во Франции с беднейшим арабским пригородом Марселя, например. Такое сравнение не вполне правомерно потому, что русская провинция мало похожа на жирующую столицу: жизнь в российской глубинке часто депрессивная, храмы стоят полуразрушенные, зарплаты низкие, в отсутствие работы народ предается классическому российскому пороку – пьянству.

{ Моя Россия – это Сен-Женевьев-де-Буа. Потому что и русское кладбище, и храм, построенный в псковской архитектурной традиции, знакомы мне с детских лет. Именно в этом месте прививали мне «любовь к отеческим гробам». }

– Конечно, я не сужу о России по Москве. Потому я очень много и езжу по провинции, добрался даже по Волге до Ярославля. Я вынес положительные впечатления: везде вижу русских людей, храмы, полные народу, а в них много молодежи. Однажды я заехал в Романов-Борисоглебск, ныне Тутаев, удивительный городок – сколько там храмов! И каких! Я пришел на службу в кафедральный собор – там было полно народу! Причем из купольной части одного из храмов сняли изображение лика Христа. Лет 10 назад это изображение перенесли в собор и поставили при входе на деревянной подставке. Согласно местному обычай, верующие должны непременно пролезть на коленях под изображением лица Спасителя и с другой стороны вылезти. Рядом со мной в храме стоял человек в дорогом костюме с холеной физиономией, по виду чиновник или бизнесмен. На службе этот человек истово молился, а потом говорит мне: «Ну, пошли» и заставил меня вместе с ним пролезть снизу под иконой и вылезти с другой стороны.

переживаю, как чудо, возвращение в стихию родного языка.

– Франция стала одной из стран, которая наряду с Германией, Чехией и Сербией приняла основной поток послереволюционной эмиграции из России, дала беженцам возможность выжить, зарабатывать, учиться, как-то устроить свою жизнь. В целом Франция была положительно настроена по отношению к русским. Вы принадлежите сразу к двум культурным традициям: русской – по происхождению и французской – по месту проживания. Кем вы себя чувствуете в душе – французом, русским или русским французом?

– Сейчас я чувствую себя и французом, и русским. Сложно было бы разделить в себе два этих начала. Я бы сказал, даже только подумать их разделить – неприятно. Это правда, что Франция приютила

русских изгнанников, многое им дала. Как бы после этого, например, можно было сказать: вот, я русский, мой роман, моя история с Францией окончена? Особенно теперь, когда за границей проживает 30 млн россиян? Я отмечаю для себя особенно в последние годы: все вокзалы и аэропорты в Европе

заполнены нашими соотечественниками, везде слышна русская речь. Каждый раз, садясь в самолет в Париже, я слышал русскую речь в салоне как впереди, так и позади себя. Настоящей эмиграции как чего-то трагического, связанного с потерей родины, больше не существует. Есть миграция, движение русских по лицу земли.

– **Часто о русских, о России судят превратно, принимая за представителей нашей нации современных торгашей и хапуг или грязнохвата, как их назвал Солженицын, по-хозяйски осваивающих так называемое дальнее зарубежье. Богатые люди часто ездят за границу сорить деньгами и создают впечатление о русских как о нуворишиах. Хотя трудовая Россия, культурная Россия существует очень скромно и вряд ли может позволить себе скупить виллы и кутить на Майорке или Лазурном берегу. Светская хроника полна описаниями «русских скандалов» в Куршевеле, Лондоне или Сан-Тропе. И это все, что мы можем предъявить миру как свидетельство о современной России?**

– Все это позволяет нам задать вопрос: что Россия создала, что она явила миру в последние годы? В период Ельцина на олимпе российской власти оказались так называемые олигархи. Будучи составной частью власти, они обокрали русский народ: присвоили себе все завои, богатства недр, средства производства. Представьте себе: люди всю жизнь работали, создавали материальные ценности, а кто-то вдруг пришел и украл все результаты их труда. Это стыдно для современной России, это ваш стыд!

– **Как один из русских, я понимаю, что не могу отвечать за неправедные дела российских грязнохвата. Однако мне тоже стыдно за них, за российские власти, годами закрывавшие глаза на тотальную коррупцию и разворовывание страны. Целью всех политических и экономических преобразований начиная с эпохи Горбачева было – сделать жизнь наших людей достойнее и лучше, а вышло наоборот, жизнь большинства людей в России ухудшилась...**

– Увы, жизнь простых людей – бюджетников, пенсионеров – стала много хуже.

– **Исчезло чувство уверенности в завтрашнем дне, чувство стабильности. Особенно в провинции, люди – бюджетники и пенсионеры – не знают, как прожить от зарплаты до зарплаты или от пенсии до пенсии.**

– Мне кажется, в последние два года социальная напряженность все-таки пошла на спад. Жизнь понемногу налаживается. Еще лет пять назад на улицах российских городов практически не было людей с маленькими детьми,

не было слышно детского шума и криков, как у нас в Париже. Теперь и в России, причем не в одной лишь Москве, на улицы возвращается детский крик и смех. И это для меня очень хороший, добрый знак перемены к лучшему. Надежда на будущее... Например, раньше мои знакомые преподаватели, живущие в Омске, не знали, смогут ли они преподавать, даже взять билет на маршрутку завтра. Это был какой-то кошмар. А теперь жизнь понемногу наладилась, стала спокойнее, но остались огромные проблемы.

– Александр Александрович, вы часто бываете в России. У вас есть какие-нибудь приватные контакты? Есть люди, к которым вы можете запросто приехать в гости?

– Вы знаете, я предпочитаю не осложнять жизнь моих знакомых и обычно снимаю номер в гостинице или частную квартиру. Я хочу оставаться свободным, потому что в России я бываю не в качестве туриста или визионера. Я смотрю, что я могу здесь сделать, ищу материал для своих фильмов.

– Ваша аудитория по преимуществу французская?

– Да, я ориентируюсь исключительно на европейскую аудиторию.

– Как происходит кинематографический процесс? Сначала вы находитите бюджет для фильма? Что первично – идея или деньги?

– Сначала я должен написать какой-нибудь проект, затем я предлагаю этот проект различным каналам на телевидении. Телевизионная компания выделяет мне бюджет, и потом я уже могу работать. У нас это называется «фриланс».

– Есть ли тема, которой вы, как художник, «больны» сейчас? Какие проекты в работе?

– Сейчас три проекта в работе: первый из них – о мрачных подземельях Лубянки, об ужасах, которые происходили под зданием КГБ в советскую эпоху; затем – документальный фильм об Арктике и Северном Ледовитом океане. Современная Россия претендует на кусок Арктического шельфа, но все мы знаем, что это – вопрос обнаруженных в Арктике колоссальных запасов нефти и газа. Третий кинопроект – уже упоминавшийся мною фильм о Долгоруких. Фильм практически снят, в Москве я буду делать его монтаж. В двух словах хочу ответить на вопрос, что я делаю здесь, в России. Вначале, когда я приехал в Россию, это был настоящий кошмар: я встал посреди Москвы и не мог понять, что же мне делать.

Занимаясь проектом «Лубянка», я прежде всего должен был получить разрешение на работу в этом ведомстве. Однажды я получил такое разрешение. Моим куратором в этой работе над фильмом стал бывший директор одного из департаментов КГБ, генерал Бобков. А еще мне хочется показать жизнь Троице-Сергиевой лавры и Духовной академии – не только парадную и праздничную, но и ту, какая она на самом деле – будничная, рабочая. Прежде всего я хочу показать этих русских мальчиков в подрясниках – иноков и семинаристов, всего их 800 человек: почему они приходят в церковь, что им хочется, что им нужно, как они представляют жизнь. Самый замечательный для меня человек в современной России – это митрополит Кирилл, глава патриархийной дипломатии. Мне было бы интересно сделать материал об этом харизматичном и энергичном деятеле Московской патриархии...

– Александр Александрович, есть ли у вас договоренность с какими-нибудь российскими каналами, с Министерством культуры Российской Федерации о показе ваших фильмов в России?

– Есть два способа, два пути. И один из них – делать фильм для российских каналов, например для НТВ. Два года я предлагал проект, названный мною «Вся Россия» и состоящий из новелл о россиянах, которые живут в провинции, о малой родине, о российской глубинке. Героями моих новелл должны были стать не только и не столько известные люди, деятели культуры – поэты, писатели, художники, но и самые обычные русские люди из глубинки, скромные и непрятательные – крестьяне, обыватели, студенты, пенсионеры... Я хотел бы дать их рассказ о себе как прямую речь, сопроводив его своим комментарием. Недавно я встречался с директором фонда «Русский мир» Вячеславом Никоновым, который выразил желание поддержать мои кинопроекты. Этот фонд был учрежден прямым указом президента Владимира Путина, и его значение огромно – я надеюсь, государственные субсидии будут направлены на поддержку культурного наследия русского зарубежья: русского языка, кинематографа, литературы, издательской деятельности. Во время встречи с господином Никоновым я сказал о том, что есть два аспекта в моей работе кинорежиссера: один касается всей России, а также ее истории; другой же связан с современными событиями и ориентируется по преимуществу на французские и европейские телеканалы.

– Я слышал о феномене двух французов, ставших православными священниками в России. Один из них – сын ректора

Свято-Сергиевского богословского института в Париже, протоиерей Николай Озолин, ставший настоятелем прихода на острове Кижи в Карелии. А другой француз – игумен Василий (Паскье), настоятель крошечного монастыря в чувашской глубинке недалеко от Алатыря. Чем не тема для французского кинорежиссера?

– Да, это действительно может стать темой для документального кино. Но скажите мне, почему вы думали о трагедии репатриантов в Советский Союз из Франции в 1945–1946 годах?

– Я много читал об этом. Еще в юности мне в руки попала книга воспоминаний известной журналистки Натальи Ивановой, а также воспоминания Никиты Кривошеина, переживших весь ужас репатриации в советскую Россию. Известно, что с миссией уговаривать деятелей русской эмиграции в послевоенную Францию отправились митрополит Коломенский Николай (Ярушевич) и писатель Алексей Николаев-

и зажиточно жить в Советском Союзе? Чтобы разобраться в этом, боюсь, одного ума будет мало. Я непременно постараюсь ответить на этот вопрос, и ответом моим станет фильм об истории репатриантов. Я обязательно разыщу живых свидетелей и участников этого процесса, переживших боль разочарования от встречи с родиной, ужас ГУЛАГа. Однако такое кино необходимо предлагать здесь, в России. Потому что во Франции интерес к этой теме будет заведомо меньше.

– Что ж, остается пожелать вам, Александр Александрович, больших творческих достижений, успехов и Божией помощи свыше. Быть может, вы хотите что-то еще сказать нашим читателям?

– Спасибо за благопожелания. Конечно, мы можем все оставить как есть, ничего не меняя и здесь, в России, и там, в зарубежье. В этом нет ничего страшного, потому что условия сейчас более спокойные и стабильные, чем во времена моей эмигрантской юности. Но наши люди, особенно пожилые люди за границей, уходят, исчезают. И нужно, чтобы Россия сделала нечто конкретное для репатриантов, точнее, для своих изгнанников – тех, кто уехал не по своей воле. Российские власти должны понять, что, если мы решаемся на возвращение, мы оставляем свои

{ Такой, какой была, Россия уже никогда не будет – времена меняются, все условия жизни меняются. Но основной духовный костяк человека здесь, в России, даже если он не ходит в церковь, все равно несет в себе какие-то элементы церковного воспитания. }

вич Толстой. Иван Бунин тогда устоял и с гневом отверг предложение «красного графа», а вот многие соблазнившиеся на посулы сталинских эмиссаров оказались по возвращении в лагерях и ссылке. Действительно, это большая, трагическая тема для кинорежиссера.

– Насколько мне известно, несколько лет назад Никита Михалков снял художественный фильм о трагической судьбе русско-французской семьи, приехавшей после войны в российскую глубинку, кажется в Сибирь. Вот еще одна ужасная гримаса нашей истории: чтобы освободить Россию от большевистского ига, надо было связаться с немецкими оккупантами. Эти люди, настоящие русские патриоты, они все говорили о возрождении России без большевиков, у них появилась возможность увидеть Россию свободной. Они пошли к немцам, вступили в добровольческие соединения под командованием Андрея Власова. Даже если они выступали на стороне немцев, как я могу судить их за это? То же самое с историей репатриантов в советскую Россию. Как можно судить людей за их наивную веру в Сталина, в возможность свободно

дома в Бостоне, Париже или Копенгагене. Но у нас при этом нет своего места в Отечестве, и нас здесь никто не ждет. Простой вопрос – русский паспорт. Если мы хотим иметь российское гражданство, для нас это практически невозможно. Не все могут выдержать изнурительную бюрократическую процедуру, унижающую человеческое достоинство. Советы нас выгнали, но мы – русские, и почему у нас нет, не может быть паспорта? Пока нет ответов, нет конкретных дел – одни декларации и красивые фразы. Это абсурд, который необходимо сломать, разрушить усилием государственной воли. Нас напрямую касается наша жизнь и наши личные отношения с Россией. Делайте что-нибудь для российских изгнанников, а мы, изгнанники, с удовольствием вернемся в Россию. ☺

ЗОЯ МОЗАЛЕВА

В Москве прошел Международный конкурс живописи *Russian Art Week*. Первое место в категории «Профи» занял сотрудник УВД по Рязанской области Андрей Миронов. Победил среди профи вовсе не профессионал...

Днем Андрей Миронов курирует работу дежурных частей, координирует работу подразделений: под его контролем расследования самых дерзких преступлений. А вечером он берет кисть и создает

картины, которые учат вере, добру, всепрощению... По словам самого художника в милицейской форме, никакого противоречия в этом нет. Его вполне уместно назвать «оборотнем в погонах». После того как рабочий день инспектора оперативного штаба УВД окончен, Андрей Миронов превращается в художника. Серая милицейская форма маскирует «ученика» Рубенса, Веласкеса, Рембрандта – именно их он считает своими учителями.

С детства Андрей мечтал стать живописцем. Что такое муки творчества, он узнал еще лет в шесть. Андрей взрослел, но мечтать о кистях и холсте не переставал. Ну разве совместимо это с прогулками по темным улицам Рязани с резиновой дубинкой в руках? Оказывается, вполне...

В маленьком таежном городке, где он жил в детстве, не было ни художественной школы, ни частных учителей живописи. Андрей все осваивал сам. Манера самообучения у него была оригинальная. Писать с натуры возможности не было. С детства собирали буклеты с работами старых мастеров. Они-то и служили учебным материалом. Нельзя сказать, что он их копировал, скорее, они были своего рода ориентирами. «Как говорится, если хочешь стать генералом, равняйся на маршала», – поясняет Андрей.

Начиная с семи лет, рассказывает Андрей, каждую свою работу писал так, будто готовил ее для Третьяковской галереи. Не было у него тренировочных, промежуточных работ – каждое творение, за которое брался, было доведено до логического завершения.

По окончании восьмилетки в своем городке Андрей поехал в Рязань – поступать в художественное училище. Увы, не повезло. Но Миронов решил не сдаваться. Работал дворником и готовился ко второй попытке. Это был единственный год, когда он по академическим понятиям учился живописи. На способности молодого человека обратили внимание, преподаватель на подготовительных курсах не сомневался, что Андрей станет студентом. Но, как говорится, не судьба...

«А я для себя другого пути не представлял, – вспоминает Андрей Миронов. – Запасных вариантов не предусмотрел. Пришлось поступить в СПТУ, где специальность хоть как-то была связана с «художественностью» – мы учились делать витражи, мозаики... Какое-никакое, а все-таки творчество. Потом пошел в армию. Конечно, там было не до живописи».

С этим не поспоришь. Особенно если учесть, что полгода армейской службы Андрей провел в Чечне... Сам признает, оставил там немало здоровья. Думается, Веласкес с Рембрандтом таких натур не видели.

После армии Андрей долго искал себя. Писал портреты на заказ, подрабатывал на стройке... Подвернулась служба в органах. Подумал тогда: «Пересижу какое-то время, а потом определюсь». Но служит вот уже 12 лет. Сначала трудился в патрульно-постовой службе, потом окончил университет МВД, стал инспектором штаба УВД. Как говорится, втянулся. И научился совмещать основную работу с увлечением живописью. «Честно признаюсь, на какое-то время я почти оставил «художества». Конечно, писал – без этого своей жизни просто не представляю, – но очень мало. Ну, одну картину за год... Все раздаридал. А потом вдруг подумал: что же я за художник – картин-то нет, все раздал. И тогда стал усердно работать. После службы небольшой перерыв на ужин – и за кисть. А в выходные творчество с 9 утра до 11 вечера. Вообще, живопись никогда не была для меня хобби, – рассказывает Андрей. – Это что-то другое. Это – дело. Сейчас, если не пишу, день считаю потерянным».

И сотрудники штаба, и руководство УВД относятся к своему коллеге-Рембрандту уважительно. Когда надо было сделать для митрополита подарок от УВД, Андрею даже отгулы давали, чтобы тот в срочном порядке написал Рязанский кремль. Первый рисунок, который сохранился у художника-милиционера, он создал года в четыре. Называется сие творение «Дождик». С тех пор прошло более четверти века, и живописные пристрастия Андрея Миронова заметно изменились. Пейзажи оперативника не вдохновляют. Ему гораздо интереснее работать с образом человека: «Я всегда тяготел к живописи, наполненной глубоким идейным содержанием. Всегда любовался картинами старой школы, мастерами эпохи Ренессанса».

Ко всем составляющим своего творчества – и к технической, и к идеологической стороне дела – Андрей подходит очень основательно.

«Наша эпоха – это эпоха пустоты. Во всем – поверхностность, – рассуждает старший лейтенант Миронов. – Картина должна быть одухотворенной. Искусство должно не только вызывать

эстетические чувства, но и трогать душу. В этом его назначение».

Своим творчеством сотрудник Рязанского УВД старается реализовывать это назначение искусства. Его работы более чем серьезны. Достаточно сказать, что основная линия творчества – библейские сюжеты. Как говорит сам Андрей, такой выбор не случаен – эта тема наиболее глубокая. При этом Миронов не ограничивается простым воспроизведением сюжета. Взять, к примеру, картину «Неверие святого Фомы». На ней и Фомы-то нет. Есть только Иисус Христос, предъявляющий зрителю свои раны. И когда человек всматривается в картину, ищет Фому, то понимает, что он, зритель, и есть тот самый неверующий Фома... По крайней мере, таков замысел автора.

Так получилось, что с недавних пор Андрей начал писать иконы. В Казанском женском монастыре Рязани уже есть несколько образов, написанных иконописцем в погонах. Говорят, владыка Рязанский и Касимовский Павел, когда увидел икону Спаса Нерукотворного, созданную Андреем Мироновым, был просто поражен.

Андрей рассказывает, что образы на иконах, как правило, смириительные. Так, Богородицу для плащаницы Успения Божией Матери он

{ Я еще маленьким ходил в музей, смотрел на картины, точно знал: вырасту, буду писать так же. }

писал с одной из сотрудниц родного ведомства. На иконе Пантелеимона глаза у целителя родной сестры, а руки – мамины...

Кстати, «в благословение за усердные труды во славу Русской православной церкви и Рязанской епархии» инспектору оперативного отдела штаба УВД Андрею Миронову дана архиерейская грамота.

По словам милиционера, реализованные замыслы далеко не все, что он может. В его мечтах – создать монументальное, многофигурное произведение. Но для этого нужны студия, деньги, натурщики, костюмы... Кто знает, быть может, когда-нибудь эти мечты сбудутся.

«Помню, когда я еще маленьким ходил в музей, смотрел на картины, точно знал: вырасту, буду писать так же. Насколько я этого добился, судить, конечно, не мне... Но я всегда чувствовал потенциал. Впопыхах поверить в перерождение душ. Может, в прошлой жизни я был художником?»

Как бы там ни было, но в жизни нынешней он стал милиционером, который и дня не может прожить без живописи...

«ЧТОБЫ КАТАРСИС БЫЛ У ЧИТАТЕЛЯ, ОН ПРЕЖДЕ ДОЛЖЕН СЛУЧИТЬСЯ С САМЫМ ПИСАТЕЛЕМ»

ВЕРА МЕДВЕДЕВА, ПАРИЖ

В 1995 году жюри самой престижной литературной премии во Франции – Гонкуровской – нарушило негласную традицию и впервые присудило награду иностранцу, пишущему по-французски.

Премию получил россиянин Андрей Макин за роман «Французское завещание». За сто с лишним лет существования этой премии ее получили только двое писателей русского происхождения – Анри Труайя (Лев Тарасов) и Ромен Гари (Роман Кацев). Теперь Андрей Макин, лауреат всевозможных европейских литературных премий, получил французское гражданство по ходатайству самого Жака Ширака. Андрей не любит рассказывать о своей жизни, повторяя, что про него все можно понять из его книг. А их уже тринадцать. От философского «Реквиема по Востоку» до пронзительной «Жизнь и преступление Ольги Арбениной»; от печальной «Женщины, которая ждала» до экзистенциальной «Музыки жизни».

– От существующих литераторов иногда можно услышать такое выражение: «мы живем не в стране, а в языке». Вы согласны с этим утверждением? Или считаете его лишь интеллектуальной игрой слов?

– Это довольно известный афоризм. Кстати, французы очень любят афоризмы. Когда читаешь, например, Ларошфуко или Лабрюйера, то видно, как они всегда пытаются свести мысль к очень точной формуле. Сначала кажется – как здорово! Однако все, даже самые лучшие, афоризмы хромают. Я считаю, что мы живем не

только «в языке», но и в стране. Никто не может запереться в башне из слоновой кости и не быть частью той страны, в которой находится. Конечно, литераторы существуют немного иначе, они формируют свой собственный «материк», свою собственную реальность, в которой уединяются. Но и они

всегда часть окружающей их действительности. Я могу любить или ненавидеть эту действительность, но живу именно в ней.

– А что для вас означает французская действительность? Вы ее любите?

– Безусловно, есть какие-то константы национального духа, которые не могут не ощущаться. Вот вы сами сколько лет уже живете во Франции?

– Десять.

– За это время вы, может быть, даже не отдавая себе в этом отчета, «оффранцузились», поскольку начали наш разговор с афоризма. Это чисто французский подход. В России, наоборот, любят начинать с какой-то запутанной глубокомысленной идеи. Француженка сделала бы так же, как и вы, то есть попытала бы длинные рассуждения свести к короткой формуле.

– Раз уж я, по вашему мнению, начала превращаться во француженку, то сразу хочется спросить: а кто такие французы? Разумеется, не для туриста, который приехал сюда на неделю, а для вас – человека, живущего в этой стране более двадцати лет.

– Говоря о национальных особенностях, зачастую имеют в виду какие-то моменты, лежащие на поверхности. Самы французы называют их «пена дней». Эта «пена дней» постоянно трансформируется, и Франция начала третьего тысячелетия вовсе не похожа на ту страну, какой мы ее

представляли из французских фильмов нашего детства. Все изменилось: и в национальном плане, и в этническом. Люди живут по-другому, у них появились иные привычки. Но базовые понятия, на которых основывается та или иная цивилизация, остались. Если эти понятия будут затронуты, то константа национального духа исчезнет. В таком случае появится какая-нибудь арабо-французская цивилизация. Почему бы и нет? Была же уже в истории испано-арабская цивилизация. Пока же этого не произошло, скажу, что Францию помимо прочих особенностей всегда отличала и отличает определенная интеллектуальная дисциплина. Когда пишешь по-французски, нужно быть очень «дисциплинированным». В России можно поставить в начале предложения дополнение и закончить глаголом – или наоборот. Русская грамматика и морфология предполагают небольшую анархию. Или, лучше сказать, волю, вольное отношение к языку. Посмотрите, как писал, например, Достоевский. Он мог нанизывать четыре-пять прилагательных, одно за другим, причем все эти прилагательные несли в себе похожий смысл. Французы этого совершенно не терпят. Любой редактор сразу же скажет своему автору: «Извините, но вы уже выразили эту мысль». Англичане гораздо более терпимы к повторениям.

– **Надо же, а я всегда думала, что именно англичане не любят лишних «красивостей» в отличие от русских или французов. Писать на английском это как тонко нарезать сыр; на русском – как смешивать коктейль. А что такое писать по-французски?**

– Грамматически англичане просто вынуждены часто повторять одни и те же слова, особенно глаголы. Именно поэтому они вполне нормально относятся к повторениям. Французы же к этому совершенно нетерпимы. Конечно, те, кто плохо пишет по-французски, повторяются, но для писателей это абсолютно неприемлемо. Например,

что думаем, а сейчас? Рамки свободы слова во Франции очень сузились. Она стала просто пустым звуком.

Здесь существуют свои клише, которые навязываются при каждом удобном случае. Постоянно в различных интервью меня пытаются подтолкнуть к тому, чтобы критиковать Путина. Получается такое «медийное рабство». Я просто ненавижу, когда изначально предполагается, что мое отношение

к тем или иным вопросам должно быть совершенно определенным. Например, в последней беседе на французском радио журналист почувствовал, насколько мне были неприятны его попытки навязать свое мнение. Получилась несколько грозная беседа, и в конце журналист пошутил: интервью – это когда беседуют два человека, один из которых говорит, что думает, а другой старается подтолкнуть к тому, что ему самому кажется более верным. Мы рассмеялись и после этого мило расстались.

– **А к чему он вас старался подтолкнуть? К тому, что вы в свободном мире пишете свободно, а в России были бы этого лишены?**

– Примерно так. Французский журналист, в частности, говорил, что российские выборы ничего не стоят. На это я ему ответил, что в России демократия в ее нынешнем виде установилась только двадцать лет назад, а у вас – два века назад, и то постоянно говорят о ее несовершенстве. И войну в Ираке затеяла не Россия, а демократическая Америка. О подобных примерах можно говорить часами, только им неинтересно это делать. Когда они чувствуют, что разговор идет не так, как запланирован, значит, нужно этого человека возвращать в лоно принятых догм.

– **Раньше мы говорили, что существует великая русская литература, великая французская литература и великая английская литература. Возможно, последняя и осталась, а что произошло с русской и французской литературой? Вряд ли их сейчас можно назвать великими.**

{ **Литераторы существуют немного иначе, они формируют свой собственный «материк», свою собственную реальность, в которой уединяются. Но и они всегда часть окружающей их действительности. Я могу любить или ненавидеть эту действительность, но живу именно в ней.** }

{ **Мы вечно, во всех нас есть частица вечности. Все языки на земле очень примитивны по сравнению с теми понятиями, которые они выражают. «Мужчина», «женщина», «инженер», «писатель» – все многообразие, всю сложность жизни мы сводим к неким общим понятиям, будто рубим человека на части.** }

– А сейчас делать какие-либо выводы вообще нельзя. Вспомните, что при жизни говорили о Бальзаке. Я вас уверяю, это были просто страшные вещи. Однажды мы обедали с одним из членов жюри Гонкуровских премий, который профессионально изучал Бальзака. Так вот, он сказал следующее: «Если бы обо мне написали хотя бы тысячную долю тех гадостей, которые достались Бальзаку, я бы просто сразу повесился». Приведу такой пример: Бальзак частями в газете публиковал один из своих романов. Через некоторое время ему приходит письмо, в котором сообщается, что из-за его текстов газета перестала продаваться, и теперь решено начать печатать роман Александра Дюма. А ведь это было всего за три года до смерти Бальзака, то есть он уже был «монументом» и живым классиком.

А сколько всего говорили о Толстом! Когда вышла «Война и мир», один из критиков написал: «Мы бы его прокляли, если бы у него была хоть капля таланта». Но все это забывается. У Толстого только в этом романе нашли более тысячи ошибок. Хотя некоторые «ошибки» потом оказались гениальными психологическими прозрениями. Например, в знаменитой сцене на кануне Бородинского сражения князь Андрей приходит к Кутузову, который сидит и читает французский роман некой мадам де Жанлис. Критиков Толстого это чрезвычайно возмутило. Как же так, перед судьбоносным сражением читать такую дешевую литературу? И только гораздо позже нашли архивы, в которых находилась книга этой самой мадам де Жанлис, подписанная рукой Кутузова. И там он сам написал, что часто читал романы этой писательницы. Просто чтобы развеяться. Правда, не до, а после Бородинского сражения. И Толстой своей удивительной интуицией понял, что в самые сложные моменты как раз и можно читать легкие по восприятию книги. Или вспомним Чехова. Читали ли его в России? Читали, но гораздо меньше, чем госпожу Чар-

скую. Практически все премьеры пьес Чехова закончились полным провалом. С «Вишневого сада» люди просто уходили, поскольку не понимали, почему все время произносят какие-то странные монологи и нет нормальных диалогов. А теперь пьесы Чехова – одни из самых играемых в мире. Так что судить о происходящем в данный момент просто невозможно.

– Тогда сразу напрашивается вопрос: а вас-то ругали или только всегда хвалили и награждали?

– Обо мне было сказано все: одни меня сравнивали с Толстым, Прустом и Чеховым, а другие говорили, что я абсолютно не умею писать. Поэтому сейчас критика меня не особо задевает, поскольку я про себя уже все слышал. Диапазон был весь. Ко всему этому нужно стараться относиться с иронией. Время все расставит на свои места.

– Вы научились не реагировать на критику болезненно, но, может быть, научились и не вкладывать всю душу в свои книги?

– Когда пишешь книгу, возникает много чисто технических моментов, к ним можно приоровиться. Что же касается самого процесса создания, то это – всегда мучение. Раз сто все переживаешь в себе, ведь чтобы катарсис был у читателя, он прежде должен случиться с самим писателем. И чест-

но говоря, это очень «патогенный» процесс, неслучайно среди писателей огромное количество самоубийц. Даже если внешне мы не рыдаем над рукописью, то внутренне все нужно «проплакать».

– По воспоминаниям современников, Достоевский тоже полностью погружался в мир своих книг, когда их писал, но потом быстро переключался на другое. Однажды, например, он с интересом перечитал «Униженные и оскорбленные», поскольку совершенно забыл сюжет. Вы можете настолько абстрагироваться от своих книг?

– Писатели – это и правда иные существа, а написание книги – это особый образ жизни. Но я своих книг все-таки не забываю. Достоевский просто очень быстро писал. Он любил играть в карты, нередко занимался всячими делами, а когда потом, в последний момент, нужно было сдавать текст, поскольку его романы часто публиковались частями, из номера в номер, ему приходилось сочинять быстро. Именно поэтому какой-нибудь Иван Иванович в одной части умирал, а потом вдруг опять появлялся. Что делать? Нужно было придумывать, что он переболел, но не умер. Такое бывало, и критики любят об этом писать. Достоевский сочинял, жена переписывала, и тотчас же разносчик бежал передавать все это в журнал.

– У вас такого прессинга нет?

– Нет и никогда не было. Я всегда считал написание книг настолько особым и редким в метафизическом плане действием, что для него нужно стараться выделять все возможное время. Иначе нужно заниматься тем, чем занимаются авторы бульварных романов, которые живут гораздо лучше так называемых серьезных литераторов.

– Зато им не дают Гонкуровских премий и ими не так гордятся соотечественники.

– Не уверен, гордятся ли... Все, что обо мне говорили в России, было достаточно негативно. Я лично не получил

ни одной приятной реакции. Мне это, в принципе, понятно. Именно таково наше отношение к ближнему. Россияне прошли столько веков вражды – и классовой, и этнической, – что у нас выработалась привычка говорить про другого плохо. Может быть, я говорю предвзято, поскольку ни один из моих романов до сих пор не переведен на русский язык, но, к сожалению, никакой особой гордости ни за получение Гонкуровской премии, ни за то, что мои романы изданы на сорока других языках, я не испытал.

– А как вообще происходит выдвижение на Гонкуровскую премию?

– В определенной степени эту премию можно просчитать. Обычно роман должен выйти месяцев за шесть до ее присуждения, чтобы о нем успели «поговорить». В моем случае этого не случилось, поскольку книга появилась всего за четыре дня до закрытия списков соискателей. В мае 1995 года я принес текст в издательство. Он, кстати, был принят с трудом. Текст сам по себе понравился, но настораживало, как это русский и вдруг пишет по-французски. То есть моя «русскость» всем мешала. Потом издатель сказал, что нужно подумать, когда публиковать роман: в сентябре или декабре. Я ответил, что мне совершенно безразлично, можно в сентябре. Если бы они издали в декабре, то у меня просто не было бы возможности попасть в списки претендентов на Гонкуровскую премию, хотя, конечно, я об этом тогда совершенно не думал. Успех у романа был сразу, и, как правило, комитет по присуждению премий обращает на это внимание. Они не будут премировать книгу, которая совсем не продается.

– За «Французское завещание» вы получили премию Медичи, Гонкуровскую премию, многие международные награды, включая и финскую...

– Да, книга была переведена и на финский. Потом мне вручили премию Эвы Йоэнпелто, классика финской литературы. Ей девяносто лет, тем не менее она сама, лично, пришла на церемонию награждения. Но я в то время уже писал другой роман, поэтому «Французское завещание» было пройденным этапом.

– Многие писатели мечтают, чтобы их книги экранизировали или поставили по ним пьесы в театре. Последнее, что вы издали, – это пьеса «Мир согласно Габриэлю». Почему все-таки вы решили заняться пьесой?

боятся ставить, поскольку она – неполиткорректная. Я сейчас пишу политически некорректные вещи, и мне это очень нравится. В частности, недавно написал книгу «Франция, которую разучились любить». О ней в прессе не говорил никто, а читают ее все. Когда я был в Пуатье на встрече с читателями, то первый раз увидел, что такое самиздат по-французски. В зале было человек двести, многие не смогли приобрести эту книгу, хотя она была издана вполне большим тиражом, и люди делали для себя ксероксы. Так и про пьесу «Мир согласно Габриэлю» много говорят, хотя она нигде не поставлена. Поразительный момент: в Испании про нее появилась статья, хотя она пока не переведена на испанский язык. Это редчайший случай.

– А может быть, не стоит ждать милости от политкорректной Европы и попытаться поставить ее в России?

– Почему бы и нет? Причем совершенно не обязательно, чтобы это был какой-нибудь известный театр. Я был бы счастлив, если бы ее сыграли в каком-то сибирском театре, просто для того, чтобы посмотреть, воздействует ли она на зрителя. Мне кажется, она должна быть актуальна для всех своим метафизическим смыслом. Пьеса начинается с напоминания о том, что человек в среднем живет двадцать тысяч дней. Когда я спрашиваю у окружающих, сколько, по их мнению, проживает тот, кто достиг шестидесяти лет, то слышу: «Миллион. Пять миллионов дней». Нет, всего двадцать тысяч! И смысл этой пьесы как раз и заключается в этом – на что человек расходует отпущенные ему Богом дни. И как жить дальше, когда уже прожит огромный кусок жизни и ты осознаешь, что остается всего несколько тысяч дней.

– А на что вы хотите потратить ваши оставшиеся тысячи дней?

– Во всех своих книгах я пытаюсь доказать, что мы вечны, что во всех нас частица вечности. Все языки на земле очень примитивны по сравнению с теми понятиями, которые они выражают. «Мужчина», «женщина», «инженер», «писатель» – все многообразие, всю сложность жизни мы сводим к неким общим понятиям, будто рубим человека на части. Как при таком функционализме, на несовершенном человеческом языке выразить глубочайшую мысль о том, что в нас присутствует частица вечности и она бессмертна? Вот моя задача, вернее, сверхзадача.

ТРУБАДУРЫ ИЗ КУТУЗКИ

ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО, КЫЗЫЛ-МОСКВА

Судьба самой известной российской этногруппы, в 1997 и 2003 годах номинированной на наиболее престижную в мире награду в сфере этнической музыки – BBC World Music Award, чем-то похожа на родину музыкантов – Туву.

Э

та небольшая республика отгорожена от мира горами и бездорожьем, а потому почти безвестна. Известная в мире тувинская группа, чтобы пробиться на родине, вынуждена подрабатывать вочных клубах и мириться с растущими как грибы после дождя двойниками. Еще, вкалывая до седьмого пота, ждать, когда ее наконец признают в России. Впервые о них я услышал случайно. Когда они, уже известные в Европе и США подвижники тувинского горлового пения, записали саундтрек к голливудской саге Уолтера Хилла «Джеронимо – американская легенда». Тогда из Америки позвонили друзья и попросили купить для них «русский» диск тувинцев, потому что в США «есть только отлакированный для Голливуда поп-гамбургер по-тувински». «Чей диск?» – переспросил я в надежде понять, о ком идет речь, и впервые услышал нечто странное: «Хуун-Хуур-Ту».

ПРОСТОТА ДЕТЕЙ ПРИРОДЫ

Это потом были душный подвал ночного клуба «ПирОГИ» и шоу японских барабанщиков «Кодо» в Московском театре оперетты, где тувинская группа горлового пения «Хуун-Хуур-Ту» выступала как званный гость. На обеих площадках четыре мужика, затянутых в парадный «прикид» чабана, смотрелись, будто слоны в посудной лавке. Но лишь до тех пор, пока не извлекли первые аккорды музыки из своих похожих на сельхозинвентарь инструментов.

Понять, как из хомуса, этой лопаты с тремя струнами, исходит звук, похожий на прохладный свежий воздух, и перетекает в шуршание ветра в степи, еще можно. Даже дошпуулур – этакое корыто без воды – при умелом обращении убедительно передает волнующий цокот копыт и позвякивание уздечки. Но понять, как игил – нутопор топором – бурлит, словно горная речка, и вскрикивает встревоженной птицей, до сих пор не могу. И никакой электроники, никаких ударных. Все просто – до первобытности.

Помню, как японский барабанщик, уходя со сцены Театра оперетты, застыл на полпути, когда мощный и магический клич барабана пошел не из его инструментов, самый маленький из которых весит около 200 килограммов, а из тувинского крохи-барабана, прикрепленного на скорую руку к обычному пню. Его недоумение, а еще больше – живая музыка, будто извлекаемая откуда-то из-под земли, многое объяснили.

Вот почему они так называются: «Хуун-Хуур-Ту» в переводе с тувинского означает «расщепление солнечного света в облаках на множество расходящихся лучей». Даже в названии музыканты постарались передать смысл горлового пения: голосом ловить и выражать тончайшие детали состояния природы и человека. Такое дано единицам, и, пожалуй, еще детям природы. Вот почему «Кронос квартет», элита современного камерного авангарда, а также обладатель «Грэмми» Болгарский женский хор записали несколько композиций с «Хуун-Хуур-Ту» и выступают с ними на мировых площадках. А Стиви Уандер предоставил тувинским музыкантам свою звукозаписывающую студию в США, где они часто работают. Теперь их диски, как и гастрольные афиши,

можно увидеть по всему миру – в Австралии, Японии, Европе и даже в России. Правда, дома, за исключением узкого круга любителей горлового пения и завсегдатаев московской «Дохи» (Дома художника), группа почти неизвестна. Причем настолько неизвестна, что казусы случаются даже с поклонниками ее творчества.

Год назад у Карлова моста в Праге я увидел уличных музыкантов, подозрительно похожих на участников группы «Хуун-Хуур-Ту». Они развлекали туристов все теми же игилами, хомусами и надсадным, скрипучим басом одного из солистов. Казалось, схожего с тем, кого я видел в московском клубе. «Что за чепуха? – думаю. – Зачем признанным, пусть и не в России, музыкантам бродяжничать и перебиваться милостыней?» Каюсь, смелости подойти к ним не хватило, хотя русскую речь слышал отчетливо. Потом, в Москве, знакомый говорил: «А я их в Париже видел». «У нас они прописались у Бранденбургских ворот», – рассказывала немецкая журналистка. Двойники, однако.

ЧТО ТАКОЕ ГОРЛОВОЕ ПЕНИЕ

Горловое пение – уникальный вид вокала, присущий лишь народам Саяно-Алтайского региона Сибири – тувинцам, алтайцам, бурятам, монголам и частично живущим в европейской части России башкирам. Уникальность этого искусства заключается в том, что исполнитель извлекает две-три ноты одновременно, образуя своеобразное двух-трехголосое соло.

Еще горловое пение называют пением без слов. Самое древнее тувинское горловое пение – хоомей (подражание звукам природы) – заметно отличается от всех других многоголосием и разнообразием стилей. Основных стилей пять – каргыраа (подражание верблюжьему голосу), хоомей (звукоподражание природе), сыгыт (свист), эзенгилээр (воспроизведение голоса коня, ритма его хода, звука стремени, уздечки и т.д.) и борбаннадыр (вздохи, шепот – передача голосом тяжелого крестьянского труда).

Есть также несколько разновидностей этих стилей – думчуктар (новеллы или соединение элементов всех пяти стилей с поп-музыкой), хоректээр (пение грудью), хову каргыраазы (степное каргыраа).

Источник: книга «Алгыши тувинских шаманов», автор – Верховный шаман Тувы Монгуш Кенин-Лопсан.

ПЕСНЯ ДЛЯ БРАТА

И вот мы на родине тувинских «горловиков», в музыкальной студии «Хуун-Хуур-Ту». Она присоединилась к барачной окраине Кызыла, в красном уголке местного завода железобетонных изделий. «Знал товарищ, где места выбирать, – кивает на отполированный до блеска серебряный бюст Ленина руководитель группы, Саян Бапа. – Акустика здесь, как в Лос-Анджелесе у Уандера». Вопрос, правда ли, что они бродяжничают по Европе, словно трубадуры, вызвал у музыкантов неподдельный и какой-то нездоровий интерес. «А как выглядели те, кого вы видели в Праге?» «Ударник у них был?» «Дунгур они используют?» Вопросы сыпались без остановки. После объяснений пришлось на-

помнить: вообще-то задавать вопросы это моя профессия. «Понятно, – сделал заключение солист группы Кайга-Оол Ховалыг. Это о нем слагают легенды. До 21 года был пастухом в горах. Его пение случайно услышали братья Бапа и зазвали в группу. Он почти двадцать лет на сцене и все равно стесняется, как ребенок. И такой же прямой, как дети. – Это или буряты, или алтайцы. Наши конкуренты и двойники. Просто прикрываются нашим именем. Мы бубен не используем. Это атрибут шамана. Это все равно что с церковной утварью расхаживать по сцене».

Он так скоропалительно и искренне все выложил, что повисла пауза.

«Да нет, поймите, мы ничего против уличных музыкантов не имеем, – объясняет Саян Бапа, – каждый зарабатывает, как может. Сами много выступаем на улицах и площадях, просто бесплатно. Можем себе это позволить, по-другому зарабатываем. Нам тоже постоянно передают, что в Лондоне или в Кракове нас видели, а мы об этом ни сном, ни духом. Не было нас там».

При этом музыканты смотрят на ситуацию философски и судиться ни с кем не собираются: не конкурент им улица. ««Рубин», как и Sony, тоже телевизор, – хитро улыбается Бапа. – Понимаете, о чём я?»

Однажды в Нью-Йорке тувинцы сами напоролись на «самопальную» «Хуун-Хуур-Ту». Группой оказались монгольские нелегальные гастарбайтеры. У них закончилась грин-карта, а домой возвращаться было особо не с чем. Вот и решили напоследок подзаработать. «Посидели мы с ними, – вспоминает Бапа, – русской водочки откушали. Говорим им: «Мы и есть «Хуун-Хуур-Ту». «Брат! – с обескураживающей простотой оживился один из пяти

новых знакомых. – Подари мне свою песню. Обещаю: буду петь ее так, что тебе не будет за меня стыдно». Я и подарил, – признается Бапа. – Пусть поет. Может, другим ее передаст. Наши же народы как дети. Потеряли свою культуру, а теперь ее по американкам ищут».

А Кайга-Оол в тот день вообще устроил шоу, на которое американцы ломились, как на бейсбол. Прямо в ресторанчике начал учить монголов их родному горловому пению. Пока певец и музыканты с усталостью на лицах и некоторой иронией рассказывали об ускоренном курсе тувинского вокала на американской земле, я вспомнил свои первые ощущения от их пения.

500 РУБЛЕЙ ЗА СВОБОДУ

Вот только Москва для «Хуун-Хуур-Ту» никак не хочет становиться домом. Позапрошлой зимой Саяна Бапа и его американского продюсера Теда Левина вместе с нобелевским лауреатом Ричардом Фейнманом, открывшим миру «Хуун-Хуур-Ту», остановила на улице милиция. Американец был потрясен: «Как, вас не знают в вашей стране?» Бапа не захотел ему объяснять про строгости и тонкости «обязательной регистрации» как формы теневого заработка столичной милиции. Он просто заплатил 100 долларов за иностранца, 500 рублей за себя. И спрятался в гостинице до вечернего концерта. Все прямо как в древнем тувинском предании. По нему, юноша-сирота в одиночестве жил у подножия скалы. И хотел к людям. Но все, что он слышал, – отзывающееся в долине

{ «Хуун-Хуур-Ту» в переводе означает «расщепление солнечного света в облаках на множество расходящихся лучей». }

«ПОПСОВИКИ» И «БОТАНИКИ»

Было это в московском кафе-клубе «ПирОГИ». Тувинцы играли на своем сельхозинвентаре, и я было уже поверили, что не зря в монографиях пишут: игил – тувинский «дедушка» виолончели, дошпуулур – родственник банджо, а хомус – «губная арфа». Как вдруг вместе с их музыкой загудело небо, забасил, не шевеля губами, кто-то из музыкантов, и будто флейта зашелестела, как ветерок на берегу реки летом. Эффект потрясающий: мураски по коже. В этом и есть секрет настоящего горлового пения. Это когда один вокалист способен выводить две или даже три мелодические линии, сильно (до четырех октав) различающиеся по высоте.

Второй эффект, когда приходишь в себя: «Не верю!» Даже не стыдно признаваться, я, как и многие мои знакомые, думал: что, если за кулисами «фанера» или заурядная магнитофонная запись? Но горловое пение не ловкий трюк или мистификация. Это – древнее искусство, чудом дожившее до XXI века и как андеграунд гуляющее по мировым улицам, подвалам и богемным музыкальным студиям, ищущее и не находящее массового зрителя.

«Что поделаешь, – разводит руками Саян Бапа, – не только Россия не готова к восприятию такой этники. Наверное, мы еще недостаточно отделились от древности. Но знаете, что обнадеживает? На гастрольных концертах у нас чаще всего автографы берут 14–17-летние. Такие юные мудрецы – «ботаники». Так что все – дело времени».

«Хуун-Хуур-Ту» как-то попытались ускорить его течение. Пару лет назад они попробовали объединить фольклорные интонации с эстрадными ритмами, чтобы быть понятными большей аудитории. Сразу же пошли разговоры – попсовики. А они стоят на своем: именно музыкальное смешение говорит о том, что «Хуун-Хуур-Ту» не вполне группа горлового пения и даже не совсем фольклорная. Их музыка за счет гармоничного сочетания народных, современных инструментов и того, что, грубо говоря, под руку попадет, – выдубленной кожи, перьев птиц, глиняных подков и еще невесть чего – отличается от того, что музыканты привыкли считать тувинской традицией. Они, может, потому так и популярны, что не то умно, не то хитро вплетают традиционный фольклор в современные временные стандарты. И без давления попсы и электронных имитаций. Может, потому на их концерты ходишь, в отличие от многих других мастеров тувинского горлового пения, не как в этнографический музей, а как в теплый и уютный дом, где тебе лично, как брату монголу, готовы подарить песню.

многоголосое эхо. Как-то раз парень начал повторять звуки, шедшие из скалы. Вмиг возник резонанс между скалами. Ветер его донес до людей. Они начали поклоняться «поющей горе» и нашли там юношу, чье пение и назвали «хоомей».

«Нас тоже раз «нашли». Милиционеры после концерта, – спокойно, без злости, рассказывает Саян Бапа. – Дело было летом, денег, как назло, с собой ни копейки. Они остались в гостинице. А регистрацию делать ради недели-другой гастролей – какой смысл? Ну, и они нас, ясное дело, в кутузку упекли. Пока мы созванивались с друзьями и знакомыми, чтобы они подтвердили, что мы не верблюды и не террористы, по отделению прошел слух, что мы «поем горлом». Через несколько минут сам начальник смеяны подъехал на «форде» с мигалками. И с порога с непередаваемым милиционерским юморком шумит: «Покажите мне этих... ну, которые горлом шаманят».

«Товарищ полковник» долго не хотел верить музыкантам, что они не шаманы. Все жаловался на боли в пояснице, когда подвозил их до гостиницы. На свою голову Бапа, чтобы доказать, что он не лекарь, включил кассету с записями «Хуун-Хуур-Ту». «Вы эти, местные Кобзоны, что ли? – Милиционер спал с лица, поняв, что опять не вылечит поясницу. – Я-то думал...»

ПОЛЯРНЫЙ ВИРУС

ЗОЯ МОЗАЛЕВА

Н

аверное, в том, что такое состязание стало первым в истории человечества, ничего удивительного нет: даже если и придет кому-то в голову подобная сумасшедшая идея, реализовать ее не так-то просто. А вот рязанской экспедиции это удалось.

Сам факт, что на полюсе побывала группа, сформированная из жителей одного города, оказался несколько неожиданным. Встречались делегации из Швеции, Бельгии, Канады... И наряду с ними – из Рязани.

Необычный поход в Арктику был посвящен сразу трем юбилеям. И это тоже оказалось неожиданностью. Никто ничего специально не придумывал и не подгадывал, чтобы сделать такое в честь знаменательных дат. Скорее, получилось наоборот.

Сначала появилась идея отправиться на Северный полюс. Сформировалась группа энтузиастов, которую возглавил опытный полярник, Герой России Михаил Малахов. В команду смелых вошли: Анатолий Шестаков, Олег Наумов, Александр Шлебаев, Лев Сафонов, Михаил Малахов-младший.

Говорят, сумасбродные идеи двигают миром. В таком случае можно считать, что мир сделал еще один шаг вперед. По крайней мере, теперь в истории есть такой факт, как теннисный матч на Северном полюсе. Шестеро рязанцев провели его впервые в мире.

Группа получилась разношерстная (и бизнесмены, и руководители предприятий, и депутаты), но, как показал поход, сильная и морально, и физически. Несмотря на разный уровень подготовки, разную мотивировку и, естественно, разные взгляды на жизнь, десятидневное покорение Арктики коллектив выдержал отлично. В группе не было никаких конфликтов, хотя Арктика – серьезное испытание не только выносливости, но и силы духа. Впрочем, обо всем по порядку...

Когда появилась задумка полярного похода и сформировалась группа, идеи, сопровождавшие этот замысел, стали рождаться сами. Сначала вспомнили об областном юбилее – в этом году празднуется 230-летие образования Рязанской губернии. Потом выяснилось, что подоспело еще и 200-летие со дня рождения исследователя-рязанца Лаврентия Загоскина (как говорит Михаил Малахов, Загоскин был «Миклухо-Маклаем Аляски»). А затем выяснилось, что пятеро из шести потенциальных полярников – любители мяча и ракетки, а у российского тенниса в 2008 году вековой юбилей. Так появилась совсем неординарная идея – устроить полярный теннисный матч. Словом, все сложилось как-то само собой. Но одно дело – задумать, и совсем другое – воплотить.

ИЛЛЮЗИИ СДУЛО ВЕТРОМ
До своего экстремального похода не все участники экспедиции были хорошо знакомы. Но объединяло их одно: желание отправиться в Арктику. После того как коллеги по походу определились, начались тренировки. В течение полугода шестеро достаточно успешно рязанцев, у которых, как говорится, в жизни все в порядке, свои выходные дни проводили в экспериментальных походах. Вышагивали серьезные дистанции с внушительным весом за плечами, ночевали в палатках в зимнем лесу.

Каждый из них не раз слышал недоуменный вопрос: «Зачем тебе это нужно?!» Действительно, экстрем можно найти проще, благо, сейчас вариантов много – и парашюты, и дайвинг, и кайтинг... Острые ощущения обеспечить себе не так уж сложно. Но иди туда, где реальная опасность на каждом шагу, где от холода просто некуда деться... Это по-нать сложно.

– Лет 100–150 назад люди шли в Арктику и гибли сотнями. Но все равно шли, – говорит участник экспедиции Лев Сафонов. – Корабль уходил, и никто не знал: может быть, он вернется лет через пять, а может быть, не вернется никогда. Но Арктика все равно всегда притягивала.

Владельца сети спортивных магазинов Льва Сафонова можно считать «полярным теоретиком» – он прочитал массу книг об исследованиях Арктики. На вопрос, откуда такое увлечение этой темой, он отвечает, что ему непонятно, почему у других она не вызывает такого интереса...

– Конечно, я не исследователь, как люди, которые отправлялись туда, бросив все. Но я очень счастлив, что мне удалось хотя бы приблизительно испытать их ощущения, – рассказывает Лев. – В нашем существовании многое поменялось. Машины, техника, качество самой жизни... А в Арктике ни-

{ В Арктике дело даже не во внешней среде, а в твоих собственных ощущениях. Не ты увидишь Арктику, а Арктика тебе покажет самого себя. }

чего не изменилось.

Несмотря на отличное знакомство с арктической литературой и хорошую моральную подготовку, реальность все равно превзошла ожидания. Как признаются участники экспедиции, уже на Шпицбергене, откуда стартовал полярный поход, штормовой ветер выдул все иллюзии.

УВИДЕТЬ САМОГО СЕБЯ

– Один мой знакомый спрашивал: мол, что может быть интересного в Арктике – сплошная ледяная плоскость! Когда мы высадились с вертолета, погода была ветреная, но солнечная, и перед нами открылась ровная, как стол, поверхность. И так на 360 градусов. Мелькнула мысль, что мой знакомый был прав, – вспоминает Александр Шлебаев. – Потом я понял, в Арктике дело даже не во внешней среде, а в твоих собственных внутренних ощущениях и переживаниях. Как ты себя будешь чувствовать, такой ты и увидишь Арктику.

Можно, наверное, даже добавить, что не ты увидишь Арктику, а Арктика тебе покажет самого себя. По крайней мере, рассказы полярников наталкивают на такие выводы.

– Никак не ожидал, что в психологическом плане это будет настолько тяжело, – продолжает Александр. – В первый день у меня возникла мысль: зачем я сюда приехал? Был момент слабости, причем обрушился он на меня совершенно неожиданно. Вроде бы все хорошо – погода прекрасная, солнце светит, снега нет, наст твердый, сани идут по нему легко... Может быть, подавило осознание того, что холод будет непрерывным, что от него никуда не денешься, что десять дней предстоит не мыться... Даже трудно сказать, что именно навалилось. Вроде бы был отлично готов морально, физическая подготовка тоже серьезная...

Кто знает, может быть, так проявилось воздействие Арктики? Ведь не зря говорят, что она имеет свое, особое влияние на человека.

– Пожалуй, с этого испытания началось самое интересное. – Александр Шлебаев – юрист и ко всему привык подходить взвешенно и рационально. – Я понял, что от такого моего состояния будет хуже и мне самому, и группе. И начал приказывать своему организму. Конечно, одно дело владеть эмоциями в «мирной» жизни и совсем другое – там, где от этого никуда не денешься, ни на что не переключишься. К счастью, мне удалось, и мой настрой сменился на противоположный. Из состояния подавленности я перешел в состояние некой эйфории. Больше никаких упаднических настроений не испытывал, были только положительные эмоции.

«ПРОСТО ДВИГАЙ НОГАМИ...»

В первые дни Арктика не преподнесла экспедиции никаких климатических сюрпризов, зато потом погода испортилась. Сильный ветер, снег, пурга...

А задачи перед рязанцами стояли более чем серьезные – ежедневный отрезок пути составлял 20–30 км. Такую дистанцию непросто преодолеть и по равнинной местности, без каких-либо препятствий. В арктических же условиях они – тяжелейшее испытание. Участники признаются: иногда казалось, что идти дальше просто невозможно. Сил не осталось. Совсем.

– Был такой полярный герой – штурман Альбанов. Примерно в 1912–1913 годах их корабль затерло во льдах, и часть экспедиции пошла к Земле Франца-Иосифа пешком. Из 13 человек в живых осталось двое. В воспоминаниях Альбанов писал, что, когда он шел и никаких сил уже не оставалось, у него был выбор – или остаться там, или идти дальше, – рассказывает Лев Сафонов. – И он говорил себе: «Я не могу идти, но я встану и буду идти. Мне нужно встать и просто двигать ногами». Эта фраза там вспомнилась. Когда казалось, что дальше идти невозможно, я повторял себе: «Просто двигай ногами...»

Все участники похода говорят, что организм в тех условиях перестраивается полностью. В какой-то момент ловишь себя на мысли, что начинаешь просчитывать каждое дви-

Мы сможем покорить Арктику, только если она нам это позволит. Арктика суровый учитель, который действует весьма жестоко.

жение. В обычной жизни даже не задумываешься, когда опускаешь руку в карман. А там даже это делаешь рационально. Никаких лишних движений. Максимальная экономия энергии.

Вообще, организм может повести себя совершенно не предсказуемо. У кого-то непредвиденно начали болеть колени, которые никогда не беспокоили раньше. Человек, ни разу в жизни (!) не испытывавший зубной боли, вдруг узнал, что это такое. У кого-то шея начала ныть так, что стало почти невозможно двигаться... Но выход все равно один – просто преодолевать боль. Примириться с ней и идти дальше.

ВАЖНЫЕ МЕЛОЧИ

Успех экспедиции во многом складывается из мелочей. Но от этих мелочей зависит не только здоровье, но порой и жизнь.

– Первое впечатление об Арктике я получил еще на ледовом аэродроме, где мы встретили возвращающуюся экспедицию. Поразил вид одного из участников – негр с огромной распухшей обмороженной рукой, – рассказывает Лев. – На вопрос, как так получилось, он ответил, что невозможно же все делать в варежках. Я понял, варежки там снимать не буду...

Таких «мелочей» рязанской экспедиции удалось избежать. Все участники в один голос вторят, что, если бы не их «командор», как они называли руководителя экспедиции, ошибок было бы несизмеримо больше. «Вождь» рязанских полярников Михаил Малахов хорошо известен не только в родном городе. Кстати, доказательством его популярности стал и этот поход.

сыновьям в надежде, что те когда-нибудь поймут сумасшествие отцов... С тех пор прошло 13 лет, и уже в этой, недавно закончившейся экспедиции сын Малахова был вместе с отцом.

– Находиться в той среде это уже счастье, – убежденно говорит Михаил Георгиевич. – А когда ты можешь поделиться

– Двигаемся по Арктике, и вдруг видим маленькую точку – идет человек, – вспоминает Лев Сафонов. – Оказалось, швейцарец, покоряющий Арктику в одиночку. Когда мы встретились с ним, познакомились и он узнал, что руководит нашей экспедицией Михаил Малахов, то даже поверить не мог. Сфотографировался с ним на память. Так что слава о нашем полярнике разошлась далеко.

Когда-то Михаил Малахов вместе с канадцем Ричардом Вебером совершили то, что до этого казалось нереальным. Они дошли от Канады до Северного полюса и вернулись обратно без чьей-либо помощи. Их поход длился четыре месяца.

Малахов и Вебер написали книгу об этой экспедиции и посвятили ее своим

этим счастьем с другими, да еще когда сбылась давняя мечта – со мной отправился сын, – это двойное счастье.

Признаться, понять радость от нахождения в той среде довольно тяжело... Путешественники давно дали Арктике определение: «это враждебная агрессивная среда». Это враг, причем враг активный. И главное оружие Арктики – холод, который пронизывает все. Есть и другое расхожее среди полярников выражение: «Арктика хочет тебя убить». Какое-то сомнительное счастье получается. Наверное, понять его, не побывав там, просто невозможно. То, с какими горящими глазами участники экспедиции рассказывают о своих приключениях, подтверждает: счастье в этом все-таки есть...

ЧУВСТВО ЮМОРА НЕ ЗАМЕРЗАЕТ

Даже о неприятностях – а они в Арктике могут в любой момент обернуться более чем серьезными последствиями – вспоминают со смехом.

– Мы остановились на стоянку в очень красивом месте – таких торосов я потом больше нигде не видел. Погода располагала, и я решил фотографировать эту красоту, – увлеченно рассказывает Александр Шлебаев. – Не заметил край твердого льда и провалился в воду. К счастью,

выбраться удалось быстро, а уж стометровку до палатки пробежал с такой скоростью, какой сам от себя не ожидал. Жалко, никто не замерял – наверняка поставил ре-корд, ведь вода там замерзает моментально. Больше всего боялся, что мне скажет командор. А он так спокойно: «Ну, заходи».

Глазами «командора» та же ситуация выглядит несколько иначе.

– Александр опытный, подготовленный человек, и вдруг такое нарушение дисциплины. Тем и коварна Арктика – не-предвиденная ситуация может возникнуть абсолютно из ничего. – Михаил Георгиевич знает все арктические особенности не понаслышке – первый раз он оказался в Арктике ровно 20 лет назад (еще один юбилей!), после этого водил на полюс десятки экспедиций.

К счастью, на этот раз все обошлось, и иначе как со смехом об этой ситуации не вспоминают. Правда, Александр сокрушается:

– Я фотоаппарат специально для этой экспедиции купил, чтобы в условиях полярного холода был способен фотографировать. Конечно, аппарат утонул, но его не жалко – жалко фотографии. Таких красивых торосов мы больше не встречали...

Большой отрезок пути путешественникам пришлось проделывать по дрейфующим льдам, практически перепрыгивая с льдины на льдину. На одной из таких переправ депутат областной Думы, руководитель крупного предприятия Анатолий Шестаков упал в трещину. Малахов быстро сориентировался, помог Анатолию выбраться. Тут же на место падения нашла льдина...

«Вы чуть не лишились депутата областной Думы», – пошутил Шестаков. А товарищи ему в ответ: «Другого изберем».

– Чувство юмора не замерзает, – смеется Михаил Малахов. – Без шуток идти было бы сложнее.

Из-за сильного дрейфа продвижение вперед было очень трудным. Многие экспедиции так и не добрались до звездного полюса. К примеру, группа индийских спецназовцев, которая была высажена примерно в четырех милях от полюса, шла долго и упорно. А через неделю ее забрали почти в той же точке...

Рязанцам удалось достичь цели. Какими усилиями – это знают только сами полярники. Как они вспоминают, сил на радость от достижения полюса не осталось совсем. Дойдя, просто упали. Про шампанское, приготовленное

для торжественного случая, забыли напрочь. Только утром вспомнили и стали размораживать – все в лучших традициях: шампанское со льдом. Вернее, лед из шампанского. Ведь в Арктике, как справедливо заметили участники экспедиции, с холодильниками проблем нет...

СТРОГИЙ И СУРОВЫЙ УЧИТЕЛЬ

На полюсе природа сделала рязанцам настоящий подарок. Погода была просто замечательная, и теннисный матч удался на славу. Площадка была размечена по всем канонам. Правда, корт был ледяной. Да и играли теннисисты не в шортиках и мачках. Победителями первого арктического теннисного состязания стали Олег Наумов и Лев Сафонов. На полюсе был водружен флаг Рязанской области, Федерации тенниса России, там же прошла фотосес-

**{ Путешественники давно
дали Арктике определение:
«это враждебная
агрессивная среда». }
Оружие Арктики – холод,
который пронизывает все.**

сия. Участники экспедиции принесли с собой портреты рязанцев-путешественников В. Головнина, П. Семенова-Тян-Шанского, А. Авинова, В. Аккуратова, Л. Загоскина, М. Венюкова и сфотографировались с ними.

После небольшой передышки на полюсе экспедиция отправилась дальше – к станции «Борнео». Михаил Малахов шутил, что теперь с горки идти будет легче. Впереди снова ждал переход по дрейфующим льдам, прыжки с льдины на льдину. Холод и опасность... Зачем им это нужно? Наверное, ответить на этот вопрос слишком сложно. Но никто из участников экспедиции не жалеет, что решился на это. Они вернулись заметно похудевшими, уставшими, но неподдельно счастливыми. Несмотря на то, что Арктика – среда враждебная.

– Все говорят: покорить Арктику, – рассуждает Александр Шлебаев. – А у меня возникает такая мысль – кто мы такие, чтобы ее покорять? Мы сможем ее покорить, только если она нам это позволит. Арктика очень строгий и суровый учитель, который действует весьма жестоко. Но эти уроки идут тебе на пользу. И если ты ее полюбишь, с ней можно найти взаимопонимание.

А еще Михаил Малахов рассказывал, что существует полярный вирус – Арктика тянет к себе снова и снова. Уж кто-то, а он знает, о чем говорит. Так что вполне возможно, что первый теннисный матч будет не последним.

«ЯЗЫК РАЗВИВАЕТСЯ ТАК, КАК НУЖНО НАМ»

ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

В своей книге «Русский язык на грани нервного срыва» директор Института лингвистики РГГУ Максим КРОНГАУЗ утверждает, что стремительно развивающийся современный язык в России иногда искусственно делится на четыре основных – гламурную, заимствованную, бранно-матершинную и интернетовскую – языковых среды.

— С

пешу сразу предупредить, что я не хочу давать оценок как лингвист. Просто я вижу: с языком что-то происходит. В нем сегодня очень много заимствований из английского, с падением цензурных барьеров увеличилось и растет количество браны, мата, появился и интенсивно внедряется интернет-язык. Я обязан эти явления описать и понять, к чему они ведут. Безусловно, я пытаюсь бороться за привычную языковую норму и привычное языковое поведение. Но с момента перестройки в нашей стране изменилось очень многое, что не могло не отразиться на языке. А молодое поколение, выросшее после перестройки, и вовсе воспринимает обновленный язык естественным, родным. Для тех, кто постарше, он... чужой, пожалуй, сильное слово... Скорее, измененный. Но и более старшие поколения, например мои ровесники, тоже меняются. Моя сегодняшняя речь отличается от речи 80-х. Многие этого не осознают, но мы стали использовать новые слова, пришедшие в язык после 90-го года. Более того, мы стали иначе себя вести во время общения.

– То есть изменения в языке влияют на нашу поведенческую культуру?

– И довольно сильно. Изменились разные составляющие речевого поведения, но особенно – использование браны. Мы стали чаще ругаться еще и оттого, что все разрешено. Пали все запреты, в том числе, к сожалению, и культурные, которые, увы, воспринимаются как ограничение свободы. Мы также стали иначе здороваться и прощаться. Появились новые словечки-обороты. «Пока-пока», например. Оно практически повторяет английское «бай-бай». Еще калька с английского – «Берегите себя». Еще одно новое приветствие: «Доброй ночи». Кстати, оно вошло в речевой оборот через ночной эфир. Заметьте, ночью мы редко здороваемся, тем не менее это приветствие из телезфира перекочевало в жизнь. По модели «Доброй ночи» распространяется игровое интернет-приветствие «Доброго времени суток!». Инте-

{ Мне кажется, общение – более высокая ценность, чем общепринятая норма литературного языка. Если мы хотим общаться, нам надо допускать возможность другого или чужого в языке. Нужно встречное движение разных поколений, тогда никакого нервного срыва не будет. }

нас этого не было. Мы просто просили: «Нарежьте, пожалуйста, 300 граммов колбасы». Сегодня с продавцами мы уже здороваемся. Отчасти такая форма приветствия вызвана корпоративной культурой сетевых магазинов, когда кассиров и продавцов обязывают здороваться. Но такая форма поведенческой и речевой

культуры становится новой нормой. Я не хочу сказать, что в 80-е годы человек, не здороваясь с продавцом, был невежлив. Я хочу констатировать: теперь мы ведем себя иначе. Мы стали здороваться, ориентируясь на европейский этикет.

- **Перенимая при этом и обороты речи?**
- Сначала все же поведенческую норму. В подъезде дома или в лиф-

ресно, что «Доброй ночи» совсем недавно было пожеланием «Спокойной ночи», то есть формой прощания. Теперь, в связи с изменением ритма жизни, выражение стало формой приветствия.

Общая особенность нового этикета – не то, какое слово мы используем, а то, когда мы говорим, а когда молчим. Например, когда здороваемся или не здороваемся. Думаю, многие наблюдали ситуации, когда европейцы здороваются, а россияне нет, например, в магазинах с персоналом. В 80-е у

те россияне обычно с незнакомыми не здоровались. Для иностранца по-здороваться в этих условиях – норма. Для нас – нововведение даже не 90-х годов – нового века. Это не означает, что иностранцы вежливы, а мы нет. Просто у них так всегда было принято, у нас так принято не было. Теперь норма этикета меняется. Как и телефонный этикет. Раньше, когда мы звонили куда-либо, мы не представлялись. Сегодня подобная норма пока редкость, но крепнет новая тенденция – звонящий представляется по имени и фамилии. Конечно, у нас никто не говорит: «Петров или Иванов слушает», как принято в Германии, например, даже по домашнему телефону. Но если раньше мы звонили в поликлинику и спрашивали: «Алло, это поликлиника?» – то сегодня вас вежливо опередят: «Поликлиника номер такой-то». Не везде,

ствований здесь почти нет. Это вполне патриотическая область. Исключений, пожалуй, два – «киллер» и «рэкетир». Все остальное свое, посконное. Почему бранно-бандитская стилистика выжила и осталась в языке? Тот же «наезд»: «не наезжай на меня» – сегодня так может сказать и вполне культурный человек. Изменились темп и ритм жизни, а вместе с ними вот таким вот образом изменился и язык, на котором мы говорим. Причем заметьте, из бранно-бандитской лексики многое отмерло как само собой разумеющееся, а «крыша», «беспредел», «тоторозок» – выжили и здравствуют.

– **Почему они не только выжили, но и перекочевывают в официальную речь и особенно активно – в новояз XXI века – гламур и пиар? Чего стоит «беспредельная вечеринка» на MTV или стилистика речи гламурных героинь и их подражателей!**

– Это не связанные процессы. Бандитская эпоха и ее влияние на русский язык все-таки закончились. Или заметно маргинализовались. Ведь уже не воспринимаются анекдоты про «красные пиджаки» и даже про «новых русских». И новых бандитских слов не появляется. А гламурная эпоха началась недавно, и конца ей пока не видно. Гламур определяется тем, что мы живем в обществе потребления. Гламурный язык это общество обслуживает и создает постоянные мотивы для продажи всего, превращая торговлю-шопинг в

Изменились разные составляющие речевого поведения, но особенно – использование брани. Мы стали чаще ругаться еще и оттого, что все разрешено. Пали все запреты, в том числе, к сожалению, и культурные.

конечно, но постепенно идет распространение корпоративного этикета. Хотя еще в середине 90-х журналист известных российских изданий брал трубку служебного телефона и не называл себя.

– **Тогда как соединить нечто несовместимое: мы перенимаем европейский этикет и англизмы – и одновременно бранимся и материмся так, что привыкаем не реагировать на крепкие слова?**

– А манера поведения, речь и язык – вещи взаимосвязанные. Помните, как в речевой обиход проникло слово «беспредел»? Оно сделало головокружительную карьеру – от лагерного жаргона до официального пресс-релизного термина и даже дипломатического речевого оборота. Совсем недавно в ноте МИД РФ читало: «...террористический беспредел». Слово из бранного жаргона вошло в язык. Но это уже не брань. Так же как и бандитские термины 90-х годов – «наезд», «крыша», «стрелка» и т.д.

– **Почему они стали нормой языка и мы употребляем их без кавычек?**

– 90-е годы были бандитскими, и для описания бандитской реальности нужны были слова. Откуда их было взять? Заим-

образ жизни.

– В книге «Русский язык на грани нервного срыва» вы пишете: «В гламурном языке есть слова, которых следует бояться, в них слишком много идеологии... и они не оставляют выбора». Чего бояться и что не оставляет выбора?

– Гламур – идеология бесконечных продаж. Частично она заменила советскую идеологию, которая тоже обслуживалась определенным набором слов. Чтобы идеология гламура себя реализовала, ей нужны свои слова. Слова очечочные, но с положительным зарядом, те, что хвалят товар, его производителя, но главное – связанный с товаром образ жизни, попутно навязывая этот самый товар. Степень навязывания

зывания и агрессивной наступательности гламурных слов очень разная. Она постоянно меняется. Вспомните, вначале, где-то более десяти лет назад, бал правили «стильный», «элитный». Еще недавно – «культовый» и «знаковый». Потом – «эксклюзивный». Сегодня все или почти все они отправлены «в отстой». Им на смену пришли «правильный» и «готичный» (или «готично»). «Правильный» в этом гламурном ряду определяющее слово: «Правильный дом в правильном месте». Это – реклама жилья на Рублевке. Обратите внимание, тот же подход исповедуют известные персонажи (актеры, телеведущие и т.д.), когда рекомендуют, а на самом деле продвигают как товар «правильные» рестораны, магазины, фильмы.

– **Сегодня наметилось легкое пренебрежение к гламуру, но его все равно обслуживают вполне уважаемые люди – режиссеры, писатели. Почему? Из желания «пропиариться»? Хотя и пиар сегодня – это уже стремление всех манипулировать всеми. Не есть ли это признаки вырождения «гламурненько-го» языка?**

– Пиар действительно яркий пример того, как русский язык осваивает иностранные слова, а русский человек – европейский образ жизни. Однако американец или англичанин, приезжая в Россию, не воспринимает пиар (от англ. PR – Public Relations – связи с общественностью. – Прим. ред.) как свое слово. В русском «исполнении» оно изменилось и внешне, и по смыслу. У нас слово охватывает гораздо больше явлений, чем в английском языке. Кроме того, русскими придумано столько родственных слов – «отпиарить», «распиарить», «черный пиар», – что английское PR самостоя-

тельно зажило в России и стало русским. Так русский язык превращает чужое в свое. Слово «пиар», разумеется, принято ругать. Многие его не любят за то, что с ним связано. Но употребляют при этом активно.

Пиар как явление существовал давно, в том числе и в советском обществе. Только назывался иначе – пропаганда. Что же касается гламура и его цепкого проникновения в язык, то здесь не надо забывать об общей идее гламура – создание некоего идеального мира, с идеальными мужчинами и женщинами, в который должны вовлекаться все – читатели «глянца», пожиратели рекламы, фанаты масс-культуры. Этот мир, некий образец, призван в результате повышать продажи определенных брендов.

– **Почему наш гламур так карикатурен?**

– Детская болезнь роста. По мере взросления он станет более респектабельным.

– **Еще вы утверждаете, что мы теряем мат. Почему? И так ли уж это плохо?**

– Конечно, нормальный человек не любит, когда вокруг него ругаются матом. Но как лингвист я понимаю, мат – уникальное культурное и языковое явление, которое мы и вправду теряем. Сила матерного слова снижается потому, что пали все запреты и он звучит всюду – на улице, со сцены, в речи политиков, в кино. А энергия матерного слова, его мощь, падает. Кого-то мат еще оскорбляет, но многие, особенно молодые люди, воспитанные в этой системе культурных координат, даже не замечают мата. «Ну бранятся, ну и что?» – пожимают они плечами. Еще нынешняя ситуация с нецензурной лексикой напоминает русскую деревню, где мат в XIX веке и раньше почти не был табуирован. Кстати, к этому близка европейская ситуация, где мата как такового нет. Брань есть, но мата как выделенной табуированной группы нет. Там отчасти эту функцию выполняют богохульства, в то время как в русском языке – слова, связанные с сексом и телесным низом. Вот и выходит, что, с одной стороны, мат становится более слышен в тех местах, где его раньше не было. С другой – мы его теряем как культурное явление – некую особую выделенную группу слов. Уже большая часть молодых людей рассматривают мат как легкое бранное слово. Так постепенно мы переходим в другую культурно-языковую ситуацию.

– **Ну и пусть ругательства уходят в филологическую музейную копилку, как латынь, например. Без них язык очистится.**

– Я не делаю выводов и переносов из языка в мораль. Человек, который ругается, совершает грех или проступок, только если он ощущает запрет. Когда он его не ощущает, он не становится более греховным.

сходит на нет. Посмотрите на тексты в Сети. В них уже нет резкого и сознательного искажения орфографии. Неудобно. Встречаются два-три словечка на текст. Но это лишь демонстрация принадлежности к интернет-сообществу. А ведь во время пика моды на «олбанский» на нем писались целые тексты. Сегодня от него в интернет-переписке остается пара-тройка выражений. Теперь новая тенденция: чаще пишут на грамотном языке и стараются быть грамотными, то есть понятыми.

В некоторых интернет-сообществах появились даже табу на мат. Происходит саморегуляция и самоорганизация Интернета. Она охватывает не всю Сеть, а отдельные сообщества. Похоже, детский период развития Сети, когда все были увлечены игрой в «олбанский» язык, проходит. Наступил период осознания и отказа от ненужных, вычурных вещей.

– На ваш взгляд, каким интернет-язык будет завтра?

– Мне кажется, все возвращается к норме. Конечно, Сеть – полигон для игр и экспериментов, в том числе языковых. Но долго в одну игру не играют. Придумывают другую, возвращаясь к обыденной речи. Сегодня опять спрос на нормальный язык. В Сети все больше грамотных текстов – человеку так удобнее читать. Поэтому вектор движения – своеобразный откат к литературной норме и грамотности. Другое дело, что норма уже не та, что в 80-е или в 90-е годы. Новая литературная норма формируется на наших глазах.

– Как этому способствуют или мешают самоорганизующиеся группы инициаторов защиты русского языка в Чувашии, на Урале, в Ульяновске и Петербурге? Знаете ли вы, что они настаивают на том, чтобы на законодательном уровне ограничивать англицизмы в русском языке или запрещать брань и «олбанский»? И местные власти идут им на встречу.

– Что такое самоорганизация? Разные взгляды на развитие русского языка должны существовать. Когда же происходит так, то язык развивается. Когда вмешивается власть... Здесь показательна история с буквой «ё». Смешная история. Буква «ё» придумана как факультативная в XIX веке. То есть две точки можно ставить по желанию. А если их нет, как в случае со словом «елка», то отсутствие двух точек – проблема только для иностранцев и маленьких детей. И вдруг возникает общественное патрио-

– Не стану с вами спорить. Приведу примеры. Говорящие на «олбанском» в Сети развиваются язык или размывают его? И разве «падонки», использующие и мат, не снижают все барьеры – цензурные и моральные?

– Да, русский язык в Интернете довольно сильно отличается от разговорного. Но он не нов, это, скорее, жаргон, который, как показывает даже короткий опыт применения, не очень удобен. На него резко возникла мода, но также резко она

навсегда исчезла. А сейчас вновь мода на грамотный язык. И это хорошо. Буква «ё» – это пример того, как можно было бы решить проблему с разговорным языком. Но это было бы сложно, потому что это бы означало отказ от традиций. А отказ от традиций – это всегда проблема. Но это было бы интересно попробовать.

тическое движение в защиту буквы «ё». Но патриотического в ней не более, чем в какой-нибудь «а» или «р». Почему человек, который ставит две точки над «ё», патриотичнее того, кто точек не ставит?

– **То есть вы не разделяете стремления местных властей на законодательном уровне или директивно запрещать как «олбанский» в Сети, так и использование англизмов в названии фирм, ресторанов и прочего?**

– Это неразумно. Вот некоторые губернаторы своим чиновникам предписали в обязательном порядке писать букву «ё». Что странно. Есть же общие правила русского языка, и есть общий закон государства. Человек, который не пишет букву «ё», не нарушает никаких законов. За что же наказывать его? Можно и нужно выступать за или против тех или иных тенденций в развитии родного языка, но как только борцы начинают использовать в своих интересах государственные ресурсы, издавать законы, это тут же мешает развитию языка. История с буквой «ё» – лишь

заметно менее грамотными потому, что никто не перечитывает написанный текст, а доверяет это сделать компьютеру. А компьютер тоже делает ошибки и постепенно вытесняет словари. Это не значит, что пользоваться программой плохо – просто надо ее доработать с участием лингвистов.

– **Мы прошли стадию грани срыва, на которой находится русский язык, или застяли на ней?**

– Когда я так называл книгу, я имел в виду некоторую игру слов. С одной стороны, речь идет о проблемах языка, с другой – о наших собственных. Прежде всего о нетерпимости к чужой речи. Мне кажется, очень важно не переходить эту грань нервного срыва, удержаться на ней и понять – язык развивается так, как людям удобно для общения. У Ильфа и Петрова в «12 стульях» есть такой персонаж – Эллочка-Людоедка. У нее в запасе был десяток слов, которыми она пользовалась. Ей этого было более чем достаточно. Над ней,

{ **В Сети все больше грамотных текстов – человеку так удобнее читать. Поэтому вектор движения – своеобразный откат к литературной норме и грамотности. Другое дело, что норма уже не та, что в 80-е или в 90-е годы. Новая литературная норма формируется на наших глазах.** }

крайний и анекдотичный случай такой борьбы.

– **Не кажется ли вам, что компьютерные проверочные программы скоро заменят, например, словарь Даля? Ведь многие проверяют грамотность написания слов не по орфографическим словарям, а по справочникам в «Яндексе» или «Рамблере».**

– К сожалению, новые компьютерные способы регулирования грамотности часто приучают нас к неправильным вещам. И, безусловно, они становятся распространеннее, чем словари. В итоге появились опубликованные на бумаге тексты, которые соответствуют компьютерным программам, но при этом содержат грамматические ошибки. Особенно программы проверки орфографии портят орфографию, когда навязывают неправильные запятые и прочие знаки препинания. Как результат: в компьютерную эпоху студенческие курсовые и дипломы стали

конечно, можно издеваться, что и делали не только Ильф и Петров. Но вот какая штука: ей этих слов хватало. Навязывать ей словарь философа или Пушкина – бессмысленно. Ведь русский язык развивается так, как нужно нам. Понятие «мы» включает разных людей. И если мы хотим общаться со всеми, а не только со своим узким кругом, то надо быть более терпимым к чужому в языке. Есть люди, которые, услышав, с их точки зрения, неграмотное слово, прекращают общение или относятся к собеседнику пренебрежительно. Тогда для этого человека норма выше общения. Мне кажется, общение – более высокая ценность, чем общепринятая норма литературного языка. Если мы хотим общаться, нам надо допускать возможность другого или чужого в языке. Нужно встречное движение разных поколений, тогда никакого нервного срыва не будет. ¶

ПИСЬМА ЛЕСНОЙ ФЕИ

ИГОРЬ САВЕЛЬЕВ, УФА - САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Финская (или уже русская?) писательница Пяйви НЕНОНЕН не ленится в предпраздничную пору скучать новогодние почтовые карточки и всем своим друзьям, приятелям и просто добрым знакомым из разных городов России писать от руки самые теплые пожелания.

«Н

о вот я живу в России уже лет семь, и, хотя порой приходится слышать: «не наш ты, не русский ты человек», некоторая адаптация все же произошла. По крайней мере, никакой своей чуждости, иностранности я не ощущаю. Влилась в пейзаж. Я – финка.

Говорят, есть и другие подобные мне оригиналы (чтобы не сказать – маргиналы), переехавшие из Финляндии в Россию. Даже в Петербурге есть, только я не знакома с ними. Но среди них – наверняка единственная инвалид по зрению, без нормального заработка, зато с хронической административно-бумажной невезучестью. Похоже, все мы являемся некоторым естественным, хотя и слабым, противотечением того потока русских, который устремляется из России в Финляндию». С такого признания начинается проза «Лошадиные романы», когда-то напечатанная в толстом журнале «Звезда» (2004, №8) и выдигавшаяся на всероссийскую премию «Ясная Поляна». Возможно, переиздание «Романов» мы увидим совсем скоро: сборник написанного за несколько лет уже готов к выходу в свет.

КОПАТЬ ТУТ

У нее необычная судьба. Жительнице далекой финской деревушки не связывало с Россией вообще ничего.

– Мне было шестнадцать лет. Приехала тогда еще в Ленинград со школьной группой. И что-то случилось такое непонятное, иррацио-

нальное, что заставило меня, робкого, закомплексованного ребенка, да еще и с плохим зрением, так круто развернуться и броситься сломя голову невесть куда. Иностранцы обычно любят Россию за литературу, культуру или какую-нибудь повышенную экзотику, а у меня все случилось на пустом месте. Меня очаровали лакированные матрешки, первомайские пла-каты и разная там советская показуха для туристов. Эта шелуха впоследствии отпала. Как будто невидимая рука нарисовала на всей этой пошлости крестик и написала: «Копать тут». Вот я и окопалась.

Вираж действительно крутой. Папа-технарь, построивший дом своими руками, мама, ведущая хозяйство; маленькая семейная школа в соседней деревне, где пишут письма лесной феи, а единственная учительница на следующий день раздает от феи ответы... Младшая сестра Сари: «Вообще, в детстве ей выпала скучноватая участь всегда плестись за мной хвостиком. Теперь она вышла в люди: купила двухкомнатную квартиру в Хельсинки, работает в научно-исследовательском центре и попутно пишет диссертацию. А ее незадачливая старшая сестра мается в Питере без работы, имеет 18 метров коммунальной жилплощади и до сих пор ищет свое место в жизни, подобно сопливому подростку».

Но это не жалобы. Пяйви никогда не жалуется: всегда – оптимизм, всегда – солнечное настроение. Даже о неприятностях

в письмах – с юмором: «Новостей у меня пока нет, проекты всякие а-ля журавль в небе. Особенно безнадежной выглядит моя «карьера». Надеюсь, это просто обычный для меня обман зрения» (18 октября 2006 года).

Самое, пожалуй, потрясающее в этом «крутом вираже» то, что вчерашняя финская студентка, перебравшаяся таки в Россию, решила связать свою жизнь с русской литературой, хотя еще в 16 лет, во время той экскурсии в доживающий последние советские дни Ленинград, она не знала ни слова по-русски. Овладела ли языком в совершенстве? Пяйви считает, что нет, потому что научиться думать на чужом языке, жить им в таком взрослом возрасте уже невозможно. Впрочем, я ей не верю: ее проза – это безупречный, сочный, по-настоящему художественный русский язык.

Писать прозу по-русски она начала почти случайно: было лето, не было работы, и даже в письмах близким людям сообщить было не о чем. Почти в шутку села за рассказ. Что-то получилось. По-

казала филологам, мнению которых доверяла. (Вот уже много лет Пяйви общается с Игорем Петровичем Золотусским, еще в 90-х годах в университете города Ювяскюля слушала его лекции и «ходила за ним хвостиком».) Отнесла в редакцию ли-

тературного журнала. Уже с азартом села за следующий...

Ее «Лошадиные романы» – записки о детстве – увлекают не только сказочной почти экзотикой финской глубинки, не только своей теплотой. Здесь органично сливается бытовое – и метафизическое, порой философское, что всегда было знаком литературы высокой марки, выбивающейся из колодок голого мемуарного жанра. Вот девочки Пяйви и Сари открывают для себя мир древнегреческих мифов: отныне все игры и мечты связаны только с ними. Вот вскоре после этого прочтена Библия. У Пяйви – потрясение, крушение картины мира, которое она молча носит в себе: что же настояще, что же – правда? Ей снится Афина Паллада: «Если будешь следовать за мной, никогда не будешь падать». Практически сцена отречения от Христа, которого все же не происходит: во сне перепуганная девочка находит в себе силы сказать «нет», после чего... начинает падать. Уже в реальности. Подврачивать то одно, то другое колено. Все чаще, все серьезнее. Ее долго лечили, оперировали. «Падать я перестала, врачи мне починили колени. А сама Афина покровительственно кивает мне с эмблемы Санкт-Петербургского государственного университета. На память о борьбе божественных стихий у меня остались аккуратненькие длинные шрамы на ногах. Считай, легко отделалась. Иные и головы теряют».

Когда-то Владимир Набоков перешел на английский, изредка все же возвращаясь к русскому [сам перевел «Лолиту», например]. Так же и Пяйви Ненонен порой возвращается к родному финскому – но только в поэзии: уже в университете, разобравшись, как строится калевальский стих, неожиданно для себя пристрастилась к классическим, уже считающимся мертвыми стихотворным формам и размерам. Готовая, но все еще не изданная книга финских стихов – один из, увы, до сих пор не реализованных замыслов Пяйви.

Другой – объемный том финских, опять же, эссе о современных русских писателях [как из числа корифеев, так и совсем молодых], о новых книгах, заметных журнальных публикациях. Все началось с того, что Пяйви попробовала свои силы в деле художественного перевода. Взялась за Сергея Довлатова.

– Литературный финский очень отличается от разговорного, вернее, от диалектов. До такой степени, что, как оказалось, довлатовской разговорной интонации не передашь никак.

Одни и те же куски переделывала десятки раз, годами. Бралась снова и снова. В итоге, как считает сама, переводы некоторых вещей удались. Но Довлатов – уже классик. А как привлечь финских издателей к переводам ныне живущих русских писателей, если ответ всегда один: читатель их не знает, книги не будут продаваться? Пяйви подготовила книгу, жанр которой определить трудно: тут и самые «вкусные» фрагменты новой прозы и поэзии русских писателей в переводе на финский, и свободный по форме пересказ, и истории из повседневной российской жизни «по слухаю».

– Все самое лучшее, что мне в это время попадалось, я, как ворона, таскала и вплетала в это гнездо.

К сожалению, и эта книга до сих пор не издана. Лежит то в одном финском издательстве, то в другом: кого-то смущает форма, другим не по душе материал...

Стоп. Какая-то неправильная у нас получается статья. Неизданные книги, трудности с переводами... Все это не должно выходить на первый план, когда речь идет о Пяйви Ненонен – талантливой писательнице с большим будущим, а главное, светлом и неунывающим, всегда оптимистично настроенным человеком.

«Меня можно поздравить с племянником! Ему уже скоро три недели. Я тут хожу грудь колесом, собираю поздравления, как будто сама в чем-нибудь отличилась. А мальчик хорошенек такой, забавный. Жаль только, что моя почти готовая девчачья стихотворная книжка теперь угодила в долгий ящик: без живой героини-адресатки она стала неинтересной... А пацану надо что-нибудь другое насочинять». (Письмо от 9 июля 2007 года.)

«Я сегодня еду к подруге на новоселье. Будут тюфяки и раскладушки, неразобранная мебель, голые провода и лампочки Ильи-ча, а на этом фоне шампанское, креветки и разговоры. Если не будет дождя, будет и моя гитара – чехол тряпочный, промокает...» (10 сентября 2007 года.)

«Книжка рассказов у меня все же должна выйти в свет. Вероятно, это произойдет

в августе, так как сейчас все в отпусках. Мне обещал написать предисловие Петр Алешковский. Вот если пришлет он оное предисловие, вернется народ с отпусков, и...» (7 июня 2008 года.)

И все задуманное обязательно сбудется. ♡

«МНОГОЕ В ЖИЗНИ ОПРЕДЕЛЯЕТ ЛЮБОВЬ К ЖЕНЩИНЕ»

ВЕРА МЕДВЕДЕВА

В этом году исполняется 120 лет со дня рождения Николая Бухарина и 70 лет со дня его смерти. Когда-то Сталин говорил ему: «Мы с тобой, Бухарчик, Гималаи, а остальные – маленькие пятна». Однако Сталин впоследствии сделал все, чтобы не только уничтожить Бухарина, но и стереть воспоминания о нем. Сын Бухарина, Юрий, проведя первые месяцы своей жизни в Кремле, потом на долгие годы оказался в детском доме, не имея представления о том, кто были его настоящие родители.

Сегодня Юрий Ларин – известный художник, его акварели находятся в крупнейших российских музеях и мировых частных коллекциях.

– Вам исполнилось чуть более двух лет, когда был расстрелян отец и арестована мать. Жизнь лишила вас не только фамилии отца, но даже и отчества.

Когда удалось его вернуть?

– Так уж сложилось, что у меня сменилось несколько фамилий. Родившись, я был Бухариным. А когда арестовали родителей, меня взяли родственники, семья Бориса Гусмана. Так на несколько десятилетий я стал не Юрием Николаевичем Бухариным, а Юрием Борисовичем Гусманом. Потом арестовали и Гусманов, а я попал в детдом. Когда же появилась возможность сменить фамилию на материнскую, то существовал закон, запрещающий менять отчество. Поэтому Борисовичем я оставался до начала перестройки, пока Бухарин не был окончательно реабилитирован.

– А вам рассказывали историю вашей семьи?

– Нет, я вообще ничего не знал и долгое время именно Гусманов считал своими настоящими родителями. Даже когда приехал первый раз, в 1956 году, повидать маму, то и тогда еще у меня были только догадки относительно того, кто же мой родной отец. Я в первый день спросил об этом у мамы, и она ответила, что мой отец – известный большевик, который был осужден во время процессов 30-х годов. А поскольку мама рассказывала мне о деде Иване Гавриловиче, то я попытался угадать, кто же из осужденных партийных деятелей был Ивановичем. И сказал маме, что, наверное, это Бухарин, поскольку он был Николаем Ивановичем и его обвиняли в организации правого блока. Мама даже не ожидала, что я так быстро догадаюсь.

Моя нынешняя фамилия, Ларин, от моей мамы, с которой я встретился вновь, только когда мне исполнилось 19 лет, я приехал к ней на поселение в Сибирь повидаться. Эта фамилия маме досталась не от родителей, а от приемной семьи, которая взяла годовалую малышку на воспитание после того, как умерла ее родная мать. Ларин был известным революционером, а его жена приходилась моей маме тетей. Ларин долгое время являлся членом президиума Госплана и руководителем экономического отдела ВЦИКа. Поскольку он был инвалидом с детства, то, чтобы облегчить ему работу, многие заседания проводили прямо у него в кабинете. Именно тогда моя мама, еще маленькой девочкой, и познакомилась со своим будущим мужем Николаем Бухариным.

Николай
Иванович
Бухарин

– Бухарина считали не только выдающимся экономистом, но и неплохим художником. Известный живописец Юон однажды сказал ему: «Бросьте заниматься политикой. Политика ничего хорошего не сулит. Ваше призвание – живопись». А вы сами когда начали рисовать?

– Я даже не могу точно сказать, когда именно это произошло и можно ли назвать рисованием, например, оформление стенгазет в детдоме. После детского дома я учился в Новочеркасском инженерно-мелиоративном институте и в Москву попал только в начале 60-х. Тогда я впервые побывал в музее, это был Пушкинский музей. Первый художник, в которого я влюбился, был Альбер Марке. Меня поражало в его работах все. К примеру, нарисован у него мост через Сену, идут люди по этому мосту. Я смотрю и думаю: «Как интересно, ни одного изображенного человечка нельзя выбросить из картины без того, чтобы не нарушить законченность ее композиции». Я тогда вообще ничего не понимал в живописи, но уже чувствовал, где виден талант.

После возвращения в Москву я поступил в заочный Университет искусств имени Крупской. Тогда я встретил свою будущую жену, Ингу, которая училась на архитектора, много рассказывала мне об искусстве. Кстати, именно ее набор красок и послужил толчком к тому, чтобы попробовать рисовать самому. Я начал писать небольшие пейзажи, а преподаватели института посыпали отзывы на каждую мою работу.

К тому времени я уже несколько лет поработал проектировщиком, ездил в командировки по стране, и меня даже послали в Румынию, что по тем временам для молодого человека было очень неплохо. Казалось, моя жизнь расписана на долгие годы, и вдруг в очереди в столовой один сослуживец рассказал, что прочел объявление о наборе в Строгановское училище на отделение дизайна для тех, у кого уже есть высшее инженерное или художественное образование.

Мне удалось туда поступить, и я очень благодарен этому учебному заведению, поскольку у меня были потрясающие педагоги. Например, Иван Васильевич Ламцов, который нам преподавал запрещенную в 30-х годах дисциплину – архитектонику, архитектурную композицию. Сейчас кажется даже непонятным, по каким причинам ее нужно было запрещать. Я считаю, мне просто повезло, что судьба привела меня в Строгановское училище. Оно дало мне профессию дизайнера, но я с самого начала знал, что буду заниматься живописью.

– Очень многие дети известных родителей «паразитируют» на истории своих семей, а вы даже не пытались использовать имя Бухарина, чтобы привлечь к себе внимание как к художнику.

– К моему отцу относятся по-разному. Может быть, у тех, кто использует известность родителей, просто не было такой неоднозначности и таких сложностей. Ведь Бухарин был реабилитирован даже не после знаменитого ХХ съезда, когда начали разоблачать сталинские преступления, а значительно позже, уже в перестройку, хотя мы с мамой неоднократно ходатайствовали о пересмотре дела. Сейчас же, насколько я знаю, возврата Николая Бухарина даже изучают в экономических вузах в курсе «история экономических учений». С другой стороны, мне кажется, реальная оценка личности Бухарина еще впереди. Например, недавно я смотрел документальный фильм, и мне казалось, что по многим вопросам и событиям должно было быть упомянуто его имя, но оно не прозвучало ни разу. А ведь еще Ленин называл Николая Бухарина «любимцем всей партии», да и народ к Николаю Ивановичу относился очень дружелюбно. В своей книге мемуаров моя мама вспоминает, что в алтайской тайге к Бухарину пришел местный охотник, принес ему лепешки, испеченные женой, и все потому, что считал Бухарина защитником крестьянства. Во время перестройки многие экономисты писали о том, что, если бы был выбран бухаринский путь развития сельского хозяйства, а не сталинская насильственная коллективизация, то Россия могла бы из-

бежать и голод, и репрессий по отношению к крестьянству, да и накормила бы страну гораздо быстрее.

– **Сталин никогда так и не смог простить Бухарину фразу о том, что его политика «поскорила страну с мужиком». Сколько времени длился процесс против Бухарина?**

– Бухарин был арестован сразу же после своей поездки на Памир. Он возвращался в Москву, уже зная, что Зиновьев, Каменев, Сокольников, Радек оговорили и его, и самих себя, подписав признания о фантастических шпионских блоках. Сегодня мы знаем, как добивались подобных признаний. Не избежал этого и Бухарин. До своего расстрела он провел в тюрьме два года. И даже в тюрьме он продолжал писать, находясь в этом единственную отдушину. В начале 90-х были изданы написанные им тогда «Философские арабески», а также повесть о детстве «Времена». Но после него осталось и свыше ста двадцати тюремных стихотворений. Они долгое время хранились в президентском архиве. Недавно я их отправил в

Кстати, однажды в «Правде» была напечатана разгромная статья против Заболоцкого. Тогда Бухарин, будучи главным редактором «Известий», попросил Заболоцкого прислать несколько своих стихотворений и опубликовал их. Стихи были замечательные, но после статьи в «Правде» не многие бы решились на такой поступок. Потом самого Заболоцкого обвиняли в том, что он стоял на бухаринских позициях, и это надолго осложнило ему жизнь.

Если же вернуться к стихам Николая Ивановича, то могу сказать, что я получил письмо от академика Вячеслава Иванова о том, что должно состояться заседание пастернаковской комиссии, где будет рассматриваться вопрос относительно публикаций по теме «Пастернак и Бухарин» и можно

{ Мне кажется, судьба, заготовившая так много испытаний нашей семье, преподносила не только плохие, но и хорошие сюрпризы. }

архив Академии наук, поскольку сам, честно говоря, не понимал, нужно ли их издавать и достаточно ли они хороши.

– **Но вам они нравились?**

– Нет, я так сказать не могу. Но, собственно говоря, я и не считаю себя знатоком поэзии. Бухарин писал стихи по ночам, часто после допросов, и, конечно, они отражают его тогдашнее психологическое состояние. Многие из них сейчас воспринимаются как попытка самопсихотерапии. Однако, как мне кажется, в некоторых стихах можно угадать зашифрованный смысл и некий «космизм», перекликающийся с творчеством Заболоцкого и идеями Вернадского. Сохранилось триста сорок страниц стихотворений, где можно найти и мир травы, и мир человеческих отношений, и философские размышления.

Бухарин раньше, до тюрьмы, стихов не писал, но в поэзии прекрасно разбирался. Не случайно одним из лучших его выступлений считается доклад о поэзии на съезде писателей. Это признавали даже те, кого он критиковал в этом докладе. Что же касается Заболоцкого, то Бухарин восхищался его стихами, и они много лет дружили.

будет также обсудить возможность издания стихотворений Бухарина.

– **Ваша мама, Анна Ларина, в своих воспоминаниях рассказывает, что в тюрьме тоже начала писать стихи. Очевидно, они ей помогали выжить. А чья это была идея – написать книгу воспоминаний?**

– Наверное, моя. Я купил маме общую тетрадь и посоветовал, чтобы не было ни дня без строчки. И вовсе не ради того, чтобы кому-то что-то доказать, а ради нее самой. Девятнадцать лет она провела в тюрьмах, лагерях и ссылках. После смерти ее второго мужа, с которым она познакомилась в ссылке, на руках остались двое детей, а сам я тогда болел тяжелой формой туберкулеза. Так что ей и после реабилитации было нелегко. И мне казалось, что, только написав книгу воспоминаний, она сможет начать новый этап своей жизни и освободиться от несправедливостей прошлого.

– **Когда Бухарина арестовывали, то среди его последних слов вашей маме были такие: «Пожалуйста, не озлобься!» Судя по ее книге, Анне Лариной, потрясающей красавице, которой когда-то все восхищались, даже после невероятных испытаний удалось не озлобиться. А вы не чувствуете озлобленности на судьбу?**

– Нет, не чувствую, в то время многим пришлось так же тяжело, как и нашей семье. Я благодарен своим родственникам, которые меня, годовалого, взяли к себе из первого моего детдома. Борис Гусман был прекрасным инженером-строителем и когда-то даже принимал участие в возведении

Мавзолея Ленина. Из эвакуации его семья приехала в Сталинград, но почти сразу после Великой Отечественной войны он был арестован. Я попал в сталинградский детский дом, о котором могу вспомнить только хорошее. У нас были замечательные воспитатели. Про детские дома можно услышать много тяжелых вещей, но надо мной никто никогда не издевался, и, кстати, до сих пор я дружу с сыном нашего директора.

Кроме того, мне кажется, судьба, заготовившая так много испытаний нашей семье, преподносila не только плохие, но и хорошие сюрпризы. Расскажу, например, такую историю. Когда у нас с женой родился сын, названный в честь Бухарина Николаем, жить было негде. Наш знакомый Алексей Снегов, который сам провел в лагерях восемнадцать лет, посоветовал мне обратиться к Микояну. Я сначала думал, что пытаться напрямую о чем-то просить Микояна – дело совершенно безнадежное, тем более что именно он в 1937 году возглавлял комиссию по определению вины Бухарина. Однако после разговора с Микояном мне через несколько недель вручили ключи от двухкомнатной квартиры. Это было уже в брежневскую эпоху.

- **Художникам без известного имени было очень непросто жить в Советском Союзе. Как вы разрешали дилемму творчества и выживания?**
- Когда я получил диплом дизайнера, то спросил у своего педагога: «Что делать дальше?» А тот ответил, что, по его мнению, самое луч-

шее – это преподавать, поскольку остается много свободного времени, чтобы рисовать. Так я и поступил. Пятнадцать лет проработал преподавателем в Художественном училище памяти 1905 года. Три дня в неделю преподавал, а оставшиеся четыре – рисовал.

по-настоящему привлекла ко мне внимание. Она проходила в фойе Театра имени Ермоловой, и мои работы попали туда благодаря моему другу, художнику Валерию Волкову. Эта выставка имела большой успех и сделала мое имя известным. После моей большой выставки 1989 года Русский музей купил десять моих акварелей, одну акварель приобрела Третьяковская галерея. Живопись также разошлась по разным музеям страны. Однако одной из самых больших своих удач я считаю то, что саратовский Музей имени Радищева заинтересовался моими картинами и приобрел несколько для своей экспозиции. Произошло это тоже достаточно случайно. Одна из бывших сотрудниц этого музея переехала жить в Подмосковье.

{ Мне просто повезло, что судьба привела меня в Строгановское училище. Оно дало мне профессию дизайнера, но я с самого начала знал, что буду заниматься живописью. }

шее – это преподавать, поскольку остается много свободного времени, чтобы рисовать. Так я и поступил. Пятнадцать лет проработал преподавателем в Художественном училище памяти 1905 года. Три дня в неделю преподавал, а оставшиеся четыре – рисовал.

- **Трудно ли вам было находить общий язык с вашими студентами?**
- Сначала было очень тяжело. Особенно с первой группой, которая заметила, как мало я знал в то время. Недавно я был на художественной выставке, где встретил свою студентку из первой группы, Ксению Шимановскую, – сейчас она известный театральный дизайнер – и спросил ее, очень ли им в глаза бросался мой тогдашний непрофессионализм. И был удивлен тем, что она спустя столько лет похвалила мои занятия. Может быть, мне помогло то, что я еще в Строгановском училище перефотографировал замечательные рисунки, а потом показывал эти фотографии своим ученикам и на их примере разбирал какие-то приемы и построение композиции.
- **А когда вы стали известны именно как художник?**
- Признание ко мне пришло, наверное, только в 1982 году. До этого я участвовал в некоторых выставках, но только тогдашняя выставка

Ей рассказали о моей выставке, которая проходила в Болгарском культурном центре, она ее посетила, и ей настолько понравилось, что эта женщина сразу же перевезонила в Саратов и сказала, что нужно непременно устроить выставку Ларина. Ко мне прислали музейный грузовик, увезли работы, устроили замечательную экспозицию и даже купили несколько картин для музея.

- **Ваши работы ценил и бывший посол Италии в России. А с ним вы как познакомились?**
- В свое время Бухарин собрал вокруг себя много талантливых учеников. Когда-то говорили «бухаринская экономическая школа», а после процессов «школькой». Так вот, среди учеников Николая Ивановича был Александр Айхенвальд. Его отца в свое время выслали на знаменитом «философском пароходе», а сам Александр был убежденным коммунистом. Но искренняя вера в коммунизм не уберегла его от расстрела. После него остался сын, Юрий Айхенвальд, прошедший ссылки и психушку, с которым я дружил.

Сталин уничтожительно называл ее «школькой». Так вот, среди учеников Николая Ивановича был Александр Айхенвальд. Его отца в свое время выслали на знаменитом «философском пароходе», а сам Александр был убежденным коммунистом. Но искренняя вера в коммунизм не уберегла его от расстрела. После него остался сын, Юрий Айхенвальд, прошедший ссылки и психушку, с которым я дружил.

Именно он и решил показать мои работы известному московскому коллекционеру Рубинштейну. Когда Рубинштейн пришел к нам домой, то заметил еще не оконченную работу, портрет сына Коли в карнавальном костюме, и сказал: «Прекрасный портрет». На это я ответил, что только начал его писать. «Начал? – переспросил Рубинштейн. – По-моему, здесь уже больше ничего не нужно доделывать». Я и решил оставить так, как было. Рубинштейн купил шесть моих работ, мне было очень приятно, что эти картины он повесил у себя рядом с Ларионовым и другими известными художниками.

Рубинштейн был невероятно общительным человеком и однажды познакомился с женой итальянского посла, которая выгуливала собачку. Рубинштейн стал знакомить жену посла с творчеством московских художников и однажды пригласил ее на мою выставку. Она пришла вместе с мужем, по слом Италии, который попросил позволения прийти ко мне домой. Потом он купил несколько моих работ. Я считаю, что с самого начала вся эта история была целой цепью удачных совпадений.

Мне вообще везло на хороших людей. Когда забрали мою мастерскую, поскольку земля в центре Москвы стала чрезвычайно дорога и на нее нашлось много желающих, то хирург Коновалов, который меня когда-то оперировал, временно устроил мои работы на хранение в подвале больницы.

– **Похоже, ваше творчество всегда встречало понимание. Или это не так?**

– Я вам скажу: одна и та же картина может даже на профессионалов производить совершенно разное впечатление. Например, одна из известных искусствоведов, Елена Муринова, когда-то назвала мою картину «Белое дерево» шедевром, а заведующая отделом Пушкинского музея после разглядывания этой же самой картины задала мне только один вопрос: «Что это у вас там за лужа под горой?»

– **А у вас никогда не было соблазна уехать на Запад?**

– Нет, никогда. Прежде всего потому, что я абсолютно «безъязыковый человек». Насколько мой отец был способен к языкам – он знал шесть иностранных языков, – настолько же у меня к этому нет ни малейших наклонностей.

– **Тем не менее у вас была когда-то персональная выставка в Нью-Йорке.**

– Это тоже было одно из удачных совпадений в моей жизни, когда собрали те картины, которые были куплены разными людьми и находились в Америке. Из них и составили выставку. К сожалению, я на ней не присутствовал, поскольку у меня не была оформлена виза.

– **Что для вас является стимулом для творчества?**

– Мне кажется, очень многое в жизни определяет любовь к женщине.

– **Про художников обычно думают, что они ветреные люди. Вы с этим согласны?**

– Лично я не ветреный. Наоборот, всегда влюблялся очень сильно и надолго. И как многие художники, часто рисовал свою жену. Может быть, она не была ослепительной красавицей, но у нее была оченьстройная фигура, и мне было приятно ее рисовать.

– **Лев Толстой несколько раз в жизни охладевал, а потом вновь влюблялся в собственную жену. У вас такого не случалось?**

– Нет, я никогда к Инге не охладевал. И когда она умерла от рака, мне одно время казалось, что моя душа умерла вместе с ней. Потом, к счастью, в жизни появилась Ольга, моя вторая жена, которой я многим обязан. Она врач института нейрохирургии, в котором я лечился. Я тогда не хотел и боялся кого-то допускать в свою жизнь, но Ольга была единственным человеком, которому удалось не только вырвать меня самого из депрессии, но и найти общий язык с моим сыном Николаем. Однако годы идут, и недавно я прочитал интересную фразу: «Когда пропадает любовь к женщине, то нужно любить природу».

– **А у вас уже настало время любить только природу?**

– Да, пожалуй, настало. К сожалению. ¶

Анна
Михайловна
Ларина-
Бухарина.
1988 год

«НА САМОМ ДЕЛЕ Я – АНТОН ИВАНОВИЧ»

ГЕОРГИЙ БОВТ

Посол Великобритании в России Тони БРЕНТОН, наверное, самый известный в Москве дипломат. Потому что именно вокруг его имени то и дело возникали всякие истории. Впрочем, господин посол уезжает из России, похоже, все равно с любовью.

Г

осподин посол, когда вы приехали послом в Россию, то у вас уже был некоторый опыт работы в нашей стране...

– Я работал здесь с 1994 по 1998 год и тогда уже многое узнал про Россию. Потом я вернулся в 2004-м и застал совершенно другую страну. Намного более богатую и гораздо

более уверенную в себе, при этом связанную с Западом множеством самых разнообразных нитей. Так что «знание России» – это очень переменчивая, относительная вещь.

– Скажите, что-нибудь из того, что вы увидели за последние четыре года, вас в какой-то мере удивило?

– Ну, прежде всего, когда приехал обратно в 2004 году, я был удивлен тем, какой прогресс совершила страна, как выросло благосостояние людей, как много они стали путешествовать, сколь более «нормальной», более европейской стала Россия. И все эти процессы продолжались на протяжении всех четырех лет, что я тут работаю. Какие бы ни оставались различия, Россия все более интегрируется в большой мир. Это хорошо не только для вас самих, но и для нас тоже. Ведь когда я был маленьким, тогда Россия, Советский Союз, была для нас угрозой; шла холодная война. Теперь это

в прошлом. И те отношения, представления, что бытовали тогда, тоже уходят в прошлое.

Вот вам пример. В начале лета мы привезли сюда более 40 тыс. английских футбольных болельщиков (на финал Кубка чемпионов. – Прим. ред.). Это стало настоящей головной болью для ваших властей, а также для нас в посольстве. Надо сказать, российские власти справились со всем этим блестяще, они прекрасно отнеслись к гостям. Я говорил с некоторыми из болельщиков. Они приехали с неким опасением, страхом внутри, но когда уезжали, то практически все были довольны. Потому что они побывали в новой, открытой, дружелюбной стране. И чем большее число обычных людей сделают для себя подобное открытие, тем тяжелее будет вернуться к давним страшным временам.

– Вы же, конечно, читаете британские газеты...

– Да, я читаю британские газеты...

– И вы там едва ли часто встретите статью, написанную с симпатией к России. Что это? Какое-то культурное предубеждение или что-то еще?

– Вы правы. И это очень печальный факт. Большинство тяготеет к тому, чтобы давать негативную, мрачную картину. И я как раз немало работал над тем, чтобы изменить такой порядок вещей, и ваш посол в Лондоне тоже напряженно работает над его изменением. Частично то, о чем вы говорите, происходит потому, что часть масс-медиа, газетных людей – не все, но некоторые – просто ленивы, и для них легче написать историю годичной давности, чем отыскивать правду. Но отчасти это происходит из-за состояния наших отношений. Взять, к примеру, спор в ТНК-ВР, или дело Литвиненко, или российские действия против Британского совета. Явные трудности, проблемы. И все же надо видеть перспективу. Есть несколько реальных проблем – их немного, – но на большей, преобладающей части широкого гори-

зонта наших отношений видно, что отношения в целом становятся лучше. Гораздо больше людей теперь путешествуют, больше людей торгуют, больше людей делают инвестиции – и через эти каналы взаимодействия мы учимся понимать друг друга лучше.

– И все же, если посмотреть на историю наших отношений, вы с трудом найдете в истории достаточно длительный период, когда эти от-

– Если бы вас спросили, как лучше учить русскому языку иностранцев, какую методику преподавания вы бы посоветовали? Читать книги, разговаривать – что?

– В русском языке очень сложная грамматика, поэтому единственный способ выучить язык – это начать ее понимать: приезжать сюда, говорить с людьми, читать газеты, смотреть телевизор. Ну, и конечно, читать литературу. Читать поэтов – Пушкина, Лермонтова. Они ведь использовали язык фантастически четко и ясно. И те, кто хочет оттачивать свой русский язык, должны учиться такому же четкому его употреблению. Это должно вдохновлять.

– **Многие люди говорят, что английский юмор – это нечто фантастическое, другие вообще не понимают английского юмора, а вот русский юмор, анекдоты – вы их чувствуете, как вы к ним относитесь?**

– Я думаю, да, чувствую, некоторые русские шутки просто замечательны.

– **А какая ваша любимая?**

– Недавно вышла книга на английском языке про русские политические шутки и анекдоты. Там есть сюжет про Маяковского, который уже приготовился совершить самоубийство, так вот его последние слова были: «Товарищи, не стреляйте!»

– **Вы много путешествовали по России, в каких городах были?**

– Особенно много я путешествовал в свой первый приезд – в 1994–1998 годах. Я побывал, кажется, в 30 провинциальных городах, от Сахалина до Петербурга. Вы никогда не сможете понять Россию, если все время будете только в Москве, из нее нужно временами выбираться.

– **Вы разделяете мнение, что Россия как бы разделена на две «страны» – Москву и остальную территорию?**

– Я полагаю, это в значительной мере преувеличение. Москва, конечно, огромный, стремительно развивающийся мегаполис. Но при этом она остается во многих отношениях очень русским городом. Я, например, был недавно в Пензе. Конечно, этот город весьма отличается от столицы, он более «сельский», много тише и спокойнее. Но и в нем – тот же самый дух: новые магазины, новый космополитизм. Конечно, какие-то регионы отстают от Москвы, но в целом Россия движется в одном направлении.

– **Можете ли вы сказать, что русская провинция настроена националистически?**

– Я думаю, в провинции – к примеру, в той же Пензе – я был ближе к настоящей России. Там никто не говорит по-английски, люди в

ношения были бы хорошими. С Британией у России всегда как-то не очень складывалось, такое впечатление.

– Ну, разве это так? В самом деле? Если оглянуться назад, мы увидим, что были союзниками, причем очень тесными, в двух мировых войнах. Мы были первым западным правительством, признавшим Советское государство. Я полагаю, недавняя история несколько заслоняет гораздо более дальнюю историческую ретроспективу, когда нам удавалось прекрасно понимать друг друга. Хотите пример?

– **Конечно.**

– Я ведь на самом деле – Антон Иванович, моего отца звали Иван. Он родился в Корнуэлле, но его родители были столь впечатлены русскими революционными событиями, теми идеалами, которые несла Советская Россия, что назвали своего сына Иваном.

– **Так вот почему вы оказались здесь, возвращаетесь, значит, к истокам... А когда вы беседуете со своими коллегами в посольстве или еще с кем-то из соотечественников, с какими бросающимися в глаза различиями – в культуре, образе жизни – они сталкиваются в Москве чаще всего? Бизнесмены или дипломаты, профессора да кто угодно... Какие у них тут трудности?**

– Ну, Россия – это вообще-то не «страна больших трудностей». Конечно, у нас имеются некоторые проблемы с бюрократией, я слышал, что некоторые сталкиваются тут с проблемой коррупции, как, впрочем, и сами россияне. Существует разница деловых традиций, ее приходится преодолевать. Есть определенное наследие, как я называю его, недоверия. Тоже надо преодолевать. Но когда я разговариваю с бизнесменами, работающими или собирающимися работать в России, то становится ясно, что все большее число людей видят ее замечательным местом для ведения бизнеса. Все больше людей хотят сюда ехать, открывать страну для себя, делать здесь бизнес.

– **Может, нам надо вообще стать более открытыми друг для друга?**

– Да, мы должны стать более открытыми. Есть конкретные политические проблемы, их нужно разрешить, но для обычных людей, которые путешествуют или делают бизнес, дела становятся все же лучше.

– **Когда вы начали учить русский?**

– Уже очень давно. В 1992-м.

– **Прогресс есть.**

– Да. Неплохо (по-русски), но очень трудный язык.

– **Вы читаете книги на русском?**

– Да, конечно, при всей трудности русского языка одна из самых замечательных вещей – это совершенно фантастическая литература.

гораздо большей степени сосредоточены на чисто русских традициях. Первое, что я там сделал, – отправился в Тарханы, в поместье Лермонтовых, где был организован фестиваль в память поэта. Это было такое очень-очень русское событие, какое можно встретить только в здешней провинции.

– **А что такое русский национализм?**

– Русские люди по праву гордятся своей рускостью, они гордятся своей историей, позицией страны в мире, и они хотели бы, чтобы их традиции в большей мере были представлены в большом мире. Это же касается и британского национализма: я бы тоже хотел видеть свою страну стоящей в мире на высоком месте.

– **Почему некоторые люди в Европе – кто-то больше, кто-то меньше, – но почему они боятся Россию?**

– Я не думаю, что ее действительно боятся. Я думаю, есть некоторое недопонимание. Просто люди должны адаптироваться к новой российской уверенности в себе. К тому же еще остаются воспоминания о прошлом. Говоря от имени моей страны, должен сказать, что мы заинтересованы во взаимодействии с Россией на основе равноправия. Мы уважаем ваши традиции, находим, совместно с вами, общие ценности и подходы и взамен вправе ожидать, что и вы будете относиться к нам так же – как к равным. Тоже будете искать общие ценности и общие подходы к решению тех или иных проблем.

– **«Общие ценности» – что это? Это всегда такой спорный вопрос... Этот термин уже сам по себе превратился в довольно распространенный штамп. Часто все говорят – «общие ценности», мол, мы имеем общие ценности. Какие же общие ценности у Евросоюза и России?**

– Я не вижу тут особой проблемы. Мы – Россия и ЕС – подписались под определением наших общих ценностей, которое содержится в Европейской конвенции о защите прав человека. Там говорится о фундаментальной важности демократического политического режима, необходимости соблюдать права человека, необходимости запрещения пыток, унижающего человеческое достоинство обращения. Это и есть наши разделяемые ценности.

– **Некоторые российские официальные лица довольно осторожны и даже подозрительны в тех случаях, когда речь идет о взаимодействии зарубежных властей или НКО с российскими НКО. И особенно в последние годы такое отношение стало довольно характерным. Между тем в самой России НКО довольно слабо пока развиты. Тут есть некоторая проблема, как вы думаете?**

– Во-первых, позвольте мне заметить, что у нас в Соединенном Королевстве власти абсолютно открыты к любым некоммерческим организациям из любых стран, и, пока они соблюдают закон, они вольны приходить к нам и работать. И жаль, что некоторые из российских властей относятся с подозрени-

ем к зарубежным НКО. Эти подозрения ошибочны. Конечно, взаимодействие нашего посольства с общественностью некоммерческих организаций является полностью транспарентным. На нашем веб-сайте мы совершенно честно и полно рассказываем обо всех проектах, которые поддерживаем, обо всех НКО, с которыми связаны. И потом, те виды деятельности, которые мы поддерживаем, полностью совпадают с объективными целями вашего правительства в той мере, в какой оно поддерживает создание в России развитого гражданского общества. Мы поддерживаем некоммерческие организации, которые защищают права человека, окружающую среду, негативно относятся к пыткам, борются с их применением полицией и спецслужбами. Мне кажется, я понимаю, откуда исходят российские подозрения. Ваша история демократии и соблюдения прав человека короче нашей. К тому же сам по себе фактор присутствия или отсутствия таких НКО в том или ином обществе – признак здоровья или, наоборот, слабости общества. Чем больше их будет, тем сильнее будет Россия.

– **Вы покидаете Россию, в должности посла вас сменит другой человек. Покидая Россию, можете ли вы сказать, что вы теперь понимаете эту страну?**

– Нет, нет, нет. Умом Россию не понять – это еще Тютчев сказал. Я уезжаю в конце сентября, и уезжаю с печалью, потому что время обещает быть очень интересным. Я бы, конечно, хотел как-нибудь вернуться, я хочу сохранить те отношения, которые у меня завязались, продолжить изучение вашей замечательной и сложной страны.

– **В каких конкретно областях, в чем именно вы бы хотели изучить Россию глубже?**

– Ну, я во многих местах не успел побывать. Например, не был на Камчатке.

– **Я не имею в виду какие-либо регионы...**

– Я бы хотел написать книгу об Александре Даниловиче Меншикове, это очень интересная фигура вашей истории. До сих пор нет ни одной его биографии на английском. Я хотел бы продолжить изучение российской истории. У меня очень много друзей здесь, я

бы хотел к ним приезжать в гости, может, поработать в бизнесе, ведь у нас сейчас активно развиваются деловые связи...

– **Видимо, все-таки не в ТНК-ВР...**

– (Смеется.) Надеюсь, они решат все свои проблемы.

– **А почему, собственно, Меншиков? Чем он вам интересен?**

- Я им скажу, что это замечательное место для работы, но, приезжая сюда, вы должны быть свободны от эдакого опасливого мышления. Вы будете иметь дело с очень быстро, динамично развивающейся культурой, и вы сами должны быть способны быстро двигаться, приспосабливаться к тому, как работает Москва. Мой сын служит здесь в банке. И тоже говорит, что здесь потрясающая атмосфера. Все очень не похоже на то, как работают западные финансовые институты, солидные и остепенные. Здесь все меняется быстро, и, чтобы здесь работать, у вас должен быть соответствующий склад ума, готовность меняться быстро.
- Это очень яркая личность, гораздо более крупная, чем может показаться: он из низов дорос до уровня, когда, по сути, правил страной при Екатерине Первой, а затем был драматически низвергнут. Это эпическая история, и очень русская.
- **Давайте обменяемся мнениями. Я скажу, что мне не нравится в Лондоне, а вы – что вам не нравится в России. В культурно-бытовом плане только, не в политическом. Вот, например, Лондон очень комфортный город, но парковка там – это настоящий кошмар.**
- Здесь с парковкой тоже не лучше. Еще, например, русская зима слишком длинная: чуть ли не до апреля, слишком долго для меня. Ну и, как я уже сказал, некоторые наши трудности с определенными подразделениями российского правительства. Взять тот же Британский совет. Он присутствует здесь, чтобы развивать образовательные связи между нашими странами. Они на пользу и России, и Великобритании, и мне очень жаль, что кто-то в вашем правительстве вдруг невзлюбил Британский совет.
- Кстати, Британский совет был одним из примеров в плане организации для фонда «Русский мир». Идея ведь замечательная – распространять русский язык и русскую культуру за рубежом, не так ли?
- Да, идея замечательная, и ее очень приветствуют у нас в Великобритании.
- **Любимый театр появился в Москве за время вашей работы?**
- Мне очень нравится «Сатирикон», для них характерно современное прочтение многих традиционных произведений, они фантастически поставили Шекспира. Мне очень понравился у них «Ричард III», а также «Король Лир».
- **А современное русское кино вам нравится?**
- Дайте вспомнить, что я недавно смотрел из русского кино... На самом деле не так уж много я и смотрел, времени нет. Разумеется, я видел «12» Михалкова, очень умный фильм. Мне вообще очень нравится Михалков, нравятся его фильмы. С нетерпением жду, когда он снимет продолжение «Утомленных солнцем», это очень хорошая картина.
- **«12» – очень русский фильм, это все же типично русское жюри присяжных...**
- Да, но он снят по мотивам американского фильма «12 разгневанных мужчин», и это лишь один из примеров того, как могут русская и западная культура, сливаясь в синтезе, создавать новое качество.
- **Будете ли вы советовать своим коллегам, может быть, родственникам приезжать в Россию на работу на длительный срок? И какие советы вы им дадите на дорогу?**

{ **При всей трудности русского языка одна из самых замечательных вещей – это совершенно фантастическая литература.** }

циям. А вот в профессиональных областях, где необходимость быстрого движения очевидна, – в банковской сфере, торговле, некоторых других – в людях наблюдается удивительное сочетание профессионального динамизма и личного консерватизма. Это сочетание, – на мой взгляд, может, я и ошибаюсь, – чисто русское.

– **А какие из черт русского общества могли бы оказаться полезными, в чем-то служить примером для европейского общества, для европейцев?**

– Вот именно этот самый консерватизм. Прочность семейных связей и ценностей, то, что многие русские по-прежнему видят в них нравственное руководство в жизни. Все это слабее на Западе. И еще, вы очень любите свою культуру. Взять тот же Лермонтовский праздник. Я был в Петербурге на аналогичном Пушкинском фестивале. Сами по себе эти события, как и сила вашей привязанности к великим поэтам, удивительны, и мне жаль, что в этом отношении мы на Западе не такие, как вы. ◉

«ИНСТИНКТИВНО МЫ ВОЮЕМ С СОВРЕМЕННЫМ РУССКИМ ЯЗЫКОМ»

КСЕНИЯ БОБРОВИЧ, ПАРИЖ

Разговор с Никитой Алексеевичем СТРУВЕ, внуком известного русского экономиста и философа Петра Струве, был организован в одно мгновение с помощью близких друзей. Утром – телефонный звонок, а после обеда мы уже сидим в подвале магазина *Les Editeurs reunis* на rue du Montagne Saint-Genevieve в Париже.

B

ответ на благодарность за столь скорое согласие встретиться Никита Алексеевич, улыбаясь, отвечает: «Я теперь уже больше ничего не откладываю».

– Всегда интересно, как родной язык существует в чужой среде. Вот вы родились во Франции. У вас дома говорили по-русски?

– Практически все было просто, поскольку это касается первой, основной волны эмиграции. Мои родители (Алексей Петрович Струве и Екатерина Алексеевна Катуар – дочь обрусевшего француза, купца первой гильдии. – **Прим. авт.**) встретились во Франции. Он – из Петербурга, она – из Москвы. Моя мать французского происхождения, но они говорили с нами по-русски. Исключительно. Потом, когда мы поднаторели во французском языке, даже запрещали родителям говорить по-французски, поскольку нам казалось, что они говорят с каким-то акцентом. Хотя они были культурными людьми и очень прилично знали французский.

– Дети заставляли родителей говорить по-русски?

– Ну, это так, в форме шутки, конечно. В том поколении потомков первой эмиграции знание русского языка было делом обычным. Первая волна эмиграции вообще жила вне французского общества, которое было более закрытым, чем теперь. Зато это давало эмиграции возможность жить своим внутрен-

ним миром, своим внутренним обществом. У моих родителей французских друзей не было вплоть до войны. И только когда брат поступил во французскую армию, и позже, в 44-м году, когда Франция освободилась, у них появились друзья...

Смыслом существования первого поколения эмиграции было желание сохранить русский язык, сохранить русскую культуру, чтобы не исчезла та Россия, которую эмигранты вынуждены были покинуть. Ведь до революции Россия достигла своего высшего «европейского пункта». И эти люди хотели сохранить свою Россию.

Что касается второго поколения эмигрантов – это относится и ко мне, – то мы женились на русских, все трое: мой брат, сестра и я.

Правда, я – особый случай, поскольку я один из немногих в моем поколении, кто может писать на хорошем русском языке. Нас по пальцам можно перечесть, особенно во Франции. Но русский язык также стал и моей профессией, я начал издавать журнал и так далее... Я вообще-то пробовал еще изучать философию, арабский язык... Но русский язык в результате оказался не только призванием, он пришел с ощущением, что я могу тоже что-то свое сказать.

– А учились вы в русскоязычной среде?

– Нет, я учился во французской школе. Читать по-русски научился довольно поздно.

– Как Пушкин?

– Да-да, действительно! Первые стихи он написал по-французски. Серьезную

литературу я начал читать лет с четырнадцати. Я говорил по-русски, а потом он стал одним из моих рабочих языков, я действительно владею одинаково двумя языками. Я пишу книги и по-русски, и по-французски, сам перевожу свои французские книги на русский язык.

– Это не трудно?

– Очень трудно. Очень неприятно.
– **Не проще ли вообще написать сразу заново?**

– Только отчасти. Как говорила Ахматова, это – «**обмерзительнейшая работа!**! Потому что она переводила поэтесс – польских и других, – которые ей подражали. У меня другой, конечно, случай... Тем не менее, действительно, это – «**обмерзительнейшая работа**». Когда вы пишете по-французски, то обращаетесь к французскому читателю, а когда обращаетесь к русскому, то же самое нужно сказать иначе. В этом трудность.

Кстати, книгу о Мандельштаме я перевел на русский язык сам. Переиначил. Частично – и переписал. «Частично», поскольку все построение, все мысли остаются, конечно, но те же мысли должны быть выражены иначе. И потом, все-таки русский человек больше знает. В настоящее время я перевожу свою книгу об эмиграции, работа идет медленно и довольно мучительно. Неуютно. Что касается третьего поколения первой эмиграции, то есть моих детей: мои первенцы пошли во французскую школу, не зная французского языка. Правда, это была пара близнецов,

и они тут же научились, разумеется. Все трое моих детей прекрасно говорят по-русски, а мой сын – профессор японского языка, но он тоже замечательно пишет по-русски. Он мало пишет, но у него почти идеальный язык. Я его немножко поправляю, и он меня немножко поправляет. Вообще, править написанное всегда нужно.

– **Когда вы правите написанное, что для вас важнее: соответствие стилистике или соответствие разговорному языку?**

– Совсем правильных выражений мы, конечно, не получим, но инстинктивно мы воюем с современным русским языком. Потому что, конечно, наш язык немного устаревший, мы говорим немного иначе. Когда я бываю в

России, то замечаю, что мой русский язык людей поражает тем, что он не совсем похож на тот, на котором говорят они. Это оттого, что он опирается на традицию дореволюционную.

– **Чувствуете ли вы какое-нибудь сопротивление этому языку во внешней среде? Или для вас это не важно? Вот, например, вы говорите «иначе», мы говорим «иначе»...**

– Язык меняется, конечно... С революции прошел почти век... Язык долго держался, до 30-х годов. Он испортился под влиянием двух факторов: потому что уничтожили интеллигенцию и потому что царила советская система, милитаристическая и упрощенная в каком-то смысле. Затем в городах появились бедные крестьяне, изголодавшиеся, все это смешение и произошло. Французский язык сейчас тоже меняется, и довольно быстро. Когда я говорю «меняется» – это означает «портится». Это из-за телевизора, из-за Интернета, всей современной техники. Так что тут общие проблемы.

С третьим поколением русской эмиграции уже труднее. Мои дети вышли замуж или женились на русских, а вот их дети... Дети одной дочери говорят по-русски, но уже не шибко. Все понимают, но говорят чуть-чуть упрощенным языком. У второй дочери дети маленькие еще, кое-что понимают, но родители стараются сохранить один русский язык, чтобы не путать их.

– То есть ребенка можно запутать?

– Бывает... Например, у моего сына, который прекрасно пишет по-русски и который женат на гречанке, с детьми языковая проблема более сложная... Отец с матерью говорят по-французски, мать с сыном говорила по-гречески, а отец с самого начала говорил с сыном по-русски. Это было очень тяжело. Да еще некоторое время они жили в Японии, и внука нянчила японка. А в результате внук выбрал, если можно так выразиться, язык другого порядка – стал музыкантом.

– Получается, носителем языка является не один человек, а семья?

– Конечно. Язык целиком зависит от семьи. Качество языка зависит от культурного уровня семьи.

– Вы все время говорите о первой волне эмиграции, а не можете ли вы определить более четко каждый период так называемых волн эмиграции? Первая волна – это послереволюционная?

– Да, это главная, то есть та, что сохранила и приумножила культуру. Эта эмиграция – уникальный случай вообще в современной истории. Она аналогична исходу еврейского народа. И так этими людьми и ощущалась. Миссия ее была культурно-политическая – защита ценностей, которые в тот период в России уничтожались.

Затем вторая эмиграция – это связано с войной. Оставшиеся – DP, или Displaced Persons, и очень немногие спасшиеся из лагерей или ушедшие за границу перед занятием областей советскими войсками и т.д. Но если в первой волне было 1,5 миллиона человек, то во второй – полмиллиона. Эмигрантов этой волны во Франции осталось мало, она схлынула, и, кроме того, культурный уровень ее был ниже... Они тоже сохраняли язык. Правда, с более заметными потерями. Например, я знаю человека, семья которого эмигрировала во время войны, когда ему было семь лет. Сейчас ему за 70, но он так до конца не выучился и говорит по-русски как иностранец. Я, к примеру, жил в 16-м районе Парижа, там в пяти минутах была церковь, в пяти минутах – лавка русская, в пяти минутах жили всякие русские писатели, почти через дом от нас тоже жили русские. А вторая эмиграция этим не могла похвастаться.

– То есть она более рассеяна?

– Да. Ее гораздо меньше, и во Франции их осталось мало, потому что им хотелось быть подальше от Советской России, они уезжали в Америку, еще дальше. Я не изучал, насколько они сохранили язык в Новой Зеландии, Австралии.

Третья эмиграция – это 70-е и начало 80-х годов, и эта волна, конечно, тоже немногочисленна. Во втором поколении дети этих

эмигрантов стали довольно быстро забывать родной язык. Третья эмиграция уезжала из России, не испытывая к стране особой любви... может быть, оттого, что ее не за что было любить, а отчасти оттого, что они на 80% были еврейского происхождения, они чувствовали себя немножко чужими по отношению к российским ценностям.

Что до четвертой волны, современной, то вам виднее. Это отчасти не совсем эмиграция.

– Мне кажется, это больше миграция?

– Да, теперь – миграция. Теперь она почти иссякла из России. Есть еще Украина и Молдавия, это то, что называют пятой волной эмиграции. Она возникла просто потому, что там хуже живется. Это – миграция, потому что всегда можно вернуться. И можно опять стать русским гражданином. Некоторые считают, что эмигранты из числа последних приезжающих забудут язык через пять-десять лет, и тем более его забудут их дети. Потому что нет более смысла сохранять культуру.

– Они стремятся быстрее ассимилироваться...

– Да, это, скорее всего, так. Были такие и в первой волне эмиграции, они хотели ассимилироваться, не быть чужими. Нас в школе, например, называли «паршивые русские»...

– Как менялось отношение французов к русскому языку в связи с этими периодами присутствия большего или меньшего числа русских в обществе? Вы, наверное, наблюдали это на своих студентах?..

– Тут тоже есть и частные случаи, и общие правила. Русский язык стал

изучаться довольно широко благодаря холодной войне. Были, правда, те, кто был против, и были те, кто выступал «за». Среди моих коллег были ярые коммунисты, один мой коллега, скажем, когда умер Сталин, плакал. Интересовались языком, Россией, потому что нужно было что-то противопоставить. На Россию смотрели как на систему, которая хотела завоевать весь мир.

Сейчас это прошло. Когда я уходил на пенсию, студентов, изучающих русский язык, в моем университете оставалось очень мало. Русский стал побочным языком. Это случилось

НИКИТА АЛЕКСЕЕВИЧ СТРУВЕ

Родился 16 февраля 1931 года в городе Булонь-Бийянкур (Франция).
Внук Петра Бернгардовича Струве и брат протоиерея Петра Струве.

Окончил Сорбонну, где затем преподавал русский язык. Активный член Русского студенческого христианского движения (РСХД, основано в 1923 году в чешском городе Пшеров).

В 60-70-е годы член бюро РСХД. Был президентом благотворительного центра «Монжерон». Директор издательства YMCA-Press. Главный редактор журналов «Вестник Русского христианского движения» (издается с 1928 года) и Le messager orthodoxe.

Профессор русской литературы Университета Париж X – Нантер. Соучредитель библиотеки-фонда «Русское зарубежье».

– Да, «Русская мысль» изменилась. Советская ментальность в ней сохранилась и добавилась современная ментальность – российско-советская или российско-американская. Газета в этом смысле ощущается очень многими как чужая. Она уже не передает эмигрантского духа. Это должно было кончиться, ничто не вечно. Но ценности живут долго, имеет смысл их оберегать и обогащать.

– **Так что, культура существует теперь только в устной традиции?**

– Ну, не только в устной. Я, например, издаю журнал, который не имеет большого распространения. Он религиозного направления.

– **Проводятся ли какие-либо семинары или симпозиумы?**

– Да, есть кружки, они происходят от РСХД (Русскоестуденческохристианское движение. – **Прим. авт.**), я устраиваю каждый месяц семинары, почти все они проходят по-французски, но говорят на них о русской культуре. Тут вопрос не столько в языке, сколько в смысле. Ведь к нам приходят очень разные люди. И именно французский язык на таких семинарах позволяет объединить людей разных поколений, разных национальностей.

– **Бердяев сказал в предисловии к «Самопознанию»: «Мой универсализм, моя вражда к национализму – русская черта».**

– Это русская черта, как и ее обратная сторона, к сожалению. Как раз эмиграция и несла эту черту, которая Бердяевым ярко выражена. Православие, в частности, не есть просто религия русского народа, не есть просто русская форма христианства. Православие универсально и должно быть универсальным. Всякая культура имеет универсальное значение, но она имеет одновременно и свое своеобразие.

Скажем, наших писателей ни за что не примешь ни за француза, ни за англичанина. Достоевский невозможен во Франции, и даже Солженицын невозможен во Франции, и Толстой. Они – великие люди, но притом настоящие почвенники. Но – именно преодолевающие эту «почву», поднимаясь до высот универсализма. А «только русское» – оно довольно ограниченно. Как, скажем, «только французское» – тоже ограниченно. ¶

и с другими языками – немецким, например. После войны в Париже было четыре университета, где преподавали русский язык, теперь русский серьезно преподается фактически только в двух – INALCO (L’Institut national des langues et civilisations orientales – Национальный институт восточных языков и цивилизаций в Париже. – **Прим. авт.**) и Paris IV (Paris IV, Université Paris Sorbonne – Университет Париж-Сорbonна – Париж IV, основной преемник гуманитарной традиции Парижского университета. – **Прим. авт.**). В моем университете, в Нантере, изучение русского языка сильно сократилось. В Орсэ – тем более.

– **Вы часто ездите в Россию, особенно в последнее время, в связи с работой вашего фонда и издательства. Есть ли у вас впечатление, что русская эмиграция и само российское пространство становятся едиными?**

– И да, и нет. Вообще, сейчас больше не существует границ не только физических, но и информационных... Теперь «запертый» коммунизм почти невозможен.... Тем не менее некоторые ценности, выработанные в эмиграции, до сих пор отчасти иные, чем те, которые бытуют в России. И это естественно. Чтобы преодолеть советскую ментальность, еще нужны будут годы и годы. Кроме того, эмиграция жила отчасти отдельно от Запада, в противовес Западу или – показывая Западу Россию.

{ Язык испортился под влиянием двух факторов: потому что уничтожили интеллигенцию и потому что царила советская система, милитаристическая и упрощенная. }

Мы иные. Я очень настаиваю на этом и пытался сказать об этом Владимиру Владимировичу Путину при встрече. Мы – иные, и эту «инакость» следует беречь. Есть некая опасность потерять ее сейчас, поскольку пространство едино. Нет причин чувствовать себя чужими, но «иными» – иногда стоит. «Иными» – значит противостоящими, обособляющимися. «Иными» – потому что была та небывалая свобода, которой пользовалась эмиграция... И потому что нужно оберегать ценности, которые были нами выработаны. Сколько еще лет это будет возможно делать, я не знаю. Это все уже «без пяти минут» или, может, даже «без одной минуты».

– Недавно мне попалась на глаза «Русская мысль», в которой я прочитала, что эта газета предназначена в том числе для людей, желающих заниматься бизнесом, желающих воздействовать на российский бизнес из-за границы. То есть понятие «бизнес» уже возникло в «Русской мысли»...

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО

МИХАИЛ БЫКОВ

На ленте венка от Императорской Академии Генерального штаба, который лег на могилу генерала, было написано: «Герою Михаилу Дмитриевичу Скобелеву, полководцу, Суворову равному». Немногих русских генералов провожали в последний путь такими словами.

Абыли ли эти слова близки к истине? Или чувствами составителей траурного текста в Петербурге управляла известная традиция, согласно которой принято значительно преувеличивать достижения ушедшего, закрывая при этом глаза на все его недостатки? Может быть, и сам император Александр Третий слишком поддался эмоциям, направляя сестре генерала Скобелева телеграмму: «Страшно поражен и огорчен внезапной смертью вашего брата. Потеря для русской армии незаменимая и, конечно, всеми истинно военными людьми сильно оплакиваемая. Грустно, очень грустно терять столь полезных и преданных своему делу деятелей»? Известно ведь, что не слишком складывались отношения царя и популярного военачальника. 165-летие со дня рождения Михаила Скобелева, – сначала отмеченное в Петербурге, где он родился в Комендантском доме Петропавловской крепости, затем в Рязани и селе Зaborове Новодеревенского района Рязанской области, где на территории бывшего родового имения Скобелевых генерал похоронен, – достойный повод еще раз попытаться понять масштаб этой исторической фигуры.

Дорога из Москвы на Рязань хороша. Бронницы, Коломна, Луховицы, Рыбное с указателем на есенинское село Константиново –

от одних названий уже не скучно. Правда, и тут чувствуется автомобильное засилье. Казалось бы, суббота, раннее утро, а в ста верстах от столицы, под Коломной, очередной затор. На въезде в Рязань тоже неспокойно. Молоденький лейтенант не сидит в домике ДПС. Нет, бегает вдоль полосы, машет жезлом, посвистывает... Мы, как богатыри русские, на перепутье. Налево поедешь – в Мещеру попадешь, прямо поедешь – в центр полумиллионного города, направо... Насчет направо – указателя нет. Лейтенант внимателен к остановившимся москвичам:

– На Рязск? Так это вам направо и надо. Мост, поворот, снова мост, снова поворот, а дальше – прямо. Километров сто будет.

– За Рязском есть такое село, Зaborово называется... – воодушевленно продолжаю опрос.

– Вот этого не знаю, – машет полосатым жезлом офицер милиции.

– Ну, как же, там мемориал генерала Скобелева! – уточняю я. Но лейтенант с виноватой улыбкой уже бежит через разделительную полосу.

После сотни верст до древнего маленького Рязска выяснилось, что еще примерно тридцать – до райцентра, поселка Александро-Невского, оттуда еще столько же до самого Зaborова.

Много это или мало – три с лишним часа от МКАД? Генерал Скобелев добирался в поместье иначе. Если из Москвы, то поездом по Южной железной дороге до станции Раненбург, от станции – на лошадях мимо сел Боровок, Попсечье... Только потом – Спасское-Зaborово.

Однако бывал он тут нечасто. Служба не позволяла. Да и темперамент тоже.

Хотя в последние месяцы жизни все чаще признавался близким друзьям в том, что устал, изуверился, измучился. И что лучше уж в Спасском яблоки выращивать. Незадолго до смерти генерал заказал в книжном магазине огромное количество специальной литературы по сельскому хозяйству. А уж учиться он умел! Хотя делал это весьма своеобразно.

Михаил Дмитриевич Скобелев родился 17 сентября 1843 года, в день святых мучениц Веры, Надежды, Любови и ма-

тери их Софии. Генералами были и отец, и дед будущего героя Плевны. Казалось бы, судьба предопределена. Тем более что дед, генерал Свity, комендант Петропавловки, часто видится с императором, а отец – адъютант военного министра графа Чернышова. Поначалу Миша получает домашнее образование с немецким губернатором, с которым воюет по любому поводу. На смену немцу приходит француз, вернее, 12-летнего Скобелева везут в Париж в пансион Дезидерио Жерардэ. На сей раз выбор наставника оказался настолько удачен, что месье Жерардэ спустя много лет будет сопровождать воспитанника в его знаменитых военных походах. Впрочем, среди исследователей жизни генерала есть мнение, что именно Жерардэ осуществлял при Скобелеве некую миссию в интересах масонских лож. Однако об этом позже.

В семье приняли решение готовить Михаила к поступлению в... Петербургский университет. 21 мая 1860 года после двухлетней подготовки Скобелев держал предварительный экзамен не где-нибудь, а на квартире графа Адлерберга, женатого на сестре Ольги Николаевны, матери Михаила. Не то важно, что Адлерберг был дядей, а то, что Александр Владимирович юных лет дружил с будущим государем Александром Вторым и занимал должность ministra двора Его Императорского Величества.

Это существенный момент в биографии Скобелева. Дело в том, что усилиями пропагандистов в советский период

узкий ручеек информации о генерале загнали в канал «Скобелев – народный герой». Складывалось ощущение, что Михаил Дмитриевич и сам выходец из простых, что между ним и петербургской аристократией существовала дистанция, переходящая в открытую вражду. Да, Скобелев был любимцем всего русского народа, но в то же время и по крови, и по статусу принадлежал к элите общества. Довольно сказать, что его сестры вышли замуж: Надежда – за князя Белосельского-Белозерского, Ольга – за графа Шереметева, Зинаида – за Евгения Максимилиановича, князя Романовского, герцога Лейхтенбергского, который приходился двоюродным внуком императору Николаю Первому. Да и сам Скобелев был женат, пусть крайне недолго и совершенно неудачно, на княгине Марии Гагариной.

На математическом факультете Михаил проучился недолго. В университете тон задавали «нигилисты», начались волнения, дело шло к закрытию заведения. По совету отца (и, надо думать, по протекции. – Прим. авт.), 22 ноября 1861 года Скобелев поступает в Кавалергардский полк. В сентябре следующего года он – портупей-юнкер, 31 марта 1863-го произведен в корнеты. Служба в тяжелой кавалерии оказалась недолгой, и в марте 1864 года Михаил переводится в Гродненский гусарский лейб-гвардии полк. Несколько ранее началось оче-

{ **Боевой путь генерала от инфanterии Скобелева укладывается в 18 лет. Или – в шесть военных кампаний.** }

редное восстание в польском Генерал-губернаторстве. Скобелев вместе с полком принимает участие в его ликвидации, получает первый орден – Святой Анны четвертой степени. Любопытно, что еще до перевода в гродненские гусары он, отправившись в отпуск, оказался в Преображенском лейб-гвардии полку, следовавшем на поимку одного из отрядов восставших. Весь отпуск корнет провел в походном седле. Такое поведение типично для Скобелева в ходе всей его военной карьеры.

Скобелев – не первый успешный русский офицер, который обходится без двух начальных ступеней воинского профессионального образования. Он не был в кадетском корпусе, не посещал военное училище. А спустя три года после выхода в офицеры уже поступает в Николаевскую академию Генерального штаба. Говоря современным языком – в аспирантуру.

Видимо, налицо классический случай генетической передачи накопленной информации.

На границе Новодеревенского района, около сверхсовременной заправки с высокой теремной крышей, довольно дико смотрящейся среди побелевшей от ночных заморозков зяби, нас встречают тамошние власти. Машину направляют местным трактом мимо свежепобеленных коровников и не сжатых еще полей кукурузы, гордо поднимающейся метра на полтора-два над духовно чуждой ей рязанской землей. Сопровождающая нас женщина, заместитель главы района,

рассказывает о бывших скобелевских угодьях. Выясняется, что народу в самом южном уезде Рязанской губернии живет немногого, тысяч тринадцать. Хозяйства стоят крепко. Зерна намолотили более сотни тысяч тонн. Возвращается поголовье крупного рогатого скота.

Мощный «Дон-1500», безжалостно расправляясь с большими листьями и длинными стеблями и набивая початками громадное железное брюхо, движется вдоль дороги. А с противоположной стороны тракта на нас надвигается пятнистое черно-белое стадо голов так в четыреста. Действительно, возвращается! – подумалось. И еще. Если не проскочим, стоять нам среди коров минут двадцать. Проскачиваем. Странно, но на душе нет ни грамма привычного уже городского сарказма в адрес нашей не самой счастливой на свете деревни. Суетятся куры на обочинах, надменный гусь переходит дорогу, ведя в кильватере двух гусынь, черная, жирная земля, поднятая под озимые, исходит паром, уверенно смотрят улыбающиеся глаза замглавы, рассказывающей о переоборудованных фермах. Я гляжу на ее плотные крепкие пальцы с ко-

ротко подрезанными ногтями – знает, о чем говорит.

– Вот и первый пруд, – показывает она рукой направо. – У Скобелевых был целый каскад прудов. Мы пока привели в порядок один. Но лиха беда начало.

За прудом – небольшой лесок, а за леском – колокольня...

Древним род Скобелевых никак не назовешь. Известно, что в XVIII веке жил-был сержант Никита Скобелев, происходившим из дворян-однодворцев. Жена, Татьяна Корева, из ставропольских дворян, родила ему трех сыновей – Федора, Михаила и Ивана. Все трое были офицерами. Полковником, поручиком и полным генералом соответственно. Иван Никитич, дед Михаила, фигура в русской истории приметная. Мало того что всю жизнь в боях, что в 1812 году состоял непосредственно при Кутузове, что имел четвертого и третьего Георгиев и орден Александра Невского. Он еще и весьма солидное состояние скопотил и стал известен как военный бытописатель под псевдонимом «русский инвалид». Печатался Иван Никитич с 1833 года и до самой смерти в 1849-м, публиковал рассказы для солдат и пьесы о солдатах. Его литературные опыты были чрезвычайно популярны и написаны ярким образным языком. Тем удивительнее, ведь Скобелев – дед не имел никакого специального образования, получив военную специальность непосредственно в войсках. Он и писал-то с орфографическими ошибками. Но как писал! Самые известные его строчки относятся не к литературному произведению, а к боевому приказу. Он диктовал их, сидя на барабане после боя около города Минска. «...К защите прав батюшки-царя и славы святого нам отечества, среди храбрых товарищей, и трех по милости Божьей оставшихся у меня пальцев с избытком достаточно».

В этом бою польское ядро разнесло генералу левую руку, и ее пришлось ампутировать. Было сие в 1831 году. А где еще два пальца? Они остались в Швеции, где в 1808 году в битве при Кирке Коуртане Ивану Скобелеву оторвало два пальца на правой руке, а третий – раздробило.

Отец Скобелева, Дмитрий Иванович, окончил Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров и вышел в Кавалергардский полк. Сражался не меньше, чем Иван Никитич. В том числе на Восточной (Крымской) войне. Затем он служил в Петербурге и Царском Селе. Последовательно командовал Конно-Гренадерским лейб-гвардии полком и Собственным Его Величества Император-

БОЕВОЙ ФОРМУЛЯР ГЕНЕРАЛА ОТ ИНФАНТЕРИИ М.Д. СКОБЕЛЕВА

1863–1864

участвовал в операциях по подавлению сепаратистских волнений в Польше.

Орден Св. Анны четвертой степени.

1873

участвовал в Хивинском походе. Орден Св. Георгия четвертой степени.

1875–1876

участвовал и руководил операциями по присоединению к России Кокандского ханства. Орден Св. Георгия третьей степени и орден Св. Владимира третьей степени, золотое оружие «За храбрость».

1877–1878

участвовал и руководил различными операциями в Русско-турецкую войну: форсирование Дуная, штурм и осада

Плевны, овладение Ловчи, зимний переход через Балканы, сражение у Шейново. Награжден золотым оружием «За храбрость».

1881

руководил Ахалтекинской операцией и осадой крепости Геок-Тепе с целью присоединения Туркмении к Российской империи. Награжден орденом Св. Георгия второй степени.

Всего генерал Скобелев принял участие более чем в 70 боях и крупных сражениях и во всех без исключения вышел победителем. Как результат имел 19 боевых орденов. Под ним было убито пять лошадей, получил ранение и контузию.

ским Конвоем, состоял при генерал-инспекторе кавалерии. Но самое примечательное, что во время последней Русско-турецкой войны, принесшей всемирную славу его сыну, они воевали вместе, в ноябре 1877 года под Плевной. Умер Скобелев-отец неожиданно, вследствие врожденного порока сердца. Этот факт имеет смысл запомнить обязательно. Мать Михаила Дмитриевича была «женщина замечательная и многое из своих качеств передала сыну. Обладая всеми качествами – хорошими и дурными – женщины большого петербургского света, Ольга Николаевна не довольствовалась этой ролью и имела исключительное для женщины честолюбие... Обладая большим и весьма гибким умом и знанием сердца человеческого, Ольга Николаевна имела к тому же дар быстро ориентироваться среди самых разнообразных личностей, встречавшихся на ее довольно бурном жизненном пути». Так писал о матери Михаила Скобелева один из его ближайших друзей, соратников и учеников, генерал Куропаткин, печально известный впоследствии как главный виновник событий Русско-японской войны 1904–1905 годов.

Трудно сказать, насколько точны эти оценки, но именно человеческий фактор сыграл трагическую роль в жизни и смерти Ольги Николаевны Скобелевой. В Русско-турецкую войну она активно занималась организацией военных лазаретов и была их начальницей. После войны и похорон мужа Скобелева отправилась на Балканы и возглавила тамошний Красный Крест. В Филиппополе она открыла приют на 250

Скобелев никогда не позволял во вверенных ему частях воровать у солдат. Считал, что плох тот командир, который не знает, какая пища в котлах его роты.

воспитанников, в других городах Болгарии и Румелии учредила школы и госпитали. Ее известность, помноженная на известность мужа и, особенно, на славу сына, сделала Ольгу Николаевну весьма влиятельным лицом на Балканах. Тот же Куропаткин писал, что госпожа Скобелева не ограничивалась благотворительной деятельностью. Ее «материнское честолюбие заходило настолько далеко, что она считала возможным увидеть своего сына первоначально генерал-губернатором, а затем князем Болгарии и Румелии и, на-

ездок по балканским городам и весям. Во-вторых, потому, что сам Узатис, рожденный в России и служивший в русской армии под непосредственным началом Михаила Скобелева, был спасен своим начальником от военного суда. Сразу после войны, когда русские части стояли в Сан-Стефано, по соседству с Константинополем, Скобелева вызывал к себе вновь прибывший командующий генерал Тотлебен. Михаил Дмитриевич потребовал украшенную алмазами Золотую шпагу (особый вид награды «За храбрость». – **Прим. авт.**), и тут выяснилось, что шпага-то есть, а вот алмазов – нет. Провели расследование, и все сошлось на ординарце Узатисе. За такие вещи

Мемориальная доска генералу Михаилу Скобелеву на фасаде Комендантского дома Петропавловской крепости

конец, собирателем славянских земель на Балканах в одно сильное государство». Она погибла в ночь на 6 июля 1880 года в пяти километрах от Филиппополя, у маленького селения Чирпак (Чирпан). На ночной дороге на ее экипаж напала группа всадников, возглавляемых поручиком русской армии и одновременно капитаном румелийской полиции черногорцем по происхождению Алексеем Узатисом. Едва коляска остановилась, Узатис выхватил шашку и зарубил Ольгу Николаевну. Так же погибли горничная и кучер. А вот сопровождавший Скобелеву преданный ее сыну унтер-офицер Матвей Иванов умудрился сбежать. В городе он поднял тревогу. Узатиса нагнали, окружили, и он застрелился.

История более чем странная. Во-первых, потому, что Узатис прекрасно знал Скобелеву и сопровождал ее в большинстве по-

ме всяческих военно-патриотических организаций и клубов, поисковых отрядов, в форме рязанских военных училищ. Без формы и без хоругвей – в цивильном и праздничном. Ветер дует сильно и с холдком. Срывает с микрофона слова о том, какую роль в истории отечества сыграл генерал, похороненный здесь 126 лет назад. Но люди слушают и вслушиваются. Речи получаются все-таки чуть длиннее, чем нужно. Но вот слева за спиной передергивают затворы – и в осенне небо несутся пронзительные звуки выстрелов воинского салюта. Кричат черные птицы, поднятые с веток. Молчат торжественно люди. У меня нет головного убора, как-то не склонен носить. И я с чувством тихой зависти гляжу на стоящего рядом генерала Кирилина. И на полковника милиции – чуть подальше. И на начальника Рязанского военкомата. И на курсантов, застывших в парадном строю. Ах, как хочется вздернуть ладонь к правому виску и отдать честь самому Скобелеву!

Боевой путь генерала от инфanterии Скобелева укладывается в 18 лет. Или – в шесть военных кампаний. После «дебюта» в польском восстании 1863–1864 годов и обучения в Николаевской академии Михаил Дмитриевич в чине штаб-ротмистра Генерального штаба отправляется на службу в Туркестанский округ. Очевидно, что его связи при дворе и гвардейское прошлое гарантировали место в Петербургском гарнизоне. Но Скобелев ищет дела. Он и в академии усидел с большим трудом. И если бы не профессор Витмер, вряд ли бы усидел.

Уже с младших чинов Скобелева преследовали всяческие мифы и истории. Одна из них связана как раз с зачислением его в Генеральный штаб. На выпускке после экзамена по теории пришлось сдавать и практику. Скобелеву досталось задание отыскать место для переправы кавалерии через Неман. Не слишком жалуя сей предмет – рекогносцировку – и в теории, в практическом плане молодой офицер выбрал предельно простое решение. На глазах приемной комиссии он вскочил в седло и пустил коня вплавь через реку. Конь сдюжил испытание в оба конца, а начальник комиссии генерал Леер приказал зачислить Скобелева в Генштаб, подчеркнув, что армии нужны решительные начальники, умеющие импровизировать.

Надо сразу сказать, что парадный портрет Михаила Дмитриевича сильно отличается от реального. Он был человеком с

полагалась каторга, но Скобелев предпочел «не выносить сор из избы». Узатис вместе с братом отослали назад в полк, а Михаил Дмитриевич взял обет молчания с офицеров, участвовавших в расследовании. Наконец, в-третьих, Узатис наверняка знал, что в этот раз Скобелева приехала в Болгарию с огромной суммой денег – около миллиона рублей. Сказывала, что собирается купить землю, построить дом и монастырь. В последнюю поездку она взяла с собой «только» 46 000. Тайна гибели матери Скобелева не разгадана до сих пор. Но есть несколько версий: от банального ограбления до политического заказа.

Церковь выглянула из-за рощи неожиданно – несмотря на то, что ее присутствие там угадывалось по колокольному шпилю. Кирпичный храм, крашенный снежно-белой краской. Два придела по бокам. В левом – могила само-

**{ Скобелева называли
Белым генералом. Белый
цвет на Руси всегда был
символом чистого сердца и
незапятнанной чести. }**

го Михаила Дмитриевича Скобелева, в правом – матери и отца. Об этом мы узнаем чуть позже, а пока идет поминальная служба, и все дороги ведут к алтарю. В церкви – хорошо. Знаете, так бывает. Когда не нужны эпитеты и всяческие прочие обороты. Просто – хорошо... Может быть, потому, что тут почти нет случайных людей. Те, кому служба по каким-то причинам в тягость, ждут на улице, выстроившись где в шеренгу, где кучками вдоль широкой аллеи, уходящей куда-то в начинающий желтеть лес.

Идем к могилам, батюшка кропит водой, свечки в руках бьются, потому как в приделах бегает ветер, проникая из открытых церковных дверей.

После крестного хода вокруг храма можно и основательно оглядеться. Замглавы куда-то пропала. Зато рядом – губернатор Рязанской области Олег Ковалев, первый заместитель председателя Совета Федерации Александр Торшин, начальник мемориального комплекса Министерства обороны генерал-майор Александр Кирилин, представитель Скобелевского комитета Александр Алекаев, чьими усилиями храм обрел наконец прекрасный иконостас ручной работы. Короче, кто хотел, тот доехал.

Все здесь, у бюста генерала Скобелева, глаза которого обращены в сторону церкви. А напротив – не менее тысячи человек. Богомольные бабушки из окрестных сел и деревень в меньшинстве. Очень много молодых. В фор-

множеством свойственных этому существу комплексов и недостатков. Среди них были такие безобидные, как за- предельная любовь к ароматам. Современники отмечали, что и сам генерал, и его помещения всегда были наду- шены чрезвычайно.

Знаменитый художник-баталист Василий Верещагин, дру- живший и прекрасно знавший Скобелева и на войне, и в быту, отмечал склонность и к мистике. «Суеверие этого милого, симпатичного человека было очень велико. Он ве- рил в счастливые и несчастливые дни, счастливые встре- чи и предзнаменования. Он ни за что не стал бы сидеть за столом в числе 13 человек, не допустил бы трех свечей на стол...» – вспоминал Верещагин. Также он писал о том, что «всегда толковый, разумный, увлекательный на поле битвы, Скобелев в частной жизни был хотя и симпатичен, но не- рвен, капризен. При разговоре он редко сидел... Когда же сидел, то непременно вертел что-нибудь в руках». И теперь самое интересное и важное наблюдение Верещагина: «Чер- товски храбрый на поле битвы, Скобелев был порядочный трус перед высокопоставленными лицами – он как будто съеживался в их присутствии, принимал жалостливый вид. Всегда заново одетый и надушенный перед солдатами под пулями, в главной квартире он ходил каким-то отчаянным: шинель на боку, фуражка на затылке – точно он боялся, чтоб не засмеяли, не поставили ему в вину щегольство одеждой, как ставили в вину храбрость».

Трусость, о которой говорит Верещагин, надо понимать как некий «комплекс иноходца», плохо уживавшегося с «нор- мальными» людьми и, следовательно, с «нормальными» правилами жизни. К примеру, Скобелев никогда не позво- лял во вверенных ему частях воровать у солдат. Считал, что плох тот командир, который не знает, какая пища в котлах его роты. И нещадно боролся с такими офицерами. Он не понимал и не принимал нормы, по которой солдат обрекался на дополнительные сложности и так в нелегком ратном деле. Если было ясно, что придется окапываться, дабы спастись от огня противника, то как можно, по разу- мению Скобелева, отправлять роты в атаку без шанцевого инструмента? Известен случай, когда он собственного отца «выставил» на приличную сумму, так как необходимо было срочно оплатить поставщику купленные для целого отряда полушибки. Михаил Дмитриевич предвидел, что солдатам придется преодолевать горные перевалы Болгарии, а там в одних мундирах не забалуешь.

И что ему было делать, как существовать во временами враждебной среде, если армия не предполагает возмож- ности удалиться в затвор или замкнуться в гордом оди-

второй степени [а таких в истории России всего 125 человек. – **Прим. авт.**], крайне холодно. Вновь весь разговор свелся к одной фразе, содержащей прозрачный намек на несуществующее же- лание генерала возглавлять оппозицию режиму нового государя. «Мне даже не предложили сесть!» – переживал Скобелев детали визита.

**Михаил
Дмитриевич
Скобелев
на Русско-
турецкой
войне**

ночестве? А вокруг – и воровали, и били солдата, и забывали обеспечить его всем необходимым, отправляя в бой...

После побед в Кокандском походе, завершившемся присоединением к России Ферганской области, и после победы в Ахалтекинской экспедиции, взятия Геок-Тепе, что позволило получить контроль над территорией Туркмении, Скобелева весьма холодно принимали в Петербурге.

Император Александр Второй поблагода- рил за Коканд и Фергану в 1876 году, но даже не протянул руки. А во второй части короткого приветствия выразил неудо- вольствие по поводу «всего остално- го». Над «всем осталным» потрудились князья Долгорукий и Витгенштейн, от- правившиеся в Среднюю Азию за сво- ей долей наград и чинов и осевшие при штабе. Особенно отличился в доносах, по словам военного министра Милюти- на, князь Долгорукий. Царь, видимо, по- верил.

К этому времени 33-летний Скобелев уже имел чин генерала, золотое Георгиевское оружие и кресты четвертого и третьего Георгиев, догнав, таким образом, своего родителя.

В 1881 году уже император Александр Третий обошелся с героем, награжден- ным за Геок-Тепе Георгиевским крестом

Открытие памятника генералу М.Д. Скобелеву в Москве, на Тверской площади (сегодня на этом месте находится памятник Юрию Долгорукому)

тия русской державы и одновременно прозорливо оценивающего ближайшие перспективы в отношениях с главными политическими игроками Европы. Никто, как Скобелев, побывавший с инспекцией в германской армии в 1879 году, не мог видеть, что кайзер милитаризирует страну с фантастической скоростью и что цель этой милитаризации, скорее всего, находится на востоке от немецких границ. Да, новый царь не склонен был ввязывать страну в какие-либо военные авантюры, что и доказал последующим правлением. Да, меняя направление внешней политики, он внутри страны декларировал русскость во всем. Тем удивительнее, что он не нашел нужным вовремя привлечь на свою сторону человека беспримерной популярности. Написавшего, что «история нас учит, что самосознанием, проявлением народной инициативы, поклонением народному прошлому, народной славе, в особенности же усиленным уважением, воскресением в массе народа веры отцов во всей ее чистоте и неприкосновенности можно воспламенить угасшее народное чувство, вновь создать силу в распадающемся государстве».

Таким образом, в 1881 году Скобелев оказался вытолкнутым на политическую обочину, где он мог от безнадежности

Неужели причины столь сдержанного отношения при дворе имели сугубо личностный окрас? Проще говоря, всем правила зависеть? Император Александр Третий во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов был в действующей армии, контролировал ход мирного урегулирования балканского кризиса, который, кстати, так не устроил Скобелева по своим результатам. Не мог царь не знать о военном даровании Михаила Дмитриевича, о его взглядах на славянский мир, уже оформлявшихся в некую доктрину. Не мог не понимать, что как раз Скобелев – образец патриота, понимающего ценность мировой, и в частности западноевропейской, культуры для нормального развития

оказаться в альянсе самом удивительном. С неистовыми славянофилами, в сравнении с которыми Иван Аксаков был либералом. Сторонниками французского премьера Гамбетты, связанного с масонами. Боевыми организациями сербских студентов, перед которыми Скобелев так ярко выступил в Париже в феврале 1882 года. Революционными деятелями, близкими к членам военизированной организации «Народная воля»... Ситуация усугублялась тем, что примерно в это же время Скобелев расстался с женщиной, Екатериной Александровной Головкиной, с которой он готов был создать семью.

В любом случае после двух выступлений, 9 января в Петербурге и 5 февраля в Париже, стало ясно, что в России появился публичный политик-оппозиционер в погонах полного генерала, пользующийся беспредельной любовью не только русского, но и многих балканских народов, популярный во Франции и Польше, глубоко уважаемый в среднеазиатских пределах. Видимо, уже не имело значения, что думал Скобелев о ситуации в России и Европе на самом деле и насколько далеко готов был зайти генерал вслед за собственными речами.

В Петербурге спохватились. Скобелева вернули из отпуска. Состоялась аудиенция с императором. Они проговорили более двух часов, через придворных по столице быстро разнесся слух, что генерал покинул царский кабинет с улыбкой. Но маховик уже завертелся.

После разговора с императором он некоторое время провел в Минске, где стоял вверенный ему 4-й корпус. Затем еще раз посетил Париж. Начал готовиться к поездке в Болгарию, где, по его мнению, вскоре ожидалась война. Князь Оболенский рассказывал, что потом виделся со Скобелевым в Петербурге, тот срочно

превращал в деньги все свои облигации, акции и прочие ценные бумаги, а также золото и драгоценности. Кстати, об этих деньгах. Их набралось более чем много – миллион рублей. Генерал передал их своему крестному, преданнейшему человеку Ивану Ильичу Маслову, но очень быстро выяснилось, что деньги исчезли, а Маслов сошел с ума. Тот же Оболенский сообщал позже, что деньги так и не обнаружились, а Маслов так и умер сумасшедшим через 10 лет после ухода генерала. Но другие источники утверждают, что незадолго до смерти в 1891 году Иван Ильич Маслов завещал миллион рублей на дело народного просвещения. А из жизни

чившем воине Михаиле. Ливень прекратился только к восьми утра – и ударило белое летнее солнце.

В два часа пополудни гроб опустили в могилу в левом приделе Спасо-Преображенской церкви села Спасское – Зaborовские Гаи.

Рядом с церковью через парадный плац – одноэтажное, крашенное белой краской кирпичное здание с деревянным крыльцом. Когда-то – школа, построенная Скобелевым для крестьянских детей. Теперь – музей мемориального комплекса. В первом

зале – фотографии, ордена, личные вещи, письма и документы. Все, как и положено мемориальному комплексу. Во втором – несколько старых, но свежепокрашенных школьных парт с откидными досками и углублениями для чернильниц. На стене портрет царствующих императора и императрицы, на другой – Лермонтова, Пушкина, по-моему, еще Некрасова и Толстого.

Стою около этих парт, думаю о чем-то трудноуловимом, а из первого зала слышится взволнованный голос директрисы музея:

– Михаила Дмитриевича называли Белым генералом...

Скобелев – образец патриота, понимающего ценность мировой, и в частности западноевропейской, культуры для нормального развития русской державы.

Вспомнилась легенда, по которой, еще в бытность корнетом, Скобелева вытащил из болота белый конь. И с тех пор он признавал только белый цвет. В самое пекло боя – в белом кителе, при орденах и на белом скакуне. Странно, подумалось, с десяток скобелевских портретов видел, не меньше – и почти везде он в темном.

– Всё не за цвет одежды прозвали его так солдаты, – вновь разбивает тишину голос директрисы. – Белый цвет на Руси всегда был символом чистого сердца и незапятнанной чести...

А на улице люди уже расходятся. Такого я не видел еще никогда: тысячная толпа стояла на площади, оголяется дорога и галечные тропы – а на них ни фантика, ни окурка. Чисто. ●

ушел в здравом уме и светлой памяти. И именно здравый ум, мол, подсказал ему спрятать деньги крестника, дабы тот не ввязался в какую-нибудь историю с такими деньжами. Однако зачем Михаилу Дмитриевичу понадобилась такая сумма наличными да еще и вдруг – осталось загадкой.

22 июня 1882 года Скобелев прибыл в Москву. А на третий день его видели обедающим в ресторане «Эрмитаж». После он отправился в гостиницу «Англия», на угол Петровки и Столешникова переулка. Глубокой ночью известная московская кокотка Шарлота (Ванда, Роза, Элеонора) Альтенроз, проживавшая в «Англии», появилась у дворника и сообщила, что у нее в номере мертвый русский офицер. Прибыла полиция, труп опознали тут же и переправили его в гостиницу «Дюссо», где Скобелев снял номер. Профессор Нейдинг, проводивший вскрытие, установил причину смерти: «паралич сердца и легких, от воспаления которых он страдал еще так недавно». Сам Скобелев на сердце никогда не жаловался, хотя еще в Туркестане армейский врач определил у него сердечную недостаточность.

Полиция быстро выслала девицу из России. Дело закрыли. Но большинство подданных империи не верили, что все так просто. Чтобы Скобелев – и от болезни сердца?

Версий хватало. Самая простая: кокотка была немкой и выполняла задание из Берлина. Самая опасная: отравили члены «Священной дружины» – тайной организации, созданной великим князем Владимиром Александровичем в основном из представителей родовой аристократии для защиты императора. Самая сложная: убийство – дело рук масонов, из-под контроля которых Скобелев вырвался окончательно.

Каждая из них имеет интересные доказательства и в то же время – откровенные изъяны.

29 июня 1882 года специальный траурный поезд прибыл на станцию Раненбург под утро. Шел ливень. Тысячи людей стояли на коленях вдоль железнодорожного полотна, вокруг маленького станционного вокзала. Гроб с телом Скобелева поставили на катафалк, но люди подняли его на руки и понесли. Несли версту за верстой. В каждой деревне по пути процессии начинали служить панихиду, молясь о по-

ВЕРЕЩАГИН В. СКОБЕЛЕВ / ВОСПОМИНАНИЯ О РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1877-1878 ГГ. – М., «ДАРЪ», 2007.

МИХАИЛ ДМИТРИЕВИЧ СКОБЕЛЕВ. СЛОВО БЕЛОГО ГЕНЕРАЛА. СЛОВО СОВРЕМЕННИКОВ. СЛОВО ПОТОМКОВ. СОСТ., ВСТУП. СТ.

С.Н. СЕМАНОВА. – М., «РУССКИЙ МИРЪ», 2000.

ШОЛОХОВ А. ПОЛКОВОДЕЦ, СУВОРОВУ РАВНЫЙ, ИЛИ МИНСКИЙ КОРСИКАНЕЦ МИХАИЛ СКОБЕЛЕВ. – М., «ЮНИВЕСТМЕДИА», 2008.

ИСТОРИЮ РУССКИХ В БАЛТИИ НЕ ПЕРЕПИШЕШЬ

ВЕРА МЕДВЕДЕВА, ПАРИЖ

В последнее время встречи соотечественников оставляют впечатление праздника жизни: жизнерадостного, декоративного, далекого от всех проблем. Но за торжественными мероприятиями все же не забывается главная цель. Она состоит в том, чтобы общими усилиями решать проблемы русскоязычного населения. О том, насколько эти проблемы реальны, «Русский Мир.ги» поговорил с депутатом Европарламента Татьяной ЖДАНОК, которая представляет Латвию и является членом Координационного совета российских соотечественников.

Российские политики пытаются в международных организациях привлечь внимание к проблемам русскоязычных в странах Балтии. Прибалтийские же официальные лица заявляют, что вопросы урегулированы. Так надуманна это проблема или нет?

– Это реальная, но тщательно скрываемая проблема. За 18 лет независимости, монопольно представляя латвийское общество

на международной арене, наша правящая элита сумела на-вязать стереотип о русских как о «новых иммигрантах», приехавших в Латвию после Второй мировой войны. Недавно я прочитала в одной французской газете, что «в одних товарных вагонах депортировали латышей, а потом в других мас-сово привозили русских». На выставке, подготовленной для Европарламента Министерством иностранных дел Латвии, на одном из стендов фотография: на перроне бабушки в платоч-ках и с узлами. И подпись под ней: «Мигранты из Советского Союза на железнодорожной станции в Риге, приехавшие в Латвию за лучшей жизнью». После этого мы решили сделать в Европарламенте выставку «Русские Латвии». В ее подго-товке участвовали известные латвийские историки, специалисты по этой теме. Она пройдет в феврале будущего года. Мне постоянно приходится разбивать навязанные штам-пы о русских в Латвии, в том числе рассказывая и исто-рию своей семьи. В метрике моей бабушки записано: «город Режица Витебской губернии». Сейчас этот город

называется Резекне и является столицей Латгалии – одного из четырех регионов Латвии. Витебск на Западе известен, поскольку это родина Марка Шагала. Но не все европейцы знают, что эти земли оказались в составе Латвии в результате Брестского мира.

В своих пропагандистских клише местная политическая элита любит называть русское население «пятой колонной».

Недавно депутат Европарламента от Латвии в ответ на одну из моих инициатив направил всем коллегам письмо, в котором говорилось, что, мол, в Латвии все в порядке с правами национальных меньшинств, все очень довольны, и только русские, выполняя некое задание Москвы, никак не угомонятся. Подобные высказывания разбиваются простым математическим подсчетом. Русскоязычных в Латвии 1 млн человек. В трех странах Балтии – более 1,5 млн. У каждого обязательно найдется десяток родственников или знакомых в России. Это означает, что 15 млн граждан России знают, что в Прибалтике русскоязычные жители лишены ряда существенных прав. А эти люди являются избирателем для российских политиков. Поэтому сейчас практически ни одна партия в России не отрицает наличия проблемы дискриминации русскоязычного населения в странах Балтии.

И это можно только приветствовать, ведь так было далеко не всегда. Когда в 1990 году в Верховном совете Латвии находился с официальным визитом Борис Ельцин, он отказался встречаться с оппозиционными депутатами, собиравшимися обратить его внимание на опасность нарушения прав русскоязычного населения. Полное игнорирование этого вопроса наблюдалось со стороны тогдашнего министра иностранных дел, Козырева, других официальных лиц. Весной 1991 года в крупнейшей государственной газете «Диена» была опубликована статья Галины Старовойтовой с заголовком «За нашу и вашу свободу!». В ней выражалась поддержка движения за независимость Латвии, а вот местные русские были обозначены как маргиналы, «дети разоренных войной деревень». Я направила тогда в одну латвийскую русскую газету открытое письмо автору этой статьи. И предложила газете обратиться к читателям с просьбой присыпать в редакцию свои истории. Потом было опубликовано много интереснейших рассказов о людях, приехавших в Латвию.

Необходимо было восстановить справедливость и вспомнить, что в Латвии после войны направляли именно высококвалифицированных специалистов.

– **Перед русскими стран Балтии сейчас стоит прямо-таки гамлетовский вопрос: «ассимилироваться или не ассимилироваться?»**

– Политические элиты стран Балтии давно уже проводят, явно или неявно, курс на ассимиляцию русскоязычного населения. В разговорах с глазу на глаз латышские политики неоднократно говорили мне: русские эмигранты всегда легко ассимилировались, и вы будете вынуждены сделать то же самое здесь, в Латвии.

А что же хотим мы, например, в сфере образования? Даже если использовать популярную в Латвии «логику реванша», в нее легко укладывается наш ответ: русские в Латвии хотя не более того, что имели латыши в СССР. А они имели возможность получить на родном языке образование любого уровня, включая высшее. Обучаясь в национальных школах, латыши по четыре часа в неделю в старших классах занимались русским языком. Плюс мотивация знать государственный язык. Все это приводило к отличному результату: подавляющее число латышей говорило по-русски. И пропорции латышей на престижных должностях, где требовалось свободное владение русским, значительно превышали их процент в составе населения.

Нас же в независимой Латвии уверяют, что единственная возможность для русской молодежи стать конкурентоспособной – это обучаться на латышском языке. Сейчас в Латвии много русских, свободно владеющих латышским языком. Однако нелатышей, которые занимают престижные должности, можно пересчитать по пальцам. То есть логика такая: только ассимиляция дает человеку путь к карьере.

Лозунг нашей борьбы против реформы образования был простым: «Мы хотим учить латышский язык. Но мы не хотим учиться на латышском языке!» Еще в начале 90-х власти начали с ликвидации русских потоков в вузах Латвии. Кстати, я попала в политику как раз тогда, когда, будучи доцентом Латвийского государственного университета, выразила публичный протест против этого. Следующим шагом властей была ликвидация русского среднего образования. Активное сопротивление реформе привело к частичной победе. Закон, предусматривавший полный переход средней школы

на латышский, был изменен следующим образом: не менее 60% предметов должно преподаваться на государственном языке. Значит, 40% можно преподавать на русском. Возможны и двуязычные модели обучения. Сейчас очень многое зависит от учителей русских школ и особенно их руководителей. Так что угроза ассимиляции не снята.

– Раньше казалось, что многие проблемы поможет решить Конвенция Совета Европы по защите прав национальных меньшинств. Причем Прибалтийские-то страны ее подписали, а Франция – нет. Какое, на ваш взгляд, сегодня генеральное направление в Европе: установка на национальные государства или все-таки на мультикультураллизм?

– Ни Франция, ни Греция, действительно, не подписали конвенцию. Хотя этим летом во Франции шли горячие дебаты относительно региональных языков. В Конституцию был внесен ряд поправок, которые позволяют стране присоединиться к Европейской хартии региональных языков

Альтернативой процессу ассимиляции меньшинств является процесс становления мультикультурного общества, в котором обеспечено равноправие.

и языков меньшинств. Но Франция категорически против участия в рамочной Конвенции по защите прав национальных меньшинств. Когда я 25 лет назад, будучи на научной стажировке во Франции, посетила Эльзас, повсюду слышалась не только французская, но и немецкая речь. Теперь на улицах Страсбурга по-немецки говорят только приезжающие из Германии туристы. Французы считают, что признание наличия в стране национальных меньшинств противоречит закрепленному Конституцией лозунгу о свободе, равенстве и братстве. Но недавние волнения в парижских пригородах показали, что молодежь из среды иммигрантов, несмотря на наличие французского паспорта и знание французского языка, не ощущает себя равноправными гражданами. Евросоюз движется в сторону понимания того, сколь тщетны сейчас попытки всеми силами строить моннациональное государство. В нашем веке с его новыми средствами связи, такими как Интернет и спутниковое телевидение, у представителей языковых, этнических и религиозных меньшинств гораздо больше возможностей сохранять свою самобытность. Более того, сегодня в среде европейских экспертов крайне редко употребляется понятие «интеграция», все еще популярное у политиков. Очень

часто мы слышим об интеграции кого-то во что-то. Как математик, замечу, что интегрирование вовсе не есть включение одного в другое. Интегрирование – это предельное понятие суммирования. А суммирование не подразумевает пропажи одного из слагаемых. Получается некая новая сумма, которой не было раньше. Возникает новое качество. Альтернативой процессу ассимиляции меньшинств является процесс становления мультикультурного общества, в котором обеспечено равноправие.

Возвращаясь к Латвии, замечу, что взятая на вооружение политика насилиственной ассимиляции, прикрываемая термином «интеграция», привела к обратному эффекту. Латвия сейчас реально является страной двух общин – латышской и русской. Но общин неравноправных.

– А пример какой европейской страны вы хотели бы взять за образец в Латвии с точки зрения национальных языков?

– Мне кажется, можно назвать две страны. Во-первых, Бельгия. Можно легко провести параллели между франкофонами Бельгии и русскоязычной общиной Латвии. К сожалению, последняя не обладает даже малой долей тех прав, которые имеют франковоговорящие бельгийцы. Второй пример, еще более нам близкий, – Финляндия. Обретя независимость, финны оказались настолько дальновидными и незлопамятными, что в своей Конституции 1919 года назвали два государственных языка: финский и шведский. В Финляндии сейчас довольно сложная система, но она отлично работает.

Мы не настаиваем на том, чтобы русский стал вторым государственным языком. В программу нашей партии включено требование официального статуса русского языка на локальном уровне в тех регионах, где минимум 20% населения считают русский язык родным.

– Раз уж не приходится надеяться, что правительства стран Балтии будут такими же «дальновидными и незлопамятными», как в Финляндии, то придется русскоязычным побороться. Или уже поздно?

– Бороться нужно и должно. За то, чтобы наши дети и внуки остались людьми русской культуры. Нужно иметь больше русскоязычных депутатов, чтобы не ходить к кому-то на поклон с просьбой поддержать русскую школу, а проводить в жизнь законы и решения, которые позволяют этим школам существовать.

НОВЫЕ ХРОНИКИ КУЧУГУР

ЕВГЕНИЙ ВЕРЛИН

МОСКВА - ВОРОНЕЖ - С. КУЧУГУРЫ - МОСКВА

Они приехали сюда из Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, Нововоронежа, Сургута, Старого Оскола и даже Канады. Когда в Кучугурах появились первые пришельцы, кто-то из местных пустил слух, что здесь нашли золото и скоро начнут его намывать. Потом – еще версия («деньги отмывают») и еще («берут приемных детей, а потом в Америку продадут»). Никто не верил, что пришельцами движут иные мотивы. Правда, теперь некоторые поверили.

О существовании «рая в одном отдельно взятом месте» я узнал случайно два года назад из местной воронежской газеты. Сразу захотелось поехать, но тогда не сложилось. Вспомнил о «рае», когда недавно вновь оказался в Воронеже. Попытался припомнить название села, стал расспрашивать местных журналистов, даже приятеля из администрации Воронежской области попросил выяснить координаты обитателей «рая». Правда, в итоге быстрее разыскал телефоны «северян» в Рунете. И уже собрался было набрать номера, как звонит вышеозначенный приятель и педантично излагает мне некоторые сведения. Даже не сведения, а целое донесение о заинтересовавшем меня явлении.

тошку да и скотину практически не держат. Шестьдесят километров по трассе Воронеж–Курск, кстати весьма приличной, я проехал за полтора часа. Еду, а сам думаю: не сектанты ли? Ведь все из деревни рвутся в город, а эти – наоборот.

НА ЧТО ИМ 50 СОТОК?

Итак, 23 семьи. Все – бывшие горожане, почти все – с высшим образованием, большинство православные, в домах висят иконы, хотя кое-кто поклоняется «какому-то индийскому религиозному авторитету». Не курят, не пьют, не сквернословят. И еще: сами мяса не едят и детей им не кормят («что может сказываться на их развитии»), не делают прививок. Также местным чиновникам непонятно, почему «северяне» почти не заводят огородов, не сажают кар-

которую я и прочитал два года назад, ничего путного не написали. «Зато много чего переврали, – замечает Раиса Ивановна. – Так что мы сейчас очень осторожно о себе рассказываем, пока присматриваемся к вам».

Начинаю бессистемно задавать вопросы, опираясь на прочитанное в Рунете и услышанное от знакомого чиновника. А правда ли, спрашиваю, что у властей Нижнедевицкого района (второй с конца по экономическим показателям район области) к вам такие-то и такие-то претензии?

Отвечают по пунктам: а) прививки не делают потому, что давно доказано – они приносят детям больше вреда, разрушают иммунитет; б) еще никто не доказал, что вегетарианство мешает росту организма, тем более что отказываются только от мясоедения, рыбу же едят, как и яйца, сыр, молоко; в) индийского йога Сай Бабу некоторые «северяне» действительно почитают, но увлечение йогой и его учением еще больше усиливает в них православную веру.

Как я здесь оказался? До переезда в Кучугуры около 8 лет проработал в банке. Окончил факультет прикладной математики и механики Воронежского государственного университета, на последнем курсе начал работать в банке по своей основной специальности – программистом. Окончил заочно Московский государственный университет коммерции. Перешел на должность начальника отдела пластиковых карт, затем на должность начальника отдела розничного кредитования, а потом уволился. После увольнения была возможность перейти в другой банк, но я решил закончить банковскую карьеру. Почему? Я работал с 8.00 до 20.00, часто и по выходным, просто продавал себя за деньги, чтобы затем покупать то, чего лишился. Но не все из потерянного можно вернуть за деньги! Работая в банке, ты не оставляешь после себя в этой жизни ничего, кроме кучи никому не нужных бумаг.

Сейчас все устроено так, чтобы у человека не было времени на размышления о том, что происходит вокруг. Тотальная занятость на работе в погоне за деньгами, телевидение, развлечения. Я считаю, что человек должен жить на земле, самостоятельно обеспечивая себя максимумом необходимых продуктов, используя разумные способы земледелия и организации хозяйства... Кроме того, очень важно общение с единомышленниками.

На повороте к Кучугурам меня встречает голубой, чисто вымытый Chevrolet Aveo. Еще пара километров, и мы по хорошему асфальту доехаем до красивого двухэтажного строения.

«Вы приехали в Большой дом, меня зовут Алексей Сидоренко», – знакомится хозяин Chevrolet, в недавнем прошлом петербуржец. И тут же журит меня за то, что я не вышел из машины на повороте, чтобы поздороваться с ним, а уж потом ехать дальше. Обычай, говорит, такой русский. Пришлось покаяться.

В Большом доме меня уже ждали. Несколько семей, все из когорты первых переселенцев, в основном родственников и друзей главы дома Раисы Ивановны Чеботаревой.

Сразу рассказали, что журналисты из Воронежа не раз приезжали, да вот только, кроме заметки в газете «Моё»,

За «признание и уважение» пришельцы борются уже седьмой год, с тех пор как в 2002 году здесь осела Раиса Ивановна с сестрой Ириной, сыном, дочкой и зятем.

Но главным шагом к народному признанию стало обустройство знаменитого на всю округу источника иконы Казанской Божией Матери. Пять лет назад источник, находящийся за южной окраиной села, у подножия самого высокого в области холма, восстановили. Выложили вокруг трубы, из которой течет святая вода, полукругом красивую каменную чашу, а рядом построили купель. На холме воздвигли 8-метровый крест. Кстати, здесь самое высокое место в Воронежской области – 268 метров над уровнем моря.

Основную работу выполнили четверо мужчин из первой группы пришельцев – Виктор Татарников, Анатолий Шишлов, Николай Спиридовон и Дмитрий Капранов. «Прокопать вручную бассейн купели и поставить дубовые венцы было сложно, и ребята решили использовать помпу, – рассказывает Екатерина Сидоренко. – Привозят ее сюда, она гудит, но ничего не откачивает. Вверху на холме

Проживание в деревне обеспечивает нас с супругой и дочерью чистым воздухом, водой и частично продуктами (экологически чистыми и вкусными, что все реже можно найти в магазинах). Мы стали ближе к природе и ведем более здоровый образ жизни. Город при необходимости доступен, как и ранее, но теперь мы свободно выбираем время выезда и имеем возможность избегать пробок. Доступ в Интернет удовлетворяет потребность в информации полностью. В Кучугурах много столярных мастерских, поэтому я могу дарить тепло своих рук людям.

Владимир ТОЛСТИК

По части отношения к сельскому хозяйству разъяснения дала Екатерина Сидоренко (24 года, бывшая жительница Санкт-Петербурга): «Мы же горожане, и нам трудно сразу вникнуть в тонкости деревенского хозяйства. К тому же у женщин, как правило, по несколько детей на руках, а мужчинам надо деньги зарабатывать».

«А на что тогда 50 соток земли получали?» – адресуют все последние годы местные власти упрек «северянам».

«На что? – переспрашивает Раиса Ивановна. – Давайте выйдем и посмотрим». На своих придомовых 50 сотках Раиса Ивановна с сестрой, детьми и зятем создали настоящий оазис – с ландшафтным дизайном, цветниками, детской площадкой и даже бассейном, в котором плавают декоративные рыбки. Со временем хотят и для купания бассейн построить: ведь детей-то, своих и приходящих в гости, немало.

Кстати, по числу детей в среднем на одно домохозяйство «северяне» далеко обошли коренных кучугурян: на 23 семьи у них приходится почти шесть десятков детей. У той же Екатерины двое приемных детей (10 и 11 лет) да еще малютка полутора лет. А у Раисы Ивановны и ее сестры Ирины в Большом доме живут восемь приемных детей, у Говоровых – трое, у Татарниковых – двое...

ПУТЬ К «НАРОДНОМУ ПРИЗНАНИЮ»

Да, все-таки с властями «северяне» очень даже хотят найти общий язык. Многие демонстрируют свой растущий интерес к деревенскому труду. Уже у четырех семей появились теплицы, у трех – пасеки, у двух – козы, начали понемногу разводить кур, а семья Говоровых даже коня купила.

«Так что мало-помалу превращаемся в обычных сельских жителей. Осталось еще кому-нибудь коровой обзавестись, и тогда мы получим полное признание и уважение народа», – пошутила Галина Грауле.

{ Я считаю, что человек должен жить на земле, обеспечивая себя необходимыми продуктами, используя разумные способы земледелия. }

работает, а внизу нет! Три раза вверх-вниз таскали, пока не поняли, что «небесная канцелярия» не дает работать помпе. Так что пришлось по очереди пояс копать в четырехградусной воде. Люди подходили, смотрели, даже гневные записки оставляли: «Верните все на место!» А ведь до этого сюда приходили пить воду в основном коровы».

Люди, которые входят в купель (а положено три раза по три раза окунуться), утверждают, что святая вода на самом деле их тела не холодит. Я в это не совсем верил, пока сам не окунулся: три раза по три раза с головой! Ничего, не замерз и даже не простудился.

В старые времена на этом месте был колодец, в котором, по старинному преданию, появилась икона Казанской Божией Матери. Рядом жил помещик по фамилии Сомов, неверующий был, говорят. Пришел Сомов однажды попить воды,

видит – икона стоит. Ну, недолго думая, забрал он ее и поехал продавать в соседнюю Курскую область. Возвращается, опять идет к колодцу, открывает и видит – та же икона стоит. После этого Сомов уверовал в Бога.

Сейчас к источнику идут и едут отовсюду, даже из соседних областей. Ездят люди потому, что просыпались о чудодейственных свойствах здешней святой воды. Правда, не все прониклись пониманием святости этого места. Жители жаловались, что сюда повадились приезжать веселые компании со спиртным, фактически используя это место как своего рода сауну. «Северяне» за ними убирают мусор, а на купели повесили доску с такими словами: «Уважаемые посетители! Вы находитесь в святом месте. Боль-

шая просьба не распивать спиртные напитки, не курить и не сквернословить. Бог видит все! Жители с. Кучугуры».

После возведения купели «северяне» занялись детьми. Уже к 2005 году их было более сорока. В Большом доме стало тесно, и тогда возникла идея организовать детский сад и детский Дом творчества. Николай Спиридовон купил и пожертвовал на общественные нужды заброшенный сельский дом (таких в Кучугурах десятки, если не сотни). Отремонтировали, утеплили, а рядом детскую площадку оборудовали, правда, еще не до конца. Дело идет не так быстро, как хотелось бы. На обустройство Дома творчества складываются пять-шесть семей. Как и организацией детского летнего лагеря, детских праздников, приглашением учителей для дополнительных занятий занимаются в общем-то одни и те же люди – костяк общины. Да, принцип воспитания детей у «северян» простой: ребята все должны делать своими руками – шить, заготавливать дрова (для протопки Дома), помогать воспитывать младших.

По числу детей в среднем на одно домохозяйство «северяне» далеко обошли коренных кучугурян: на 23 семьи у них приходится почти шесть десятков детей.

ВКЛЮЧЕНИЕ ПОНИЖАЮЩЕЙ ПЕРЕДАЧИ

«Только не употребляйте слово «община» по отношению к нам, – разъясняет мне Дмитрий Капранов. – Мы все разные. Я, к примеру, никогда не буду делать бизнес вместе с...» (называет имя одного из «северян»).

Шесть лет назад я планировала уехать в Америку, даже документы собрала. Мне было все равно, куда ехать, мне не нравилась страна, в которой я живу. Все вокруг меня не устраивало: пьянство, хамство, везде курят, да еще страх за себя и за будущих детей... Мне очень не хотелось, чтобы мои дети жили в такой атмосфере. Это было главным стимулом уехать из этого города и из этой страны. В разговоре с родственницей я рассказала ей, почему хочу уехать. Она терпеливо выслушала меня и затем сказала: «Все говорят, что плохо. Только никто ничего не делает для того, чтобы стало лучше!» Это фраза сильно врезалась мне в память и заставила задуматься. И действительно, я НИЧЕГО не сделала для того, чтобы в нашей стране хоть что-то стало лучше. Спустя два года я переехала жить в Кучугуры.

Екатерина СИДОРЕНКО

В общем, пасторальной картинки сообщество «северян» собой не представляет: почти у каждого мужчины свое дело, все пришельцы разбились на отдельные компании, единого, сплоченного коллектива нет. Столярный промысел кормит большинство семей «северян». Они построили – в общем-то с нуля – 8 столярных мастерских, в которых изготавливают деревянную мебель, окна и двери. На заказ могут изготовить и различные эксклюзивные изделия. Столярному мастерству новичков обучает Сергей Цупиков, один из первых обосновавшихся в Кучугурах «северян». Ну а что делают те, кто еще не овладел или даже не собирается овладевать столярным делом?

Вот что ответила мне на этот вопрос по электронной почте Галина Грауле, редактор кучугуровской многотиражки «Наше Настоящее» (тираж аж целых 20 экземпляров, распространяется только среди «северян»): «Ремонтирую дом (процесс длится перманентно, с небольшими перерывами), украшаю территорию проживания – разбираю близлежащие жуткого вида сараи (ну это с помощниками, конечно), наношу плодородную землю и разбиваю всякие цветники и подобия альпийских горок. А еще надо прочитать кучу книг по умному огородничеству и насадить разные овощи и ягоды, до этого оборудовать грядки, а потом их пропалывать, поливать... Можете ли вы представить, как нелегко осваивать эти навыки человеку с двумя высшими образованиями и MBA (то есть ничего тяжелее ноутбука не державшему в руках), всю жизнь прожившему в городе? Два раза в неделю помогаю вести детский садик Татьяне Татарниковой. Пытаюсь торговать на фондовой бирже (в городе получалось неплохо, но здесь из-за отсутствия стабильного выхода в Интернет результаты пока оставляют желать лучшего). Недавно ходила учиться плести изделия из лозы (пока только корзины освоила). А ведь еще хочется просто погулять по холмам (не так часто удается, между прочим, к сожалению), с людьми пообщаться (почти каждую неделю ездим к Цупиковым в баню), фильм хороший посмотреть (на диске, телевизионной антенны нет), книги хорошие прочитать, друзьям написать. Еще помогаю бывшим коллегам и просто хорошим людям (которые еще думают, что бизнес и есть смысл их жизни), используя свои знания и навыки (консалтинг в сфере маркетинга и бизнес-планирования). А с ребенком заниматься – это ведь тоже требует времени».

Из всех полученных ответов этот удивил более остальных. Захотелось подробностей. Зачем, спрашиваю, успешной женщине ехать из столицы в деревенскую глушь? И получаю от госпожи Грауле такой ответ: «Захотелось жить по-

мною, но и сама не хочу больше никем руководить. Ах да, и еще сын. Накануне дня его появления на свет Божий я приехала домой с работы в одиннадцать вечера. Через две недели после его рождения я уже провела первое совещание с руководителями отделов у себя дома, а через полтора месяца вышла на работу в офис. Но когда ему исполнилось полгода, я сказала себе: «В своем ли ты

{ Дома «северян» находятся на значительном удалении один от другого, некоторые даже в гости друг к другу на машинах ездят. }

другому. Как бы это сформулировать правильно? По-английски это называется downshifting – включение понижающей передачи, отказ от движения вверх по социальной лестнице и переход к упрощенному образу жизни. Когда-то мне это все нравилось – глобальные замыслы, менеджмент, маркетинг, финансы, налоги, конкуренция. Подбор персонала, обучение персонала, увольнение персонала. И у меня это неплохо получалось: последние несколько лет я занимала топ-позиции в крупных компаниях. Но в определенный момент стало очень ясно и понятно, что я не только не хочу больше работать на кого бы то ни было, не хочу, чтобы руководили

уме?» И спрыгнула с подножки этого поезда. Теперь, когда изредка приезжаю в Москву, удивляюсь, как я прожила здесь столько лет и осталась в здравом рассудке. Москвичи пусть не обижаются, я город этот очень люблю, только для человеческой жизни он, по-моему, не очень пригоден».

«МЫ НЕ ЛУЗЕРЫ»

Обустраиваются «северяне» долго и обстоятельно. Покупают старые дома (можно уложиться в 35 тыс. рублей), капитально их ремонтируют и перестраивают. Или заново строят. Почти в каждом доме пришельцев канализация, водопровод, а также ванные и

изобилия? Отвечает: «Только не подумайте, что мы все здесь какие-то лузеры. Здесь все горожане, на каком-то этапе у всех были в городе квартиры. Вот мы прожили довольно долго в Сургуте. Но там, на северах, как живут? Думают, что временно, а потом получается, что застравают навсегда, там и умирают. Мы решили, что это не наше». Одной из причин, почему сургутские «северяне» решили уехать из Сургута, рассказал Дмитрий, стал резко возросший в последние годы наркотрафик, в результате чего чуть ли не каждый второй подросток приобщается к наркотикам...

Допытываюсь у собеседников, есть ли у них какая-нибудь общественная организация. Да, отвечают, есть, называется Кучугуровская местная общественная организация приемных и многодетных семей Нижнедевицкого района Воронежской области «Белая Вежа». Название позаимствовали у академика Михаила Щетинина. Кстати, Алексей Сидоренко – один из учеников его школы («Центр комплексного формирования личности детей и подростков» в Текосе Краснодарского края), правда, парня в свое время отчислили из школы. За какие прошлые дела, Алексей мне не сказал, но заверил, что сейчас того, за что его отчислили, не делает. На Щетинина он не в обиде: даже полтора лет учебы в школе академика хватило, чтобы стать нормальным человеком, работающим и хорошим семьянином.

Как взаимодействуют «северяне» с подобными общинами в других регионах страны? Иногда к ним «по обмену опытом» кто-то приезжает, да и «северяне» к кому-то ездят, правда, нечасто: своих забот хватает.

Дмитрий Морозов, журналист, руководитель общины «Китеж» в Калужской области, который взял на воспитание три десятка приемных детей, был в Кучугурах недавно, все одобрил, но сказал на прощание: «Вы слишком разбросаны, так что для общинной жизни не подходите».

**Столярный промысел
кормит большинство семей
«северян». 8 столярных
мастерских изготавливают
деревянную мебель, окна
и двери.**

туалеты, стиральные машины и т.д. – все, как в городе. В Большом доме они на каждом этаже.

Татьяна Татарникова рассказывает: «Сосед тут меня все спрашивал: «Ну, вот посадили вы столько цветов, а чего с ними будете делать?» Видно, думал, что продавать будем потом, когда много разведем. Но вот, смотрим, кое-кто из местных тоже начал цветы разводить».

Пока ведем разговор в Большом доме, Дмитрий Капранов (знаток «Мастера и Маргариты», прочитал шедевр Булгакова раз двадцать) посматривает в какой-то приборчик. «Это я, – объясняет, – по видеоняне за малышкой в спальне на втором этаже наблюдаю».

Спрашиваю: а что его, сургутянина, заставило уехать из края нефтяного

И действительно, дома «северян» находятся на значительном удалении один от другого, некоторые даже в гости друг к другу на машинах ездят: не всегда есть время, особенно с малыми детьми, идти по холмистым проселочным дорогам километр, а то и два.

Задаю еще глупый вопрос: а правда ли, что вы приемных детей заводите, чтобы получать за каждого, как патронажные родители, по 4600 рублей? В ответ вижу улыбки: разве можно нормально ребенка воспитывать, кормить и одевать на такие деньги?! Кстати, на пятилетнего рыжеволосого красавца Сашу, приемного ребенка из... Якутии, которого взяла на воспитание (наряду с семьей другими!) Ирина Коржова, деньги до сих пор районный отдел опеки не выплачивает: документы на мальчика все никак из Якутска не придут... Как находят приемных детей? Да по сарафанному радио. Вот недавно таким образом привели знакомые родственников Коржовой еще одну девочку, Настю Ильину. Позвонили и спросили: «У вас тут приют?»

Ирине 39 лет, у нее своя дочь, Яна, 20 лет. «Соскучилась» по детям? Да, признается, и это главная причина, почему создала с помощью сестры патронажную семью.

Ну а есть что-то, спрашиваю собеседников, что мешает вам жить спокойно, делать свое дело, растить детей? Оказывается, компания «Напко», аффилированная со столичным Черкизовским мясокомбинатом. Она купила развалившийся совхоз, рядом со свинофермой строит агрокомплекс, арендовала все поля в округе, засеяла их пшеницей и ячменем (под фуражное зерно). Так вот в

июне нанятый «Напко» самолет опрыпал поля пестицидом «Диметоад-400». После этого у детей начались приступы астмы, а одну женщину пришлось отвезти на «скорой» в больницу. Распыляли пестициды в ряде мест почти над огородами, хотя по санитарным нормам и правилам это можно делать на расстоянии не менее 2 км от населенного пункта. Написали в транспортную прокуратуру жалобу, в итоге та наложила на компанию штраф в размере... 20 тыс. рублей.

«Хотя по закону в таких случаях можно было и 200 МРОТ штрафа наложить, то есть 460 тыс. рублей», – говорит «кандидат» Сергей Копытков.

Сергей вернулся из Канады с женой и маленькой дочуркой недавно. Двое старших сыновей, оставшихся в Канаде, оканчивают колледжи. «Пожил на Западе, – продолжает Копытков, – и понял, что не могу там больше. Дети доучиваются. Глядя на их мировоззрение, понимаю, что они пока будут там. Социальная защищенность – с этим там все нормально, а вот с остальным проблемы. Система западной цивилизации разлагающее действует на человека, особенно на молодых, которые еще не состоялись в своих нравственных принципах... Но и в России проблем хватает. Я тут четыре месяца нахожусь. И вижу, насколько глубоко разложение зашло. Пьянство в народе – следствие

По-английски
downshifting – отказ
от движения вверх по
социальной лестнице и
переход к упрощенному
образу жизни.

гадостью. Их не волнует, что будет с людьми, с их здоровьем. Кашель, удушье, в обморок некоторые падали. Когда живешь в городе, думаешь, что вот приедешь на землю и тут-то в глубинке вздохнешь полной грудью... Иллюзии рассеиваются».

А зачем, спрашиваю кучугурян, посыпают так сильно пестицидами? Оказывается, пшеница дает 50-процентную

{самую высокую в растениеводстве} рентабельность. Но она же наиболее подвержена вредителям. «Население им в общем-то не нужно, – сетует Копытков, – им нужны только работники, но небольшое число – по 40–50 человек на деревню. А сколько живут и как, никого не волнует. Ну а местные радуются: работа есть наконец. Тем более что платят больше, чем в совхозе. В среднем по 12 тыс. рублей трактористам, комбайнерам. Но их не заботит то, что их, как рабов, купили, как некий расходный материал. Село вымрет? Так привезут людей из райцентра – там безработных хватает. Для этих целей-то работников много не нужно. Техника новая, высокопроизводительная».

«А так я бы, – продолжил Копытков, – хотел облагородить землю и жить на ней. На чем зарабатывать? Пока деньги есть, а дальше видно будет. Задача номер один – перевести семью на экологически чистые продукты. Долго искал это место, проехал ряд областей, но теперь вижу, что происходит всеобщее умирание земли. Еще в одном месте вроде бы присмотрел деревню, но оказалось, в пяти километрах химкомбинат! Увы, в стране осталась лишь первичная переработка сырья, так что экология ужасающая. И это результат прозападной стратегии руководства».

Надо сказать, другие кучугуряне хотя и озабочены экологией, но не до такой степени, как Сергей Копытков. Одна дама, например, считает, что у «канадца» эта озабоченность достигла степени экофобии и что он в Кучугурах, скорее всего, не задержится.

Кстати, сын Раисы Ивановны, Анатолий Шишлов, тоже «сыплет» сверху пестициды: работает на местного фермера, опрыскивает с дельтаплана его поля. Только старается это делать подальше от домов и огородов. А вообще, у Анатолия мечта: легкий самолет построить (он уже к этому

{**Принцип воспитания детей у «северян» простой: ребята все должны делать своими руками.**}

безысходности, а она – следствие системы. Смотришь на народ и видишь, как к нему власти относятся... Вот с самолета гербициды рассыпали, так из местных даже никому в голову не пришло кому-то жаловаться. Сыплют яд на головы людей, а местные говорят, что и раньше это было. Привыкли. Врачи тут одного недавно спросили после обследования: вы что, на химическом производстве работаете?

Копытков дом к зимнему проживанию пока не подготовил. Еще пару месяцев, до холодов, здесь поживет, а потом решит, оставаться или нет. В зависимости, говорит, от того, как решится вопрос с ядохимикатами. «Сидеть здесь и смотреть, как мою дочку посыпают с самолетов ядом, не буду. Когда ехал сюда, я руководствовался экологическими соображениями, смотрел, где лучше. И вот уже здесь понял, что самое страшное – это сельское хозяйство, гораздо страшнее, чем Чернобыль. Дело в том, что этот путь наименее трудозатратный – посыпать землю

За этот фильм Герчиков получил в 1997 году премию «Тэфи», а в 2002-м – Государственную премию. После чего возглавил Гильдию неигрового кино и переехал в Москву. «Северяне» с Герчиковым уже списывались по электронной почте, режиссер им не раз обещал опять приехать в Кучугуры, но пока все не находит времени.

Рассказывают, когда Герчиков искал подходящее место для своей документальной саги об увядании русской деревни, на карте Воронежской области бросилось ему в глаза название – Кучугуры. Так вот показалось режиссеру, что словоозвучно платоновскому Чевенгуре – городу революционной народной утопии, где комиссар Копенкин («был ли он из батраков или из профессоров, – черты его личности уже стерлись о революцию») мечтал «с убеждением сжечь все недвижимое имущество на земле, чтобы в человеке осталось одно обожание товарища». Поехал туда, посмотрел и увидел, что история Кучугур во многом перекликается с Чевенгуром. Кстати, советскую власть здесь удалось утвердить лишь после того, как регулярные части красных после кровопролитных боев подавили крестьянское восстание под руководством Антонова. Долго красные ничего не могли поделать с восставшими крестьянами. Чуть ли не у каждого кучугуровца на чердаке был пулемет. Ведь люди за свое

приступил) и создать школу юных авиаторов для детишек. Для этого нужно съездить в Москву и получить диплом преподавателя, что Анатолий и собирается сделать этой осенью.

ДВЕ ОБЩИЕ МЕЧТЫ

А вообще, есть у «северян» две общие мечты – спасти от окончательной гибели речку Девицу и восстановить сельский храм – церковь Иоанна Богослова. Речка здесь почти на всем протяжении села (а это 14,5 км) заросла, заболотилась и сузилась до размеров ручья из-за многолетнего бесконтрольного распахивания берегов. «Северяне» хотят добиться включения восстановления Девицы в федеральный проект «Малые реки России». Но чтобы это сделать, сначала нужно подготовить проект, а это примерно 600–700 тыс. рублей. У районной администрации денег на это нет и вряд ли будут. Для очистки же реки на всем том участке, где она полностью заболотилась (около 6 км), требуется, по оценкам специалистов, порядка 6–8 млн рублей. Кстати, Девица одна из немногих рек области, да и вообще Центральной России, на которой нет никакого сброса отходов производства. Вода в ней чистейшая, ее водосток формируется исключительно ключами.

Теперь о храме. Он огромный, высотой почти с пятиэтажный дом, построен в начале XVIII века. В Кучугурах, кстати, до Октябрьской революции жило около 20 тыс. человек; сейчас около пятисот осталось. «Северяне» убрали в храме мусор, так вот после этого вдруг стали видны фрески на стенах. Увы, храм продолжает приходить в упадок. Разрушать храм начали в 30-х годах. На храмовый крест тогда набросили тросы, и на двух тракторах попытались крест свалить, но только погнули. По свидетельству стариков, все участники этого святотатства в течение года поумирали...

Только здесь, к стыду своему, я узнал, что о селе этом в 90-х годах был снят многосерийный документальный фильм воронежского режиссера Владимира Герчикова «Кучугуры и окрестности». Главные герои фильма – Анна Филипповна и кузнец по кличке Будуай; Герчиков их даже в Москву возил, показывал, как столица жирует. Говорили старики в камеру о том, почему село пришло в упадок, ругали Ельцина, пели антиельцинские частушки. В фильме рассказывается о том, сколько было голов скота, сколько выращивал совхоз свеклы, показаны разрушенные телятники (они и сейчас стоят в том же состоянии, разве что стены местами стали еще меньше – народ разбирает их на кирпичи).

{ **Есть у «северян» две общие мечты – спасти от гибели речку Девицу и восстановить сельский храм.** }

боролись, за то, чтобы у них землю не отобрали, их племенных коров и баранов (кстати, уникальный кучугуровский баран получил на Парижской выставке 1900 года золотую медаль). С того времени, с репрессий Гражданской войны, и началось увядание села...

Когда мне об этом в Кучугурах рассказали, я подумал: ведь «северяне», по сути, возвращают сейчас жизнь в русское село, туда, где эта жизнь когда-то была ключом. Может быть, о них тоже когда-нибудь снимут документальный фильм. И назовут его «Новые хроники Кучугур».

«ФАРФОРОВАЯ КРОВЬ»

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ, РИГА

Потомки короля русской фарфоровой империи Матвея КУЗНЕЦОВА сегодня живут в Латвии, России, Австралии, Америке.

Среди рижских Кузнецовых самой старшей, Татьяне Матвеевне, – 80 лет, младшему – скоро год. И хотя зовут его Даниэлс и носит он латышскую фамилию Званерс, но в его жилах течет могучая «фарфоровая» кровь. Его дед Вадим Кузнецов бережно хранит сибирские дневники и воспоминания своей мамы – Марину Кузнецовой. Ей было только 16 лет, когда в июне 1941-го вместе с семьей ее насилино вывезли из Латвии в Сибирь. Кузнецовых будут расстреливать, гноить в тюрьмах, гнать по тайге... Но они выживут. И дадут жизнь новым Кузнецовым по всему миру.

ДЕТИ МАТВЕЯ

Имя Матвея Сидоровича Кузнецова [1846–1911], правнука основателя знаменитой фарфоровой династии, кузнеца Якова Васильева из Гжели, по праву стоит в одном ряду с именами таких великих российских предпринимателей, как Морозов, Рябушинский, Мамонтов, Сытин...

После смерти отца Матвей Кузнецов в 19 лет возглавил фарфоровую империю. Именно при нем она достигла наивыс-

шего расцвета. В 26 лет ему принадлежало уже 8 фабрик по всей России, в том числе знаменитая фабрика Гарднера. Вскоре крупнейшему в России поставщику фарфора, фаянса, майолики удалось не только покорить восточный и западный рынки и продавать свои изделия в Персии, Турции, Афганистане и искушенной Европе, но и завоевать родину фарфора, Китай.

У Матвея Сидоровича и его супруги Надежды Вуколовны было 10 детей – 8 сыновей и две дочери: Клавдия, Николай, Сергей, Александр, Константин, Георгий, Иван, Павел, Михаил, Анна. Кроме рано умерших Кости, Ивана и Павла, все остальные «Матвеичи» были тесно связаны с фарфоровым производством, как и их многочисленные дети и ближайшие родственники.

В те годы кузнецовские сервисы, вазы и чашки стояли в буфетах почти каждого дома – от крестьян и мещан до дворян. Изделия славились добротностью и чистотой отделки. Матвей Сидорович с 1892 года был поставщиком Императорского двора. При его фабриках и заводах строились больницы, церкви, библиотеки, школы и училища. Кузнецов и сыновья были видными общественными деятелями и главными попечителями старообрядческой общины...

После революции фарфоровая империя Кузнецовых рухнула, своими осколками смертально ранив разросшееся семейство Матвея Сидоровича, который до этого, слава богу, не дожил – он умер в Москве в 1911 году...

Лишившись в России всех своих заводов и особняков, в 1920 году Николай Матвеевич, возглавивший после смерти отца «Товарищество М.С. Кузнецова», принял решение о переезде в Ригу, где осталась одна из принадлежащих им фабрик. В Латвию уехали почти все сыновья и внуки Матвея. Кто успел...

недолгой. В 1925 году семья получила разрешение на возвращение в Москву и выезд в Латвию.

В Латвии семейство Кузнецовых пользовалось большим уважением, дела у них шли неплохо. В числе учредителей латвийского «Товарищества М.С. Кузнецова» были: Николай Матвеевич – главный директор, Георгий Матвеевич – коммерческий директор, Сергей Матвеевич – заведующий цехом, Михаил Матвеевич – директор

фабрики шамотных изделий. Александр Матвеевич заведовал гончарным заводом, его дочь Елена (Люся) работала на фарфоровом заводе в живописном цехе... Ее родной брат Ника, по приезде из Тобольска, заведовал отделением большого рижского магазина по продаже кузнецовых фарфоровых изделий.

В 1929 году у Николая и Софии родился в Риге сын Кирилл. Глава семейства занимался магазином, детьми, спортом, благотворительностью, участвовал на сборах в латвийской армии. Дети росли, ни в чем особо не зная нужды. Старшая, Наталья, которую Николай

НИКА И СОФА

Из оставшихся в Москве Кузнецовых в волну репрессий попал Георгий Матвеевич и сын его брата Александра, Николай. За переписку с родными его как «латышского шпиона» арестовали в двух шагах от латвийского посольства, куда молодой человекшел, чтобы получить весточку от отца из Риги. Было ему всего 23 года. Ника обладал приятной внешностью, прекрасными манерами, добрым нравом и бесконечным обаянием. Всех этих качеств хватило, чтобы покорить сердце симпатичной профессорской дочки – Софии Гавриленко, с которой они познакомились у общих друзей. У Софии к тому времени уже была пятилетняя дочка Наточка, отец которой уехал в Америку и пропал. Едва успев жениться на Сонечке, Николай отправился в ссылку в Тобольск, сюда же за ним поехала уже беременная София с дочкой. Здесь, в сибирской ссылке, в ноябре 1924 года на свет появилась их общая дочка Марина Кузнецова. Ее первая каторга, к счастью, была

«...Помню себя с 4-летнего возраста, потому что в январе 1929 года родился мой брат Кирилл. Помню наш старый двухэтажный дом, в котором я прожила 15 лет, и его обитателей. На первом этаже – застекленная веранда с выходом в наш большой сад. Вся веранда застелена кактусами, которыми очень любил заниматься мой папочка. В центре – большой обеденный стол со стульями. Весной, когда становилось тепло, мы переходили сюда обедать. В доме во всех комнатах висели иконы в красивых ризах с лампадками. Кузнецова были старообрядцами и очень религиозными. Рядом со столовой была небольшая комната, в которой иногда жили приезжие специалисты из Германии, временно приглашенные для работы на фабрике».

ИЗ ЗАПИСОК МАРИНЫ НИКОЛАЕВНЫ КУЗНЕЦОВОЙ

ПРОЩАЙ, ДОМ РОДНОЙ!..

...Поезд тащился еле-еле. Софья Александровна старалась не показывать детям своей тревоги, но Марина знала, что она обмывает от страха за отца. В пути их разделили, Николая Кузнецова и других мужчин перевели в эшелон, следовавший в Соликамск. В лихорадочной спешке она сунула мужу один из их общих чемоданов и только потом поняла, что там были в основном ее и детские вещи...

Опыт ссылок у Софьи уже был, и, хотя за ними пришли в три часа ночи и на сборы дали только 30 минут, она собрала практически все: теплые вещи для детей, обувь, одежду для себя и мужа. Ловко и незаметно для посторонних глаз она пристегнула поясок с золотыми монетами на талию, к бюстгальтеру прикрепила булавкой мешочек с драгоценностями. Чекисты в это время были заняты обыском комнат, методично откладывая в сторонку понравившиеся вещи...

...Девочка, окаменев, наблюдала за обыском своей комнаты. Молодой солдат взял в руки шкатулочку из красного дерева, где она хранила свои бусы, сережки, цепочки.

– Какие красивые! – с улыбкой поглядел на нее парень. – Ты возьми их с собой, жалко же!

Марина в ответ обреченно махнула рукой: «Какие бусы, когда вся жизнь летит под откос!..» Но солдат почти насилием затолкал шкатулку в ее мешок. Потом, в глухой сибирской деревушке, Марина еще не раз вспомнит добрым словом того паренька, когда в обмен на бусы и цепочки она добудет для семьи кусок хлеба или соленой рыбы...

Дорога была ужасной. Вместо туалета в стене вагона напротив двери была вставлена деревянная четырехугольная труба, выходящая наружу. Кое-как женщины завесили ее простынями. Спецэшелоны тащились очень медленно, останавливаясь только по ночам. Тогда им приносили воду, хлеб и суп. Ели мало, чтобы меньше пить и реже ходить в жуткий туалет. По ночам были слышны выстрелы. Хотелось плакать. Тогда Марина опять при помоши памяти «убегала» в рижское детство...

Николай
Кузнецов
с семьей
на Рижском
взморье.
1927 год

удочерил, дав ей свою знаменитую фамилию, научилась неплохо рисовать и работала на фабрике в живописном цехе. Младшие учились в гимназии. В 1940 году Наталья вышла замуж за бухгалтера фабрики Афанасия Тримайлова и взяла фамилию мужа. Это обстоятельство, вероятно, и спасло ее в 41-м от расправы... Остальным Кузнецовым пришлось хлебнуть по полной мере и даже более.

МАРИНА

...Так страшно ей еще никогда не было за все 16 лет! Маринка лежала на верхних нарах теплушки, рядом беспокойно спал младший братиш-ка, внизу о чем-то тихо и тревожно разговаривала мама с женщинами-попутчицами, такими же несчастными выселенцами, как и они. Было ужасно душно, щемило сердце. Лучшим средством от липкого страха стали воспоминания из прежней жизни, такой радостной и светлой. Всю дорогу она старалась вытащить из памяти все новые и новые житейские эпизоды и сюжеты, восстанавливая чуть ли не каждый день из своего детства, и это придало девочке силы и уверенности: она не пропадет.

стяющими – из стекла, поэтому очень больно жгли руки. К нам в дом приходил Дед Мороз, и мы должны были петь песни. Затем мы наряжались и шли к тем из родственников, у кого собиралась вся наша семья. Иногда отмечали у нас. На столе был традиционный копченый свиной окорок и пирожки со шпеком. Все это было невероятно вкусно!..

Родни у отца в Риге было очень много, только дядьев Матвеичей – пятеро, а еще тетушки, кузены, кузины, их дети... Мы обходили всех с поздравительными визитами. Этот ритуал

мне очень нравился, я всегда уважала и любила нашу родню. Какой-то Новый год, помню, мы встречали у папиного двоюродного брата. Там собирались все Кузнецовых. Были приглашены фокусники, певцы, артисты, клоуны, музыканты...»

ИЗ ЗАПИСОК МАРИНЫ
НИКОЛАЕВНЫ КУЗНЕЦОВОЙ

«...Любимым местом был сад – большой и безумно красивый. У самого дома росли громадные старые каштаны, весной они покрывались большими душистыми цветами. От дома до наружной калитки вела аллея из сирени – с одной стороны с белыми цветами, с другой – лиловыми. От дверей веранды вела липовая аллея. Господи, как здесь пели птицы!.. Помню красивый фонтан в центре, яблони, кусты смородины, крыжовника, малины, барбариса. А еще мне нравилось гулять по территории фабрики по праздникам, когда здесь, кроме сторожей, никого не было. Часто гуляли с папой. Иногда папочка брал меня на фабрику, я наблюдала за процессом изготовления посуды. Бывало, он приносил домой новинки из магазина – посуду или статуэтки...»

ИЗ ЗАПИСОК МАРИНЫ НИКОЛАЕВНЫ КУЗНЕЦОВОЙ

ПЕРВЫЙ ГОД В СИБИРИ

Через три недели их поезд прибыл в Новосибирск. Потом еще четверо суток добирались на барже до Нарыма. Один раз она встретилась на барже со своей крестной Марией Ивановной Кузнецовой. Обнялись, заплакали. На прощание добрая женщина сунула ей броши из платины с бриллиантами – еще одно их спасение от голодной смерти. Своих детей у крестной не было, а муж Георгий Матвеевич Кузнецов, коммерческий директор «Товарищества М.С. Кузнецова», вместе с отцом Марины и дядей Николаем попал в лагерь Соликамска. Оба погибли в 1942 году. Мария Ивановна 13 лет прожила на спецпоселении в Томской области и умерла в ссылке в 1954 году.

В Нарыме маму и дочку определили на работу на завод, где выпускали шпалы. Всем прибывшим из Латвии велели отметиться у коменданта и искать себе жилье у местных. В поселке в ветхих хибарах и полуподвалах жили такие же ссыльные, попавшие сюда в основном с Украины еще в 30-е годы. Женщины работали в пошивочной артели для фронтовиков. Кирюша сидел дома. По приезде выяснилось, что ему не в чем ходить, сандалии все разорвались, а ботинки, видимо, остались в чемодане у папы... За работу получали по 500 граммов хлеба на человека. Через два месяца из ссыльных женщин собрали бригаду и под руководством местной бригадирши на двух больших лодках отправили в тайгу на заготовку грибов...

«...Моими любимыми праздниками были Рождество и Пасха. Большую елку в доме обычно украшали наши мамы, им помогала Ната. Помню, среди елочных украшений у нас тогда были так называемые волосы волшебницы – они были белыми, бле-

Собранные грибы засаливали в огромных деревянных бочках. Однажды стоявшие на солнцепеке бочки начали взрываться одна за другой. Весь труд пошел прахом, а бригадирши дали тюремный срок. С наступлением холодов горе-грибников отправили назад в Нарым.

НАХОДКИ И ПОТЕРИ

Зимой добычей пропитания занималась Софья Александровна. Профессорская дочка брала санки и отправлялась за 15–20 км до дальнего колхоза, чтобы там обменять что-то из рижских вещей на картофель и муку. До ссылки она была пышногрудой и полноватой женщиной, спустя полгода от ее былых форм не осталась и следа. Софья так исхудала, что не заметила, где и когда с нее сполз заветный поясок с золотыми монетками... Потом долго горевала и радовалась, что хотя бы часть этого богатства они уже успели использовать. И сокрушалась все снова и снова, подсчитывая, сколько же картошки и хлеба она могла бы купить на потерянное... Так и перезимовали. Наступил 1942 год. От отца известий не было, хотя они искали его по разным инстанциям. Наконец от него пришла весточка.

«Дорогая Сонечка, моя душа и все мои помыслы стремятся к вам, мои дорогие детки! Все заботы и думы только о вас, как-то вы, дорогие мои, живете? Уже чувствуется осень, значит, скоро, Сонечка, я опять, как и в прошлом году, начну носить твою клетчатую шерстяную кофточку. Когда я ее надеваю, мне кажется, что

Рижская фарфоровая фабрика прекратила свое существование в 1990-е годы. Коллекцию рижского кузнецового фарфора из музея фабрики удалось сохранить. Сейчас она выставлена в Музее фарфора в Риге

это ты обнимаешь меня – крепко-крепко. Из марининой материи на пальто я сделал себе одеяло и почти круглый год накрывался им по ночам, что приближало меня к моей дочке Маруне... От сыночка при мне ничего нет, правда, на складе лежат его зимние коричневые башмаки, и я прошлую зиму все время думал, как вы там обходитесь с одеждой, хватает ли у вас всего, ведь ваши ботики, а также постельное белье осталось у меня? Может, вам из друзей кто-нибудь помог?.. Жду желанную весточку от вас. Целую вас, мои милые, любимые. Так хочется мне вас по-настоящему обнять и расцеловать...
Горячо любящий вас ваш папа. Соликамск, 9.8.1942».

ИЗ ПИСЬМА ОТЦА МАРИНЫ

ВСТРЕЧА С ОТЦОМ

Летом 1942 года Марина пошла опять работать на шпалозавод, там выдавали 600 или 800 граммов хлеба. Девочка работала в основном на распилке дров. Но когда прибывала баржа с грузом, их всех отправляли на разгрузку. Ее подружки по рижской гимназии вряд ли бы узнали хрупкую и очень гордую дочку Кузнецовых, если бы увидели ее в Нарыме, несущую на спине тяжеленные металлические болванки или шпалы. Работали по 12 часов в день, иногда и в ночную смену. Софья Александровна пилила дрова в леспротдорге (600 граммов хлеба).

По вечерам Кирилл на пару с другом воровал доски и чурки в округе. Так и перезимовали. В июле 1943 года им наконец удалось соединиться с отцом. Из лагеря его отпустили умирать. Он приехал к своим на буксире вместе с новой партией ссыльных латышей. Дочь и жена не сразу его узнали. Николай Кузнецов, некогда красивый, цветущий мужчина, едва держался на ногах, опираясь на палочку. Он страдал пеллагрой (авитаминоз и дистрофия), при которой ноги страшно отекают, опухает лицо и руки. Внук Матвея Сидоровича Кузнецова в свои 43 года выглядел глубоким стариком. Говорил медленно, тяжело дышал. Но впервые за последние два года он был счастлив, хотя и едва жив.

«...Пасха проходила в ином духе. Перед праздником на постной неделе говели: исповедовались и причащались. Дома готовили все постное... В доме квасились творожные куличи, которые делались мамой по специальному рецепту. Рано утром, обычно это было в конце апреля или начале мая, мы с Кириллом наперегонки бежали в сад – искать крашеные яйца и подарки, которые папа припрятывал под кустами и елями. После завтрака шли с родителями поздравлять бабушку и девушку Александру Матвееву, остальных родственников... Летом всем семейством выезжали на Рижское взморье. В последние годы перед войной жили с папиной родной сестрой Долговой Еленой Александровной и ее дочкой Тусей, ровесницей моего брата».

ИЗ ЗАПИСОК МАРИНЫ НИКОЛАЕВНЫ КУЗНЕЦОВОЙ

Туся – единственная оставшаяся в живых правнучка Матвея Кузнецова, Татьяна Матвеевна по сей день живет в Риге. Ее родители были кузенами: отец Матвей на фабрике в Риге работал главным химиком, именно он владел всеми секретами рецептов фарфора и глазурей. Но когда девочке было 5 лет, они развелись, и Елена вышла замуж за работника фабрики Петра Долгова. Обоих ее мужей чекисты арестовали 23 июня 1941 года прямо на заводе, обвинив в диверсии. 27 июня все заключенные были расстреляны во дворе Центральной тюрьмы. На следующий день в город вошли немецкие войска... Елене с дочкой удалось избежать репрессий. Обе еще несколько лет работали на фабрике рисовальщицами. Елена умерла в 1979 году.

ПОХОРОНЫ КУЗНЕЦОВА

Отец переехал в поселок Колпашево Томской области, куда вскоре разрешили перебраться и остальным членам его семьи. Правда, пришлось хлопотать перед комендантром. Тот был довольно противным дядькой, жил с одной из ссыльных из Латвии, которая решила таким способом избавить себя и дочь Руту от голода. Марина дружила с девочкой, они вместе работали на лесозаготовках и на кирпичном заводе. Спустя многие годы уже в Латвии за материны грехи ей потом пришлось пострадать, причем от своих же: от Руты отвернулись все латыши, никто не разговаривал с ней. Тогда в Сибири ей было 15 лет...

...В нарымской ссылке Кузнецовым придется прожить до 1958 года. Марина перенесет тяжелое заболевание, врач и ее будет лечить гематогеном. Но дочь Кузнецова выкарабкается. После войны она будет работать учетчицей в сапожной мастерской, научится вышивать, плести сетки и занавески. Кирилл поступит в Томский техникум. С Большой земли они начнут получать письма и узнают, что у сестры Наташи Тримайловой в Риге уже растут двое сыновей – старший, Олег, родился в 1943-м, младший, Миша, – в 1947-м. Наточка будет помогать им, присыпать посылки и денежные переводы. А в 1952 году после ареста мужа, спасая детей от расправы, сама приедет с сыновьями к ним – в Колпашево...

Списанный по всем статьям Николай Александрович рвался помогать своей семье. Он устроился в плановый отдел на мясокомбинат, где получал продукты и обеды, чем очень гордился. Иногда им выдавали коровьи головы и шкварки, пару раз принес домой печеньку и почки, а как-то глава семейства разжился карбонатом и студнем. Софья Александровна запасла немного муки и картошки. Можно было бы прожить, но наступило неизбежное...

В конце ноября Николай Кузнецов совсем ослабел. Ноги почти не слушались. Две недели он пролежал дома. Фельдшер выписала ему гематоген от истощения и соляную кислоту от дизентерии. Ника весь покрылся белыми струпьями. Утром 1 декабря он поднялся с кровати и решил идти на службу. Жена и дочь пытались его отговорить, но он – ни в какую. Кузнецовы не сдаются... Марина прибежала за обедом на завод и зашла на мясокомбинат, приведать отца. Секретарша сообщила, что папе стало плохо, он упал на территории завода и сам встать уже не смог. Его положили в какую-то комнаташку. Марина побежала к нему. Отец лежал в пальто и меховой шапке, вытянувшись на спине. Он был без сознания. «Господи, – с горечью подумала Марина, глядя на его смертельно бледное лицо с заострившимся носом, – неужели папочка соединился с нами только для того, чтобы умереть? Не допусти этого, Господи, прошу – спаси и помилуй!» Она побежала за мамой и братом, всю дорогу повторяя эти два слова: «Спаси и помилуй!...

Софья схватила плед и помчалась в администрацию комбината. Там дали лошадь, чтобы отвезти мужа в больницу. Всю ночь в их доме горела лампадка, дети молились и плачали. Утром Софья Александровна вернулась из больницы с тяжелой вестью: папы больше нет. Так умер внук великого российского фарфорового магната. От паралича сердца и резкого истощения.

Гроб сделали на мясокомбинате, а также выделили семье покойного двух человек для рытья могилы и лошадь. Утром 4 декабря 1943 года был страшный мороз, мама и Кирюша уехали на похороны. Марина осталась дома, ей было нечего надеть. Она вымыла пол, зажгла лампадку, сварила суп из коровьей головы, выданной для поминок на мясокомбинате. Даже после смерти отец ухитрился накормить свою семью горячим мясным обедом...

Девочка запишет в своем дневнике: «Наш папочка умер, пожертвовав собой ради нас. Он был святым человеком. Никогда не нервничал, всегда был тих и ласков и жил в заботах о нас...»

Матвей Кузнецов в 19 лет возглавил фарфоровую империю. Именно при нем она достигла наивысшего расцвета. В 26 лет ему принадлежало уже 8 фабрик по всей России.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Первую попытку вернуться в Ригу Марина, у которой в 1956 году родился сын Вадим Кузнецов (с отцом ребенка, тоже ссыльным, они не расписывались и скоро расстались), совершила в 1958 году. Но через неделю бывших ссылочных навестил участковый. И велел им в 24 часа покинуть столицу Латвии. Громкая купеческая фамилия на советские органы власти еще долго действовала как красная тряпка на быка. Какое-то время они ютились полулегально у родных в Москве, пока в начале 60-х не получили разрешение на въезд в Ригу. Таким непростым было возвращение семьи Николая Кузнецова в Латвию. Кирилл Кузнецов остался в России, где и живет до сих пор, у него двое сыновей и два внука.

Софья Александровна умерла в 1971 году в 76 лет. Ее дочь Марина более 30 лет проработала реквизитором Рижского кукольного театра. В ее трудовой книжке записан трудовой стаж... 122 года! (перерасчет за работу в Сибири). Умерла она в 2005 году, воспитав двух внучек и дождавшись правнука. По рассказам родных, она всегда отличалась кротким нравом и кипучей жизненной энергией. Кузнецова, что тут скажешь, да еще прошедшая испытания Сибирью... Тетрадки с ее девичьими записками и дневниками бережно хранят сын Вадим и его жена Эльвина.❶

ЛИЦО ТРАГЕДИИ

ЕЛЕНА ГЕНН-БЕРДНИКОВА

Один из лучших пианистов Советской России оказался востребован сейчас – теми, кто его никогда не слышал наяву: только на компакт-дисках, MP3 и по радио. Романтик влюбил в себя неромантических людей.

Трагик утешил не ищущих утешения. Наследие Владимира СОФРОНИЦКОГО можно только принять: хранить его, жить с ним, строить свое искусство в России другого века.

Софроницкий был самым несоветским советским исполнителем. К началу революции он – почти сложившийся профессионал: в 1918 году начал самостоятельно концертировать, а первый концерт дал девятилетним, в 1910 году. Он был вундеркинд, виртуоз, мог разучивать произведение, лежа на диване: так он лучше слышал искомое, абсолютным слухом поверял найденное. Его считали лентяем, но, судя по количеству уцелевших детских и юношеских фотографий, на которых он сидит за инструментом, это не так.

Он не сражался за признание. Первый же публичный концерт по окончании Петроградской консерватории стал триумфом: «Мне было тогда восемнадцать лет, я играл с каким-то особым подъемом. Так играешь один раз в жизни, это врезается в память», – сказал он позже музыковеду Александру Вицинскому. В 1920-х Софроницкий – любимец ленинградской публики, один из лучших пианистов своего поколения. По отзывам рецензен-

тов, пишущих иногда на странном, травмированном ранне-революционном жаргонном языке, он – экзальтированный, экстатичный, движимый порывом, лиричный, избегающий всяких догм.

От современности он отстранялся всеми силами. Цензурировал жизнь, отсекая ненужное, придумывая несуществующее. Выдумщик, фантазер: факт для него значил меньше, чем фантазия; иногда меньше, чем ничто. В зрелом возрасте, когда не менее известные исполнители-сверстники упоминают нехватку времени, перегруженность рутиной, собраниями, Софроницкий говорит только о музыке. Между ним и роялем как будто не стоит никакой среды: хочу и играю.

Свое жизненное время между тем он освободил для того, чтобы играть – романтический репертуар, музыку революции: Бетховена, Листа, Скрябина, Шопена, Шумана. Любимец Софроницкого – Скрябин, композитор-новатор, пришедший

к границе атональности задолго до ее формального открытия; визионер, веривший в то, что исполнение задуманной им «Мистерии» переродит мир.

Софроницкий, в отличие от Скрябина, умершего в 1915 году, увидел изменение мира своими глазами: он пережил революционные годы в Петрограде. Видел лишения – пролог к ленинградской блокаде; видел нэп, когда ему платили за концерт по 10 тыс. – сумму, в реальность которой он в последние годы не верил сам. Видел революцию, перерождение самой жизненной среды.

Кажется, те, кто, как испанский философ Ортега-и-Гассет, смотрели на революционный подъем без романтического флера, особенно верно написали о светлой стороне восстания масс: небывалом подъеме качества жизни отдельного человека. Росте возможностей путешествовать, видеть, знать. Новый, действительно новый человек вышел на сцену во всем мире. В России этот выход произошел так резко, как нигде.

В 1920-х покорность перестала быть нормой, нормой стал рост. И музыка: голос человека, говорящего о себе – патетически, уверенно, сильно. Искусство, считавшееся элитарным, стало массовым: шагнуло, как тогда выражались, в каждую радиоточку, в школы, залы, училища, буквально в чистое поле. Универсальность, наущенность музыки больше не нуждались ни в каком доказательстве: она была предъявлена как факт.

В 1928 году Софроницкий уехал в Париж – демонстрировать класс советского фортепианного искусства и повышать его. Он учился там: слушал Артура Рубинштейна, Сергея Прокофьева, Николая Метнера. Год Великого перелома, 1929-й, он пережил в Париже; в 1930-м вернулся в Ленинград. Он предстал публике новым. Не экзальтированным, не бурлящим экспрессией, не свободным, как пламя. Сказали: «Былое пламя угасает в артисте». Софроницкий уходил от бурлящей поверхности – вглубь музыки. Он искал то, что идет на смену непосредственности юности.

Долго не понимал то, что он уже играл: угасание пламени, истончение стихии. Так, в частном письме 1934 года он еще собирался «показаться за границей». До 1945 года ему не было хода никуда.

«НАУЧИТЬСЯ СЕБЯ СЛЫШАТЬ»

Способность Софроницкого оказаться и действовать там, где он нужен, где происходит главное событие, поразительно.

Ленинград конца 1930-х годов. Аресты, приговоры, расстрелы, этапы – массово, масштабно, промышленно. Софроницкий отвечает музыкальными средствами, тоже масштабно: объявляет цикл из 12 исторических концертов, призванных внести три века фортепианной музыки – от Баха до молодого ленинградского композитора Гольца. 12 вечеров между декабрям 1937-го и апрелем 1938-го он заклинал хаос, пытался, по примеру своего кумира Скрябина, музыкальным действом прекратить зло.

Тщетно, совершенно тщетно. Музыка оказалась бессильна. История, что бы ни называлось этим словом, шла своим путем. Событие и память одинокого, но не беззвучного, напротив, многозвучного протesta – остались. Дожили до этих пор.

Тремя годами позже уже в блокадном Ленинграде он снова встретился с историей, и диспозиция была совсем другой. Он был не один. Об этом моменте не-одиночества он написал сам: «В зале Александриинки было три градуса мороза. Слушатели, защитники города, сидели в шубах. Я играл в перчатках с вырезанными кончиками пальцев. Но как меня слушали и как мне игралось!.. Я понял: пока лучшие люди нашей страны отстаивают каждую пядь Советской земли, пока наши дети (и среди них мой сын) сражаются на фронтах Отечественной войны, мы, художники Советской страны, должны своим искусством поднимать духовные и физические силы народа на разгром врага. Когда мне стало ясно, для чего надо играть, я почувствовал, как надо играть. Многие произведения, любимые прежде, стали казаться мелкими. Требовалась музыка больших чувств, музыка героическая, зовущая к борьбе. Может быть, только в эти дни по-настоящему я понял и почувствовал величие бетховенской «Аппассионаты» и героическую призывность 3-ей сонаты Скрябина. На первых же концертах я был нескованно обрадован, ощущив, что я нашел путь к сердцам слушателей, бившимся в унисон с моим сердцем пианиста и патриота, советского гражданина и ленинградца».

Прокитированный отрывок – единственное, что Софроницкий написал для печати. На интервью он практически не соглашался; есть только одна упомянутая выше беседа с Александром Вицинским, исследователем психологии и техники исполнительского творчества. Он не любил писать: его эпистолярное наследие относительно невелико – записки близким и среди прочего письмо 1955 года в Генеральную прокуратуру о реабилитации В.Э. Мейерхольда. Первая блокадная

**ВЛАДИМИР
ВЛАДИМИРОВИЧ
СОФРОНИЦКИЙ
(1901–1961)**

Родился в 1901 году в Санкт-Петербурге в семье учителя физики В.Н. Софроницкого. В 1903–1913 годах жил в Варшаве, учился у польского пианиста Александра Михаловского. В 1916-м поступил в Петроградскую консерваторию, в класс известного педагога Л.В. Николаева. В 1920-х концертировал в России, Грузии, на Украине. В 1928–1930 годах жил в Париже. В 1938-м стал доктором музыки Ленинградской консерватории. Зимой 1941/42 года выступал в блокадном Ленинграде. В 1943-м начал преподавать в Московской консерватории. В 1945-м выступил перед участниками Потсдамской мирной конференции. В 1940–1950-х концертировал в Москве, Ленинграде и Киеве. Умер 29 августа 1961 года в Москве.

этого опыта коллективного, общего действия уже не забыл, никогда от него не отрекся. Он приобрел то, что позже называли монументализмом исполнения: лапидарность, подчеркнутую четкость формы. Романтическая приподнятость была обогащена тем, чего романтизму часто не хватает: свободой от своего двойника – разочарования. За подъемом следует спад, за мечтой – прозрение, часто ошибочное; за революцией – реакция; за прельщением – те или иные бесы. В порыве послевоенного Софроницкого трагизм есть, а драматизма, тягучей «драмы», которую знает только поражение, – нет. Это повествование по-

бедителя о своей и общей победе. Неудивительно, что в 1945 году он играл на Потсдамской мирной конференции стран-победительниц. В том же, 1945 году Софроницкий сказал в интервью Вицинскому: «Я плохо играл раньше. Только за последние годы я понял и начинаю все лучше понимать, как нужно играть, и, если буду жив, через несколько лет стану играть совсем по-настоящему. Нужно научиться себя слушать, а это очень трудно. Это не фраза, не поза – я говорю совершенно искренне. В исполнении прежде всего нужна воля. Воля – это значит многое хотеть, хотеть большего, чем сейчас, чем можешь дать».

У современного слушателя есть возможность послушать этого волевого Софроницкого. Рассыпанные по разным изданиям записи 1947–1955 годов обладают одним качеством. Софроницкий играет как человек, созерцающий какую-то не-географическую пустоту, древнегреческую «хору», место, где рождаются первые, чистые и цельные, формы. Образцы и идеи. Их частные, минутные воплощения – звуки – он и приносит в мир. Сосредоточенно и легко. «Как будто и не я играл», – говорил Софроницкий о своих самых удачных концертах.

АПОЛЛОН ИЛИ ДИОНИС?

Где-то рядом с Софроницким всегда стоит Греция. Даже если не считать его Дионисом, пришедшим на русскую землю в ее самый дionисийский, XX век. Откинуть относящиеся к нему слова пианистки М.В. Юдиной о «дионисийском этом поклонении», которым в 1942 году московская публика встретила «воскресшего из мертвых», вернувшегося из ленинградской осады Софроницкого. Отнести на счет увлечения Ницше слова пианиста Г.Г. Нейгауза о «дионисийском (стихийном) и аполлоническом начале у Софроницкого»; по мнению Нейгауза, у его друга и коллеги, который «сам был красив, как юный Аполлон», преобладало именно уравновешивающее, индивидуализирующее и умиротворяющее аполлоническое начало.

Связь с Грецией началась уже с имени – образованной от греческого корня фамилии Софроницкий. Глагол «софонео» означает «быть благородным», «в здравом уме», «быть умеренным, скромным». «Фронео» – «мыслить, обладать умом». Софроницкий – семинарская по происхождению фамилия: духовные отцы давали ее учащимся, чтобы поощрить благой,

здравый ум, которому окажется по силам усмотрение истинного света. В Софроницком эта проекция имени осуществилась так полно, как думалось. Фамилия уравновесила имя и отчество – составила столь нужный им баланс.

Знаменитый русский философ П.А. Флоренский в своей книге «Имена» написал, что главные черты носителя имени Владимир – это царственная, но ложная по сути, несколько грубая претензия на мировладение и не-трезвость сознания, его вакхическая перегруженность. Владимир – это воля, стихия. Он всегда – как взвесь, никогда – как прозрачный раствор. Он сам нетрезв и включает в поле своего опьянения других. За ночь он способен возвести дворец – чародейством, которое к утру рассыпается. Владимир, кажется, укрощает хаос, на деле же произвольно организует материал: сегодня – так, завтра – иначе. Ведь это можно сделать мириадами способов.

Здесь в момент чтения книги Флоренского почему-то вспоминается, что Софроницкий никогда не играл одно и то же произведение одинаково.

«Я всегда нахожу новое в произведении, и мои критики ставят мне в упрек именно то, что у меня нет ничего определенного, устойчивого в исполнении даже одной и той же вещи. Они не понимают, что я должен внутренне, для себя, оправдать свое исполнение, должен услышать, почувствовать новое, не то, что было раньше, – что же тут плохого?»

По меркам времени, ценящего новое превыше всего, это блестящее. Это небывалая «креативность». Но хочется задуматься и над другим размышлением Флоренского о «владимирстве»: «Владимир, проникаясь сырьем переживаний и влажным стихиями мира, мало сознает свою пассивность и думает видеть в своих схемах, на самом деле на живую руку сварганных, высоко-рациональные идеальные формы и нормы действительности, пока достаточно резким толчком эта последняя не даст ему почувствовать себя. Этот толчок Владимир получает не раньше, чем начнет проходить его жизненный хмель, и только незадолго до смертного одра мир вдруг начинает восприниматься Владимиром трезво».

Так усматривал ли он действительно эти идеальные формы, как кажется? Или просто еще одно поколение созрело и поступило в поклонники Софроницкого: попало под не прекращающийся 90 лет гипноз? Что в этой музыке – прочитанной, услышанной, сыгранной так? Волюнтаризм или скромность? Вулканическое извержение или приход новых вещей, который тоже не бывает мирным, но знаменует жизнь? Произвол или слушание и слышание?

Нерешенность этого вопроса составляет одно из главных обаяний и отторжений Софроницкого. Он заключает в себе нечто дискуссионное, говоря иным языком, нечто страшное,

пугающее своей двусмысленностью. Эту двойственность отмечают все, кто подумал и написал о нем. Аполлон ли, Дионис ли, он, поворачивающий к тому, кто смотрит на него, разные лица, остается тревожащим. Он был гений, и гениальность его закономерно, в результате всех усилий по отторжению пены жизни, современной ему «современности», приняла конкретную форму: высшего выражения своего времени. Гений Софроницкого несет все его компрессионные следы. Он – страшный, потому что лучший; лучший пианист Советской России 1918–1961 годов.

У Софроницкого был – незадолго до смерти, как по предсказанию Флоренского, – свой период отрезвления, свои дни очищения. Они продлились три года: 1955–1957-й. Монументализм послевоенной поры выродил-

{ В исполнении прежде всего нужна воля. Воля – это значит многое хотеть, хотеть большего, чем сейчас, чем можешь дать. }

ся бы в «плакатный стиль», как его как-то назвал Рихтер, но молчанием Софроницкий предварил упадок. В паузе он подготовил взлет. Многие из доступных сейчас записей сделаны именно в последовавшее трехлетие: 1958–1961-й. Фактически это записи, сделанные умирающим человеком, еще не знающим, – возможно, лишь чувствующим, – что для него всходит другое солнце, другая заря.

Софроницкий движется от темы к теме. Без эскалации, свободно размышляя. Это чистое, не затуманенное эмоцией или нуждой лицо трагедии. Ее финал, катарсис. Очищение человеческого лица от искажений боли, страха или гнева. Его удивительная красота. Напоследок, уходя, Софроницкий оборачивается не масками – Аполлона, Диониса, героя трагического мифа Орфея, – он обращает свое человеческое, земное лицо. Тогда, когда он уже на отлете.

В нем – универсальность гения – высшей красоты, которая внезапно открывается и как родственная, и как внушающая трепет, потому что она показывает новую, до сих пор неизвестную меру человечности. Ее новую вершину, новый предел. Вот мы его и открыли; точнее, вот и мы его открыли. Посмотрим, во что это выльется. ●

ВСЕ ПЕРЕМЕЛЕТСЯ...

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

Присутствие ветряков – как правило, старых, с поломанным крылом, с крышей, разобранной ветрами, – на картинах отечественных живописцев лишил раз убеждает: мельницы – милая и неотъемлемая деталь родного русского пейзажа.

Н а жерновах ловили кузнечиков для рыбалки. Раскаленные солнцем мельничные жернова обжигали руки, а могли и поцарапать кожу своей шероховатой поверхностью. Когда-то на муке, намолотой этими жерновами, выросло не одно поколение села, в которое я приезжал во время летних каникул. А теперь каменные труженики лежали в высокой траве и были пригодны только для колки орехов и заточки ножей. А куда делись крылья, и самый старый дед не мог вспомнить...

Иногда рядом с жерновами прятала сапоги моя бабушка, когда через мелководье ходила в сельскую лавку за хлебом, который привозили из далекого райцентра. Бывало, машина запаздывала. А бывало, вообще не приходила. На обратном пути доставались из-под жерновов спрятанные сапоги, начинался путь через мелководье на другую сторону реки. Перед тем бросался взгляд на пустой остов мельницы... Как печален он был!

Почти в каждом русском селе была заброшенная церковь без куполов и крестов и мельница без крыльев. Порушив одни – оставили без хлеба духовного, разломав другие – оставили без хлеба насущного. И если храмы восстанавливают, то ветряные мельницы в лучшем случае остаются ам-

а вернее, когда есть ветер. Как в добрые старые времена, привозят на мельницу зерно, а вывозят муку. Любому туристу тут же на заказ испекут из только что смолотой муки хлеб, и будет он, конечно, хрустеть на зубах мелкими каменными песчинками, попавшими в муку с жерновов. Мельница в Тарханах – един-

барами, местом детских игр или тайными притонами околачивающихся поблизости темных личностей. Тут нелишне вспомнить, что единственным сооружением, которого никогда не касались крест и святая вода, была мельница. Ее не освящали. Вероятно, потому, что невидимая сила, которая заставляла вращаться тяжелые жернова, представлялась нечистой.

В некоторых селах до сих пор, указывая дорогу, называют в качестве главного ориентира место, где когда-то стояла мельница.

КРЫЛАТАЯ БУТАФОРИЯ

Сейчас ветряки, пожалуй, только на полотнах в музее и можно увидеть. Или на гравюрах к роману Сервантеса. Стоят, конечно, в некоторых уголках России несколько бутафорских мельниц, с «заязанными» крыльями. Под ними – либо рестораны, либо гостиницы. Хозяева знают слабость туристов к русскому пейзажу с мельницей и с выгодой используют ее. Вот только на просьбу запустить крылья мельницы на потеху детишкам или подружкам обычно отвечают отказом. Механизмы давно разобраны, а мастера умерли. Такие ответы я тоже слышал часто.

Пензенское село Тарханы. Здесь расположен Лермонтовский музей-заповедник. Место знакомое и обожаемое многими любителями русской поэзии. Здесь есть дом-усадьба, в котором прошло детство русского гения, восстановлены надвратные постройки, приведены в соответствие с ландшафтом начала XIX века окрестные луга и леса. На их фоне машет крыльями настоящий русский ветряк. Как из сказки. Здесь не надо просить запустить крылья мельницы. Они трудятся почти постоянно,

ственная действующая ветряная мельница в России. А так, есть мельница на берегу Волги в марийском городе Козьмодемьянске, которую фотографируют с палуб круизных теплоходов туристы, построен не сколько лет назад ветряк в пушкинском Михайловском для умильных вздохов поклонников поэта.

– Все это батафория, – машет руками Анатолий Митронькин, директор научно-производственной фирмы «Росреставрация», базирующейся в Саранске. – Один только вид. А русскому человеку важна суть.

В последние годы большую часть своего времени он тратит на восстановление мельниц. Ради них жертвует любимой охотой и бегами рысаков на ипподромах. По мнению Анатолия, исчезновение мельничных крыльев осиротило русский пейзаж. Уделяет он внимание и водяным мельницам. Рассказ Тургенева «Бежин луг», где так много говорится о тайнах водяной мельницы, считает образцом русской прозы. Послушать шум водяного мельничного колеса, а заодно подсмотреть устройство выезжал за границу.

НОВЫЙ ДОН КИХОТ ИЗ САРАНСКА

Когда в Михайловском, на Псковщине, после установки ветряка решили заняться и созданием водяной мельницы, чтобы была возможность узнать шум, который, как известно, приходил слушать и поэт, то столкнулись с трудностью. Сруб на плотине установили, а запустить мельничное колесо не смогли. После долгих мучений и поисков специалистов оказалось, что, кроме мастеров-реставраторов, трудающихся под руководством Анатолия Митронькина, никто с этой задачей не справится. В наше-то время компьютерных и нанотехнологий!

С просителями Митронькин поступил по-донкихотски. Показал им все документы по устройству старинного (это самое важное!) мельничного водяного колеса, позволил перерисовать и пере-

**Анатолий
Митронькин**

фотографировать все секреты, за которыми сам не один год охотился по архивам. Гости уехали окрыленные, а через два месяца позвонили с просьбой приехать и помочь. Сами они даже с чертежами оказались не в состоянии сделать и запустить механизм мельницы. От больших предложенных денег Митронькин отказался, ограничился только оплатой понесенных расходов. На запуск водяной мельницы в Михайловском гости собрались в старинных костюмах. Но больше всех внимание привлекали мельник в шляпе, в сапогах, в рубашке и фартуке до пола и Водяной, по старым поверьям, живший у мельниц. Пробу мельницы делал Митронькин, цитируя слова поэта: «Журча, еще бежит за мельницу ручей».

– В России водяных мельниц было больше, чем ветряных, – рассказывает Анатолий. – Водяная мельница удобнее тем, что работает без ветра. Меньше вероятность пожара. А напора воды для водяной мельницы достаточно на уровне ручья. Еще мальчишкой я вместе с взрослыми на реке делал плотину для мельницы. Я с детства был восхищен красотой корабельных парусов и мельничных крыльев. Сколько раз лазил по скрипучим и ветхим ступеням на крышу ветряка, пытаясь его оживить...

{ В Российской империи
к началу минувшего
столетия насчитывалось
более четырти миллиона
ветряков. }

До этого случая в Михайловском Анатолий Митронькин занимался мельницами только в своем регионе, а тут слава выплеснулась далеко вокруг. Поиском заказов для реставраторов Митронькина стал заниматься известный журналист Василий Песков, пропагандирующий возрождение старинных ветряков как яркой детали русского ландшафта. Заинтересовались привлекательными для туристов объектами в усадьбах-заповедниках: в Поленове на Оке, в Ясной Поляне, в усадьбе, где жил Тютчев, в лермонтовских Тарханах. Активным сторонником восстановления мельницы в Ясной Поляне стал правнук Толстого, директор музея-усадьбы Владимир Ильич Толстой. Митронькин прислал и туда мастеров-реставраторов.

Но больше всего хлопот доставила мельница в Тарханах. Поставили ее два года назад, а до сих пор приходится туда постоянно ездить. Причина – в мельнике. Взятый на эту должность бывший механик из сельхозкооператива, человек с высшим инженерным образованием, оказался неспособен управ-

ляться с патриархальным ветряком. Вот если починить трактор, комбайн даже при отсутствии нужных деталей и инструментов... А мельница... Тут мельник из бывших механиков задумчиво чешет затылок и вытирает руки о фартук. Помочь ему справиться с крыльями и жерновами приходили всем селом, а уходили с чувством стыда перед своими предками.

Жара была – мельница дала осадку. Дожди пошли – сруб от влаги разбух и поднялся на несколько сантиметров, а значит, вертикальный вал внизу мельницы, от которого идет зубчатая передача к механизму жерновов, надо перенастраивать. Сейчас, когда начинаются осенние ветра, нужно перенастраивать крылья. Иначе произойдет дисбалансировка, что может привести к расшатыванию механизма. Поэтому музей-заповедник в Тарханах заключил с фирмой Митронькина договор, по которому она будет обслуживать мельницу на протяжении года и учить мельника работе. Раз в два месяца приезжают специалисты и занимаются мельницей, а заодно делают наблюдения. Котов на мельнице нет, зато мышам, которые атакуют мешки с зерном, не дает спокойно жить куница, прибегающая на мельницу из леса. На крыше мельницы, как и положено, свили гнезда ласточки. По всему видно – этот ветряк вжился ландшафт. И таких объектов у Анатолия Митронькина несколько.

ПЕРЕМАЛЫВАЯ ПЛОХОЕ И ХОРОШЕЕ

Образ ветряных мельниц в России в последнее время использовался чаще как пример бесполезной борьбы с чем-то: бесхозяйственностью, коррупцией, безответственностью. Список можно продолжать бесконечно. Образ ветряных мельниц – символа самой жизни, которая, как движимые ветром крылья, не останавливается ни на миг, перемалывая плохое и хорошее, – присутствовал на полотнах живописцев и в русской поговорке: «Все перемелется – мука будет...» Причин для отмены смыслов образа как в первом, так и во втором случае не предвидится, но вспоминать о ветряной мельнице как о яркой части русского пейзажа станут чаще и по другому поводу. В последнее время в стране растет количество музеев деревянного зодчества. Крестьянские дома с наличниками, риги, амбары, бани, колодцы. Но главное в музеях – ветряк. Редко кто удержится от желания подойти ближе к ветряку, послушать скрип крыльев, присоснуться к ним, словно к крылу необыкновенной птицы.

Некоторые свои мельницы Митронькин видит уже не только на фотографиях, плакатах и постерах в кабинетах чиновников, но и на пейзажных полотнах, выставленных на продажу в подземных переходах Москвы.

Где появится новая ветряная мельница от Митронькина? Опять в центре России. В старинном русском селе Конобееве Рязанской области ветряная мельница стояла, наверное, лет пятьсот. Время стерло ее. Восстановить мельницу решило Общество охраны памятников Рязанской области. Тендер на строительство ветряка фирма Митронькина выиграла по кон-

курсу без проблем. Тендерную комиссию убедило качество мельницы.

...По разным источникам, в Российской империи к началу минувшего столетия насчитывалось более четверти миллиона ветряков. Русские плотники создали множество конструкций мельниц. Из них можно выделить два типа – «столбовки» и «шатровки». Первые были распространены на Севере, вторые – в средней полосе и Поволжье. В «столбовке» мельничный амбар вращался на врытом в землю столбе. Эти мельницы изображены на картинах Айвазовского. Принцип устройства «шатровок» иной: нижняя их часть в виде усеченного восьмигранного сруба была неподвижной, а меньшая по размеру верхняя часть вращалась под ветер. Их можно видеть на полотнах Поленова, Левитана, Серебряковой. Именно «шатровки» и ставит Митронькин...

Помимо него мельницы в России собирают, наверное, пока только дети из деталей конструктора. Недавно Митронькин побывал в Нидерландах, которые называют страной ветряных мельниц. Конечно, на предмет изучения устройства «ихних» ветряков. Между прочим, в нидерландском календаре есть Национальный день ветряных мельниц. Более 600 ветряных мельниц Нидерландов вывешивают в этот день флагок, означающий открытие мельницы для посетителей. Если в России когда-нибудь введут такой день, то, я думаю, Анатолий Митронькин станет на нем самым почетным гостем.

Между прочим – мельничные крылья включены в Государственный геральдический регистр Российской Федерации.

ПЛОТЬ ОТ ПЛОТИ

МИХАИЛ БЫКОВ

Разговаривать с народным артистом СССР Юрием Яковлевым сплошное удовольствие. Даже в том случае, когда беседа касается тем неприятных или жестоких. Разговаривать с младшим сыном Юрия Васильевича – режиссером Антоном ЯКОВЛЕВЫМ, который сейчас ставит в чеховском МХТ «Крейцерову сонату» Толстого, – тоже в радость. Он прежде всего человек искренний. Удивляет другое: и отцу, и сыну интересно разговаривать друг с другом. Несмотря на двойную разницу в возрасте, разные жизненные темпы. В наше слишком стремительное и чересчур деловое время это почти нонсенс.

Л

юди театра представляют сегодня, чем живет мир театральных фойе, гардеробов, буфетов, наконец, кассовых залов?

Юрий Яковлев: Нет. Знаю только, что в популярные театры и на модные спектакли билетов в кассах не бывает. Знаю также, что на этом некоторые очень

хорошо зарабатывают. Но так повелось не сегодня, и я давно не влезаю в это дело.

Антон Яковлев: Если говорить о билетах, то мне кажется, работает какая-то параллельная система. Как – абсолютно себе не представляю. Ясно только, что все замешано на личном интересе.

– Я не случайно начал с этого вопроса. Причина – хочется понять, кто в современном российском театре хозяин. Раньше эту роль играли отдел по идеологии и главный режиссер...

Ю.Я.: Театр коммерциализировался буквально на глазах. Поэтому сказать, кто главный в нем сегодня, не берусь. Зато могу ска-

А вы знаете, что такое уровень актерского мастерства? Когда я учился в театральном училище, к нам пришел на мастер-класс Михаил Тарханов. Спрашиваем, Михаил Михалыч, а вы используете в работе штампы? А как же, ответил Тарханов, у меня их штук примерно четыреста...

Мы рухнули в глубокую яму, и выкарабкаться из нее непросто. Потому что деньги – очень сильный соблазн, он губит самых сильных.

А.Я.: Это мы с тобой считаем, что это яма. А многие, наоборот, уверены, что двигают искусство и достигли театрального Эвереста...

Ю.Я. (смеется): Антошка молодец! Все зависит от точки зрения.

– **Ни как не могу избавиться от желания поднять вопрос, банальность и одновременно остроту которого определил еще Тургенев. Про «отцов» и «детей». Вы, похоже, одинаково смотрите на проблему современного театра. Неужели нет поколенческого конфликта?**

А.Я.: Нет. Я вырос за кулисами Вахтанговского театра, в котором отец прослужил всю жизнь. Я видел людей, которые в полной мере являлись великими режиссерами и великими артистами. И потом, я был свидетелем того, как снималось большое кино. Поэтому дистанция в восприятии нашей профессии между Юрием Васильевичем и мною не увеличивается. Ее почти нет.

Ю.Я.: Не знаю, как складывается в других случаях. У отца и сына, например, Стриженовых, Михалковых, Кончаловских. Не представляю, что сказал бы Сергей Федорович Бондарчук о режиссере Федоре Бондарчуке – ведь я, увы, до сих пор «Девятую роту» не посмотрел.

А.Я.: Я знаю – есть примеры достойного наследования. Петру Тодоровскому не стыдно за режиссера Тодоровского-младшего. А Герману – за Германа. Что же касается Саши Стриженова, с которым я, к слову, учился на соседних курсах во МХАТе, или Федора Бондарчука – я очень спокойно отношусь к тем жанрам, в которых они работают, но это их право выбора.

– **Эта тема чрезвычайно важна, потому что ощущение утери механизма передачи духовных и нравственных ценностей преследует сегодня многих. А если этот механизм и обретается вновь, то чувствуешь собственное бессилие: он-то у тебя с ручным приводом. А против – гигантская поп-машина на**

зать, что в нем главное. Деньги. Они определяют порядок жизни театра. Они заставляют режиссера и актера идти в антрепризу, сводя свое присутствие в репертуарных театрах до минимума. Антреприза за редким исключением не бывает успешной в творческом отношении. И телесериал, второе прибежище современного актера в поисках средств к существованию, тоже, как правило, продукт низкого качества. А платят и там, и там хорошо.

А.Я.: Когда вспоминают о знаменитом ужине в ресторане «Славянский базар», говорят больше о том, что в тот счастливый день Станиславский и Немирович-Данченко придумали МХТ. На самом деле они придумали целый мир – режиссерский театр. До них театр был актерским. И этот факт – величайшее событие в искусстве. Режиссерский театр в том числе и есть та великая русская театральная школа. И, как ни странно, это и сегодняшний Голливуд. В лучших проявлениях, конечно. Ибо Марлон Брандо, Аль Пачино, Де Ниро – прямые последователи этой школы. Антреприза всегда была побочным эффектом театральной жизни. Проще говоря, театральным «чесом». В антрепризе, за редким исключением, идут на актера, на звезду. В экономическом плане это настолько выгодно, что уже и классические репертуарные театры начинают делать ставку на медийное лицо. Театр начинает обслуживать кассового актера. И мы, режиссеры, казалось бы, должны быть довольны. Бери звезду – и ты на гребне успеха. Правда, звезду, конечно, по нынешним меркам. Помню, на Высших курсах один хороший педагог точно высказался на этот счет. Представьте, говорил он, что вы собираетесь снимать «Войну и мир». Кого будете занимать в картине?

Ю.Я.: Это, в свою очередь, оказывается на уровне всего театрального искусства. Если режиссер не определяет политику театра, если он нужен только в качестве постановщика мизансцен – то неизбежно деградирует все режиссерское сословие. Если актер будет предоставлен самому себе, если он, будучи крайне подвержен эмоциальному восприятию своего труда, сам станет себя оценивать, да еще озираясь на кассу, – деградирует и актерское сословие. Вот сегодня многие жалуются на отсутствие личностей в театре, вообще в искусстве. Сетуют на скромотечность признаний и отторжений. А личности просто не успевают сформировываться. Две удачные роли в сериале – и все, звезда! А дальше надо с космической скоростью эксплуатировать это состояние, пока не стал «черной дырой». Я как-то сказал, что сегодня звезд много, артистов мало. Многим понравилось, подхватили-понесли... Не догадываясь частенько, что это о них же и сказано.

атомной энергии. В то же время думать, что эти ручные приводы совести уже не спасут, – тогда и жить как-то нелепо.

Ю.Я.: Я помню времена, когда жить было куда страшнее. Я ведь жил и при Сталине, и при Хрущеве, и при Брежневе... При всех генсеках и при всех российских президентах. Есть с чем сравнивать. 30-е годы прошлого века – это особый период, особый мир. До сих пор в голове не укладывается, как уживались рядом ДнепроГЭС и Голодомор, счастливые физкультурники и обреченные зэки. Наверное, страшнее ничего не было. Но опаснее всего – деньги. Они опаснее любых тиранов, любых цензур, любых страхов. Особенно в обществе, которое еще не научилось ими пользоваться. «Новые русские» – это не смешно, как считают некоторые сатирики-юмористы. Это страшно!

А.Я.: Деньги – это враг изысканный. Тоталитарная власть –

Если актер будет предоставлен самому себе, если он, будучи крайне подвержен эмоциальному восприятию своего труда, сам станет себя оценивать, да еще озираясь на кассу, – деградирует и актерское сословие.

она понятна. Есть некий центр силы. Ты можешь его бояться, можешь с ним воевать, понимая, чем это грозит. Но в любом случае ты знаешь противника. Деньги – другое. Они обманывают и уничтожают незаметно. Тебе кажется, что все нормально, что ты в ладах с самим собой, что еще ничему не изменил. А все уже и произошло! Говорят, дьявол особенно силен тогда, когда ты считаешь, что его нет. Спохватаешься, а из маленьких зернышек уже выросли могучие ветви. И вот они уже висят на тебе!

Для меня как сына тайна, каким образом при всех соблазнах и регалиях, званиях и возможностях отец этого избежал. Может быть, некая генетическая заданность сработала. Он русский человек до последней клеточки. А в России традиционно к деньгам относились по большей части спокойно. Богатство ради богатства не было в чести.

Ю.Я.: А зло ради зла? Меня в последнее время именно эта мысль особенно беспокоит. Антон ругает меня, когда я смотрю по телевизору примитивные эстрадные шоу и «мыло». Но что поделать, если я и в нынешнем возрасте сохранил естественное любопытство. Очень, знаете ли, хочется быть в курсе всего. «Мыло» я смотрю в надежде узреть новую актерскую искру таланта, и иногда везет. Живой голос, живая интонация, живой человек – и я говорю: Господи, как приятно!

А вот интерес к шоу имеет другую природу. Что происходит с актерами, для меня не секрет и никакого интереса не представляет. Я смотрю на кадры, демонстрирующие зрительный зал. Что происходит с людьми! Их реакция на пошлость и безвкусицу поражает. И не только молодые заливаются смехом, так же реагируют люди в возрасте. То есть те, кто видел другие образцы. Аркадия Исааковича Райкина, например, которого я в силу личных обстоятельств знал довольно близко.

Главное качество сегодняшнего телевидения – равнодушие. Почти все идет мимо мозгов, мимо души, мимо сердца. Причину происходящего в «ящике» мы определили выше. А раз для огромного числа наших граждан телевизор почти полностью заменил реальные эмоции, то напрашивается печальный вывод. Равнодушие – определяющее качество сегодняшнего мира.

– Пока мы все больше о нехорошем. А раз это так много, и до отчаяния недалеко...

А.Я.: Злость полезнее отчаяния. Она толкает на поступки, которые и могут изменить положение дел.

Ю.Я.: Мне кажется, Россия уже понимает, что положение ведомой ей не к лицу и приведет ее к краху. Понимает, но пока мало что делает. Еще не появились в достаточном количестве ведущие. Такие, каким был, например, академик Лихачев. Мы не были знакомы лично, но как-то я написал ему письмо под впечатлением того, что знал о его личности и деятельности. Был удивлен, когда получил ответ. До сих пор горжусь словами Дмитрия Сергеевича в мой адрес: «Вы воплощаете в себе русский дух, русскую культуру». Или другой ведущий – Евгений Семенович Матвеев. Человек совершенно другого уровня эрудиции и воспитания, иного менталитета и темперамента. Но цель имел ту же – пробивал русское вопреки любым идеологическим установкам и партийным приказам. Я снимался у него в трех картинах. В режиссерском смысле он был хорошим профессионалом, не более. Но святая вера в собственное дело влюбляла в него актеров, у него все хотели сниматься. Видно, чувствовали настоящее.

– А трудно быть русским?

Ю.Я.: Трудно. Потому что все время мешают быть русским. Как сговорились. Для многих в Европе, я уж не говорю о США, слово «русский» вновь становится синонимом знака минус. Сейчас события в Южной Осетии и Абхазии вновь это подтверж-

дают. Ладно, американцы. Но меня история с болгарским оружием задела куда больше. Я сам в Болгарии на гастро-лях в советское время был раз пять. И памятник Александру Второму помню прекрасно, и улицы, названные в честь русских генералов. Помню также, с каким внутренним уважением произносили болгары слово «русский». И есть за что: мы ведь и правда их из-под турецкого ига вытащили. Этот кусок истории не пересмотришь при всем желании. А тут – снаряды с болгарскими этикетками в грузинских орудиях! В русской традиции вселенская любовь. Значит, если хочешь быть русским – люби и предателей в том числе. Разве это легко?

А.Я.: К сожалению, есть еще одна тенденция. Стоит сказать, что ты русский, как понимаешь, что некоторые представители других национальностей почему-то видят в этом ущемление достоинства их народов. Абсурдная ситуация. Любовь к собственному народу вовсе не означает автоматической нелюбви к остальным. Хотя если уж говорить до конца, я вовсе не обязан любить всех и вся. Живут на земле такие-то и такие – и дай Бог им здоровья. Вполне достаточно.

Ю.Я.: Согласен. Уважать другие народы я должен. А любить – не обязан.

А.Я.: Мне кажется, это пришло по наследству от ложно понимаемых интернациональных истин. Любовь к собственному народу – это основа этнических отношений. Ибо если ты не способен любить собственный народ, как можно надеяться на искренность любви к чужому? Спустимся с национального уровня на личностный. Абсурдно требовать от человека любви и уважения к ближнему, если он к самому себе относится с ненавистью и презрением.

– Мне кажется, мы как народ также внесли лепту в создание весьма несимпатичного национального образа. Особенно постарались в 90-е.

А.Я.: Трудно не согласиться. В 90-е мне часто приходилось выезжать из России, и я много раз сталкивался со специфической реакцией на слово «русский». Это, как правило, была смесь страха и ожидания чего-то нехорошего. «Новые русские» несли в мир хабальскую разнужданность, бескультурье, хамство.

Ю.Я.: По нарочитому бескультурью этих людей весь мир судил о народе, обладающем одной из самых богатых культур планеты. Парадокс!

– Есть такой простенький тренинг для начинающих руководителей – «если бы начальником был я». Представим на минуту, что каждый из вас – начальник всея Руси. Что бы вы сделали

в первую голову, чтобы наше общество начало обновляться?

А.Я.: Пусть отец начинает. Ему не привыкать. Он дважды играл царей. Ивана Васильевича в кино и Николая Первого на сцене. Великого князя Константина Константиновича в «Юлии Вревской». Замечательные «начальники» получились.

Ю.Я.: Если б от меня зависело, я бы монархию возвратил! «За веру, царя и Отечество!» – что еще нужно? К слову, вера уже возвращается. Пусть этот процесс идет сложно, с противодействием, но идет. И я могу сказать только «Браво!». Второе – нужно активно возвращать союзников-соседей. Когда-то император Александр Третий сказал, что у России только два союзника: ее армия и ее флот. Мне хочется, чтобы мы были не столь одиноки в мире. И третье: я бы издал указ – «О возрождении культуры». Нет, «О нарождении культуры!» Это будет лютая операция. Потому как без лютости результата не получим. Слишком все запущено.

А.Я.: Я бы очень серьезно, принципиально изменил подход к образованию начиная с детского сада. Вернул бы в начальную школу уроки живописи, поэзии, танца. Отдельный вопрос – языки. Русский и английский. Для меня очевидно, что главный противник России в обозримом будущем – англосаксонская цивилизация. Не о войне речь – об экономическом, культурном, ментальном противостоянии. Язык врага надо знать хорошо.

Мне нечего добавить к сказанному, кроме одного – новой страной должно управлять обновленное чиновничество. Бич нынешней России – коррупция. Она настолько велика и тяжела, что ни одна лошадь телегу с места не сдвинет.

– Последний вопрос. Я попрошу вас объяснить Россию одним словом, одним явлением, одним именем.

А.Я.: Вопрос куда труднее, чем кажется на первый взгляд. Как там у Булгакова в «Беге»? «Россия не вмещается в шляпу, господа!» Наверное, для меня образ России – это русский театр, запах его кулис. Этого нигде больше нет...

Ю.Я.: Я думаю, это слово, этот символ – «русская женщина». И не просто женщина, это – Богородица. А если так, то и относиться нам всем к нашей родине надо так, как относится всякий верующий к Божией Матери. ¶

«ПИСАТЬ АБЫ КАК – ЗНАЧИТ НЕ УВАЖАТЬ ОКРУЖАЮЩИХ»

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Один из самых известных и ярких деятелей русскоязычного сегмента Интернета, писатель и кинокритик не уважает сетевых «анонимных хамов», борется за чистоту русского языка на форуме своей весьма популярной в Сети странички и уверен, что самоцензура необходима любому человеку.

Об этом и многом другом «Русский Мир.ru» поговорил с Алексом ЭКСЛЕРОМ.

Алекс, как вы считаете, почему сегодня в Интернете так много агрессии и взаимных оскорблений в общении незнакомых друг с другом людей?

– Это обусловлено анонимностью. А также тем, что люди, общаясь в Интернете, не видят друг друга. При общении в «реале», если ты позволишь себе хамство, можно ведь и схлопотать. А при виртуальном общении прячешься за какой-нибудь маской – и хами себе спокойно людям, рядом с которыми в настоящей жизни ты бы даже и не пикнул. Поэтому многие персонажи пытаются самоутверждаться подобным образом: хамят из-за анонимной стенки.

– **Как с этим можно бороться?**

– Вполне известными способами: не посещать немодерируемые «помойки», а анонимных хамов «банить» в своем блоге немедленно, не дожидаясь перитонитов.

– Однако число анонимных хамов и «помоек» в Интернете таково, что сталкиваешься с ними едва ли не ежедневно. Возникает ли вопрос о целесообразности анонимности как таковой?

– Я считаю, что анонимность на самом деле очень вредна. Первоначально она была нужна для бурного развития Интернета – легкость подключения и использования, – однако сейчас именно из-за этой анонимности Сеть разъедают раковые опухоли спама и вирусов. Хамство и оскорблений здесь, поверьте, наименьшая проблема. Специалисты давно говорят о том, что нужно создавать новый Интернет – идентифицированный. Это сразу снимет огромное количество проблем. Причем понятно, что для этого не нужно ломать старый Интернет, нужно просто создать соответствующую надстройку на новых протоколах. Кто хочет сохранять анонимность и общаться в старом Интернете, кишащем спамом и вирусами, – пожалуйста, нет проблем. Однако если другие готовы не скрываться за маской, а взамен получить «чистую» Сеть, они должны иметь такую возможность.

– Алекс, вы сами – «тысячник», число читателей вашего блога приближается к десяти тысячам человек. Должны ли такие популярные в «Живом Журнале» люди следить за своими высказываниями и суждениями? Нужна ли самоцензура?

– Самоцензура не имеет отношения к числу читателей. Она должна присутствовать в любом случае. Но я не считаю, что если каждый мой пост становится предметом обсуждения тысяч пользователей, то из-за этого я должен себя в чем-то ограничивать. Я никому ничего не должен.

– **Что для вас значит хороший русский язык?**

– Хороший русский язык – это прежде всего грамотность. Хотя бы элементарная. Но в Сети даже с элементарной грамотностью огромные проблемы. Зайдешь на какой-нибудь форум, почитаешь – и просто за голову хватишься: такое ощущение, будто пишут одни малолетки-двоечники. А потом выясняешь, что в большинстве своем это взрослые люди, причем почти все с высшим образованием. И тогда уже хочется хвататься не за голову, а за автомат. Или учительскую указку. С безграмотностью можно и нужно бороться. Например, у меня на форуме в правилах закреплен постулат о том, что от участников сообщества требуется умение выражать свои мысли на более или менее грамотном языке, а тексты сообщений нужно оформлять по правилам русского языка: начинать предложения с заглавных букв, правильно использовать знаки препинания и так далее. Людей, которые не дают

себе труда писать грамотно, мы просто выставляем. Да, это вызывает много нареканий. Но мне наплевать на то, что кого-то это не устраивает. Зато на форум приятно зайти: там собирались грамотные люди, уважающие друг друга. Писать абы как и не заботиться хотя бы о нормальном оформлении своих писем – это неуважение к окружающим.

– **А как вы относитесь к «олбанскому» языку? Несет ли он угрозу традиционному языку общения?**

– Честно говоря, в «олбанском» языке я не вижу ничего плохого в том случае, когда он используется в качестве некой стилизации. Однако когда сленг полностью подменяет

заниматься. Так и с остальным: в какой-то момент надоело писать рассказы, переключился на что-то другое. Однако сейчас как раз планирую вернуться к «художке», после того как добью очередной контракт на учебники. Тогда образуется относительно свободных полгода, хочу попробовать реализовать старые задумки.

нормальный русский язык – это выглядит ужасно.

– **По-вашему, ситуацию в Рунете можно считать отражением самого общества и происходящих в нем процессов? Нет ощущения, что это – кривое зеркало?**

– Любое «комьюнити» есть отражение общества. Если сообщество специализированное – оно и отражает процессы, характерные для какой-то узкой прослойки. Интернет сейчас объединяет достаточно разные, хотя и не все, слои населения, поэтому, безусловно, является отражением большой части общества. Но это вовсе не кривое зеркало. Наоборот, самое что ни на есть прямое.

– **Вы пишете учебники по компьютерной грамоте, издаете рассказы и повести, пишете кинорецензии. Что из этого для души, а что ради денег?**

– Мои профессиональные занятия базируются на следующих составляющих: художественная литература (рассказы и повести), учебники по компьютеру и Интернету, кинорецензии, интернет-обзоры, статьи по электронике и hi-tech, публицистика, ведение нескольких специализированных интернет-проектов. Все это – для души. «Не для души» я ничем не занимаюсь. Однако так как книги и учебники продаются, на сайте крутится реклама – это приносит вполне пристойные (тьфу-тьфу-тьфу!) деньги, благодаря которым я могу содержать семью и дальше заниматься любимыми делами. У меня ведь фактически нет начальников и каких-то постоянных работ. Я занимаюсь тем, что мне интересно в данный момент. Было интересно поработать на радио, вел в прямом эфире авторскую передачу и делал еще несколько записываемых передач. Надоело – перестал этим

{ В моей жизни современные технологии и Интернет очень много значат. Это и работа, и средство коммуникации, и мощнейшая информационная база. }

– В СССР можно было много писать, но без членства в Союзе писателей издаваться было почти нереально. Сейчас практически любой человек может и писать, и издаваться, например за свой счет, любыми тиражами. Но новых Шолоховых, Булгаковых, Распутиных или Бродских как-то не наблюдается. Почему, как вы думаете?

– Во-первых, «любой человек» не может издаваться любыми тиражами. Даже за свой счет. Потому что даже если он потратит кучу денег на выпуск тиража, эти книжки просто не возьмут на реализацию. Кому нужен неизвестный автор, когда известного-то сложно продать? Да, конечно, если на издание книги есть много денег, например сто тысяч долларов, – тогда можно действительно испечь «бестселлер» за свои деньги, что отлично было продемонстрировано на примере Оксаны Робски: ее первая книжка именно таким образом и была раскручена. Другое дело, что Робски попала в нужную нишу, и ее последующие творения уже приносили кучу денег самой писательнице.

Во-вторых, Шолохов, Булгаков, Бродский появились не в один год. И не за десять лет. У СССР была семидесятилетняя история. Современная Россия пока насчитывает порядка двадцати лет, так что все еще впереди. Кроме того, нельзя сказать, что в России уж совсем нет достойных писателей. Конечно, в большинстве своем популярная литература представляет собой нечто удручающее, так называемые издательские проекты, а не литературу как таковую, тем не менее есть ряд действительно хороших писателей – Улицкая, Рубина, Пелевин, Толстая, Липскеров и другие.

Правда, сейчас начинающему писателю гораздо проще получить признание читателей – если он этого, конечно, достоин – с помощью того же Интернета. Выкладывай в Сеть свои произведения и жди реакции. Если она будет положительной и ты получишь свою читательскую аудиторию, значит, уже можно издаваться на бумаге.

– Недавно вы создали свое издательство. Зачем? Неужели на рынке уже некому и книгу выпустить?

– Издательство я не создал, а восстановил. Первоначально мои книги выпускались моим же издательством, потому что меня не устраивали предложения издателей. И только после того, как эти книги «раскрутились», я заключил контракт с издательством «АСТ», после чего свое издательство заморозил. Мои учебники для «АСТ» выпускало издательство «НТ Пресс», (бывшее «ДМК Пресс»), приобретенное «АСТ». Выпускало отвратительно: ужасные обложки, куча ляпов, по полгода задерживали сданные рукописи, пару раз их просто теряли. В конце концов мне это надоело, и я договорился с «АСТ» о том, что

буду сам выпускать свои учебники, я больше не мог видеть непрофессионализм «НТ Пресс». Это издательство, кстати, в конце концов так и развалилось. В результате сейчас мое издательство «ЭКСПромт» выступает партнером «АСТ». Я сам издаю свои учебники, сдаю в «АСТ» готовые макеты, а они эти учебники печатают и продают.

– Ваши кинорецензии очень популярны, вы просматриваете много фильмов. Правильной ли дорогой идет российское кино? Нужна ли нашему кино господдержка? Надо ли равняться на Голливуд?

– Наше кино идет довольно странной дорогой. К сожалению, типичной для современного российского общества с тотальным воровством и коррупцией. С одной стороны, иногда действительно создаются блокбастеры, в которые вкладывается много денег, и получившийся продукт не стыдно показывать даже на Западе. Но с другой – в год снимается порядка двухсот фильмов, из которых на деле можно смотреть максимум десяток. Все остальные – всего лишь средство для грамотного разворовывания государственных денег, на которые все это и снимается. Господдержка, конечно, нужна, но не в таком виде, как это происходит сейчас, когда воруют фактически 80–90% бюджетных денег.

По поводу Голливуда... Отечественному кинематографу не грех поучиться у Голливуда. Только наши режиссеры-продюсеры почему-то предпочитают брать у Голливуда худшее, а не лучшее.

В общем и целом российское кино пока находится на довольно низком уровне. Ни

о какой реальной конкуренции с Голливудом и говорить не приходится, КПД кинопроцессов низок. Когда за год реально можно вспомнить два-три более или менее удачных российских фильма – это плохой показатель. Как результат: обычные и очень средненькие российские фильмы завоевывают на наших фестивалях кучу наград.

– Сегодня в России много снимают историческое и окноисторическое кино. В обществе спорят из-за достоверности воспроизведимых событий, деталей быта разных эпох. Как вы считаете, обязательно ли фильм должен максимально соответствовать духу эпохи? Возможны ли вольности во имя художественности, сюжетного поворота?

– Вольность вольности рознь. Одно дело, когда что-то корректируется во имя художественности, картинки или сюжетного поворота, а другое – когда берут реально существующее историческое лицо и нагромождают вокруг него кучу откровенного вранья. Как правило, это делается с так называемой патриотической целью. Однако я не понимаю, зачем нужно врать во имя какого-то мифического «патриотизма». Такие фильмы откровенно раздражают.

– Вы много путешествуете, у вас есть возможность сравнивать жизнь в России и в других странах. Желания уехать не возникало? Как вы относитесь к понятию «патриотизм»?

– Разумеется, я бы с большим удовольствием поселился где-нибудь в Италии или в Штатах на берегу моря или океана. Однако одного желания мало, мне же не двадцать лет, я не собираюсь начинать все с нуля. Кроме того, в России мои родственники и друзья, я не могу их бросить и уехать отсюда. Понятие родины для меня олицетворяют они, а не какой-то там «патриотизм».

В нормальном обществе патриотизм – это любовь к своей стране и желание сделать ее лучше. В нашем же случае «патриотизм» часто выглядит как национализм и фашизм. Такой «патриотизм» я не понимаю и не принимаю.

– «Физики» и «лирики»... Вы к кому бы себя отнесли?

– Мне очень сложно отнести себя что к «физикам», что к «лирикам». Образование у меня сугубо техническое – Московский авиационный институт, кафедра вооружения летательных аппаратов. По специальности ни дня не работал, сразу ушел в программисты и компьютерные специалисты, чем и занимался лет десять, до 1999 года. В 1999 году должен был ехать в Штаты работать по контракту, но отказался и вообще ушел из компьютерных профессий, стал работать менеджером и редактором интернет-проектов, начал заниматься собственной страничкой. То есть из «физиков» ушел в «лирики». Тем не менее «физиком» я остаюсь – во-первых, пишу учебники по всяким техническим вопросам, во-вторых, слежу за всячими гаджетами-железками и пишу о них статьи.

– Алекс, есть ли, по-вашему, будущее у так называемых социальных сетей в Интернете – «Одноклассников», «В контакте», «Мой круг» и т.д.?

– Социальные сети очень разные. «Одноклассники», например, в силу невероятной убогости механизма и всесокрушающей жадности владельцев даже для поиска одноклассников использовать уже нереально. Но они сработали на том, что именно в «Одноклассниках» было действительно много людей и там можно было найти тех, кого давно потеряли. VKontakte – грамотный клон Facebook, он более удобен, и его можно использовать для общения, обмена фотографиями и т.д. «Мой круг» – профессиональное сообщество, его удобно использовать для поиска работы, контактов по профессиональным признакам и т.д. Так что будущее у нормальных социальных сетей, безусловно, есть. Всякий мусор, вроде «Одноклассников», в конце концов отсеется, и останутся хорошие, качественные сервисы.

– Не мешает ли Интернет, те же социальные сети или «ЖЖ», нормальному, традиционному человеческому общению?

– Интернет невероятно помогает общению. Не будь Интернета, у меня не было бы такого широчайшего круга интересных людей, с которыми я познакомился через Сеть. Не было бы Интернета, я бы так и сидел дома в информационном вакууме. В моей жизни современные технологии и Интернет очень много значат. Это и работа, и средство коммуникации, и мощнейшая информационная база, и многое другое. Я 14–16 часов в день провожу в Интернете, так что если меня этого всего лишить, ситуация будет незавидная.

ПЕРВЫЕ ЗВОНЫ

ЕВГЕНИЙ ВЕРЛИН, ВОРОНЕЖ - С. МАЛЫШЕВО - МОСКВА

Человека, который сделал для Гарварда копию знаменитой Даниловской звонницы, зовут Валерий Николаевич АНИСИМОВ. По признанию американцев и Святейшего патриарха Алексия II, по качеству она превзошла оригинал, который в октябре нынешнего года вернулся в Свято-Данилов монастырь.

B

оронежский офис ООО «Вера» я нашел не сразу. Неприметная вывеска с тыльной стороны типовой жилой многоэтажки. Вхожу: крохотная офисная комната с четырьмя столами, а за матовой стеклянной дверью – шестиметровая «переговорная» на месте прежней кухни. В общем, однокомнатная малогабаритная квартира, разве что прилично отремонтированная. Из «переговорной» выходит невысокий господин с бородкой и длинными, забранными в пучок волосами – это и есть Валерий Николаевич Анисимов. Так началось наше знакомство с внуком донского казака, одним из первых кооператоров Воронежа, отцом четырех детей. Мы договорились обо всем побеседовать обстоятельно. Что ж, говорит Анисимов, слушайте, только по ходу беседы придется отвлекаться на другие дела. Так, собственно, мы и провели весь рабочий день: я записывал, а он то и дело прерывался на телефонные разговоры, встречи с людьми, поездки в нужные места, решение разных производственных вопросов.

УЦЕЛЕВШЕЕ РЕМЕСЛО

«Американцы сомневались, что в России уцелело ремесло литья колоколов. Ну, и такое опасение у них было: вот приедут эти русские, разворочают всю колокольню в Гарварде, взамен привезут какие-то ржавые железяки. Всерьез размышляли, не отлит ли колокола в Европе. Хотя у европейцев совсем другая технология. Но Виктор Вексельберг (председатель попечительского совета культурно-исторического фонда «Связь времен», финансировавшего возвращение колоколов в Свято-Данилов монастырь. – Прим. ред.) хотел, чтобы колокола для Гарварда были отлиты именно в России. Я уж не говорю, что Вексельбергу в Европе это обошлось бы в несколько раз дороже. У меня килограмм стоит 25 долларов, а там рядовой колокол обойдется в 80 евро за кг, а эксклюзивные – еще дороже. И это притом, что олово там дешевле, не-

жели в России. Медь-то у нас есть, а вот олово – импортное...

Когда было договорено, что колокола все-таки будут лить в России, делегация из Гарварда собралась приехать посмотреть наши заводы. Это было летом 2006 года. Их начали возить по разным местам, и первым делом на заводы, которые сильнее всего лоббировались с российской стороны: на ЗИЛ в Москве и «Балтийский» в Санкт-Петербурге. Но для них колокола не профильное производство; там их льют от случая к случаю, как сковородки. И только потом повезли американцев на собственно колокололитейные заводы. В России их всего три. И все частные. Свозили сначала на завод в Тутаев, что под Ярославлем, затем в

Только что отлитый и очищенный колокол сверкает на солнце, таким он может провисеть несколько лет, но потом, как и любой бронзовый предмет, неизбежно потемнеет.

Каменск-Уральский и только потом к нам. Колокола литье многие пытаются. Но, как правило, у них плохо получается. Льют болванки, которые колоколами назвать можно с большой натяжкой.

Мой завод смотрели последним, и удачно, что к этому времени мы как раз отливали большой колокол для Валаамского монастыря, да еще два колокола – 4-тонный и 10-тонный – стояли готовые, ждали отправки в Черногорию для кафедрального собора в Подгорице. Это было в августе. А осенью позвонили из фонда «Связь времен» и сказали, что в феврале меня вместе с представителями Свято-Данилова монастыря приглашают в Гарвард «в ознакомительную поездку». Мы приехали, мне показывают колокола, а потом говорят: «Знаете, мы решили, что все-таки вы будете их делать». Ну, что ж, спасибо за доверие, говорю. И тут мне люди из инициативной группы университета заявляют: «Только вот у нас такое условие: мы должны уже в конце марта посмотреть пилотные

колокола для Гарварда были отлиты именно в России. Я уж не говорю, что Вексельбергу в Европе это обошлось бы в несколько раз дороже. У меня килограмм стоит 25 долларов, а там рядовой колокол обойдется в 80 евро за кг, а эксклюзивные – еще дороже. И это притом, что олово там дешевле, не-

**Заливка
14-тонного
колокола «Мать
земли Русской»
для Гарварда**

колокола. Хотя бы все малые колокола до 500-килограммовых включительно». При этом они знали, что такая работа занимает обычно полтора-два года. Это было 15 февраля. А через четыре дня у меня уже заканчивалась виза! Фактически они поставили невыполнимое условие. Может быть, такое испытание специально устроили те, кто добивался

**{ Исторически на Руси редко
когда для одного храма
всю звонницу отливали.
Просто дело это было
дорогое, чтобы сразу все
осилить. }**

размещения заказа в Европе, не знаю... Что делать? Ведь нам надо снять матрицы колоколов, а я никаких инструментов с собой не взял! Да и кроме Марины, моей дочери, никого со мной не было – ни художника, ни акустика, ни формовщика! Чтобы все по уму было, надо было вернуться в Россию, оформить нужным работникам визы, взять их в Гарвард и все как следует подготовить. Но так бы и март весь прошел. Что ж, решили все делать сами. Марина отыскивает в Интернете нужную компанию, находящуюся в паре сотен миль от Кембриджа, заказывает инструменты и формопласт – это жидкая резина для снятия матриц со скульптур и барельефов. Ждем фуру с грузом. А тут вдруг снежное бедствие случилось на Северо-Восточном побережье, заносы на дорогах, и эта фура где-то застряла. Сидим, ждем, фуры все нет, и только к вечеру предпоследнего дня нашего пребывания в США она приезжает в Гарвард. Осталось два дня.

Берем инструменты, резину, собираемся лезть на колокольню и делать матрицы. Читаю инструкцию: резина работает при температуре +5. А уже резко похолодало: температура за два дня снизилась с +10 до -12! Что делать? Берем рулон полиэтилена и оборачиваем им всю колокольню, все пустые проемы. Открываю дверь, ведущую на седьмой этаж общежития; колокольня ведь построена над зданием, где живут студенты. В этом нам помогали местные волонтеры. Снизу теплый воздух пошел, и мы начали обмазывать резиной колокола. Всю ночь этим занимались. Студенты, конечно, подмерзли; думали, с отоплением возникли проблемы... Утром поехал в магазин, купил три больших чемодана, запаковал резиновые матрицы. 19 февраля мы вылетели. 20 февраля реплики уже лежали на столе у художника».

ЗВУКОВОЙ «РИСУНОК»

«Сложность состояла и в том, что надо было воспроизвести в точности звучание колоколов, русскую спектрограмму. Мы записали каждый колокол на специальный цифровой магнитофон. Ударили, я записывал: «колокол №1», потом еще удар – «колокол №2». А потом приехали и расшифровали. Как тембр звука воспроизвели? Вот приблизительная звуковая характеристика колокола, вот октава, вот частота гудения... это верхняя октава... вот еще два дополнительных обертона...

И если мы повторим звуковой «рисунок» колокола, то звук будет благозвучный. А западники что делают? Они убирают вот эту амплитуду искусственно, а потом эту и эту, оставляя один, основной тон. Почему? Чтобы играть можно было мелодии, как на колокольных органах в Европе. И продолжительность звука должна быть короче. Но это западная школа.

Когда Крейн (Чарльз Ричард Крейн – американский политический деятель, предприниматель и филантроп, купивший в 30-х годах звонницу Данилова монастыря и передавший ее Гарвардскому университету. – Прим. ред.)

привез даниловские колокола в Гарвард, то думал, что на них можно будет играть мелодии. Но проблема в том, что русские колокола чистые ноты не выдают. У нас колокол выдает сразу пять звуков. А как можно тогда играть, если каждый звон – это целый аккорд? Так что ничего у них тогда не получилось, даже выписанного из СССР звонаря Константина Сараджева пришлось отправить восьмояси».

Первые колокола отправили в Гарвард уже в мае прошлого года. До этого, в середине апреля, американцы приехали проверить первые заготовки, которые ждали отливки. К этому времени уже не только малые колокола были отлиты, но и один большой, пятитонный стоял в нарядке, готовый к отливке.

«Они посмотрели, проверили, расписались, наш владыка Сергий благословил, и мы отдали его в заливку. И тогда же американцы – они неделю в Воронеже жили – принимали нарядку большого, 14-тонного колокола. Это

когда он уже в воске стоял, готовый. А когда в начале мая еще раз приехали, колокола были готовы – отлиты, отчеканены, отполированы. И уже на третий день мы их отправили в Москву, оттуда в Питер и далее в США».

«А правильно ли мнение, что строить православные храмы и отливать колокола могут только православные?» – спрашиваю у Анисимова, когда он заехал в отделение УВД сдать бумаги на продление регистрации работающим у него гастарбайтерам.

«Не могу принять это. Вот рассуждают некоторые: раз неверный к чему-то прикоснулся, значит, это надо выбросить. Нормальный человек понимает, что Бог един, просто есть разные верования и разные формы приобщения к Богу».

УПРАВЛЕНИЕ ЗВОНИЦЕЙ

«Сейчас мы по дороге к моему другу Михаилу Вайцеховскому заедем. Он офицер запаса, участвует в проекте сохранения русского

МЕЧИ НА ОРАЛА

«Государство в лице чиновников и спецслужб было негативно настроено как на частную инициативу по возрождению колокололитейного производства, так и на организацию собственных производств. Поэтому возникали проблемы и с приобретением необходимого сырья – меди и олова (они относились к стратегическому сырью, и расходовать их на колокола считалось чуть ли не преступлением), и с выделением земли под строительство собственного завода (1990 год). При советской власти механизма выделения или продажи земли частным предприятиям не было. Поэтому проблему решили оригинально: отписали два гектара земли, примыкающей к городу, но принадлежащей местному колхозу, который к этому времени дышал на ладан...

Возможно, место оказалось благодатным, а может, и к нам грешным была Божия милость. А место действительно значимое: на берегу реки Дон, где стояли первые в России корабельные верфи Петра Первого. Петр здесь переливал колокола на пушки, а мы переливали мечи на орала. И это далеко не всем нравилось. Первые звоны (так на Руси издревле называли колокола), которые появились на воронежских колокольнях, стали раздражать определенную категорию горожан, посыпались гневные письма в горисполком, партийные органы об их запрете с мотивированкой, как и в далекие 30-е годы: «Звоны мешают трудящимся отдохнуть после рабочего дня». Тогда под этот лозунг советское правительство издало декрет, запрещающий в городах колокольный звон, а после запрета звонов по-

следовала утилизация колоколов за якобы их ненадобностью. Но в конце 80-х власть не отважилась на столь радикальные меры: запрет касался лишь времени не ранее 9 часов утра. Но мне, как возмутителю спокойствия, досталось от репрессивной государственной машины. КГБ инспирировало уголовное дело, я был арестован и посажен в тюрьму. Меня обвиняли по нескольким статьям: самая тяжелая – это бандитизм и организация преступного сообщества. Не обвиняли разве что в шпионаже в пользу японской и немецкой разведок, что было популярно в прошлое время. Процесс продолжался около года. Суд поставил точку в этом деле: не виновен. С меня сняли все обвинения. Правда, без извинений: КГБ никогда не извинялся. Да я и не в обиде, обижаться грех. Досада только была на упущенное время. Мои коллеги ушли за это время далеко вперед, и мне надо было их догонять.

В 1989 году мне было 33 года. Цифра не случайная. Потом таких знаков в жизни будет много...

Начальник следственного комитета КГБ майор Маслов уйдет со службы, мы подружимся. Он будет крестным моей третьей дочки, которая родилась спустя 4 года. Новую фирму назову «Вера», по имени жены, матери четырех моих детей...»

ИЗ ДОКЛАДА ВАЛЕРИЯ АНИСИМОВА
НА КОНФЕРЕНЦИИ В ГАРВАРДСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ,
ПОСВЯЩЕННОЙ ВОЗВРАЩЕНИЮ КОЛОКОЛОВ
СВЯТО-ДАНИЛОВА МОНАСТЫРЯ.
3 ИЮНЯ 2008 ГОДА

кладбища в Черногории, где похоронены белогвардейские офицеры. Там бывший зам. военного атташе России в Югославии Александр Беляков решил восстановить это кладбище, поставил церквушку. Михаил же выделил 600 тыс. личных средств на отливку колоколов. Так вот получилось, что у нас общие друзья в МЧС в Москве, ну, и все вместе скинулись на это дело. А делать надо было оригинальную звонницу. Но так, чтобы управление звонницей электроникой осуществлялось. Короче, наши бывшие ГРУшники под начальством Белякова – он стал наставителем церквушки – восстановили кладбище. А чтобы опять забвение не наступило, на территории этого кладбища, которое представляет собой часть городского, построили храм Федора Ушакова. Ведь если церковь стоит, то кладбище уже никогда не уничтожат. Рядом с церквушкой поставили звонницу арочного типа, и там недавно установили наши колокола».

Весьма успешный предприниматель, Вайцеховский – известный в Воронеже человек. Главный меценат школы-

интерната №1, в котором живут дети из неблагополучных семей. И очень многие из них прошли через стрелково-стендовый комплекс, некоторые занимаются конным спортом, другие ухаживают за лошадьми. «В общем, – говорит Вайцеховский, – с улицей они завязали, не наркоманы, не малолетние преступники, нормальные люди растут. Ну и много детей просто занимаются бесплатно в нашем клубе стрельбой». Вайцеховский гордится, что в его клубе, на его стрельбище, оборудованном самой современной техникой, была выращена чемпионка мира Елена Ткач, установившая мировой рекорд, стреляя патронами, которые производил Вайцеховский.

НЕХИТРАЯ ТЕХНОЛОГИЯ

Акустик Олег Бадерников рассказывает и показывает мне весь технологический процесс производства колоколов. Технология нехитрая, но, конечно, свои секреты есть – не зря Анисимов 20 лет назад провел в Ленинской библиотеке несколько недель, штудируя всю дореволюционную литературу по колокололитейному делу.

«Сейчас, посмотрите, выбивают форму, использованную для заливки, так что можно считать, что колокол родился, – рассказывает Олег. – Качество литья сродни ювелирному, а может быть, и в ювелирке такого нет. Вот видите, на этом самом маленьком колоколе выпита иконка целителя Пантелеймона, а под ней надпись, буквочки всего пять миллиметров высотой».

Готовые изделия моют под давлением. Иногда колокола шлифуют (до блеска или до придания матового оттенка, если таковой заказывают). Вообще, только что отлитый и очищенный колокол буквально сверкает на солнце, таким он может простоять несколько лет, но потом, как и любой бронзовый предмет, неизбежно потемнеет.

После того как изготовление колокола закончено, начинается «подгонка» звука; это происходит в том числе в процессе подбора для него «языка», правильного его подвешивания внутри колокола.

«Я вообще-то по первой профессии музыкант, – рассказывает Олег. – Аппаратура у меня переносная. А там, в офисе, как бы часть моей лаборатории. Есть аппаратура посеребренная, а есть попроще, переносная, для экспресс-анализа. Вообще, частотный спектр можно снять чем угодно. Но если нужно звук во всей его красоте воспроизвести, необходимо что-то более серьезное».

Выходим из цеха во двор, вижу у ворот большой колокол. Оказывается, он предназначен для православного мона-

{ Сложность состояла в том, что надо было воспроизвести в точности звучание колоколов, русскую спектрограмму. }

На колокольне кампуса Гарвардской бизнес-школы

стыря в Сербии; все никак не получается отправить вслед за 12-тонным и колоколами малой звонницы: какие-то сложности у сербов с таможней.

Какой, спрашиваю у Олега, самый большой колокол на заводе Анисимова отлили? Пока это 35-тонник. Но уже построены две 50-тонные плавильные печи и яма под ними, предназначенные для отливки 100- или 120-тонников.

«Таких печек нет нигде в мире, потому, видимо, что нет нужды сразу такое количество металла расплавить. Разве что у завода «Балтийский» есть нечто подобное – 30-тонные печки для отливки цельных гребных винтов. А вообще, Валерий Николаевич может и 200 тонн отлит, если захочет, – говорит Олег. – Царь-колокол, кстати, 200 тонн весит или чуть больше. Пока такой задачи нет – 200-тонник отлит. В России пока и 100-тонного колокола нет».

ПОДБОР КОЛОКОЛОВ

Приступаем к осмотру собранной Анисимовым коллекции старинных колоколов, что ждут не дождутся того часа, когда для них построят музей. Вот и колокол «прапорителя» анисимовского завода. На его тыльной стороне надпись:

гого не бывает. Любое мастерство нужно освоить – глазами, руками, мозгами, а потом чего-то не получилось, чего-то не доделал, и тогда мастер на последнем вздохе говорит сыну: то-то и то-то, сынок, я не успел, тебе надо еще достать то-то и доделать то-то. Я ведь не

«Воронеж. Вылито на заводе почетного гражданина Дмитрия Григорьевича Самофалова». На анисимовских колоколах традиция эта сохранена, на них надпись: «Колокольный завод Анисимова». Завод Самофалова до революции не входил в тройку лучших колокололитейных производств России, тем не менее его продукция украшала звонницу Академии художеств в Санкт-Петербурге. А рядом с самофаловским висит уникальный колокол из чугуна (из него колокола не отливают!), очень плохого качества, а уникальность его в том, что отлит он в 1928 году, когда подобные производства уже были почти все закрыты.

«Исторически на Руси редко когда для одного храма всю звонницу отливали. Просто дело это было дорогое, чтобы сразу все осилить. Находился купец-спонсор, говорил: я, мол, хочу колокол во столько-то пудов для такого-то храма. Где заказывать? Ну, производств было достаточно, в одном только Воронеже два завода. А потом другой купец через какое-то время находился, другой колокол заказывал, уже в другом месте. В итоге подборы получались разномастными по стилю и по звуку, ибо разными литейщиками и в разное время колокола отливались. В Ростове Великом, например, подборы колоколов отливались на протяжении двух веков. В подборе же, что вернулся из Гарварда в Свято-Данилов монастырь, есть исторические колокола, которые прекрасно звучат, а есть изготовленные, видимо, менее умелыми мастерами, которые им сильно уступают».

ВЗЯТЬ КУСОК ГЛИНЫ

«На Западе до недавнего времени думали, что в современной России колокола лить не умеют. Откуда уметь, если всех мастеров перевели на корню? Это ремесло прописано в старых книжках. Ну, образно говоря, надо взять кусок глины, намазать вокруг этого, потом сделать то-то... Это все равно что самоучитель игры на скрипке: взять ее в левую руку, смычок в правую, положить перед собой ноты и – поехали. Но тако-

{ **После того как
изготовление колокола
закончено, начинается
«подгонка» звука.** }

специалист, я хозяин, могу этого и не знать. Ведь президент страны тоже что-то не знает. Как, например, печку сложить; растопить может, а вот сложить – нет. Но в этом бизнесе мне пришлось всю технологию лично освоить.

По профессии я инженер, а колоколами начал заниматься с 1989 года. В роду у меня этим никто не занимался, а потомственных колокололитейных дел мастеров всех извели. Разве что есть в Воронеже правнучка Самофалова, она у Михаила Вайцеховского в ресторане работает. И, кстати, сама толком не знает, кто у нее прадед был. Это я ей про него рассказал».

Задаю вопросы о емкости рынка, о перспективах предприятия.

«Все зависит не от того, сколько храмов, и не от того, сколько я и другие можем колоколов вылить. А от того, как страна будет развиваться. Если чисто арифметически посчитать, сколько храмов, и на каждый столько-то колоколов наки-

нуть, то это очень условно. Если малая звонница, набор из пяти колоколов, весит 200 кг, то можно и посчитать. Умножить на 18 тыс. православных храмов, которые сейчас зарегистрированы только в России, на Украине и в Белоруссии. И у подавляющего большинства из них не сохранились звонницы. Но как обычно бывает? Заказывает храм, например, три колокола весом в 7, 10 и 12 килограммов, вешают, проходит год-два, а потом прихожане говорят: «Что это такое, какой-то перезвон непонятный...» Ну, и ищут спонсора, говорят: «Отец родной, купи колокол». А тот: «А какой купить?» – «Да сколько денег не жалко». А «сколько не жалко» понятие условное – это может быть и 200 килограммов, и 2 тонны, и 20 тонн. Исходя из этого, и считайте, на сколько лет мне хватит заказов при годовой мощности завода в 200 тонн. Это может быть и десять лет, и тысяча. Все зависит от темпов восстановления храмов в России. Или, выражаясь высоко, от того, КАК возрождается Россия. Но я не знаю пока – КАК. Могут рассуждать в большинстве мест и так: повесили два колокольчика, и хватит, а остальное... Ну, на худой конец, можно и акустику какую-то придумать, через динамики колокольный звон воспроизводить. Эдакая «фанера». Мало ли что завтра придумают.

На какое-то время работы мне хватит. Творческому, умному человеку работа всегда будет; мы сейчас не только колоколами занимаемся. А потом уже дети продолжат. Дочка уже пять лет работает на благо семьи. Нет, я ее с детства не грузил этим, но все равно, так получилось, что она выросла на моих колоколах...

Кто-то ходит и смотрит на развалившуюся церковь, и его ничего в этом не трогает.

А другого – наоборот. Вот у нас тут рядом, в Малышево, стоит восстановленный храм XVII века, туда заходишь и чувствуешь, что это намоленный храм, и тебя уже не тянет куда-нибудь в Швейцарию уехать, виллу где-нибудь в Коста-Рике купить, а хочется на этой земле что-то путное делать...»

НА ПЕРЕДОВОЙ

«Народ-то пассивный, народ, по большому счету, ничего не хочет делать. Ориентиров у людей нет, компас сбит. Даже менеджеров нормальных у нас найти сложно. Конечно, можно нанять наемных директоров, а самому на расстоянии всем руководить. Но у меня так не получалось. Как бывало? Оставлял на пару недель человека на хозяйстве, пришли, к примеру, три вагона с товарами.

Через неделю один вагон пропадает, потом еще один. Зарплату, говорите, можно было бы больше платить? Да нет, большая зарплата иногда человека портит. А у нас еще не выработано отношение к делу, которое когда-то было на Руси и даже в СССР. Тогда тоже, конечно, воровали, да и развалить могли что угодно, но было самоуважение. Когда люди продвигались по службе, они помимо знаний и навыков зарабатывали еще и авторитет, а потом авторитет на человека уже работал. Сейчас такого нет, люди живут одним днем. Раньше человек, допустим, работает на заводе, делает прессы, идет карьерный рост, от ученика можно было до директора дорасти. А сегодня не так: человек работает на заводе, завтра его перепродают, перепрофилируют, новые хозяева всех выгнали... Нет не то что преемственности поколений, да просто устоявшегося коллектива даже нет. Поэтому бизнес можно передавать только проверенным людям, а проверенные сегодня – это только близкие родственники. Как в древности-то было? Когда у купца не хватало денег, он выходил на площадь, шапку бросал и говорил: «Ребята, дайте, мне на такой-то контракт не хватает». И ему давали, без всяких расписок! Он только себе записывал, кому сколько должен. А через неделю разъезжал по кредиторам и развозил. У нас же ходят и просят: дай денег! Но я знаю, что в 95% этот бизнес будет неудачным, что он деньги мне не вернет, что бизнес его разорится, и больше ты его не увидишь.

Я с 81-го года, как с завода ушел, в частном секторе, сам деньги зарабатываю, ни на кого не работаю. Патенты брал, артели создавал, и только потом, весной 87-го, организовал кооператив. А до этого, можно сказать, подпольно работал. Я ведь все эти годы как на передовой. Милиция – бандиты, бандиты – милиция, я уже про проворачивающих не говорю. Примерно то же самое продолжалось и когда начал в 1989-м производство колоколов. Но Божьей милостью все, как видите, получилось».

ЧИНОВНИКИ И КОЛОКОЛА

Возвращаемся в кабинет, и Анисимов показывает мне папку с перепиской насчет колокольного музея. В ней официальные ответы из разных инстанций, все с обтекаемыми формулировками. «Приходишь к чиновникам и говоришь: «Я хочу что-нибудь путное сделать». Те смотрят стеклянными глазами. Так и с музеем колоколов в Воронеже получилось. Они мне первый же вопрос: «А на кой он здесь нужен?» Я им: «Вы повежливее...» А мне: «Да мы простые ребята... Никакого отношения наш город к колоколам не имеет». Тогда рассказываю им, что до революции здесь почти сто лет было колокололитейное производство, а они этого не знают. И знать не хотят! «Ну да ладно, – говорю, – не знаете, и бог с ним. Я предлагаю сделать музей, который будет посещаемым, делаю его за свои деньги и отдаю городу. Вас такой вариант устраивает?» – «Да, конечно, – отвечают. – Но вообще-то он тут не нужен. К тому же земли свободной в городе нет». – «Но как же нет, – спорю. – Если поискать, чего-то найдем?» Вот набережную сейчас намывают, будут там развлекательные комплексы строить, но и там для музея нет земли. Хотя и нужно-то всего пару соток».

Впрочем, в письменных ответах Анисимову нигде не говорится, что городу это не нужно. Вот, например, главный архитектор области предложил под музей пустырь рядом с Адмиралтейским храмом, прямо на набережной. Только дальше события развивались по принципу: ты, брат, жди, авось дождешься. Более трех лет переписка шла. В 2005 году Анисимов написал письмо губернатору, из областной администрации любезно ответили, что, мол, земля не наша, а городская. Затем город любезно ответил, что земля опять перешла в область, потом через какое-то время из областной администрации пишут, что земля опять вернулась городу. А последнее письмо из городской администрации можно расшифровать так: опоздали, ибо было уже постановление о комплексной застройке набережной. А в этот комплекс музей не вписывается. Зато вписываются рестораны, дискотеки и прочие заведения.

«Это я к вашему вопросу о том, сколько у нас в стране будет восстановлено храмов и храмовых звонниц. А ведь как бывает? В городе Мытищах сделали Музей мыши, и теперь вся округа с него кормится. Кормится туристами, которые приезжают эту придуманную мышку смотреть. А у нас «мышей» в Воронеже не меньше. При храме, конечно, можно сделать колокольный музей, мне предлагали, но я все-таки думаю, что это светское должно быть заведение».

ПЯТЬ ТЫСЯЧ ТУМАНОВ

ИГОРЬ САВЕЛЬЕВ, УФА-МОСКВА

Антон САВИН, 28-летний москвич, сразу же обратил на себя внимание тем, что напрочь выбивался из стандартов современных молодых писателей.

Сегодня почти все представители «поколения двадцатилетних» в литературе так или иначе проходят через специальные федеральные проекты, будь то общегосударственная премия «Дебют», ежегодные форумы молодых писателей или что-нибудь еще. Антон не засветился ни на одном подобном мероприятии, он признается в аллергии на любые массовые действия («одиночество превыше всего»). Когда-то его необычные, философские повести заметили редакторы авторитетных столичных толстых журналов – «Октября» и «Континента». Одаренный юноша попал в финал премии «Ясная Поляна». На вопрос о том, чем запомнилась яснополянская неделя в обществе потомков графа Толстого и ведущих российских литераторов, морщится: «Не понравилось пьянство писателей»... Словом, собеседник наш – человек нетипичный для литературной среды.

Прошу Антона рассказать немного о своих дебютных повестях: «Исход ветхого человека» и «Радуга прощения».

– Первая – о православном священнике, живущем в наше время в очень маленьком городке на севере России. Я хотел показать завораживающую, гипнотизирующую противоречивость христианства. Действие «Радуги прощения» происходит в 1918–1919 годах, во время, когда казалось, что человек может изменить в мире, а глав-

ное, в себе – всё. Герой пытается излечить людей от грехов (притом не столько в религиозном понимании этого слова, сколько в интеллектуальном, считая главным грехом серость и глупость) медикаментозными методами, через таблетки. И сам страдает от своего эксперимента... или, наоборот, становится счастливым? Это уж каждый читатель решает для себя сам.

За обе эти повести – низкая благодарность от меня городу Калуге! Я попал туда по случайности и прожил всего полгода, но за это время написал обе вещи. Калуга – город необыкновенный, он для меня олицетворяет русскую провинцию как она есть, вернее, как она была.

– Ты долго жил в средней полосе. И сам ты русский. Как же получилось, что ты принял ислам?

– Действительно, я русский, и в роду еще можно найти немцев, но никак не этнических мусульман. Вопрос веры для меня был важен с детства, особенно интерес к религии усилился после «Исхода ветхого человека», когда я изучил много христианской литературы. Я пришел к исламу потому, что считаю, что в этой религии в наибольшей полноте выражено единобожие. Мусульманином я стал, когда несколько лет назад поехал в Иран, хотя думал об этом задолго до поездки.

– Вы ведь с женой полгода прожили в Иране... Расскажешь об этом?

– Да, мы поселились в одном из районов на окраине города Кума, называемом «Шахрак Махдийе». «Шахрак» переводится как «городок», Махдийе – от имени грядущего шиитского мессии Махди. Я описал это местечко в дневнике. Кругом городка расстилается пустыня, над ним возвышается большая меловая гора, на которой видны выходы каких-то пород, испещряющих гору красными письменами. На холмах, тянувшихся в сторону большой пустыни Деште-Кевир, растут невысокие сосны, в зарослях искусственного происхождения обитает множество зайцев. Удивительно, что к каждой сосенке подведена пластиковая труба, поливающая корни водой. Для того чтобы столь глобальная система ра-

ботала, на вершине холмов сооружены странные каменные строения, напоминающие редуты времен Первой мировой войны. Одна из задач этих посадок – чтобы воздух насыщался кислородом. В России это звучало бы смешно, но в современном Иране, с его довольно высокой плотностью населения, это немалая проблема...

Городок Махдийе сплошь заселен представителями пра-вящего сословия – иранскими муллами. Здесь нам и дали квартиру в коттедже, на первом этаже – это было очень хорошо, ибо в квартире был даже собственный внутренний дворик, хоть и очень маленький.

Таким образом, волею судьбы мне представилась возможность изучить жизнь этих таинственных людей, вызывающих столь противоречивые чувства во всем мире...

Первое, что бросается в глаза: здесь не принято показывать, что ты любишь деньги и что это вообще большая ценность. Не зря самая большая купюра, недавно выпущенная (пять тысяч туманов), равна по стоимости шести долларам. Вспоминается, как в Древней Спарте деньги делали из железа

да еще и погружали его в уксус, чтобы этот металл стал совсем уж ни к чему не годен и не вызывал ни малейшего уважения.

Если оценивать атмосферу шахрака, то из привычных россиянам аналогий ближе всего будет сибирский Академгородок.

Шесть дней в неделю – в мусульманском мире всего один выходной – я езжу на автобусе в свое медресе, где изучаю покамест только язык фарси. Каждый день я выезжаю из городка, и передо мной открывается панорама Иранского нагорья. Может быть, именно здесь мчалась конница Артаксерса покорять эллинские города, здесь проходили ощетинившиеся ко-

в бытовой среде. Но даже в простом народе говорят «господин» или «госпожа». Представьте, на урюпинском базаре вы спросите: «Госпожа, почем ваши помидоры?» – а здесь подобное происходит... Люди много общаются, ходят друг к другу в гости. Здесь неудивительно собраться в гости даже к малознакомому человеку или попросить об услуге того, с кем хоть что-то тебя связывает. И оказать эту услугу самому, конечно.

– **А как в Иране с художественной литературой, что читают люди?**

– Иран – довольно литературоцентрическая страна, как Россия в XIX веке. Традиции книжности здесь очень древние, Книга играет здесь огромную роль. В первую очередь это, конечно, Коран, но далеко не только он. Лингвистика утверждает, что первична устная форма языка. В Иране присутствует ощущение, что это не так. Идеалом является человек письменной культуры, которая неуловимо, но принципиально отличается от культуры устной.

Поражает, что в нашем городе Куме книжных магазинов было примерно столько же, сколько в Москве, притом что размеры города раз в двадцать меньше. Целые улицы заполнены этими магазинами, и в них сложно протолкнуться! Издания самые разные. Большинство религиозные, не только обрядовые, но и изыскания известных религиозных ученых на тему философии, мистики, психологии верующего. Я думаю, подобную литературу интересно изучать и совершенно светскому человеку, даже атеисту, если его привлекают великолепие и разнообразие человеческого интеллекта, высшей умственной игры.

Но и пласт культуры, не связанный непосредственно с исламом, представлен весьма обширно. Здесь огромное количество классической персидской поэзии, и проза, бурно развивавшаяся лет сто-двести назад и часто весьма прозападной ориентации, и собственно западные произведения. Представлена и русская литература, которую в Иране знают чуть ли не лучше, чем в самой России. Вот только некоторые книги, которые я случайно заметил на полках: «Война и мир», «Анна Каренина», «Братья Карамазовы», «Мать»,

пьями фаланги Александра Македонского. Передо мной – пустыня. Не было пророка из числа принесших Книгу, который не удалялся бы для раздумья в жесткую сушь пустыни...

Тем временем мы закупали всякие вещи, необходимые в быту, а также купили саженцы фиалковой пальмы и розовый куст. Поскольку времени вечно не хватает, сажали все это ночью, в темноте, в чем была своя романтика. Наверное, мы походили на кладоискателей: люди ночью, с лопатами... Потом мы еще завели сокола-сапсана, который летал на веревке во внутреннем дворике, а в клетке заливались чириканьем амадины, специально подвешенные в углу, до которого не дотягивалась веревка сокола. А в маленьком техническом бассейне, где, видимо, много-детная азиатская семья должна была стирать белье, мы завели самых разных рыб: губастых красных вуалехвостов и таких ранимых на вид парусников-скалярий. Мы специально следили за тем, чтобы в бассейне были рыбы всех основных цветов...

Что еще можно сказать о бытовой жизни в Иране? В повседневном общении принято быть довольно вежливыми друг к другу, особенно

**Иран –
литературоцентрическая
страна, как Россия в XIX
веке. Книга играет здесь
огромную роль. В первую
очередь это, конечно,
Коран.**

Можно было, невзирая на посадочный талон, сесть хоть слева, хоть справа, хоть у окна, хоть в проходе. Было в этой свободе что-то зловещее.

Мы все-таки разместились возле окна. Обоим было не по себе. Раньше мы прятались за хлопотами, получением разрешений, виз, билетов... Теперь же нельзя было не замечать этого белого коридора и рева турбин.

«Доктор Живаго», биографии Достоевского и Толстого, сборники детских рассказов советских писателей и многое другое. И все это великолепие можно увидеть не только в серьезных магазинах, но и на небольших уличных развалинах!

Интересно, что большинство иранских прозаиков середины XX века принадлежали к коммунистической партии «Туде», поэтому их не жаловали ни шахские власти, ни нынешние. При этом книги этих авторов издаются в современном Иране довольно свободно, хотя все равно какая-то атмосфера своеобразной диссидентской романтики вокруг них всегда присутствует.

Что касается современности, то я не слышал, чтобы сейчас в Иране кто-то писал по-русски.

– Но к тому, что ты сам – писатель, как относились?

– К писателям там относятся очень уважительно. Фраза «я писатель, я хочу написать книгу про вашу страну», даже ничем не подкрепленная, открывала мне путь и в официальных инстанциях, и в сердцах обычных людей. Так, мне выписали пропуск в крупнейший порт Ирана на Персидском заливе [Бандер-Хомейни], куда попасть весьма сложно.

– Какой тебе показалась обстановка на фоне того, что как раз все это время ожидалась война?

– Парадоксальное впечатление: в России об этом говорили больше, чем в самом Иране. Обычные люди не думают о такой опасности: они знают, что нагнетание истерии выгодно некоторым силам с обеих сторон, и поэтому противостояние может быть вечным. Война никому не нужна – особенно американцам.

И все же поначалу именно у нас страх был. Вот об этом из иранского дневника.

В марте 2006 года мы с женой поднялись на борт самолета авиакомпании «Иран Эйр». Время для нашей поездки выдалось не лучшее: очередное обострение американо-иранских отношений. Родные и друзья крутили пальцем у виска – такой, можно сказать, прощальный жест. В аккуратном белом салоне самолета была заполнена треть мест.

Впервые мы ездили в Иран с пересадками, на поезде Москва–Баку, где на одном спальном месте помещалось несколько человек, а по вагону регулярно проходили рейдами люди с удостоверениями различных цветов, но с одинаковыми манерами надсмотрщиков. Было тяжело, изнурительно, но в чем-то легче, чем сейчас, в этом белом чреве, напоминающем чистоту операционной. Тогда мы были туристами, гостями, а теперь мы связали себя с этим миром самой жизнью, биением сердец.

– Почему вы уехали оттуда?

– В Иране появилось ощущение: у этой культуры все скорее в прошлом, чем в будущем. Поэтому я доставил себе Иран на дом, в подмосковную квартиру: переслал самому себе 130 килограммов персидских книг, многие из которых написаны 500–800 лет назад. Так что теперь мой Иран всегда со мной. Надо понять – Иран не столько страна, сколько Книга!

Сейчас я пишу об Иране, занимаюсь изысканиями в сфере абджада – исламской нумерологии, которую многие сравнивают, хотя и не совсем справедливо, с иудейской каббалой. Поддерживаю созданный вместе с женой сайт о персидской культуре. Своим кредо в литературе я давно уже считаю сближение русского и персидского культурных пространств. В Иране готовится к печати книга моих рассказов, возможно, часть этих рассказов удастся издать и здесь.

Я работаю над повестью «Зеркальный дом», эпиграф к ней: «Миря мы видим как Зеркальный Дом для Имен и качеств Божьих». Это слова одного иранского мистика XV века. Эта книга как бы итог моего близкого соприкосновения с Востоком.

РАНЕННЫЙ ИЗОБРАЖЕНИЕМ

ЛАДА КЛОКОВА, АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

**Беседовать с Сергеем
КОСЬЯНОВЫМ непросто.
Даже если знаком с ним давно.
Глава дизайнерско-издательской
группы «Арбор» не любит
рассказывать ни о себе,
ни о своей работе.**

Предпочитает ее показывать, ради чего приглашает в гости. Аходить в гости в «Арбор» – одно удовольствие, потому что все стены здесь увешаны работами мастеров студии. Недавний очередной «поход в гости» удивил: на стене появилась новая «картина» – European Design Awards 2008. Оказывается, один из последних проектов «Арбора» – «Данте. Москва» – получил престижную европейскую награду. А, спрашивается, кто об этом знает? «Да о чём тут говорить?» – отмахивается Сергей. И все же...

– Сергей, как родился проект «Данте. Москва»?

– Мы долго носились с идеей фотоальбома про Москву. Не хотелось, чтобы на выходе получилось тупо – виды города, и все. Нужен был стержень какой-то. Мы пытались разные темы взять в разработку – то московские высотки, то сталинский ампир. Потом вдруг решили пойти через Гиляровского. Но у него текст так за собой «тащит», что ты не можешь просто снять места, которых в книге нет. Полгода промучились с Гиляровским, но ничего не получилось.

И вдруг возникла идея. Причем она одновременно пришла в голову двум сотрудникам студии. Юлии Дмитриевской – заместителю директора по развитию и Дмитрию Гомзякову – нашему главному дизайнеру. Они предложили: а давайте-ка представим Москву в виде «Божественной комедии» Данте.

– И какова была первая реакция в студии?

– У всех одинаковая – то, что надо! Потому что, как только проводишь границы: «Москва-рай», «Москва-ад» и «Москва-чилинище» – все сразу становится на свои места. И понимаешь: в Москве действительно соединились и первый, и второй, и третье. Фотографий Москвы у нас было много, мы столицу давно снимаем. Но как минимум еще половину пришлось доснимать. Мы с Александром Масленниковым снимали полгода, как подорванные... Всего в три

тома вошло 600 фотографий – по 200 в каждом. А сколько всего отсняли – не считал...

– **А после Данте взялись за «Экклезиаста» и «Песнь Песней»... Почему?**

– Ну, так планочку-то с Данте задрали – будь здоров. Надо ее поддерживать. Вот мы порылись в Ветхом Завете и взяли эти две книги, которые там особняком стоят.

– **Почему «Арбор» продвигает на рынке корпоративных подарков именно книги?**

– Как – почему? Ну вот мы все умрем, а книга останется. Она красивая, в ней картинки рассматривать можно. Пусть хотя бы картинки эти для начала рассматривать будут, может, и читать начнут.

– **Ну и как, получается?**

– С большим трудом. Мы даже придумали фразу, которая

– Я не знаю. Есть задачка, и ты пытаешься решить ее нетривиальными методами.

– **Почему «нетривиальных методов» мало?**

– Ну, это не так. Все дизайн-бюро что-то придумывают.

– **Странно. Тогда где эти «придумки»? В стол, что ли, дизайн-бюро работают?**

– Да нет, просто это капли в море ширпотреба.

– **Вот-вот. А откуда оно берется – море ширпотреба?**

– Ох... Ну, есть страна, называемая Россией. Есть русский народ, называемый россиянами. Еще существует почти уничтоженная русская цивилизация. Если в

{ Я снимаю все подряд потому, что все время пытаюсь в фотографии сделать тайну. Показать, что этот мир таинствен, сложен, многозначен. И что за всем, что мы видим, есть нечто большее. }

страшно всех волнует: «Дети, которые читают книги, всегда будут управлять детьми, которые смотрят телевизор». Она всех заставляет вздрагивать.

– **Отлично. Ее можно в виде рекламных баннеров по всей стране развесить. А ты конкуренции не боишься?**

– Не смешите меня! Кто будет конкурировать? Эта ниша никому не нужна. Пока мы можем делать такие проекты только в виде корпоративных подарков, иначе финансирования не найти. Это же штучный товар. Хотя, наверное, я все же поставлю опыт на какой-нибудь одной книге: попробую отдать ее в розницу.

– **Как ты называешь то, чем сейчас занимаешься?**

– Дизайнерская и издательская деятельность. Не рекламная! Мы свои фотографические амбиции реализуем в собственных проектах, которые сами придумываем, сами делаем, сами снимаем, сами продаем.

– **Как такая красота в голову-то приходит? «Данте. Москва», «Песнь Песней», «Таро», «Экклезиаст»?**

1917-м полстраны лучших было расстреляно, погибло, уехало, а потом оставшиеся начали уничтожать друг друга, то сегодня, когда мы только-только отошли от этого, что мы имеем? Мы имеем почти уничтоженный народ и почти уничтоженную культуру. Мы выросли, собственно говоря, в зоне. У нас народ-то в большинстве своем даже бояться еще по-настоящему не перестал. Да вы вспомните: соседи, родители, друзья, знакомые – все испуганные насмерть люди. Соответственно, что сейчас представляют собой 140 млн российского населения? Испуганные люди и испуганные дети.

– **А те, кто родился уже, так сказать, в свободной России?**

– Они все равно генетически испуганные. Нужно как минимум еще одно поколение.

Вот, думаю, наши внуки – они уже будут другими. Тогда что-то и начнет происходить.

– **Да? И что будет происходить с внуками, если уже дети сегодня мало читают и не хотят ничего знать?**

– А вот это не нашего ума дело. Там, наверху, без нас разберутся. Потому что не все движение человеческой истории – наши

дал «Арбор», – ху-дож-ни-ки. Мы получаем удовлетворение от процесса создания. А не от продвижения или продажи продукта. Это все доставляет гораздо меньше удовольствия.

– **А как же признание, известность?**

– У меня, вообще, как у всякого художника, пониженное честолюбие. Потому что оно по большей части реализуется в процессе изготовления продукта.

– Надо же. Всегда казалось, что у художников, напротив, повышенное самолюбие и честолюбие. И завышенная самооценка.

– Да, и самолюбие, и самооценка есть. Но если творческая потенция художника удовлетворяется в творчестве, то это сильно отнимает энергетику у того же честолюбия.

думы, наши помыслы. Есть еще верховные правители у этого хозяйства.

- **Знаешь, за рубежом не испуганные люди, а с культурой тоже проблемы...**
- Но почему-то, скажем, в городе Копенгагене человек с готовностью бросается мне на помощь, провожает, объясняет, как дойти до нужного мне места. Обычный прохожий. И я

Ты можешь вообще ничего не читать, но делать вещи, которые будут совпадать со всем. Ты можешь находить глубинные смыслы, если тебе есть чем поделиться.

понимаю, что он психически здоров. А у нас вот нет таких прохожих. Если у нас на улицах из автобусов высаживаются американские или японские туристы, то это такие довольные и счастливые бабки и дедки, они бегают по музеям как дети... Слушайте, я такого автобуса с русскими бабками и дедками ни в одной стране не видел.

– **Ты в Гарлеме у обычного прохожего вечерком спроси, как куда-нибудь пройти...**

– Согласен. Я думаю, правда есть и в ваших словах, и в моих.

– **Ничего ни наши, ни твои слова не меняют. Было бы лучше, если бы ты взял и отдал в обычные магазины «Данте. Москва». Или боишься?**

– Да не боюсь. Просто для этого я должен рискнуть своими 50 тыс. евро. Вот и все. Если бы эти риски составляли меньшую сумму – нет вопросов. Но у меня просто нет возможности так рисковать.

– **А амбиции: отдать эту красоту людям, чтобы знали и помнили, кто это придумал?**

– Я все-таки художник. Да, у меня есть некоторые оргспособности. Тем не менее я – художник. Если бы я был, так сказать, чистый управленец, что было бы полезнее для студии, я бы понимал, что мои амбиции, моя самореализация заключаются в раскрутке «Арбора» или, например, «Данте. Москва». Старался бы все это продать, продавить... Но мы – те, кто соз-

– **Расскажи, как начинал художник свой творческий путь...**

– По образованию я – фотожурналист, окончил МГУ. Хотя сначала хотел пойти учиться во ВГИК. Я там был и понял, что мне туда еще рано. Мне кажется, во ВГИК надо идти таким зрелым художником, когда ты много чего уже понял про изображение. Я же на тот момент только кое-что понимал в фотографии. Даже не понимал – чувствовал. Такой провинциальный мальчик после школы, приехал из Ставрополя – и сразу во ВГИК. В общем, я понял – мне ловить там нечего.

– **И когда ты начал фотографировать?**

– Когда учился в седьмом классе, в 1973 году. Я у родителей выпросил фотоаппарат «Чайка», только потому, что в нем, в отличие от всех других, было 72 кадра, а не 36. Я почему-то решил, что это важно. Даже помню, сколько он стоил – 23 рубля.

– **Раньше те, кто фотографией занимался, казались этакими техноконструями: в лабораториях с химикатами возятся...**

– Ага. Мастодонтами. К нам пришла на работу девочка молоденькая, увидела, как я

с трудом нажимаю на кнопки клавиатуры, и говорит: «Сергей Григорьевич, да вы ма-стодонт!»

– Ну так вот, мастодонт... В связи с упроще- нием фототехники, с появлением цифровых «мыльниц» не девальвировалось ли само понятие «фотограф»? Не вредит ли эта до- ступность фотографии как искусству?

– Нет. Вот представьте: в стране играют в футбол, к примеру, сто человек. Это типа национальные герои, из них формируется национальная сборная. А в другой стране в футбол играют все поголовно. И из них тоже формируется национальная сборная. Вредит это футболу?

– Нет.

– Вот и ответ. Чем больше людей занима- ются фотографией, тем выше профессио- нализм тех, кто вынырнет на самый вы- сокий уровень. Потому что конкуренция. Поэтому у талантов есть возможность по- казать вещи, которые будут откровением.

– **А есть фотографы, которых знают во всем мире?**

– Нет. Фотографы – это же не публичные звезды. Это не футболисты и не эстрадные певцы. Вот знают ли во всем мире десять лучших врачей? Или лучших учителей? Никто не знает. Да и зачем это? В принци- пе, известность эта – вещь искусственная. Ну, скажем, живет в Китае какой-то сумас- шедший в хорошем смысле мастер. Мы его не знаем. И в Китае его никто не знает, и в Бразилии. Это же ничего не меняет. Он себе мастер и мастер.

– **Вот есть китаец Джеки Чан. Он очень изве- стен в мире. И в Китае, и в Бразилии тоже.**

– Ну и что? Это же кино.

– **А ты фотографию искусством не считаешь?**

– Почему? Считаю. Просто есть кино, кото- рое владеет миром, и есть футбол, который тоже владеет миром. Сегодня кино и футбол будоражат всех. Но есть еще куча пре- красных вещей, которые не будоражат всех. Большинству все равно, кто в мире лучшие врачи или лучшие фотографы. Никто не трясется каждый день у телевизора, чтобы узнать, кто они – лучшие десять учителей в мире. Не нужно это просто.

– **Не обидно?**

– Мне не обидно, а другим – не знаю.

– **Как?! Открываешь журнал, видишь потрясающий снимок, замираешь и даже не смотришь на фамилию фотографа. А ча- сто там и фамилии нет, только агентство – Reuters или AP, к примеру...**

– Ну и что? Пушкин что писал? «Всех строже оценить суме- ешь ты свой труд. Ты им доволен ли, взыскательный худож- ник?» Ты сделал хороший снимок, и он тебя радует. Если снимок действительно хороший, неизбежно получишь похвалу от друзей, коллег, от знакомых или случайных людей. Этого достаточно.

– **Но это несправедливо.**

– Ну повесит фотограф себе плакат на шею и выйдет на Красную площадь **(смеется)**. Мне кажется, все это не имеет никакого смысла...

– **Вот твои друзья приходят в «Арбор» и видят на стенах фото- графии из серии «Таро» или «Экклезиаст» – это ограничен- ный круг людей. Этого мало. Нужно, чтобы их видели как мож- но больше людей.**

– **Почему?**

– **Да потому что это может изменить людей в лучшую сторону!**

– Но это не мое дело. Кто видит, тот и видит.

– **А чье это дело?**

– Не знаю. Но точно – не мое. Наверное, если бы было иначе, я бы бегал с фотографиями из «Таро» по всей Москве.

Меня хватит максимум на 15 минут такого бега. Ну и потом, профессионалы все-таки следят за коллегами. Вот я люблю работы, например, Ральфа Гибсона. А вы его знаете? Нет. И что?

– **Ну и плохо, что не знаем.**

– Да почему? Я согласен с вами, когда вы говорите, что плохо то, что мы мало знаем мировую культуру. Это действительно плохо. Но ведь живем.

– **Вот не видели бы люди Босха, Магритта, Климта – и все равно, да?**

– Да и черт бы с ними.

– **Не прочитал бы ты «Божественную комедию» – и не сделал бы «Данте. Москва».**

– Да я и не читал! (Смеется.)

– **Пушкина, Сергей Григорьевич, цитируете, при входе в студию двухметровуюrepidukciyu «Vaviloneskoy bashni» Breigelya повесили, а Данте не читали? Как же ты фотографии для книги делал?**

– Да читал я, читал. Но только потому, что в университете его сдавал. А фотографии... Я для себя реперные точки наметил. Я снимал «Москву-ад», «Москву-чистилище» и «Москву-рай». И потом, что странного было бы в том, что я, к примеру, не читал бы Данте, но сделал бы фотографии для проекта? В свое время Матисс получил заказ на иллюстрации «Улисса» Джойса. Но книгу не читал. Ему ска-

зали, что Улисс – это Одиссей. Он и нарисовал: Одиссея, море, путешествия. Бестселлер получился.

– **А критики-то, несчастные, все ищут и ведь находят во всем потаенный смысл...**

– А потаенный смысл есть. Он вытекает из твоего опыта, мироощущения. Ты можешь вообще ничего не читать, но делать вещи, которые будут совпадать со всем. Ты можешь находить глубинные смыслы, если тебе есть чем поделиться. Поэтому человеку, писал Лем, интересен человек. Ведь что говорится в умных книгах? Что Господь создал мир и человека, чтобы познать самое себя.

– **Почему в «Экклезиасте» все портреты в профиль?**

– Да потому что мы поняли – любой портрет анфас зрителя слишком на себя «тянет».

– **Знаешь, в иконописи бесов и Иуду изображают в профиль, чтобы молящиеся не встретились с ними глазами.**

– Вот-вот. Глаза в глаза – берет тебя за шиворот. А профиль – нейтрален. И в случае с «Экклезиастом» не отвлекает внимания от текста полностью. А текст слишком важен.

– **Тебе что интереснее снимать: лица или, скажем, пейзажи?**

– Тайны.

– **Тайны во всем есть.**

– Я и снимаю все подряд потому, что все время пытаюсь в фотографии сделать тайну. Показать, что этот мир таинствен, сложен, многозначен. И что за всем, что мы видим, есть нечто большее. Я понял, только такие фотографии меня волнуют. Те, где возникает волшебная картина тайны... Вон на стене висит ставропольский пейзаж...

– **Это Ставрополье? (Пейзаж на фотографии, скорее, напоминает руины какого-то итальянского средневекового замка. – Прим.авт.)**

– Да, это Ставрополье. И в нем такая вот итальянская тайна... На самом же деле это грязная речка Егорлык и помойка.

– **Послушай, а зачем у тебя в кабинете вот этот огромный камень лежит?**

– Я его из Пскова приволок. Во-первых, потому что он красивый. Во-вторых, я взял его в монастыре, который создан двумя изгнанными монахами. Они сами строили храм, камней насобирали. И у них там гора таких камней, красоты необыкновенной. В-третьих, все камни в Псковской обла-

сти – с великого обледенения. Этим валунам миллионы лет. В-четвертых, я камни люблю. Они красивые и волнуют. Поэтому и приволок.

- «Арбор Мунди», «Камера Обскура», «Амадей», «Буржуазия». Почему возникло желание выпускать эти журналы?
- Все эти журналы были маргинальными, почти все про-существовали только до дефолта 98-го, но они давали дизайнерам возможность оттягиваться. «Камера Обскура»,

Дизайнер и художник – это человек, раненный изображением. Если он всерьез озадачен визуальной культурой, он мир воспринимает визуально.

– Ты ранен изображением?
 – Да.
 – Но о тебе нельзя сказать, что ты мало читал. Потому что такой человек не будет цитировать Пушкина и не скажет «визуально-модальный»...

– Но я же ушиблен образованием и работой, административными функциями. Я – ни то, ни се. Я тот самый нетипичный перец, который любит разнообразие. Тут пофотографировал, тут «подизайнировал», тут поболтал... Получается, что я – типичное трепло.

Мы все умрем, а книга останется. Она красивая, в ней картишки рассматривать можно. Пусть хотя бы картишки эти для начала рассматривать будут, может, и читать начнут.

например, была попыткой что-то показать фотографам. Это были площадки, где можно было реализовывать сумасшедшие проекты, а не коммерческие глянцевые журналы, где все жестко и все ради денег.

- А что было раньше – «Арбор Мунди» или «Арбор»? И кто догадался дать такое название? (Arbor mundi в переводе с лат. – «мировое древо, древо жизни». – Прим. авт.)
- Сначала был журнальчик о культуре «Арбор Мунди», мой университетский приятель был в нем главным редактором. Мы его верстали, занимались дизайном, печатали. А потом, спустя много лет, появился «Арбор».

- И почему отбросили в названии студии слово «mundi»?
 – Потому что по телефону никто не мог нормально его произнести (смеется). Все начинали мычать, кряхтеть, запинаться. Никто не воспринимал это слово как «мировой».
- Ты глянцевые дизайнерские журналы смотришь? Как к ним относишься?

- Не смотрю. Спокойно отношусь. Думаю, в каждом из них есть пара любопытных страничек. Но ведь чтобы их найти, надо журнал открыть, пролистать, почитать.
- Ну да, сейчас ты опять скажешь, что «для дизайнера читать – нетипично»...
- Да у меня вот дизайнер есть, он вообще никогда ничего не читал! У него от букв идиосинкразия. Ведь в принципе есть люди вербально-модальные, а есть – визуально-модальные.

– Хорошее такое трепло. Одну из лучших студий создал... Наград как у Полканы...

– А вот Оскар Уайльд писал: чем талантливее поэт, тем скучнее и противнее он в компании. Говорить с ним не о чем, все от него шарахаются. А посредственный поэт, как правило, душа компании, острослов, все к нему тянутся... То есть настоящие гении – люди не для общения. Они живут тем, что им предназначено, и делают что-то такое, из-за чего весь мир от них шарахается. От меня вот никто не шарахается (смеется). Значит, я просто человек со способностями.

– Чем бы ты хотел больше заниматься – фотографией или дизайном?

– Я скажу одну страшную вещь. Я бы ничего не хотел. Не потому, что вообще ничего не хочу. Пусть все идет так, как идет, а я буду делать то, что я хочу в данный момент. Просто я не люблю планировать жизнь, она каждый день должна строиться сама. Тогда в ней много сюрпризов.

– И тайн.
 – И тайн.

ОТ ГЕСТИИ К РЫНКУ

ЕВГЕНИЙ ВЕРЛИН

Профессор Леман-колледжа Городского университета в Нью-Йорке, автор полутора десятка книг по социологии, психологии семейных отношений и гендерным проблемам, проповедник и теоретик феминистских идей, гражданка США Хеллен Патрисия Томпсон, приезжая в Россию, становится для журналистов Еленой Владимировной МАЯКОВСКОЙ.

Так происходило уже множество раз, с тех пор как в 1991 году Россия и мир узнали семейную тайну госпожи Томпсон, которую она скрывала, пока была жива ее мать – Элли Джонс, урожденная Елизавета Петровна Зиберт.

– Стихи вашего отца известны в США?

– Да, но, конечно, не так широко, как в России. В Америке есть разные интеллектуальные группы людей, которые обожают его творчество. В самое недавнее время к ним прибавились некоторые рэп-музыканты. Он им оказался созвучным, что ли.

– Ритмикой стиха?

– Видимо, да. Но вообще, большинство переводов Маяковского на английский очень посредственные. В них потеряно как раз то, о чем вы спросили, – ритмика языка. Моя мать была учителем русского языка (помимо этого она еще преподавала французский и немецкий). И мы с ней иногда пытались переводить отца. Но все время тяжеловатые, на мой взгляд, переводы получались. Вообще-то я сама профессиональный редактор и иногда изучала чужие переводы Маяковского с

целью их возможной корректировки. Моя же мать по ходу работы подбрасывала мне иногда разные идеи на этот счет. Например, я сделала свою английскую версию стихотворения «Бруклинский мост», которую не раз читала вслух на различных мероприятиях.

– Вы не говорите по-русски, но ведь все-таки читаете со словарем, как-то оцениваете русский язык, качество стиха?

– Русский язык уникален! Просто невозможно воспроизвести на английском текстуру русского языка, качественные характеристики и нюансы. Да и саму мелодику, интонацию языка очень трудно перенести. Поскольку я плохой знаток русского языка, то многое не улавливаю, но моя мать была русской, и я не раз слышала, как она декламировала стихи на своем родном языке, и, хотя смысла большей части слов я не улавливалась, все же научилась чувствовать мелодику русского языка. А еще его дерзость, прямоту, искренность. Да и через других знакомых людей я тоже впитывала в себя русский язык.

– А какое ваше любимое произведение Маяковского?

– Об-локе станах...

– Простите, не понял.

– Об-локе станах... Cloud in Trousers! Произнесите это правильно по-русски для меня.

– «Облако в штанах». По-моему, самая романтическая его поэма...

да стала я **(смеется)**. Кстати, вы, может быть, слышали, что я не только дочь Маяковского, но еще и философ, один из теоретиков философии феминизма в США. Но я не противопоставляю женщин и мужчин, мой феминизм – это «гестианский феминизм», термин происходит от греческого слова Гестия – так звалась богиня домашнего очага. Я бы хотела видеть феминизм как шаг навстречу

новому гуманизму, я против радикального, одностороннего феминизма.

Знаете, что мне сказал священник в Сергиевом Посаде, когда я его спросила, что символизируют маковки русских церквей? Он ответил: «Это дым сердца». Но это так близко к концепции исходящей от сердца силы в древнегреческой философии... Вы знаете, почему финансовый кризис на Уолл-стрит начался? Потому что многое оказалось построено на лжи. А все потому, что люди слишком отдалились от простых житейских ценностей – от очага, от семьи...

Я благодарна вам, что вы адресовали мне вопросы, которые обычно журналисты не задают. Обычно спрашивали: «Какой был отец? Почему он покончил с собой?» и т.д. Но никто не поинтересовался мною как личностью, никто не написал обо мне как о философе, авторе вот этого недавно изданного в Нью-Йорке трехтомника «Гестианской трилогии» **(показывает все три тома)**, где я исследую две базовые ориентации человеческой жизни – к домашнему очагу – это начало я называю «гестианским», от Гестии, и к рынку, который ассоциируется с Гермесом. Возможно, у вас получится в итоге текст, в котором я предстану перед читателями под несколько иным углом – не только как дочь Владимира Маяковского...

А теперь опять перекинем мостик к нынешнему кризису. В нем, на мой взгляд, проявилось еще вот что. Многие предприниматели думают, что можно быть обманщиком в бизнесе, но честным, порядочным по отношению к своим близким, по отношению к своей семье. Оказывается, нет, рано или поздно все проявляется. В своих исследованиях я и пыталась доказать, что нужно научиться совмещать в себе «гестианское» и «гермесовское» начало, добиваться гармонии между ценностями домашнего очага и подходами к работе. Если бы такая гармония была достигнута, тогда и кризисов, подобных нынешнему, может быть, и не случилось.

– Во всей мировой поэзии!

(Зачитывает с большим выражением отрывок из поэмы в собственном переводе):

**If you like, – I'll be furious flesh elemental
Changing the tones that the sunset arouses,
Or if you like, – I'll be extremely gentle,
Not a man, – but a cloud in trousers.**

**(Хотите – буду от мяса бешеный –
и, как небо, меняя тона –
хотите – буду безукоризненно нежный,
не мужчина, а – облако в штанах!)**

Я такого мужчину, что описал здесь мой отец, в своей жизни еще не встречала. **(Смеется.)**

– В этом, наверное, уникальность Маяковского – в той обра-
зности, которую он создавал.

– Я всегда поражалась тому, какие творческие стимулы двигали им. Несколько лет назад я подготовила статью для Института мировой литературы имени Горького по случаю 110-летия со дня рождения Маяковского и в ней написала, что не разделяю теорию, согласно которой поэт видит женщину, влюбляется, тут у него наступает озарение, и он вдруг пишет поэму. Как он считал – и, я думаю, это очень красиво сказано в его статье «Как делать стихи?» – поэт не может жить в ожидании, пока «небесная поэзия-дух сойдет на лысину в виде голубя, павлина или страуса». И постепенно, писал он, вы выбираете, накапливаете впечатления, чувства и уже потом соединяете в стихе.

– А с кем вы могли бы ассоциировать Маяковского в живописи?

– С Давидом Бурлюком. Несколько дней назад в Санкт-Петербурге я посетила большую выставку картин Бурлюка, который был одним из двух лучших друзей отца, одним из основателей футуризма и оставил после себя очень интересные работы. На мой взгляд, в творчестве Маяковского и Бурлюка очень много общего...

– Вы слышали о планах снять художественный фильм о ва-
шем отце?

– Только краем уха, авторы этих планов в контакт со мной не входили...

(В день, когда записывалось это интервью, Иван Дыховичный объявил, что приступает к съемкам фильма о Владимире Маяковском и Лиле Брик. – **Прим. ред.**)

– Как вы переводите такие строчки Маяковского: «Если звезды зажигают – Значит – это кому-нибудь нужно?»?

– Не помню сейчас наизусть английский перевод... А вы знаете, что один из самых плодотворных периодов в его творчестве пришелся на Нью-Йорк, когда он был с моей матерью? К тому же одним из «продуктов» этого перио-

«РУССКИЙ ЯЗЫК НАВЯЗЫВАЕТ ТО, ЧТО НАЗЫВАЕТСЯ ДУХОВНОСТЬЮ»

ЕВГЕНИЯ МИХАЙЛОВА

Что такое фантастика, как не попытка понять себя через умозрительные конструкции, удивительные допущения? Известный российский писатель, мэтр российской фантастики, увенчанный всеми возможными литературными премиями, Сергей ЛУКЬЯНЕНКО в интервью рассказывает о том, чем, на его взгляд, живет Русский мир и как он меняется.

Ч

то такое Русский мир для вас? Культурное это понятие, социальное, экономическое, политическое?

– Для меня это прежде всего понятие языковое. Поскольку язык определяет очень многое. И экономику в какой-то мере, и социологию, и менталитет народа. Русский мир – это, наверное, некая среда, которая связана русским языком как основным средством общения. Соответственно, в него входят отчасти и те территории, которые населены преимущественно не русскими и даже, может быть, не славянами. Но если там русский язык – основной язык общения, то это все равно часть общего Русского мира.

– Бытовой язык или язык делового общения, каким для нас стал английский?

– Скорее всего, бытовой. Та же Индия, где английский остается вторым официальным языком, все равно остается страной самобытной – при всем влиянии английской культуры, при всем своем долгом колониальном прошлом. Для меня, скажем, Украина все равно часть России, пусть не обижаются украинские товарищи, потому что на бытовом уровне основная масса населения продолжает общаться на русском языке. Так же как Белоруссия, многие национальные республики в составе России – Татарстан, Башкирия. Та же самая Чечня – даже в годы конфликта и противостояния с Россией чеченцы общались между собой на

русском языке, потому что для многих жителей отдаленных горных районов русский был самым удобным коммуникационным средством. Понять друг друга на своих наречиях, как ни странно, им было труднее. Язык – это тот самый уникальный механизм, причем не связанный извне и даже не подпитывающийся экономически, который вызревает сам по себе, связывает, цементирует народы, пространства между собой.

– А что же поддерживает жизнь языка?

– Видимо, это такой процесс, который, будучи запущенным, продолжает сам себя генерировать. В первую очередь, мне кажется, его поддерживают литература, кино. Любой писатель постсоветского пространства, если он не русский и не житель России, оказывается перед такой дилеммой: или он пишет на своем национальном языке, становится маленьким царем горы в своей республике, но при этом теряет огромную аудиторию. Или пишет по-русски. Потому что есть английская, французская литература, которая будет переводиться в первую очередь. А литература бывших братских народов переводится по остаточному принципу. Русский язык так же, как и в советские времена, остается средством выхода на мировой уровень. Во-первых, потому, что на русский язык переведено практически все. Во-вторых, английский не настолько близок нашим соседям.

– Какие-нибудь национальные писатели из стран ближнего зарубежья пришли в европейскую литературу через русский язык?

– Сейчас ситуация очень своеобразная. Многие писатели сразу начинают писать на русском, оставаясь гражданами другого государства. Например, Марина и Сергей Дьяченко, украинские писатели-фантасты, авторы сценария «Обитаемого острова».

То есть они писали и на украинском, но эти небольшие вещи были такой данью патриотизму. Точнее, они сами перевели себя с русского на украинский. А основная масса их вещей написана на русском языке, и именно поэтому они стали известны и заняли заметное место в европейской фантастике. Или Петр Курков, известный на Западе писатель. Он тоже, кстати, начинал как фантаст.

Украинский писатель русского происхождения, очень большой украинский патриот, он тоже пишет на русском языке. Потому что это дает ему на порядок большую аудиторию, чем если бы он писал на украинском.

– Для вас Русский мир и Российская империя совпадают географически?

– Наверное, империя в первую очередь определяется территорией языка. Там, где есть общий базовый язык, там и есть империя. И если исходить из этого, то Прибалтика в империю так и не вошла. Там у национальных языков всегда были сильные позиции. А Западная Украина и в советские годы очень тяготела к венгерскому, словацкому языкам.

– Вы сказали, что язык определяет даже экономику...

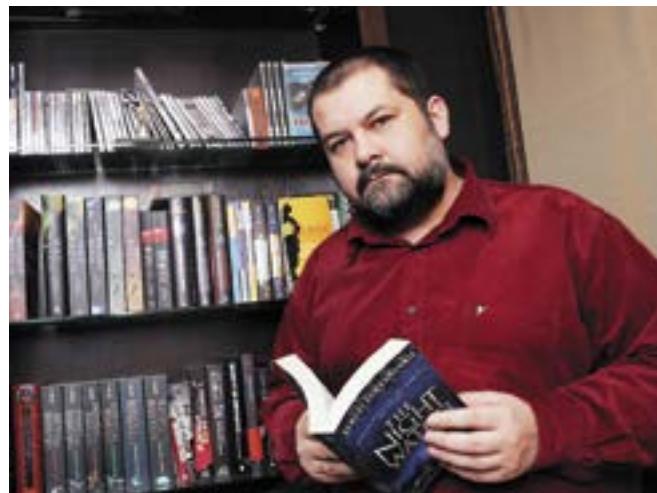
– Думаю, да.

– Каким образом? И почему там, где говорят по-русски, экономика плохая?

– Ну, не так, конечно. Понимаете, язык в какой-то мере определяет менталитет, образ жизни. Есть такой замечательный роман американского фантаста Самуэля Дилэни «Вавилон-17». Там речь идет о далеком будущем, в котором воюют земляне и некая другая империя. И вот наши враги разрабатывают секретный язык для переговоров, чтобы земляне не могли его расшифровать. И как только земляне этот язык разгадывают и изучают, они автоматически переходят на точку зрения врага. Потому что сам строй языка такой, что, начав на нем говорить, человек начинает по-другому мыслить. Это, конечно, очень утрированно, но язык действительно вольно или невольно навязывает человеку какие-то нормы поведения, общения, формирует его образ мысли, жизни. То есть влияет на все. В том числе на производство.

– А что же нам навязывает русский язык?

– Русский нам навязывает то, что вежливо называется духовностью. Конечно, духовность – это очень хорошо, но у нас она зачастую приобретает форму пустопорожней болтовни, благих мечтаний, маниловщины. И все произведения наших замечательных писателей – Достоевского, Толстого, – которыми восхищается Европа, это то лучшее, что выкристаллизовалось из такого подхода к жизни, из такого понимания мира, которое определяет русский язык. Нельзя сказать, что такой подход правильный или неправильный. Немецкий язык, например, четкий, структурированный, жесткий. Это язык, который формирует отношение к работе. Английский язык очень двусмысленный, вольный, это прекрасный

язык для дипломатии, коварства, для тонкой, искусной политики. Дело в том, что язык не является жестко заданной структурой, которая будет довлесть над обществом.

– Он создает матрицу, которая, в свою очередь, отстраивает общество?

– Да, создает. Но он довольно пластичен сам по себе. Он меняется довольно легко и быстро на протяжении даже одного поколения. И достаточно иногда каких-то небольших изменений, катализаторов, чтобы эта матрица начала работать по-другому. Русский язык всегда был силен огромным числом заимствованных, введенных, поглощенных, переваренных слов из других языков. Сейчас к нам тоже приходит огромное количество слов, связанных с компьютерами, техникой. И это, без сомнения, оказывает влияние и на матрицу русского сознания. Естественно, оно отличается сейчас от того, каким оно было у русского народа в XIX веке, и даже в середине XX. Все эти слова, которые сейчас воспринимаются как забавные реперты эпохи, на самом деле одновременно определяют и стиль жизни.

– А можно сказать, что новые слова определенным образом «настраивают» русскую матрицу?

– Мне кажется, да. И эта настройка происходит в правильном направлении, где-то, может быть, приближая нас и к англоязычным народам, и к немецкому народу.

– То есть происходит такое гомеопатическое изгнание Обломова вербальными средствами...

– По сути, да. Именно гомеопатическое. Крошечные языковые заимствования вроде бы не влияют кардинальным образом на весь язык. Но они проникают в узкие, специфические сферы – работу, развлечения. И преобразуют эти сферы жизни.

– Может, язык, как та гоголевская свинья, все сожрет и адаптирует?

– Может быть. Но чужое не только адаптируется, но и откладывается у этой свиньи на боках. Предпринимаются иногда нелепые попытки ради чистоты языка избавиться от слов «компьютер», «Интернет» и «процессор». Говорят: давайте пойдем по французскому пути, пути аналогов и нахождения родного, иногда нелепого, термина. У этого пути есть, конечно, свои достоинства. Но русский язык работает по-другому. Он берет, переваривает слово, изменяет порой достаточно сильно, иногда до неузнаваемости, и вводит в повседневную речь. Подгоняет под существующую матрицу, но при этом и сама матрица меняется.

– Если говорить о духовности... Почему мы так нелепо распоряжаемся этой самой духовностью, делая свою жизнь, и бытовую, и социальную, почти невыносимой?

– Если бы я знал ответ на этот вопрос, наверное, мне можно было бы вручать государственную премию, а может, и Нобелевскую.

– Вы же наверняка думали об этом...

– Не знаю... У нас есть характерная черта – нести благо окружающим, не думая о себе и о том, нужно ли окружающим это благо. То есть иногда возникает ощущение, что русский народ начинает радоваться и поднимается духом, когда он может оказать какую-то глобальную помощь. Я уже говорил по поводу грузинских событий: Россия очень обрадовалась тому, что смогла защитить маленький слабый народ. Потому что это идеально подходило к модели поведения России. Если бы на Осетию напала не Грузия, что, конечно, создавало жуткий дискомфорт, потому что Грузия тоже всегда считалась частью Русского мира и страной, которую тоже нужно защищать, если бы напала другая страна – Турция, Ирак, США, – подъем духа был бы колоссальный. Народ сразу бы понял, что выполняет ту функцию, для которой предназначен. Так же мы бросались помогать братьям-болгарам, сербам, в общем-то не всегда интересуясь, нужна ли этим братьям помощь и как они нас потом будут за нее благодарить.

– То есть мы созданы не для мелких задач?

– Я думаю, это стремление к мессианству, которое отняло огромное количество сил, людей, сейчас уходит. И ему на смену идет практицизм.

– Но практицизм как содержание жизни – это очень скучно.

– Скучно, да. Но, мне кажется, иногда надо позволить себе пожить какое-то время более практично. Например, в начале года мы наблюдали очередной раунд газового конфликта России и Украины. Конфликт с политической подоплекой, но

в основе его был четкий экономический интерес: да, мы уже не братья, а соседи, давайте вести нормальный соседский товарообмен. Я не знаю, какой иностранный язык у президента Медведева, но то, что у Путина рабочий язык немецкий, мы знаем. И мне кажется, здесь мы видим такой немецкий практицизм. И это должно быть. Потому что, порываясь осчастливить весь мир, можно и страну потерять. Как мы это делали в 70-е, 80-е, снабжая всю Азию и Африку. Стоило в название страны внести слово «социалистический», да хоть бы называться «Социалистической республикой каннибалов Африки», туда сразу же начинали поставляться пушки, самолеты, зерно, одеяла, ботинки, все, что просят. Советский Союз огромное количество сил растратил в глупой мессианской деятельности, пытаясь привести к светлому будущему те народы, которые о таком будущем и не мечтали.

– А Русский мир без мессианской идеи не рассыплется в прах?

– Идеи меняются. У меня ощущение, что скорее рассыпаются империи, когда они начинают жестко следовать одной и той же линии, которая, может быть, утратила свое значение. Вот этот мессианский фактор работал в XIX веке, начал сбить в XX. Революция придала ему не новый вектор, а, скажем, новую окраску.

– На самом же деле он оставался архаическим?

– Да, он оставался позитивно архаическим. Какой традиционный колониальный подход? Завоевать соседей, выкачать из них нефть, газ, посадить их на опиум, как, например, поступала Великобритания с Китаем или с Индией. Но, конечно, и построить там кое-что, не без этого. У нас же, наоборот, подход был: да, мы захватим эти земли, научим туземцев всему, построим им заводы, города, и они поймут, как они нам благодарны. То есть это естественное для любой империи стремление расти и развиваться, брать под свой контроль, в российском понимании всегда было с примесью альтруизма.

– А 70 советских лет как-то изменили Русский мир? Какой это опыт был для нас?

– Мне кажется, этот опыт был в каком-то плане негативным, потому что в народ искусственно накачивался интернационализм. Причем накачивался в таких дозах, что сознание не выдерживало. В общем-то русский народ всегда был интернациональным, не имеющим склонности к расизму и рабству. Негры и азиатские народы вос-

показателями. То есть в Советском Союзе, как в любой империи, было хорошо с реализацией громадных проектов. И мы до сих пор живем на том, что было сделано в СССР. Работают те же самые электростанции, подстанции, у нас остались те же космодромы, заводы все те же. Что реально было построено за последние годы? Предприятия пищевой и легкой промышленности. Действительно, стало возможно купить наш костюм и не выглядеть в нем клоуном.

принимались как бедные и угнетенные. Советская эпоха эту тенденцию к миру и интернационализму очень сильно раскручивала. И кончилось тем, что, когда Советский Союз распался, мы в итоге получили всплеск глупого, бессмысличного национализма.

– **Но есть и точка зрения, что ленинская национальная политика была лучшим моментом в этом эксперименте.**

– Да так оно и было в 20-е, 30-е и даже 40-е годы. Но то, что происходило в 70-е, 80-е, – это была уже политика головокружения. Потому что 60-е были годами больших успехов, страна реально восстановилась после войны, добилась преимущества в научно-технической гонке. Возникло ощущение, что социализм оказался убедительнее капитализма даже в сфере экономики. Отсюда пошло активное распространение Советского Союза, можно сказать, и Русского мира, на весь мир.

– **А слова советской эпохи «русскую матрицу» сильно видоизменили?**

– Вы же видите: до сих пор бытует слово «товарищ», которое из идеологического стало ритуализированным обращением. До сих пор остаются другие слова-рудименты советской эпохи – «плановое хозяйство», «пятилетка», «колхозы», «пионерские лагеря».

– **Перейдет эта «советскость» нашим детям или умрет с нами?**

– Я боюсь и надеюсь одновременно. Бог с нами, потому что в любом случае эксперимент закончился неудачно, значит, надо было искать другие пути. Я считаю, что Советский Союз был государством с очень большим потенциалом, это не был тупиковый путь: если бы возобладал здравый смысл, вовремя пошли нужные реформы... Советский Союз действительно был способен на масштабные проекты. Космодром построить в пустыне? Будет космодром через три года. Повернуть реки всipyть? Сделаем, повернем.

– **Но экономика-то была дохлой.**

– Дело в том, что экономика была полудохлой в том секторе, который был нужен людям. То есть с выплавкой чугуна и стали на душу населения у нас было все прекрасно. И если сейчас поднять данные статистики и посмотреть, то можно ужаснуться. И по продовольствию лучше было...

– **Но вы-то помните, что такое были наши магазины!**

– А если взять данные статистики, сколько реально производилось мяса, молока и всего остального, то оказывается потрясающая вещь – все шло на помощь братским странам. Эшелонами, танкерами уходило в громадных количествах. Опять-таки погоня за валом, за количественными

Можно купить ботинки красивые, легкие и не разваливающиеся. У моих детей вся обувь нашего производства, потому что она нормальная по качеству.

– **То есть вы с оптимизмом на наши перспективы смотрите?**

– Я просто считаю, что маятник очень сильно качнулся не в ту сторону. То есть Советский Союз можно было действительно реформировать, реформировать ту часть экономики, которая была обращена к людям. Но в то же время некий государственный общий подход к экономике необходим, он и на Западе существует.

– **Но мы сейчас благодаря кризису к этому государственному подходу и возвращаемся.**

{ Язык вольно или невольно навязывает человеку какие-то нормы поведения, общения, формирует его образ мысли, жизни. }

– Если результатом этого кризиса станет то, что какие-то крупные производства перейдут под государственное управление, я считаю, это будет правильно. Потому что эти заводы были построены в Советском Союзе и в результате каких-то пертурбаций попали в частные руки, а должны работать на экономику всей страны.

– **Но вы же знаете, кто ими управляет и как. На что же вы надеетесь?**

– Я надеюсь на кризис. На то, что так или иначе инстинкт самосохранения страны и власти должен сработать. Что станет четко понятно, что может и должно быть частным, а что должно оставаться под контролем государства и работать на общегосударственные интересы. Так же и во внешней политике, где мы долгое время шли на сплошные уступки и верили любым обещаниям. Мне кажется, у власти сейчас есть осознание того, что никакие устные договоренности и улыбки в политике не действуют, а действует, так же как и пять тысяч лет назад, только право сильного. Это плохо, это грустно, но это так. ¶

ЗА ВЕРУ И ВЕРНОСТЬ!

МИХАИЛ БЫКОВ

Эти слова написаны на звезде ордена Андрея Первозванного, высшего ордена Российской империи и нынешней Российской Федерации. Эти слова являлись девизом Русской императорской гвардии. Эти слова не утратили смысла для многих русских, волею судеб родившихся в чужих странах. Эти слова оказались главными во время нашего двухчасового разговора с одним из гостей Второй ассамблеи Русского мира – князем Александром ТРУБЕЦКИМ. И в том нет ничего удивительного.

КАК ВОЗНИКЛО ГВАРДЕЙСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ В ПАРИЖЕ И ЧЕМ ОНО ЗАНИМАЛОСЬ

– В России есть люди, которые знают о русской гвардии больше, чем мы. Сейчас есть что почитать на эту тему. А мы получили наше знание от отцов в форме, так сказать, устных преданий. История нашего Общества проста. После событий 1917–1921 годов многие из уцелевших офицеров гвардии оказались на Западе. Довольно быстро стали возникать офицерские кружки по принципу полковых объединений. Мой отец служил в лейб-гвардии Конно-Гренадерском полку, соответственно, вступил в полковое объединение конногренадер. Все вместе такие кружки по инициативе, в частности, барона Врангеля и составили в 1923 году Гвардейское объединение, ставшее подразделением Русского общевоинского союза. Праздник объединения был назначен на 13 декабря, День Андрея Первозванного, и девиз «За

веру и верность!» естественным образом стал и девизом организации. В те годы офицеры надеялись, что удастся возобновить какие-то акции в большевистской России, и Гвардейское объединение имело прикладной смысл. Тут знали, где и какие офицеры находятся. Но довольно быстро многие поняли, что никаких военных действий не

случится, и Объединение превратилось в организацию, сохраняющую традиции гвардейского офицерского корпуса России и его преданства данной присяге. Например, лейб-гвардии Казачий полк до сих пор 17 сентября, в День святого Ерофея, отмечает полковой праздник. Понятно, что в его полковом объединении уже нет тех, кто носил мундир лейб-казаков, но традицию, как и в других полках, несут сыновья и внуки. Именно в этот день в 1813 году лейб-казаки отличились в Битве народов под Лейпцигом. Случилось так, что кавалерия французского маршала Лотур-Мобура могла захватить в плен русского императора Александра Первого, а вместе с ним и прусского и австрийского монархов. Не окажись под рукой у Александра лейб-казаков, история XIX века могла бы пойти совершенно по другому пути.

Чем еще занималось Гвардейское объединение? Издавало воспоминания «Вестник Гвардейского Объединения». Так появилась шеститомная история конногренадер. Разумеется, это не фундаментальное издание тисненой кожи, это ротапринт и тираж в несколько десятков экземпляров. Тем не менее история лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка является, по мнению экспертов, большой библиографической редкостью. Кавалергарды и конногвардейцы тоже смогли осилить издание истории своих полков.

О ТОМ, ЧТО ДЕТИ ГВАРДЕЙСКИХ ОФИЦЕРОВ ВЕРНЫ ДЕВИЗУ ОТЦОВ

– К 90-м годам гвардейских офицеров почти не осталось. Я лично участвовал в похоронах последнего лейб-гренадера – 30 декабря 1999 года ушел из жизни офицер лейб-гвардии Гренадерского полка Александр Кондратович. Еще немного – и он оказался бы человеком, жившим в трех веках. Ведь родился Кондратович в XIX веке.

В тот период мы, дети офицеров гвардии, решили, что просто так история не закончится. Гвардейское объединение было переименовано в Общество памяти Русской императорской гвардии. Его первым председателем в 1991 году был избран потомок лейб-казака Владимир Николаевич Греков, одно-

временно и председатель полкового объединения, а в 2003 году этой чести удостоили меня.

Конечно, наши возможности куда скромнее, чем возможности наших предшественников. Какой бы трудной ни оказалась эмигрантская судьба, офицеры продолжали нести в себе и гвардейскую традицию, и гвардейскую культуру.

Наша деятельность сегодня весьма ограничена. Издаем бюллетень Общества, иногда публикуем что-то в прессе. Каждый год 13 декабря собираемся на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа в Париже, где служится панихида у могил гвардейских офицеров, затем встречаемся в Музее лейб-гвардии Казачьего полка в Курбевуа, где после молебна с выносом имеющихся у нас полковых штандартов подается товарищеский обед. В конце весны – начале лета организуем уже неофициальную встречу, обычно в саду Казачьего музея – жарим шашлыки. Главная статья расходов Общества – уход за гвардейскими могилами на русском кладбище в Париже.

Разумеется, мы охотно принимаем участие в различных мероприятиях, связанных с гвардейской темой. Таких, например, как празднование 300-летия русской гвардии в Петербурге в 2000 году. Трижды ездили в Болгарию на юбилей в память освобождения Плевны (Русско-турецкая война 1877–1878 годов). Наши представители были на 300-летии Пажеского корпуса, на церемонии перезахоронения останков императрицы Марии Федоровны и генерала Деникина. Пусть Деникин не был гвардейским офицером и саму гвардию недолюбливал, мы посчитали необходимым участвовать в этом акте, так

как под началом генерала во время Гражданской войны сражались восстановленные гвардейские части. В мае 2008 года наша делегация присутствовала на открытии памятника русским воинам в Галлиполи и совершила паломничество в Крым по случаю 225-летия основания Севастополя и Черноморского флота.

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ТРУБЕЦКОЙ

Родился 14 марта 1947 года в Париже в семье Александра Евгеньевича и Александры Михайловны (урожденной княжны Голицыной) Трубецких. В 1965 году 18-летний Александр выиграл конкурс лицеев Франции по изучению Альпийского похода графа Суворова, а затем в одиночку с рюкзаком за спиной прошел весь маршрут суворовских чудо-богатырей 1799 года.

Служил во французской армии в 24-м егерском батальоне, известном тем, что входил в состав наполеоновской гвардии.

После выслуги срочного срока службы отказался от производства в офицеры, заявив, что русский может служить офицером только в русской армии. Жена – Екатерина Алексеевна, урожденная княжна Ниеберидзе. В семье четверо детей: сыновья Александр, Владимир, Николай и дочь Ксения.

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР ЕВГЕНЬЕВИЧ ТРУБЕЦКОЙ, ОТЕЦ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА

Учился в Московском университете, затем, после начала Первой мировой войны, в Николаевском кавалерийском училище. Выпущен в лейб-гвардии Конно-Гренадерский полк. Имел четыре боевых ордена. В годы Гражданской войны воевал в Добровольческой армии.

КНЯЗЬ ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ ТРУБЕЦКОЙ, ДЕД АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА

Известный русский философ, профессор юридического факультета Московского университета.

О ПОКОЛЕНИЯХ, КОТОРЫЕ ИДУТ ВСЛЕД, И О ТОМ, КУДА ОНИ ИДУТ

– Проблема сложная. Я еще застал офицеров гвардии, которые рассказывали о былом, несли дух времени, как говорится. Сейчас я часто жалею, что, будучи мальчиком, не задал им те вопросы, которые задал бы теперь. Но – поздно. Наши дети и внуки уже лишены живого примера. Некоторые из них сохраняют интерес, ценят традицию. Есть и такие, кто довольно равнодушно относится к той ответственности, которую мы решили нести на наших плечах. И одна из граней проблемы – не позволить превратиться Обществу памяти в банальный клуб по интересам. Мы ведь меж собой по-прежнему называем организацию Гвардейским объединением.

О ПРАВИЛАХ ПРИЕМА В ОБЩЕСТВО ПАМЯТИ РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ ГВАРДИИ

– По-прежнему вступить в организацию может только по-томок гвардейского офицера. У нас есть специальная комиссия, которая рассматривает кандидатуры, проверяет принадлежность к гвардейской семье. Мы – не клуб, не свободная ассоциация, куда открыт вход любителям, «фанатам» и прочая. Это не означает, что мы абсолютно закрыты.

О КЛУБАХ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ И О ФРИВОЛЬНОМ ОТНОШЕНИИ К ЧУЖИМ БОЕВЫМ НАГРАДАМ

– Люди вправе по-разному проявлять себя. Но я солидарен с теми, кто не одобряет ничем не обусловленное

желание некоторых людей носить чужие мундиры, знаки различия и, особенно, ордена. В любом случае себе мы не позволяем носить форму полков, память которых представляем в нашей организации. Мне ближе более серьезный подход. Такой, как в Эрмитаже, где в 2000 году был открыт Музей гвардии.

БУДЕТ ЛИ ОТКРЫТ ФИЛИАЛ ОБЩЕСТВА ПАМЯТИ РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ ГВАРДИИ В РОССИИ

– Мы рассматриваем этот вопрос. Проблема одна – у себя нам довольно легко проверить человека на соответствие нашей организации, мир потомков гвардейских офицеров тесен. Сделать подобную экспертизу в современной России подчас довольно затруднительно. Кроме того, возможно, что вступить в Объединение захочет потомок гвардейца, который по каким-то причинам воевал против белых армий. Мы же считаем, что в наших рядах есть место только тем, кто остался верен девизу «За веру и верность!». Это не голословные умозаключения. Ко мне время от времени подходят молодые люди с соответствующей просьбой, обоснованной только их фанатичной любовью к царской армии. И я всякий раз вынужден их разочаровывать. Есть хороший пример – некоторые дворянские движения в новой России (слава богу, не все). Они быстро превратились в нечто малопривлекательное. Одна покупка титулов чего стоит. Мы бы не хотели, чтобы с Гвардейским объединением повторилась такая же история.

ПОЗВОЛЯЕТ ЛИ ТРАДИЦИЯ ИДТИ НА КОМПROMИСС И ПОЗВОЛИТ ЛИ КОМПROMИСС СОХРАНИТЬ ТРАДИЦИЮ

– Мы, конечно, задумываемся, какой будет наша организация через пять-десять лет. Более того, нас это беспокоит. Но что значит с легкостью ломать традиции, даже самые, казалось бы, несовременные – это русские люди знают на собственном горьком опыте. Вот одна из таких традиций – полковые

считаться продолжением начатого Петром Первым. Мы уважаем названные при Сталине гвардейские части Красной армии, так как знаем, что их солдаты и офицеры честно сражались на полях Великой Отечественной войны, как это должен был сделать любой русский человек.

Но точно таким же неоспоримым фактом является отказ революции от нашего девиза «За веру и верность!». Когда мы узнали о

праздники многих гвардейских частей являлись чисто мужским мероприятием. Так было и в Гвардейском объединении. Так до сих пор продолжается и в лейб-гвардии Казачьем полку. И что делать, если сегодня многие женщины-потомки гвардейских офицеров лучше ориентируются в теме, чем некоторые потомки-мужчины? Так, Мария Дмитриевна Иванова, урожденная графиня Татищева, фактически являлась одним из ответственных лиц по сохранению Преображенского музея во Франции и США, экспонаты которого совсем недавно переданы в Музей гвардии в Петербург. И при этом она раньше не имела права присутствовать на наших официальных мероприятиях! Не сразу, но удалось-таки убедить членов Объединения, что реформа назрела. И теперь наши дамы могут быть полноценными членами Общества. Не исключаю, что в скором времени нам придется пройти еще какой-то этап внутренней реконструкции, чтобы сохранить память и традиции. Время покажет.

О СОВЕТСКОЙ ГВАРДИИ И КРАСНОМ ЗНАМЕНИ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ПОЛКА

– Остро стоит вопрос о преемственности гвардии императорской и советской. Не представляю, что способно подвигнуть меня и моих товарищев на признание этой преемственности. «За веру и верность!» – это не пустые слова. Это суть явления, именуемого Русской императорской гвардией. Соответственно, все, что не разделило этот завет, не последовало ему и уже тем более – ему противостояло, не может

Родионов, А. В. Денисов, А. М. Фоминов, В. В. Калугин и Г. В. Рябцева.

Слева: А. С. Киселев, В. С. Чистяков, А. М. Соловьев, А. А. Денисов, В. В. Калугин, Г. В. Рябцев, В. В. Абакумов, Г. В. Киселев.

том, что в Петербурге при Эрмитаже будет открыт Музей гвардии (а не музей Императорской гвардии), многие задавались вопросом: не означает ли такое нейтральное название, что в скором времени в музее появятся залы, посвященные периоду советского времени? И таким образом не признаваемая нами преемственность окажется узаконенной в сознании живущих в России поколений. Очень тонкий вопрос, а для нас – так еще и чрезвычайно принципиальный.

Попытки связать историю царской, советской и современной российской армии знаковыми узлами делались и будут делаться. Обсуждался ведь вопрос о восстановлении Петровской бригады – Преображенского и Семеновского полков в составе нынешних Вооруженных сил. Мы относились к этой попытке одновременно с интересом и опасением. Вполне вероятно, что Преображенский полк сформировали бы из какой-то уже существующей части с уже имеющимися у нее регалиями. Кроме того, официальной символикой нынешней армии остается символика советского периода. И как бы выглядели преображенцы, выступающие под красными знаменами, увенчанными звездами, серпом и молотом? Объяснить, как известно, можно все, что угодно. Особенно если вспомнить, что сам Преображенский полк имел как раз знамя на красном фоне.

О СЕРПЕ, МОЛОТЕ И КРЕСТНОМ ЗНАМЕНИИ

– 3 ноября 2008 года в моей жизни случилось очень интересное событие. В Москве прошел Конгресс соотечественников. И вот меня выбрали из числа этих самых соотечественников возлагать венки вместе с президентом России Медведевым. Я даже спал неважко, все думал, что мне делать, если возложение пройдет в Александровском саду, у Могилы Неизвестного солдата. Память об этом солдате священна, это для меня очевидно. Но сам монумент – весь в советской символике. Я не мог себе представить, как стану возлагать венок «серпу и молоту». И для себя решил – если уж так, то в момент возложения благословлю памятник крестным знамением. К счастью, власти России предусмотрели этот момент. Возложение состоялось у памятника Минину и князю Пожарскому. Я, к слову, не знал, что 4 ноября – праздник в память воссоединения России под руководством Минина и Пожарского. И, стало быть, забытого историей князя Дмитрия Трубецкого.

Сразу после возложения президент повернулся к нам, и, так уж случилось, мы оказались друг напротив друга. Дмитрий Анатольевич обратился ко всем, но смотрел на меня: «Как важно соблюдать традиции». Я ответил, что наши отцы только этим и жили за пределами родины. Президент откликнулся: «Да мы знаем, нам есть что у вас перенять».

Что ж, это важные слова. Особенно если учесть, что собственные наши силы весьма и весьма ограничены и для масштабной деятельности явно малы. Нас всего-то чуть более ста человек на весь мир.

О РУССКОМ ДВОРЯНСТВЕ И ФРАНЦУЗСКОЙ АРИСТОКРАТИИ

– Исторически сложилось так, что там, где была монархия, возникало и дворянство, как часть общества, обязанная служить. Но ошибка думать, будто только дворяне были способны приносить стране и государю какую-то особенную пользу. Вспомним, Ломоносов, Менделеев, Чехов к дворянскому

нравится. Мелочи, скажете? Вовсе нет. Это и есть русская история, русские традиции и обычай. Сейчас удивляешься, насколько мало их знают в России. Понимаю, не вина это, а беда. Слишком много потеряно. С другой стороны, я помню свои внутренние ощущения в дни первого приезда в Россию, тогда еще СССР, в 1969 году. Я чувствовал, что вернулся во что-то удивительно родное. И этому чувству не мешало, что окружавшие люди, слыша фамилию, смотрели с опасением и настороженностью. Любопытство

стали проявлять позже, в 70-х. Как-то даже спросили: «Вы что, из графьев?» А вот когда началась перестройка, уже не стеснялись. Подходили и объясняли, что они тоже не лыком шиты, что во время репрессий бабушка поменяла фамилию...

Сейчас отношение спокойно-уважительное. К фамилии, которую я имею честь носить. Люди постепенно разбираются в прошлом. В любом случае надеюсь, Трубецкие в России уже никогда не станут экзотическим явлением. Как во время моих посещений в советское время. А вот что было.

Летел я на конгресс в Москву в конце 70-х годов. Рядом со мной в самолете кресло занял человек по фамилии де Гольль. Родственник великого французского президента. Мы разговорились, и он посетовал, что собирался в спешке и не успел заказать номер в гостинице. У меня аналогичная ситуация. И я обещался ему помочь. Прилетели в Шереметьево, зашли в представительство «Интуриста». Я и говорю девушке, что мы, де Гольль и Трубецкой, просим помочь с размещением. Она покраснела, онемела и – за трубку телефона. Звонит куда-то, видимо начальству, и сообщает, что перед ней два иностранца – де Гольль и Трубецкой... На том конце провода ей сдержанно объяснили, что им не до шуток и куда ей надо идти.

сословию не принадлежали. В то же время среди дворян встречалось достаточно несимпатичных личностей. Мой отец в процессе воспитания повторял, что мы носим дворянскую фамилию потому, что наши предки заслужили эту честь, но каждое поколение рода должно доказывать право на эту честь. Дворянин – это прежде всего моральная и историческая ответственность.

Я как-то сделал выписку из цитаты знаменитого министра Сперанского о Трубецких. Повторю по памяти. Род Трубецких служил власти, но спину никогда не гнул. Ну и что, разве такое поведение сугубо дворянская привилегия? Мне кажется, это можно сказать о любом человеке, который честно исполняет свой долг. Независимо от того, дворянин он или нет.

Судьба распорядилась таким образом, что я родился во Франции, где вырос, получил образование, женился и воспитываю детей. Отец говорил мне, что Франция – это моя родина, но Россия – отчество.

В России род Трубецких известен. А во Франции я – обычный гражданин. Никакого отношения наша семья к французской аристократии не имеет. И что же? Мне нужно как-то по-разному проявлять себя в России и во Франции?

Вопросы рода и крови вообще крайне запутанны. Если покопаться в нашей родословной, там можно найти следы Чингисхана, Александра Невского, Юрия Долгорукого и великого князя литовского Гедимина. А еще был граф Шереметев, который женился на крепостной... И это был не единственный случай в лучших российских аристократических фамилиях.

ЧТО НРАВИТСЯ И НЕ НРАВИТСЯ В СЕГОДНЯШНЕЙ РОССИИ

– На уже упомянутом Конгрессе соотечественников меня пригласили в президиум. Сижу, читаю списки участников. Среди них фамилия протоиерея Солдатенкова (из Франции). Но то, что он протоиерей, не написано. Зато рядом с фамилией имя – Николай – и отчество. А в пригласительном билете, предназначавшемся великому князю Дмитрию Р. Романову, прочитал: «Господину Романову». Вот это – не

КАКИЕ СЛОВА ЯВЛЯЮТСЯ САМЫМИ ГЛАВНЫМИ В ЖИЗНИ

– Уважение и достоинство. Вера и верность.❶

ЗВЕЗДА ДВУХМЕТРОВОГО РОСТА

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ, РИГА

Вот уже более 40 лет она живет в Риге и бесспорно остается самой заметной женщиной столицы Латвии. К черту ложную скромность! Ульяна СЕМЕНОВА – самая яркая звезда и живая легенда Латвии. Трехкратная чемпионка мира и выдающаяся баскетболистка входит в десятку самых высоких женщин мира. Такие, как она, рождаются раз в сто лет. Именно это и произошло в семье староверов Натальи и Иллариона Семеновых 9 марта 1952 года, когда у них родился пятый ребенок – девочка с абсолютно обычными параметрами: вес – 3600, рост – 52 см.

Будущая чемпионка появилась на свет в литовском городе Зарасай, поскольку сюда на лошади было ближе добираться до больницы, чем до ближайшего латвийского города – Даугавпилса. Спустя годы литовцы на этом основании не раз пытались оспорить «достоинство» Латвии, но ничего не вышло. Все детство девочка провела на хуторе. До 6 лет она ничем не отличалась от своих деревенских сверстниц. Жили они, как и все, – в постоянном безденежье, отец работал в колхозе, причем был мастером на все руки. Дети собирали в лесу ягоды и орехи, потом продавали их на базарчике. За хлебом

бегали километров за пять до центра, почти столько же до школы. Стремительно расти она начала в первом классе. Этому феномену до сих пор не найдено объяснения. Оба родителя Ульяны Семеновой были ниже среднего роста.

В 10 лет она на голову обогнала всех своих братьев, что не мешало им любить свою младшую сестренку и заботиться о ней. Дети росли очень дружными и работящими. Мама, Наталья Прокопьевна, рассказывала, что Уля с детства работала в доме больше всех. И воду издалека носила, и коров кормила, и огород полола, и свиней пасла. А когда в доме уже все ложились спать, делала уроки.

К 13 годам ее рост подходил к 1 м 90 см. Существует легенда, что в Риге прослышили о деревенской девочке, которая забрасывает тяжеленные охапки сена выше взрослых мужиков. По другой версии, муж ее старшей сестры послал заявку в столицу на участие своей родственницы в конкурсе на самую высокую девушку. Так или иначе, но на хутор к 13-летней школьнице зачастали спортивные вербовщики из Риги. Это было в 1965 году. Раз пять, наверное, приезжали, уговаривали родителей отпустить с ними дочку, обещали

были подкованы как надо. Правда, однажды в Бразилии случился казус. Это было в 1971 году на чемпионате мира по баскетболу среди женщин. Переводчиком испанского языка в баскетбольной сборной СССР тогда работал Игорь Иванов. Да-да – не удивляйтесь, он потом стал министром иностранных дел России! В то время он был молодым и симпатичным, с пышной шевелюрой. Я стеснялась общаться с журналистами и немного нервничала, он меня успокаивал: «Уля, да не волнуйся ты так! Я все про тебя знаю и отвечу за тебя как надо...» И что вы думаете? После одного из таких интервью меня срочно приглашают в советское консульство в Сан-Паулу, трясут передо мной бразильской газетой и гневно так спрашивают: «Да как же ты могла такое вчера сказать?...» А я только помню, что говорила об очень вкусной национальной кухне и ничего крамольного! Оказалось, в газете расписали, что я в восторге от шеф-повара гостиницы и решила его забрать с собой в Советский Союз, чтобы он мне там готовил. Но у него, мол, здесь большая семья, он еще думает над моим предложением... Так я до сих пор и не знаю, или это Игорь Иванов так вольно перевел мои слова, или, что вероятнее, местные журналисты нафантазировали...»

светлое будущее и райскую жизнь. Но Ульяна никого не хотела слушать, отчаянно плакала и умоляла маму не отдавать ее незнакомым дядям. Она еще никогда никуда не уезжала из родного дома и страшно всего боялась.

«Помню, мой брат Сеня мне тогда говорил, – вспоминает Ульяна, – сестричка, ну посмотри на свои руки, какие они у тебя черные и некрасивые. А будешь городская, сделаешь себе маникюру!.. А я и не знала тогда, что это за «маникюра» такая...»

Общими усилиями ее все-таки уговорили. И тренер увез Ульяну в Ригу. Всю дорогу она проплакала, не зная и не понимая, что впереди ее ждут золотые олимпийские медали, оглушительные спортивные достижения и фантастическая известность.

ПОД ЗВОН МЕДАЛЕЙ

О блестательной спортивной карьере, которую сделала никому не известная девчонка из Латвии, Ульяна Семенова подробно рассказала в своей автобиографической книге «Когда я была счастлива», изданной на латышском языке. Хотела бы сейчас ее дополнить и перевести на русский язык. Да вот не знает, найдется ли заинтересованный издатель. Во многих странах бывшего СССР до сих пор ее часто и с теплом вспоминают, по праву считая достоянием не только Латвии, но и той, уже бывшей страны, которую она 20 лет представляла на чемпионатах мира по баскетболу.

В 15 лет она стала чемпионкой Европы среди юниоров, в 16 – среди женщин. Конечно, ее сразу взяли в женскую сборную команду СССР по баскетболу. Так и играла – полгода за свой родной клуб «ТТТ», полгода – за Союз. В мире о ней впервые заговорили после Италии, где она привела практически в шоковое состояние команду противника, беспрерывно забивая левой рукой мяч за мячом. И равных на европейских баскетбольных площадках ей тогда практически не было. Ульяна стала знаменитой, на всех играх ее место по традиции было под кольцом, в так называемой 3-секундной зоне, где она совершала чудеса.

«В советские времена нельзя было говорить, что у нас есть профессиональный спорт, – рассказывает олимпийская чемпионка, – и я должна была врать западным журналистам, что работаю тренером, очень хорошо зарабатываю, а в свободное время люблю покидать мяч на площадке. Перед каждой поездкой за границу меня тщательно инструктировали, что можно говорить, а что – ни-ни. Но, собственно, за меня-то в основном говорили переводчики, а уж они

БРЕМЯ СЛАВЫ

Вообще, с прессой у спортсменки не всегда складывались хорошие отношения. Во Франции, например, один из писак ее рассердил не на шутку. Каким-то образом он разузнал, что хозяйка гостиницы, где жила советская баскетболистка, предложила ей спать, сдвинув две кровати вместе, поскольку одной было явно маловато. И он красочно расписал этот достаточно интимный факт в своем репортаже чуть ли не на всю страницу. И потом его фотокамеру она чувствовала за собой везде – на улице, в ресторане, в магазине. Это было слишком навязчиво, и ей стоило большого труда, чтобы не сорваться и не тряхнуть хорошенъко его за шиворот.

А в Колумбии, например, она вообще не могла передвигаться по городу без помощи полицейского. Они разгоняли толпу зевак и болельщиков около гостиницы, где она жила со своей командой. На полицейской патрульной машине с сиреной русских девушек-спортсменок возили даже на шопинг в торговый центр. Там

полиция перекрывала все двери и никого не впускала, чтобы те могли спокойно сделать покупки.

В американском баскетбольном Зале славы в Спрингфилде Ульяне Семеновой посвящен специальный стенд. Она была первой женщиной из Европы, удостоенной в 1993 году этой чести. Здесь висят множество спортивных фотографий прославленной баскетболистки, выставлены ее кроссовки и футболка с ее фамилией. На открытии стендла она выступила с небольшой речью. В зале сидели четыре тысячи гостей, приехавших со всех концов Америки. «I Love this Game!» – произнесла спортсменка и вызвала просто бурю оваций...

ДЕНЬ НЫНЕШНИЙ

Из спорта она ушла в 1990 году, получив все призы мирового баскетбола. И в скромном времени возглавила Латвийский олимпийский социальный фонд, которым руководит бессменно уже 17 лет. У нее 157 подопечных, бывших спортсменов, для которых Ульяна Семенова уже много лет практически единственный свет в окошке. Эти уже глубоко пожилые люди ласково зовут ее «мамочкой», когда она приезжа-

ет к ним с собранной по миру спонсорской помощью, лекарствами или подарками к праздникам.

Мало кто знает, что настоящее имя легендарной двукратной олимпийской чемпионки по баскетболу Ульяны Семеновой – Иулиака. Вот как она сама рассказывает об этом:

«У староверов имена детям всегда дают по календарю. Меня должны были назвать Иулианой, но при регистрации мой папа не заметил, что в свидетельстве о рождении по ошибке написали: Иулиака. Так и осталось в паспорте, хотя меня всю жизнь все звали Ульяной. В 16 лет я хотела исправить ошибку, но подружки по спорту меня отговорили, сказали: «Ульян много, а Иулиака ты будешь одна во всем мире. Красиво!» Я и согласилась...»

«Четыре года назад умерла моя мама, с которой мы вместе жили последние двадцать лет в этой квартире. Вы не представляете, как мне без нее в доме стало тоскливо... Каждый день молюсь за упокой ее души, зажигаю свечи по памятным дням, как моя мамочка хотела. Я обещала ей. Она до последнего дня все что-то делала по дому, картошечку старалась почистить к моему приходу. А я, бывало, рассержуясь на нее – зачем, тяжело ведь, я и сама могу все сделать! Теперь так больно на душе, зачем ругалась? Ей же это было в радость...» – вспоминает Ульяна Семенова.

Личная жизнь у Ульяны не сложилась, хотя, говорит, романы были, и довольно бурные. Сейчас всю свою любовь она посвящает дочке своей племянницы, которую зовет любимой внучкой. Маленькая Калерия тоже обожает свою бабушку и частенько гостит у нее в трехкомнатной рижской квартире.

В прошлом году Ульяну приняли в Зал славы Международной федерации баскетбола (ФИБА) в Мадриде. А до этого была еще одна очень почетная награда:

«Этот российский орден Дружбы мне вручили в Санкт-Петербурге за вклад в историю спорта. На удостоверении стоит подпись Владимира Путина. Награду я получила из рук вице-президента Федерации баскетбола России, зампредседателя российского правительства Сергея Иванова. Вот полюбуйтесь, какой орден красивый! Храню его вместе с остальными спортивными наградами. Сколько их тут? Ой, сосчитать так и не собралась! А зачем?» – удивляется она. В Латвии при поддержке одного из местных банков недавно был издан уникальный календарь, для которого 12 латвийских девушек-баскетболисток снялись в обнаженном виде. Средства от продажи этого календаря пошли на поддержку ветеранов латвийского баскетбола, а также для лечения и реабилитации самой Ульяны. Президент банка на презента-

Ульяна Семенова с внучкой Калерией и тем самым памятным календарем с автографами всех 12 латвийских моделей-баскетболисток

ции календаря вручил каждой девушке по огромному букету цветов, 13-й букет был подарен 13-му игроку, как ее тогда называли.

«Я чуть не расплакалась! – Ульяна улыбается своей застенчивой и очень широкой улыбкой. – Поблагодарила всех девушек, принявших участие в акции, все-таки не каждая решилась бы на такое... Могла бы и я сфотографироваться в таком откровенном виде? Для благого дела – почему бы и нет? В их годы я тоже была очень даже фигуристая, стройная, меня девчонки в сборной Союза так и звали – наша балерина. Был бы подходящий партнер для занятий балетом! **(Смеется.)** В советские времена нельзя было сниматься обнаженной, тем более спортсменке, а если бы мне предложили, я бы подумала... И согласилась бы!»

Два года назад Ульяна перенесла непростую операцию, ей поставили эндопротез тазобедренного сустава. В прошлом году ей сделали операцию на второй ноге.

«Чувствую себя сейчас, можно сказать, нормально, хотя и хожу еще с тросточкой. Но ведь до этого я спать не могла от болей, по 8–10 обезболивающих таблеток пила – не помогало! Это большая удача, что я попала в ювелирные руки прекрасного и смелого нашего хирурга Петериса Студерса, ведь не каждый решился бы взять меня на операцию. Я же не стандартный человек, эндопротез мне пришлось заказывать в Швейцарии по рентгеновским снимкам, типовые-то мне не годились. На все это ушло более года. Доктор Студерс все подготовил тщательным образом – меня же так просто не переложишь с каталки на операционный стол. Он организовал специальную бригаду из 12 человек, они меня как пушинку переносили с места на место. Я им всем очень благодарна! Пришлось ведь и операционный стол для меня увеличивать, и в палате кровать поставить, сваренную из двух коеок, чтобы мне было удобно лежать. Нет, они ее не разбирают, я им сказала, потом в музей отдайте! Шучу, на самом деле мне ведь надо к следующей операции готовиться – делать эндопротез левого колена, а потом и левого тазобедренного сустава. Но сейчас я уже хоть спать могу нормально. Это такая радость!»

Конечно, это сказываются все ее спортивные травмы и нагрузки. Падать-то на баскетбольной площадке приходилось много. Но Ульяна заверяет, что нисколечко ни о чем не жалеет: спорт был лучшей частью ее жизни... В ее шкафу висят потрясающие наряды. Конечно, одежда и обувь всегда были для нее определенной проблемой. Тем не менее Ульяна не раз блистала на банкетах и балах в вишневом, из японского панбархата элегантном платье, черных туфлях или строгих костюмах. Все модели обычно придумывала сама, черная

идеи из западных журналов мод. Ткани привозила из-за границы, а в Риге вместе со своей портнихой они и создавали эксклюзивные модели – специально для Ульяны.

УЛЬЯНА СЕМЕНОВА О СВОЕЙ ЖИЗНИ БЕЗ ДИЕТЫ И КАБЛУКОВ:

– Летом провела две недели в отпуске с внучечкой на своей даче на реке Гауя. Хорошо, хоть ремонт там успела сделать, а вот в квартире мне это уже не осилить. Я женщина одинокая, помощника у меня нет, надеюсь только на себя. Романы все в прошлом, сейчас главное – здоровье... На диете не сижу, но слежу за своим весом. Это не так трудно, ведь я сладкое не ем вообще. Помню, в сборной наши девчонки тряслись при виде пирожных и мороженого, а я – мимо! Спокойно. По мне лучше огурчики поесть, селедочку, оливки... Но вот без мяса никак не могу, у нас в семье все мясоедами были.

Супы люблю разные, сама варю себе борщ, щи, уху. Но на первом месте – солянка, я ее всегда заказываю, когда обедаю в кафе. Была в китайском ресторане – не понравилось, не мое это. Из японского вообще голодная вышла, как они там едят рис и суши – не представляю! Зато в Германии очень понравилась зажаренная целиком свинья ножка, мы ее часа два ели, а она все не кончалась, и вкусно так! В Италии делают изумительную лазанью, здесь ее совсем не так готовят. В Америке в «Макдоналдс» даже не зашла – по мне так лучше дома съесть натуральный кусок мяса, чем фастфудом питаться.

По магазинам особенно не хожу, разве что в продуктовый или хозяйственный меня подвезут на машине. Одежду мне искать в магазинах бессмысленно, на таких нестандартных женщин у них ничего нет. Платья я не ношу, предпочитаю брючные костюмы. Каблуки тоже никогда в жизни не носила и уже вряд ли буду. Украшениями не увлекаюсь, сережки, броши, браслеты вообще не ношу, только цепочки и кольца.

Все тоже, конечно, на заказ делаю. Что еще люблю? Духи! Это еще с юности осталось, когда я из заграничных поездок старалась себе хоть туалетную воду привезти. Меня девчонки по запаху узнавали: «О, Уля уже здесь!..» Когда-то нравились Kenzo, сейчас предпочитаю Versace, легкий приятный запах.

МАГИЯ КАРНАВАЛА МИХАИЛА БАХТИНА

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ, САРАНСК

О том, что Михаил БАХТИН отбывал ссылку в городе, где я живу, мне с завидным постоянством напоминают московские знакомые. В ответ я обычно замечаю: можно подумать, я не знаю, что великий русский мыслитель и литературовед, исследователь творчества Рабле и Достоевского 25 лет жил и работал в Саранске.

Тогда мне объясняют разницу между ссылкой и жизнью. Сказать, что я знаю эту разницу, было бы несправедливо, но я имел возможность наблюдать ее результат на примере одного преподавателя филологического факультета института, в котором учился. Он скромно ходил вдоль стеночки, не целовался с коллегами, как это было заведено, при встрече, спина его была испачкана мелом, но никто ему об этом не говорил. Вся же вина Сергея Ивановича Морозова заключалась в том, что он любил рассказывать о своей единственной встрече с Анной Ахматовой и своей вере в Бога. А сослан он был в наш город преподавать только студентам-заочникам, которые по большей части являлись жителями отдаленных районов. Если Сергей Иванович слышал умилительные воспоминания о Михаиле Михайловиче Бахтине, который преподавал в том же институте, то громко стучал палкой в пол и называл своих коллег нехорошими словами. «Опять Морозов карнавал вокруг Бахтина устроил!» – сошумкались в таком случае присутствующие и расходились. Бахтин – неудобное это было имя...

То, что Бахтин жил и творил в Саранске, я, как и все остальные студенты, много раз слышал от преподавателей филфака, которые были его учениками, ходили к нему в гости и даже клялись, что из аудиторий еще не выветрился дым его сигарет. Бахтину единственному была предоставлена привилегия курить во время лекций. А пепел сигарет стряхивать прямо на пол. Иногда пепел покрывал его одежду, и казалось, что она припорошена снегом. Когда он отворачивался, над ним хихикали.

Жил Бахтин на втором этаже элитного дома, от которого до местного обкома партии было рукой подать. В подъезд Бахтина я не раз бегал к однокурснице за конспектами пропущенных лекций. Ее пapa был лектором в обкоме партии. Конспект я переписывал на маленькой кухне в квартире ее родителей. Такие же маленькие кухни были и за стеной у моих соседей, работавших на заводах. По сравнению с ними Бахтин жил барином...

Однокурсница любила Ахматову, подсмеивалась над Морозовым, дружила с преподавательницей филфака, которая считалась любимой ученицей Бахтина. В свое время она была его аспиранткой и написала под его руководством кандидатскую работу о творчестве немецкого писателя Вильанд (Христоф Мартин Вильанд, 1733–1813, видный поэт и идеолог немецкого рококо, издатель первого немецкого журнала литературы и искусства «Германский Меркурий», дружил с Гете. – **Прим. ред.**). Бахтин тогда заведовал кафедрой русской и зарубежной литературы Мордовского государственного университета.

Я часто ходил вместе с однокурсницей в гости к той самой преподавательнице – любимой ученице Бахтина. Она редко, но очень подробно рассказывала о Бахтине, его жизни, своих впечатлениях о нем. «Бахтин – это ум!» – повторяла она. Это был единственный человек в городе, а может, и в мире, который действительно много знал о Бахтине, и если до нее не добрались исследователи жизни этого великого мыслителя XX века, то только потому, что она отказывалась от встреч. Дама была красива, элегантна, и я не знаю, в кого

я был тогда больше влюблен: в нее или в однокурсницу. Или в атмосферу вечеров, когда речь шла о литературе Средних веков и эпохи Ренессанса. С тех пор прошло почти 20 лет. Морозов умер, однокурсница теперь живет среди памятников Средневековья и Ренессанса в Европе с богатым мужем, я иногда бываю у той преподавательницы и стараюсь не напоминать о Бахтине. Теперь об этом опасном мыслителе я знаю больше.

Оказывается, у Бахтина в Саранске была не только любимая ученица, но и любимый ученик. Юрий Федосеевич буквально дневал и ночевал в квартире Бахтина, который явно выделял его из всех остальных. Женат этот молодой человек был на дочери соседки Бахтина по лестничной площадке и потому часто заходил в гости к великому мыслителю. Испытывал смущение он только тогда, когда у Бахтина заходила речь о Виланде. А все потому, что в аспирантку, которая писала диссертацию, Юрий Федосеевич был влюблена. Короче, это была драма. Но только для него. Аспирантка была замужем, а Бахтин наблюдал за развитием этого сюжета холодно и спокойно. У него на столе лежали страницы будущего труда «Франсуа Рабле», в котором, кстати, фрейдизму, впервые в советском литературоведении, уделялось много внимания. В основу книги легла научная работа о Рабле, за которую после долгих споров и обвинений в космополитизме, в пропаганде разврата и западных ценностей Бахтину все же присвоили кандидатскую степень... После отъезда Бахтина из Саранска в Москву Юрий Федосеевич запил, потерял работу в университете, даже из пригородной школы был уволен. Говорили, что погубила его любовь...

Я набрался смелости и спросил ту самую преподавательницу. «О, нет, – ответила она с грустной улыбкой, – это – Бахтин». И пояснила. Тогда ее спасла семья, дочери, жизнь, молодость, недооценка общения с великим мыслителем, а те, кто стал догадываться о ценности присутствия такого человека в провинциальном захолустье, кто стал сравнивать себя с ним, кто слишком приблизился,

работа Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (завершена в 1940 году, опубликована в 1965-м). По Бахтину, литература имеет корни в «народных праздниках» – карнавалах и мистериях древности.

Работы Бахтина, посвященные исследованию западной литературной традиции, остаются революционными до сих пор и, по сути, открывают новый мир – мир мифоритуальной традиции, которую Бахтин увидел в карнавале и связал с народной смеховой культурой. Он реа-

Михаил
Михайлович
Бахтин

были обожжены священным огнем и заболели Бахтиным. Уж если он повлиял на ход философской мысли всего XX века, то что могло случиться с головами бедных провинциалов, которые окружали его в те годы в Саранске? Без общения с Бахтиным жизнь кончилась для Юрия Федосеевича.

Работы Бахтина в области философии и филологии ныне считаются классическими. В книге «Проблемы творчества Достоевского» вводится представление о «полифонизме» текста. При таком типе повествования слова героев звучат как будто из разных независимых источников – так игра разных инструментов в ансамбле образует полифонию. В противовес «монологическому» слову большинства писателей проза Достоевского «диалогична».

Переворот в теории литературы вызвала

Видел я это здание бывшей городской тюрьмы и даже поднимался по высоким ступеням в кабинет начальника коммунального хозяйства, которое там расположено сейчас. И каждый раз, ставя ногу на очередную узкую и высокую кривую ступеньку покосившейся лестницы, я вспоминал почему-то арестантов с бубновым тузом на спине, представлена ахома была частой причиной слепоты. – **Прим. ред.**), и кругом бродили безглазые люди... Средневековье какое-то... Бахтин бы сказал, наверное: «Карнавал!»

В таких условиях он писал труд о Рабле. Позже, когда появились его публикации за границей, Бахтина стали мучить просьбами дать в долг не только соседи по дому, или коллеги по кафедре, или студенты, но и вовсе не знакомые ему люди. Он не отказывал никому.

билитировал «мрачное» Средневековье. В противовес сложившимся представлениям в эпоху феодализма народная жизнь бурлила, была полнокровной и яркой: «Особо важное значение имела отмена во время карнавала всех иерархических отношений. На официальных праздниках иерархические различия подчеркнуто демонстрировались; на них полагалось являться во всех регалиях своего звания, чина, заслуг и занимать место, соответствующее своему рангу. Праздник освящал неравенство. В противоположность этому на карнавале все считались равными».

{ Переворот в теории литературы вызвала работа Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса». По Бахтину, литература имеет корни в «народных праздниках» – карнавалах и мистериях древности. }

Бахтина называют загадкой. А те, кто берется ее разгадать и не может дать ответ, должны, как известно, умереть. Как в мифе о Сфинксе. Или сойти с ума, на худой конец, как в «Принцессе Турандот». Так случилось с местным саранским скульптором, который взялся создать памятник Бахтину и начал работу над ним с чтения трудов философа. В итоге готовый памятник вызвал шок у местной интеллигенции. Все вспоминают великого мыслителя бредущим по городу с костылем под мышкой на одной ноге... А тут он стоял... на двух ногах. «Карнавал!» – сказал бы, наверное, по этому поводу сам Бахтин.

Нашлись среди старожилов города люди, которые объявили его своим фронтовым товарищем, а потерю ноги – раной, полученной во время диверсионного задания в тылу у немцев. И это, поверьте, была еще не самая дикая выдумка насчет этого человека. Но для жителей Саранска послевоенных лет, когда много было вокруг инвалидов, она более простительна, нежели корыстное желание скульптора быстрее заработать на известном имени.

В 1945 году, когда Бахтин приехал в Саранск, ему сначала дали комнату в здании бывшей саранской тюрьмы. Там селись преподавателей местного университета. А в том элитном доме квартиру ему выделили уже потом, за 16 лет до его отъезда из Саранска в Москву.

Пришлось мне как-то общаться с человеком, которому Бахтин дал денег в долг на легковой автомобиль. Проситель работал проректором в университете по хозяйственной части и, когда во время очередной борьбы с привилегиями списывали машины, решил приобрести одну из университетских «Волг». Деньги ему великий мыслитель и литературовед вынес из кухни в банке из-под чая. «Даже с женой не посоветовался!» – смеясь, рассказывал 94-летний Кузьма Федорович Бурмистров. После Бахтин предложил выпить по бокалу красного вина и отказался брать расписку. Было это уже в новой квартире философа. Она Кузьме Федоровичу не понравилась голыми стенами, лампочками без абажуров и книгами, которых было много, очень много. «Он про Достоевского писал, но я не читал... я как с должности ушел, нутрий стал разводить на шапки», – говорил Кузьма Федорович. Видел я эти шапки на кафедре русской и зарубежной литературы. Их «надевали» на по-

ставленные ребром словари, чтобы не свалялся на краях дорогой мех. Так же поступали со своими шикарными головными уборами студентки в библиотеке. Служили «подставками» для шапок и книги Бахтина, которые, увы, не пользовались у студентов особым спросом. Когда я служил в армии, то мы под свои армейские шапки с кокардами подставляли томики Общевоинских уставов. Офицеры нам за такое неуважение наряды вне очереди давали. Мы на командиров обижались. Но университет – не казарма, тем более тот, в стенах которого преподавал когда-то великий гуманист. Хотя я тогда на эти книги под шапками никак не реагировал. Понимал. А вот теперь – не понимаю. Офицеры-то, похоже, правы были... Уставы кровью писаны. А труды Бахтина?

В 1937 году в Саранске расстреляли ректора педагогического института Антонова, который пригласил Бахтина на работу в город. Это был первый приезд ученого в Саранск по окончании ссылки в Кустанай, которой из-за болезни был заменен его пятилетний срок заключения по обвинению в контрреволюционной деятельности и за участие в антисоветской организации «Воскресение». Интересно, что за такую замену хлопотал в числе прочих и советский граф Алексей Толстой. В пединституте Бахтин невольно оказался в круговороте событий: ректора критикуют за приглашение на работу человека после пятилетней ссылки. И хотя в 1957 году Антонова посмертно реабилитируют, преподавателям и студентам не рекомендовано тесно общаться с мыслителем, который после войны снова вернулся в Саранск и оказался в тюрьме, как в прямом, так и в переносном смысле.

Ради справедливости надо сказать, что моя знакомая из дома Бахтина свою шапку на его труды в библиотеке не водружила. Зато она рассказывала о новом жильце бахтинской квартиры. Серый и тихий человек был еще недавно первым секретарем обкома, но после смещения с поста и развода с женой оказался в этой квартире, которую ему выделил город. Руководил городом на тот момент его политический противник, который в свое время немало недель просидел в приемной у первого секретаря и однажды поклялся ему жестоко отомстить, поставив в такое же положение. Поэтому и оказался бывший «первый» в бахтинской квартире неслучайно. Это была за-

глядка». Антонина Максимовна знает, что в городе на Бахтина оказывали моральное давление, видели в нем только врага народа. Бахтины боялись каждого очередного перевода денег из-за границы. Жена Бахтина Елена Александровна прижимала сжатые кулаки к груди и говорила: «Только не из-за границы. Только не из-за границы». Им поступали деньги за произведения, которые

падня. Мэр начал кампанию по созданию в этой квартире музея Бахтина и привел свое проклятие в исполнение. Днями бывший хозяин региона сидел в приемной, и полгорода ходило смотреть на этот карнавал. Потом жилец бахтинской квартиры умер, труп пять дней пролежал в комнате... В квартиру эту боялись после селиться. Тогда «Мастер и Маргарита» был очень популярным романом, и моя знакомая часто говорила: «Как у Булгакова! Дьявольская квартира!» Слышал я разговоры о дьявольской квартире Бахтина и от других людей: чиновников и хозяйственников. Сейчас на фасаде этого дома вывески Сберегательного банка, обувного и охотничьего магазинов. Я редко прохожу мимо этого дома с памятной доской Бахтину. Мне не нравятся встречи со старыми знакомыми, расспросы.

Пять лет назад мне все же пришлось подняться по знакомой лестнице. К этому времени дотошные бахтиноведы добрались и до моей любимой преподавательницы по зарубежной литературе, и она сдалась под их напором. Белых пятен в биографии Бахтина, видимо, не осталось. Кроме сомнительной легенды о его последней квартире в Саранске. Я согласился на это расследование без желания и до сих пор жалею о нем. Не очень-то приятно слушать рассказ о тягостных днях мыслителя и философа. Антонина Максимовна Шепелева прожила рядом с ним 15 лет на одной лестничной площадке. Она не считала общение с Бахтиным главным событием своей жизни, говорила о нем просто, а по поводу истории с памятником сказала: «Он бы издевательски посмеялся и выразил бы свое негодование. Так его здесь унижали и третировали, что он сбежал отсюда без

выходили за рубежом, но Елена Александровна прилагала усилия, чтобы получать гонорары только советскими деньгами. Бахтин из квартиры без повода старался не выходить. Ему было тяжело передвигаться на костылях. Возвращался Михаил Михайлович мокрый от пота, усталый... Никто его не сопровождал, не провожал. Да он и сам не хотел, чтобы его кто-то поддерживал под руку.

«Нет, дорогие мои, это была не гордость, это было больше, чем осторожность. Это был самый настоящий физиологический страх животного. Бахтин с супругой производили впечатление очень сильно напуганных людей... Старались громко не вздохнуть, лишь бы не привлечь лишнего внимания», – рассказывала Шепелева. По этой причине Бахтины никому ни в какой просьбе не отказывали, лишь бы никто не составил о них пусты мимолетного, но дурного мнения. Их несчастным положением пользовались в корыстных целях: брали взаймы у них маленькие и большие суммы денег. Чаще большие, конечно. Был с такими просителями случай. Супруга Бахтина прибегает к Шепелевой на кухню и кричит: «Посмотри в окно! Видишь, мужчина пошел? Кто это? Он сей-

час у Михаила Михайловича взял большую сумму взаймы, а кто он такой, мы и не знаем!» Супруга Бахтина выбирала самые дешевые продукты на рынке, выгадывала каждую копейку. В последнее время перед отъездом из Саранска в Москву они так бедно жили, что сама Елена Александровна ела одну картофелину в день. Так получилось, что Шепелева стала для Бахтиных нянькой. День для них заканчивался примерно в десять вечера. По ночам Бахтин не работал. Они ложились в постель, а соседка запирала дверь с внешней стороны и уходила в свою квартиру вместе с ключом. Они сами просили закрывать их с внешней стороны, чтобы никто не мог их побеспокоить. Если бы даже кто-то пришел, они бы не открыли дверь. Они вообще по собственной воле не хотели никого видеть. Телефона у них в квартире не было, они сами отказались от него. В семь часов утра соседка приходила к ним открыть дверь. За уход они не платили. Но в благодарность Бахтин многие страницы кандидатской диссертации написал за зятя своей соседки. Им был тот самый Юрий Федосеевич.

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ БАХТИН
родился 17 (5) ноября 1895 года в Орле. Отец будущего великого ученого был банковским служащим. Гимназию Михаил Бахтин окончил в Одессе, здесь же поступил в университет. В 1916 году Бахтин переводится в Петроградский университет на историко-филологический факультет. Болезненный худенький юноша (Бахтин страдал хроническим остеомиелитом) со страстным увлечением занимается древними и новыми языками, углубленно изучает общее языкознание, литературоведение, философию, историю мировой культуры. В 1918 году Бахтин по окончании университета уезжает работать в городок Невель (ныне в Псковской области). Здесь в местном альманахе

«День поэзии» (1919) вышла первая работа молодого ученого, «Искусство и ответственность». Осенью 1924 года Михаил Бахтин вместе с женой Еленой Александровной переезжает в Ленинград. В год «великого перелома» Бахтина арестовали по обвинению в подготовке политического заговора против государства. Ссылка на Соловки вследствие тяжелой болезни была заменена «поездкой» в Кустанай. Книга о Ф.М. Достоевском вышла в свет тогда, когда автор находился под следствием. Ныне это всемирно известный научный труд «Проблемы поэтики Достоевского», который произвел научный переворот и взрыв. В 1940 году Михаил Бахтин завершил работу над трудом «Франсуа Рабле в истории реализма». В наши

дни это всемирно известное исследование носит принципиально другое название – «Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса». В сентябре 1945 года Бахтина утверждают в должности заведующего кафедрой всеобщей литературы Мордовского педагогического института имени А.И. Полежаева (ныне – Мордовский государственный университет). В 51 год он становится кандидатом филологических наук. Осенью 1969 года Бахтин выехал из Саранска на лечение в Москву. По выходе из больницы он оказался в доме для престарелых в городе Климовске. М.М. Бахтин скончался 7 марта 1975 года. Похоронен на Введенском кладбище в Москве, заложенном в 1771 году во время эпидемии чумы.

ждала, он сам дверь не открывал. Он запрещал помогать себе, не разрешал, все сам, сам».

Я был не первым, кто пришел к Шепелевой с расспросами о Бахтине. Приезжают незнакомые люди. Крутятся возле дверей квартиры Бахтина, потом звонят в соседнюю квартиру, к Шепелевой. На ее глазах они кланяются дверям, за которыми столько лет жил и страдал их кумир. Так

что того и гляди скоро начнется паломничество. Но никакой дьявольщины с квартирой она не помнит. А кто жил здесь после Бахтина, она сбилась со счета! Помнит только, что квартира после отъезда Бахтиных долго стояла пустой с их вещами. Они с собой ничего не взяли, даже одежду оставили. Елена Александровна вообще в халате поехала. Так поспешно бежали, как только поняли, что могут покинуть Саранск.

Дом у Бахтиных был запущенным. Никаких штор, никаких занавесок. Он носил обручальное кольцо, а она – нет. Антонина Максимовна помнит своеобразную улыбочку Бахтина, его желчные замечания. Не по поводу событий современной жизни, об этом он не говорил, ибо боялся. «Тормозной механизм у него работал и сбоев не давал, – авторитетно заметила Антонина Максимовна. – Между собой супруги, конечно, откровенничали. Друг от друга секретов никаких не было».

{ Работы Бахтина, посвященные исследованию западной литературной традиции, остаются революционными до сих пор и открывают новый мир – мир мифоритуальной традиции, которую Бахтин увидел в карнавале и связал с народной смеховой культурой. }

В квартиру к Бахтиным Антонина Максимовна заходила как в кочегарку. Дома валялось много пепельниц и огромное количество сигарет почему-то всегда в смятых пачках. Когда соседка выходила от них, то ее одежда была пропитана запахом табачного дыма. Супруг ругал ее за частые посещения соседей. Но та слушать увещеваний мужа не стала. Юрий Федосеевич, ее зять, тоже не прислушивался к словам тестя и продолжалходить к Бахтину. Но дружбы у них, по ее мнению, быть не могло. Бахтин к этому времени был уже в таком состоянии, что все чувства в нем умерли, сгорели, были уничтожены жестокой жизнью, которая ему досталась. Эта человеческая часть его существа умерла. Остался только интеллект и больная физическая оболочка, а также физиологический страх животного, у которого могут отнять даже эту жизнь. Философ сам признавался в этом своей сosedке. А доверял ей Бахтин только потому, что ее исключили из комсомола: Антонина Максимовна не сообщила своим товарищам о муже собственной сестры, который был объявлен врагом народа.

«Я с вами вот сейчас разговариваю, – прервала вдруг воспоминания Шепелева, – а сейчас как будто вижу его... Как он идет по лестнице... Ему надо подняться еще на одну площадку, а он задыхается от усталости и будто пытается собрать силы, чтобы подняться выше... Супруга его всегда

После Бахтиных заселился бывший партийный работник, чья супруга жаловалась соседке, что квартира очень запущенная и главное – никак не могут выветрить табачный запах. «А еще антиллигент!» – возмутилась она.

Антонина Максимовна уговорила нынешних хозяев бахтинской квартиры впустить нас. Мы вошли. Когда-то тут у порога стояла и моя преподавательница, которая писала работу по Виланду, а Бахтин, провожая ее, целовал ей руки... И кто был виноват в той драме с мужем дочери Антонины Максимовны? Любовь, Бахтин, карнавал?

В комнате, где раньше стоял стол Бахтина, бродил бульдог новых хозяев. Он залаял на нас, а потом улегся и стал грызть кости. Как все это похоже на карнавал: великий мыслитель с супругой голодали в этой комнате, а теперь здесь собака от скуки глохнет кости. Невольно на память пришла цитата из Бахтина: «Нет ничего абсолютно мертвого: у каждого смысла будет свой праздник возрождения».

НИЖЕГОРОДСКИЙ ЛЕГИОНЕР

ВАСИЛИЙ ЖУРАВЛЕВ

МАРСЕЛЬ-ОБАНЬ-ПАРИЖ-МОСКВА

Все французские кладбища
так же бездушны, как и
отложенная бюрократическая
машина Французской
Республики, – ни тебе деревца,
ни чахлого кустика. Все, кроме
одного, – русского некрополя
Сен-Женевьев-де-Буа, где
по нашей традиции есть и
деревья, и скамейки... Немногие
из посетителей обращают
внимание на скромную табличку
«ЗИНОВИЙ ПЕШКОВ, ЛЕГИОНЕР».

Б

езрукого генерала сегодня мало кто помнит. Россия отвернулась от него и отобрала единственную дочь, Франция отобрала руку, но наградила почетом и уважением. Теперь прожитая им жизнь – удел историков. Для советских он был отщепенцем, для истинно русских в Париже – выкрестом и выскочкой, а для французов – генералом и героем, но все же чужим. Иностранным. Легионером.

Разобраться в хитросплетениях жизни этого человека не просто: вся его жизнь похожа на метания перепуганного зайца под ружьями охотников... но только до того момента, как он стал полноправным членом мужского братства – Французского Иностранных легионов...

...Граверных дел мастер Свердлов оторвался от инструментов, близоруко прищурился и признал в высоком господине, заглянувшем в его лавочку на Нижегородской ярмарке, ссыльного писателя Пешкова. Книг его он не читал, но слыхал от соседей, что молодой барин нажил неприятности от властей и в наказание был сослан под надзор полиции в родной Нижний, поближе к своему папаше – купцу. У нижегородского мещанства ссыльный литератор вызывал смешанные чувства: вроде как «свой» да к тому же невинно пострадавший, но держаться от него лучше подальше, иначе можно нажить неприятности.

Вдовствующему еврею Свердлову с детьми на руках терять было уже нечего: он и так сидит на трехногой табуретке на самом дне социального колодца российского общества. Без суетливого подобострастия спросил: «Что угодно-с?» Оказалось, писателю понадобились суетные бумажные свидетельства нашего пребывания на земле – визитные карточки. «Не извольте беспокоиться. Будут готовы-с через три дня. Заходите».

Спустя несколько дней Пешков заглянул к Свердловым на Большую Покровскую. Карточки были готовы. «Извольте познакомиться – дети мои, – пробормотал Михаил Израилевич. – Сиротки: дочь Софья, Вениамин, Яков – младшенький и Зиновий – старший. Моя опора, так сказать...»

По пути домой писатель вспоминал случайное знакомство: «Софья весьма недурна... Если повезет, то папаша выдаст ее за богатого еврея, и к тридцати она превратится в матрону, озабоченную только тем, чтобы дома «было что кушать». Малец буйой смотрит... словно на классового врага. А вот старший занятный паренек. Открытый. Есть в нем какое-то обаяние. Уверенность в себе, что ли. И не затравленный, взгляд смелый».

глашает на эту роль Зиновия. К концу лета писатель заканчивает пьесу. Он называет ее «На дне жизни». Ни он, ни домочадцы еще не знают, что пьеса о дне жизни для автора – всплытие на ее поверхность. Успех, слава, деньги. Немирович-Данченко в Арзамас пожаловал сам. Пьесу ставят без промедления – в квартире Пешкова. Зиновий играет роль Васьки Пепла.

Алексей Максимович стал захаживать к Свердловым «попить чайку». Вначале братья ревновали: думали, опальному «инженеру человеческих душ» приглянулась сестрица Софья, оказалось – нет.

Буревестник грядущего цунами пристроил всю еврейскую семью к «движению». Отец сирот стал безвозмездно изготавливать столь нужные подполью фальшивые печати, а юноши выполняли различные поручения нижегородских дантонов: стояли «на атасе» во время модных тогда «маевок», когда сознательные пролетарии в лучших своих картузах и смазанных сапогах и пролетарки в ситцевых платьях лузгали семечки и внимали крамольным речам чахоточных пророков.

Кончилось все достаточно быстро: в 1901 году охранка Нижнего замела всех «несогласных», не забыв и отца сирот.

Две отсидки в тюрьме. Они сблизили Алексея Максимовича и Зиновия Михайловича. Правда, в отличие от тех тюрем, в обустройстве которых примет живейшее участие младший из двух Свердловых, в царских застенках к молодым социалистам относились не как к врагам, а как к заблудшим овечкам, соотечественникам, еще не совсем потерянным для лечения и социальной адаптации.

После освобождения из нижегородского застенка Пешков одарил Зиновия своим портретом и начертал: «На добрую память о днях совместной веселой жизни!» И не без боязного ухарства добавил: «За каменной стеной». Яков никакого фотопоощрения не получил, зато приобрел бесценный опыт, который вскоре учител: с врагами, как с ним, не церемонятся.

А вот Зиновий понял другое: это игра, но не его. Поразило в движении и отвратило одно: идеалистов в нем – единицы. Как юная пропагандистка Лидочка, которая снабдила Зиновия запрещенной литературой, а заодно помогла избавиться ему от отягощающей повседневность девственности. Или тот же Пешков. На одну честную и тихую Лидочку, готовую идти на катогру ради мечты о всеобщем счастье, – десятки невостребованных истеричек. Остальные – все те же «Бесы» из Достоевского. Они готовы на самосуд и убийство. Уголовщина – вот имя «идеи», которую к тому же формулируют весьма путанно.

Писатель Пешков привязался к своему юному соратнику по борьбе и дал ему добрую кличку Зинка. Зиновий обращается к нему на «ты» и зовет «Алексеем». Но при этом боготворит.

В апреле 1902-го поднадзорного Пешкова отправляют в Арзамас. Ему нужен библиотекарь. Не раздумывая, он при-

Сам Мастер предлагает Зиновию отправиться в Москву и попробовать свои силы на столичных подмостках. Уже от одного этого у еврейского сироты кружится голова. Режиссер МХТ, заручившись поддержкой самого Шаляпина, начинает хлопотать о зачислении юного протеже Буревестника на драматические курсы. Но как часто бывает с нашей интеллигенцией, в этих хлопотах никто так и не поинтересовался, в какой стране живет, – доброхотам невдомек, что лицам не православного вероисповедания в обеих столицах жить воспрещается: империя Романовых неукоснительно

{ Для советских он был отщепенцем, для истинно русских в Париже – выкрестом и высокочкой, а для французов – генералом и героем. }

блюла черту оседлости. Выход был только один: из еврейского юноши сделать русского. Буревестник берется устроить это чудесное превращение: он усыновляет Зиновия и дает ему свою фамилию. Но для полноты картины нужно креститься в православную веру.

Таинство вскоре свершается в арзамасской Троицкой церкви. Метрическая книга свидетельствует: «Мещанин иудейской веры Ешув Золомон Мовшев Свердлов принял православное крещение под именем Зиновия Пешкова».

Семейство Свердловых к вынужденному православию старшего сына отнеслось спокойно. Все, кроме Якова: для него поступок брата – предательство. В глазах Якова брат-погодок стал приспособленцем.

В октябре 1903 года власти спохватились – в Троицкую церковь пришел императорский указ об исправлении

этой записи: Пешкову надлежит вернуть фамилию Свердлов. Поздно. Юноша уже затерялся в Москве.

В МХТ горьковский приемыш стал своим, его полюбили взрослые. Через Зиновия Федор Шаляпин передавал студентам билеты на свои концерты в ложу 4-го яруса Большого театра.

Памятна об успехе на прогоне горьковской пьесы в арзамасской квартире ссыльного, в спектакле «На дне» Станиславский доверяет Зинке роль Меланхолика: юноша в мизансцене поддерживал гневную Василису, готовую эффектно упасть.

Овации сотрясают зал каждый вечер, а после театрального разъезда Зиновий уже не сдерживает театральных барабанов, готовых оказаться в его объятиях. Чего большего желать вчерашнему провинциальному? Но Зиновия Москва тяготит: все эти видимые успехи – не его заслуга. Все – по протекции.

ЗАГРАНИЧНЫЙ ВОЯЖ

Конец душевным терзаниям положили обстоятельства: Россия схлестнулась с Японией за Дальний Восток. Пусть и выкrest, но раз уж православный, то обязан умереть за отечество. Отсрочки от армии школа МХТ не давала. Призыв Зиновия был неминуем. Он окончил всего четыре класса

{ Для людей чести, которые хотят похоронить свое прошлое, нет лучшего кладбища, чем Легион. }

гимназии – служить ему придется в низких чинах, а значит, «еврейчику» в казарме не поздоровится.

Бежать – вот выход. Посоветовался с приемным отцом. Буревестник был пасмурен и краток: «Сынок, нет резона сложить свою голову за эту шайку. Бездарный выбор. Война эта – не твоя. Уезжай». Пешков по загранпаспорту, сделанному то ли Горьким, то ли нелегально, через Финляндию уехал в Швецию. Оттуда перебрался в страну всех беглецов – Америку. Но и там долго не задержался. Опять прочитанные книжки подсказали сюжетный ход: он отправляется в страну настоящих мужчин – в Канаду, на Юкон, в рассказы Джека Лондона.

Увы, никаких собачьих упряжек, снегоступов и индейцев: приходится работать сначала в прачечной, потом в типографии. Он возвращается в Штаты и учится работать локтями в Нью-Йорке. Но Америка – не его страна. Ему тошно в ней. Он делится с Горьким своими чувствами: «Нет гармонии разнообразия типов, нет общности интересов и характере-

ров. Всеми руководят требования желудка. Еще много станций надо проехать этим людям Нового Света, чтобы обрести свой путь, чтобы стать народом и выработать национальную идею и путь к культуре и духовному величию». Бедный, но наблюдательный и думающий эмигрант обречен стать неудачником в любой стране. Денег на жизнь Зиновию катастрофически не хватает, и он «балуется первом» – пишет рассказы и отправляет их на суд масти-тому писателю – приемному отцу. Один из них, «Без работы», Горький опубликовал. Но про себя Зиновий знает, что писательство – это не его каторга.

В марте 1906 года Горький едет в турне по Америке, где его встречают весьма восторженно. Там же он пишет хрестоматийную «Мать». Зиновий находит приемного отца и остается при говорящем только по-русски с характерным волжским оканьем, то есть «немом» писателе, переводчиком. Жене Горького приемыш не нравится.

Буревестник отправляется в Италию, в Неаполь, а Зиновий – в Новую Зеландию, о которой грезил еще в детстве. Год отработал Зиновий крючником и продолжал писать рассказы – еще одной детской мечтой стало меньше. Гонораров и заработанных «крючничеством» денег едва хватило для покупки билета на пароход до Италии: Зиновий не сдается, но даже героям нужна передышка. К тому же так заманчиво звучит «вилла Спинола» – дом, где поселился приемный отец.

ИТАЛЬЯНСКИЕ КАНИКУЛЫ

На Капри Зинка ведет бухгалтерию писателя. Горький через него общается с островитянами – к английскому Пешкову быстро прибавляются ломаные французский и итальянский.

Кто только не отметился тогда на вилле Горького на Капри! Ильич с Инессой и Наденькой поочередно, польский карбонарий Дзержинский, интеллигентный до приторности Луначарский, рефлектирующий Бунин, Новиков-Прибой, саркастический Саша Черный, статистик из чер-

ниговской управы ласковый Коцюбинский, год копивший средства для подобного вояжа, занудно мучающий себя и окружающих «вечными вопросами» Викентий Вересаев, успешный Репин – всех не вспомнить. Но как шутил издатель пролетарской литературы Пятницкий: «В этом водово-

Спинола. Будем счастливы видеть...» И один только Горький не разделял всеобщего веселья: мезальянс был ему не по душе...

«Этот красивый паренек вел себя по отношению ко мне удивительно по-хамски, и моя с ним дружба – кончена. Очень грустно и тяжело», – сообщает Горький жене.

Зиновий пытается объясниться с пролетарским писателем.

Но попытка поговорить по душам, как и прежде, не удалась: «Зиновий – хам, – пишет с Капри Алексей Максимович супруге, – слезы его – слезы виноватого». А в это же время новобрачные наивно шепчут друг другу: «Лишь только смерть разлучит нас!» Никакие казацкие «монтажки» и еврейские «капулетти» не помешают им быть «вместе навеки».

...Так они тогда думали. То был упоительный день, как все сумасшедшие свадьбы по любви! Никаких родителей со стороны жениха и невесты, зато более шестисот гостей восторженных островитян – жители юга понимают безумство неожиданно нагрянувшей любви.

ЕГО ПЕРВАЯ ВОЙНА

В тот день, когда Гаврило Принцип столь удачно разрядил свой «браунинг» в тишайшего эрцгерцога Фердинанда и его жену, дочери Пешковых шел уже второй годик. Зиновию было тридцать, и, кроме этой даты, у него не было ровным счетом ничего: ни своей квартиры, ни доходного места, ни славы. Его очаровательная казачка все больше стала походить на Ксантину при Сократе и давила своими материальными запросами его безграничную свободу мироощущения.

Зиновий обычно влюблялся в то место, где жил, и в тех людей, что его окружали. И становился таким местным патриотом, что готов был сражаться за свою влюбленность в этот уголок земли. Он стал агитировать итальянцев добровольно вступать в армию и идти на войну с немцами. Его неподдельная вера в правоту произносимых им слов нравилась организаторам пропагандистской кампании – в добровольцы «пушечное мясо» записывалось толпами. Но «шовинистическая» деятельность Зиновия, как ее назвал приемный отец, окончательно отвратила от него Горького... В результате страстный агитатор задумался: какое же он имеет право уговаривать людей идти на смерть, а сам отсиживаться

роте людей и солнца у Горького было только два друга: попугай и Зинка». Вилла Спинола, где тогда обитал глашатай революции, постепенно превратилась в странноприимный дом гонимых марксистов. Этот дискуссионный клуб советские марксологи впоследствии назовут «Школой на Капри». Увы, большинство ее «выпускников» – членов «Общества политкаторжан», то есть тех старых большевиков, которые привели Сталина к власти, будут безжалостно уничтожены как «враги народа». Но даже в застенках Лубянки, помногу раз оклеветав друг друга вслух и письменно, «про себя» эти старики не отрекутся от того, что говорили тогда в Италии. Их убеждение что вера апостолов.

В то время Алексей Максимович пишет Пешковой: «Людей видел я несть числа, а ныне чувствую, что всего ближе мне – Зиновий, сей маленький и сурово правдивый человек, – за что повсюду ненавидим».

Но все больше времени Зиновий проводил не с приемным отцом, а с Амфитеатровым в портовом городе Специи. (А.В. Амфитеатров, 1862–1923, известный фельетонист и беллетрист, в 1902 году был сослан в Минусинск за фельетон «Господа Обмановы», то есть Романовы. – **Прим. ред.**). Уже тогда Амфитеатров был ему ближе, чем вся «модная тусовка» русских ниспровергателей. Происходит это задолго до всех войн и революций, которые, свершившись, разлучат навсегда Александра Валентиновича с Алексеем Максимовичем: не до «не податия руки», а до презрения до гробовой доски.

Как-то в Специи Зиновий познакомился с милым «даттиографом» – машинисткой, перепечатывавшей рукописи Амфитеатрова. Синьорина Бураго была дочерью полковника-казака и хороша собой. Зиновий уже начал было подумывать... но тут на вакации приехала ее младшая сестра, Лида. Пешков был сражен наповал: его идеал, женщина его мечты, пусть и значительно выше ростом. Рост Зиновия не превышал 162 см.

Ровно через пять дней знакомства юная казачка в объятиях пылкого еврейского юноши прошептала: «Да!» Легко представить, что сделалось с папенькой курортницы, когда его донцы узнали, что полковничья-то дочка выходит за выкresta.

Русская семья так же отреклась от Лидии, как еврейская – от Зиновия.

Приглашение на свадьбу было напечатано на русском и итальянском: «Мария и Алексей Пешковы имеют честь Вам сообщить о предстоящем бракосочетании их сына Зиновия и синьорины Лидии Бураго. Оно состоится на Капри, на вилле

года был опубликован его очерк с фронта, в котором он приводит рассказ Пешкова: «Это было шикарное утро – когда начался артналет, то воздух ревел, а со стороны неприятельских траншей фонтаном разлетались деревья, земля, люди, камни. Капитан мне крикнул:

– Не прекрасно ли это, Пешков?

– Да, мой капитан, это как извержение Везувия.

в тылу? Это верх цинизма! Решение созрело мгновенно: в русской армии служить нельзя, остается Марсель. Зиновий отправляется на Ривьеру с сотней лир в кармане. Немного шарма, пламенные рассказы о своих способностях – и он принят в пехотный полк в Ницце. Писарем. Зиновий разбирает и систематизирует полковую почту. Его способности к «логистике» приводят штабных вояк в восторг. Зиновий уже грезит офицерскими погонами на своих плечах и гlamурной штабной карьерой, но тут все разом и заканчивается: принят вердикт, по которому единственное подразделение, где могут служить иноземцы во Франции, – это Иностранный легион. Так Пешков стал легионером.

В Легионе он встретил немало соотечественников: в патриотическом порыве русские студенты Сорбонны и других французских школ и университетов вступили в Легион. Одним из тех немногих, кто пережил ту войну и вернулся в СССР, был Виктор Финк. Его книга «Иностранный легион» выйдет в «Советском писателе» в 1933 году. В ней – окопная правда, как и в «Огне» Барбюса.

Куда же попал Зиновий? Из письма убитого легионера, которое приводится в книге, многое становится ясно: «Я понял, что не застрахован от неприятных неожиданностей, и ушел в Иностранный легион. Для людей чести, которые хотят похоронить свое прошлое, нет лучшего кладбища, чем Легион, его суровая дисциплина военной каторги и его жизнь, исполненная трудностей, лишений и военных опасностей. Я пришел сюда в поисках смерти или успокоения». Легионер Блоегар пришел в Легион ради смерти и получил ее.

Вчерашний писарь «Пешкофф» вскоре отличился в боях под Реймсом. Ему присваивают звание капрала и назначают командиром отделения 2-го пехотного полка. При больших потерях продвижение в чинах происходит быстро.

В мае 1915 года военный атташе России во Франции граф Игнатьев, тот самый, что вскоре «переметнется к красным», докладывал в Петроград о действиях 2-го пехотного полка Иностранный легиона: «Как полковое, так и высшее начальство отзываются с высокой похвалой о храбрости наших волонтеров, которые без различия национальностей сражались в последних упорных боях, где потеряли более половины своего состава». Именно эти «последние упорные бои» и стоили Пешкову правой руки...

Будущий нарком просвещения Луначарский в войну был военным корреспондентом «Киевской мысли». В июле 1915

Солнце освещало поле золотом, на поле разворачивалась грандиозная картина ада. По команде мы выскакиваем из своих окопов. Я вместе со своим отделением бегу вперед, по нам оживают немецкие пулеметы, и вдруг моя рука падает как плеть, что-то меня толкает, и я лячу на землю. Нет сил встать... Кое-как достал нож, разрезал ремни и постарался ими стянуть правую руку.

Легионеру Пешкову очень хотелось жить: в полуубмороочном состоянии он умудрился добрести до перевязочного пункта, а оттуда до железнодорожной станции. С приключениями добрался до Парижа, в пригороде которого был американский госпиталь. Позднее Зиновий писал: «При осмотре одна из сестер, высокая блондинка в ослепительно белом халате, сдирая с меня грязь, по-английски сказала: «Ну, этот умрет». Я посмотрел на нее и сказал: «А может быть, еще не со всем?» Боже мой, что с ней сделалось!» Именно эта блондинка «в ослепительно белом халате» в нужный момент вернула Зиновия к жизни: их роман напоминает историю раненого «тенента» из романа Хемингуэя «Прощай, оружие!». Руку Пешкова, в отличие от ноги лейтенанта Генри, спасти не удалось – теперь Зиновий навеки калека...

В своих воспоминаниях секретарь Сталина Бажанов утверждает, что когда до Нижнего дошла весть, что Зиновий потерял руку на фронте, то старик Свердлов оживился: «Какую руку?» Он страшно развелся, а когда узнал, что сын лишился правой, то восторжествовал: по формуле еврейского ритуального проклятия, когда отец проклинает сына, тот должен потерять именно правую руку.

28 августа маршал Жоффр подписал приказ о награждении капрала Пешкова Военным крестом с пальмовой ветвью. На торжественной церемонии во Дворе чести Дома инвалидов Зиновию вдбавок вручили именное оружие. В

свите маршала Франции оказался долговязый офицер с длинным носом по фамилии Де Голль – он подошел к легионеру и разговорился с ним. Взаимную симпатию, возникшую во время светского разговора с бокалом шампанского в руке, оба тогда молодых офицера пронесут через всю жизнь...

После пережитых потрясений и неожиданно свалившейся славы герою Пешкову дали отпуск. Как он был некстати, этот долгожданный отдых! Война отобрала у Зиновия сначала правую руку, а теперь и жену. Жена могла бы стать его правой рукой... но она сообщает однорукому герою Арраса, что уходит от него, потому что он не помогает материально. И не делает ей никаких практических предложений. Как сдержать семью? От него одни идеи... Герой войны в полной растерянности. Что же делать? В чем он виноват? Он знает, что в сражении с таким врагом, как нужда, он всегда проигрывает.

Легионер Пешков решает вернуться в Россию и уйти в монастырь. Он понимает: дома его ждет лишь каторга – охранка не забывает ничего... Зинка остается в полном одиночестве: для своих он не герой, а никому не нужный человек.

В минуту отчаяния его спасает служба: теперь Легион – его единственная семья. Он возвращается в полк лейтенантом.

ТРИУМФ БРАТА ЯКОВА

В России – революция! В мае 1917-го Пешков уже капитан и кавалер ордена Почетного легиона – высшей награды Французской Республики. Его направляют с деликатной миссией на родину – в качестве представителя военной миссии Франции при Временном правительстве.

Зиновий сопровождает Керенского в его вояжах на фронт, но быстро впадает в немилость: он слишком прямо говорит о разброде в русской армии, о ее грядущем развале и о том, что «война до победного конца» в этих условиях – бред. После возвращения в милую Францию, ставшую ему еще более милой после посещения родины, Пешкова принимает президент республики. «Мажер Пешкофф» делает четкий и нeliцеприятный доклад о положении дел в России и в ее армии. Вратить ему ни к чему.

И тут, прослышиав о его быстром взлете, казачка Лидия предлагает сойтись. Зиновий непреклонен: он вычеркивает из своей жизни тех, кто предал и заставил его страдать. Он спокоен: у Лидии давно уже появился итальянский покровитель, который воспитает их *bambino* и сотворит еще несколько *bambini*.

После Октябрьской революции, как и многие русские интеллигенты, французы надеются, что большевики долго не протянут. А вот Пешков в это не верит. Он слишком хорошо

через Кавказский хребет перевалит Красная армия, ма-рионеточный режим рухнет. Как и во все свои прошлые приезды на родину, Пешков чувствует себя здесь снова чужим среди своих. Легионер с удовольствием пользу-

зает брата Якова и его товарищей... да и гости виллы Спинола еще не забылись. Конечно, Амфитеатров ему ближе, чем приемный отец... Не зря же Амфитеатров доказывал, что этот режим – «позорное мелочное рабство закабаленных масс», но режим воцарился надолго и приведет лишь к дегенерации русской культуры. Трагическая смерть Блока, расстрел Гумилева, постыдная политическая «двусмысленность» поведения Горького – все это Амфитеатров воспринимал как верные приметы начала гибели великой культурной традиции.

Пешков далек от эмиграции с ее спорами о грядущем. Из Нового Света он отправляется в Сибирь, к Колчаку.

В сентябре 1919-го Верховный правитель лично награждает «майора французской службы» орденом Святого Владимира третьей степени.

Колчаку – большевистская пуля на рассвете и могила в проруби, а Пешкову – сле-

**В сентябре 1919-го
Верховный правитель
лично награждает Зиновия
Пешкова орденом Святого
Владимира третьей
степени.**

дующее задание от Генштаба французской армии...

Как скажет спустя двадцать лет в микрофон лондонского радио друг и покровитель однорукого легионера, беженец полковник Де Голль, «мы проиграли сражение, но не войну!», так же Париж в 1919 году пытается спасти Кавказ от большевизма. Пешков едет в независимую от призрака коммунизма Грузию, в Тифлис. Но расчет французов опять ошибочен: распад страны даже иностранец остановить не может.

Тот грузин, что командует в это время войсками под Царицыном, пустил бы Зиновия, не задумываясь, «в расход». Грузины, что командуют Тифлисом в тот год, выказывают советнику представителя Франции всяческое уважение.

В Тифлисе Зиновию заниматься особенно нечем: ему ясно, что, как только

ется своим новым статусом: теперь его охотно принимают там, куда раньше еврейского юношу не пустили бы дальше прихожей. На одном из таких *soire champagne* в обреченнном городе, где вместо шампанского рекой течет кахетинское, он знакомится с Саломеей Николаевной Андрониковой – одной из самых красивых и неординарных женщин своего времени. Саломея принимает ухаживания и комплименты однорукого выкresta в форме офицера французской армии, но не более того: она думает, что есть, пусть и слабая, но надежда вернуться к прошлой жизни. Саломея, та самая, чьи портреты по очереди писали восторженные художники, которой посвящала свои рифмы Ахматова, а позже писала благодарственные письма обнищавшая в эмиграции Марина Цветаева... Та самая Саломея, что стала символом, последним отблеском заката русского Серебряного века – бархатного сезона исчезающей страны.

Ночной разговор краток: «Меня отзывают. Завтра. Поедете со мной?» Похоже на эвакуацию посольства дружественной страны, когда страна ломается под накопившимся гнетом этой дружбы. Ни бонны, ни гувернантки из Питера взять с собой невозможно – только вы. Одно место багажа. Вернее,

{ В 1921 году он становится общественным секретарем Международной комиссии помощи голодающим в России. }

два: Саломея и ее чемодан. Ответ краток: «На рассвете? Что ж, в путь...»

Шустрая канонерка – русский корабль, который скоро тоже превратится во французский металлом в тунисской Бизерте. Торопливый стук дамских каблуков по трапу – матрос вот-вот сдернет его. Майор Пешков ретируется с трофеем. Самому не верится, но Саломея – его! План непродуманного бегства мог рухнуть: в новом паспорте, второпях сляпанном во французской миссии, была транзитная виза. Тем, кто приходит ночью на канонерке, печать от болгарских пограничников не требуется, но при посадке на поезд до Парижа в Софии в болгарах вдруг взыграла турецкая кровь – смесь «обиды за державу» и привычки к «бакшишу». Месье француз может следовать домой, а вот его русскую мадам придется оставить здесь – нет въездной болгарской печати! Деньгами вопрос не решить – при свидетелях не примут «малую лепту». Паровоз дает нетерпеливый гудок и выпускает облако пара – ему невтерпеж.

Пешков левой рукой решительно поднимет валявшуюся на столе печать почтовой службы и грохает ею что есть

силы о девственныи паспорт своего драгоценного багажа. Вам нужна печать – силь в пле, другари! Какие еще будут вопросы к важному представителю дружественной страны?

9 мая 1982 года лондонская газета «Таймс» сообщила: «Вчера на 94-м году жизни скончалась Саломея Николаевна Андроникова-Гальперн, последняя из самых блистательных женщин, которым довелось быть современницами расцвета Серебряного века русской поэзии, одна из самых известных красавиц той эпохи. Она славилась умом, обаянием и остроумием. В числе ее друзей были знаменитые русские поэты и художники...» В списке друзей Пешкова нет. Свой роман с легионером-выкrestом Саломея Николаевна не афишировала до глубокой старости.

Их отношения продолжались и в Париже, но ждать возвращения офицера из опасных командировок Саломея была не приучена: Зиновий не Одиссей, а она не Пенелопа, да и вообще профессиональные красавицы – неважные подруги фронтовикам.

Расстались они без претензий: каждый получил то, что желал.

...А Зиновий снова возвращается в Крым, в качестве прикомандированного военного советника, или спецпредставителя. И вместе с остатками армии Врангеля уходит из России. Теперь уже навсегда...

СНОВА В ПАРИЖЕ

Противоречивость характера Пешкова (или верность Легиону?) выразилась и в том, что после разгрома Белого движения в 1921 году он становится общественным секретарем Международной комиссии помощи голодающим в России. Познакомившись с «красным графом» Алексеем Толстым, французский легионер организовывает движение помощи русским школьникам. Благодаря своим связям он привлек к этой деятельности девять правительств и семь национальных «Красных Крестов».

Разумеется, для соратников брата Якова он остается врагом. В январе 1922 года Пешков подает рапорт на имя министра иностранных дел господина де Перетти. Сегодня из него ясно, что Зиновия больше никто и ничто не связывает с прошлым. Теперь он – настоящий легионер. Ничто не отвле-

МЕЖДУ ВОЙНАМИ

Автора книги о Легионе голливудским продюсерам долго искать не пришлось: полковник Пешков теперь частый гость в Штатах. Скорее всего, он собирает информацию, интересующую французский Генштаб. Но все эти вояжи и амплуа «рыцаря плаща и кинжала» ему не по душе: он снова скучает, тоскует по пустыне и своим боякам и отчаянно флиртует. Однажды, обняв дочь

автомагната, к тому же графиню, мадам Комбетт, привычно шепнул на ушко: «Будьте моей», но зачем-то добавил: – «...женой». Должно быть, от долгого одиночества и скуки большого города.

Свадьба в 1933 году была долгой – в лучших буржуазных традициях месяцами выбирали платье и составляли списки гостей, – а вот брак оказался скромным.

Потом возникла испанская аристократка. Ровно на столько, чтобы на свет мог появиться ребенок, а потом они разошлись. Впрочем, их мальчик прожил всего десять дней: роду Свердловых было предназначено исчезнуть навек. Он любил эту искреннюю в своей взвалмошности испанку, но после смерти ребенка они разошлись идейно. Космополит-легионер старался, но так и не смог принять ее веру в националистов и каудильо Франко... в той гражданской, на этот раз испанской, войне он снова был на стороне слабых и побеждаемых.

В старости они встречаются вновь, и сеньора, холеная сухонькая старушка, признает его правоту...

Пешкову везло на войне, а вот в любви и карьере удача слишком часто поворачивалась к нему спиной. Незадолго до европейского танкового турне австрийского троечника Гитлера Зиновий случайно встретился с Де Голлем. Два офицера обедали в парижской закусочной – brasserie, смеясь над тем, что оба все еще полковники, когда все вокруг давно генералы. «Мой несносный характер – вот причина», – улыбнулся Де Голль. Пешков мог бы сказать то же, вспомнив приемного отца: «слишком прям со всеми» и добавить уже от себя: «к тому же чужой».

Пешков тогда жил между двух огней: русская эмиграция не забывает о том, что именами его брата и приемного отца названы два города в ненавистной ей

кает Зиновия от тяжелого душевного состояния: он живет жизнью «штабной крысы» – каждое утро заставляет себя в тоске отправляться на работу в штаб, где до шести перекладывает бумажки. Он пишет рапорт за рапортом и наконец получает новое назначение: приказано убыть в полк, расквартированный в Марокко. Там разгорается война с берберийскими племенами.

ЖАРКИЙ ПЕСОК МАРОККО

Пешкова назначают командиром роты 1-го полка Легиона, который расквартирован в Северной Африке. В ординарцах у него – казацкий есаул. Нет-нет да усмехнется про себя Зиновий, представив себе никогда не виданного им тетя полковника Бураго... «Казак в служении у жида». Но в действительности командир роты очень привязан к своему соотечественнику и тяжело переживает его потерю: ординарец погибает не в бою – его зарезал в городе какой-то марокканец.

Зиновий наконец-то счастлив – он снова среди своих. Мужское братство ему всего дороже! «Наш Великолепный Однорукий» называют его за глаза солдаты. «Мои бояки» – ласково величает он про себя своих подчиненных.

Год службы промелькнул в стычках с непокорными племенами рифов под началом Абд аль-Керима и изматывающих маршах по пустыне, когда выбившихся из сил оставляют умирать среди песков, лишь вынув затвор из его винтовки – чтобы ею не смогли воспользоваться повстанцы.

Во время одной из таких рутинных операций – это и есть все колониальные войны – отряд Пешкова приблизился к пригорку возле оазиса. Он едва успел сказать себе тогда: «Вот идеальное место для засады» – как полетели пули. Одна из первых досталась командиру: восставшие всегда сначала отстреливают офицеров.

Ранение на этот раз в левую ногу. Был у Пешкова тогда шанс стать еще и безногим, но ногу спасли. В госпитале Рабата его навещает маршал Илоте и вручает ему второй Военный крест с пальмовой ветвью.

Сент-Экзюпери нашел себя в своих полетах над Сахарой, а Пешков – среди песков той же самой пустыни. Еще в рабатском госпитале он начинает писать книгу «Иностранный легион». Андре Моруа выдаст большой кредит его работе – снабдит книгу своим лестным предисловием.

О Легионе уже написано более двух сотен книг, но эта – одна из лучших. По этой книге в Голливуде в 30-е годы снимут фильм...

«совдепии», а бдительная французская контрразведка учитывает ее мнение, да и всякий легионер для французов никогда не сможет стать своим «солдатиком», пусть и осыплет его республика наградами.

Тогда же он в последний раз видится с дочерью. Лиза вышла замуж за советского дипломата и счастлива: она едет домой! Карьера и жизнь дипломата вскоре закончатся на Лубянке, а она проведет долгие годы в лагерях, поселившись после ссылки в Сочи, хотя бы чем-то напоминавшем ей детство на Капри...

ВТОРАЯ ВОЙНА

В 1940 году полковник снова командует батальоном. Свою «странную войну» Пешков ведет в Марокко: по выслуге лет ему положено подать в отставку и получить пенсию от правительства Виши, но французы все еще сдерживают атаки немецкого «Африканкорпс». Исход битвы ясен – это тот же Крым, тот же Дюнкерк, пусть и в песках Северной Африки.

В этот момент старый друг Де Голль обращается ко всем французам из Лондона, призывая всех патриотов своей страны не сдаваться, а продолжать борьбу: «Проиграно лишь сражение, но не война».

**В марте 1946 года
62-летний генерал
назначен главой
французской миссии
союзного командования
на Дальнем Востоке.**

Все почти как тогда, во времена Тифлиса и Саломеи, только теперь уже сами французы собирают добровольческую армию и патриоты станут пробираться не на Дон, а в Лондон. Разумеется, Пешков один из первых, хорошо замаскировавшись под «штаффирку», покупает билет на пароход в Лондон. Его место не на пенсии, а под знаменем «Свободной Франции».

Никто из легионеров тогда не пошел за «законным правительством» Виши. Такие вот странные иностранцы...

Их «белые кепи» видны среди касок-кастрюлок британских солдат под ливийским Тобруком и египетским Эль-Аламейном, Бир-Хакеймом – этими арабскими словами теперь названа самая близкая к Эйфелевой башне станция метро. Марокканский опыт не раз выручал Пешкова и его «босяков» в этой смертельной схватке с солдатами «лиса пустыни» – маршала Роммеля.

Де Голль выводит старого друга из боя – отзывает полковника Пешкова с Африканского фронта и отправляет его

специальным послом в Южную Африку: французам катастрофически не хватает оружия. Зиновий должен убедить нейтральных буров поделиться своими арсеналами. Миссия успешна, как всегда. В 1943 году Зиновий Алексеевич, имея четыре класса нижегородской гимназии, заказывает генеральский мундир и примеряет новые погоны.

Теперь он генерал, как и друг Де Голль. Новоиспеченный «генераль» отправляется с новой миссией: приказано установить дружеские отношения с Чан Кайши. Для выполнения этого приказа пришлось выучить китайский язык – похоже, нижегородская гимназия давала хорошее базовое образование!

Его дипломатические способности уникальны: он не только устанавливает хорошие отношения с «западным» человеком Чан Кайши. Встреча с Мао Цзедуном Зиновию запомнится на всю жизнь. Он поражен тем, как не похож китайский вариант коммунизма на привычный российский – сколько в нем конфуцианской мудрости!

Война еще не окончена, но новый передел мира наступит уже завтра: неутомимый Пешков быстро передвигается между Китаем, Камбоджей, Лаосом, Вьетнамом и Индией, но никогда не забывает о нуждах ветеранов-легионеров – теперь у них появился «свой человек в Париже».

В марте 1946 года 62-летний генерал назначен главой французской миссии союзного командования на Дальнем Востоке. Он старательно учит японский. За работу в Стране восходящего солнца его наградили Большими крестом Почетного легиона, но отчеты о его успехах до сих пор пылятся в засекреченных архивах.

ГЕНЕРАЛЬСКАЯ ПЕНСИЯ

В начале 1950 года прошение одинокого легионера об отставке было удовлетворено. Двухкомнатная парижская квартира на rue Loriston и полусотня наград разных государств – вот все, что нажил этот русско-французский генерал. Может

но добавить почетное членство в дюжине различных общественных организаций и ассоциаций и домработнице. Вожделенная старость французского буржуа.

Званые обеды для немногочисленных друзей по выходным. Служба в русской церкви по воскресеньям. Походы

привычного русского «авось» и работы в мужицкой артели под названием «Легион».

А тем временем Франция теряет колонии, Франция теряет свое величие – *La grandeur*. Любимое словечко стареющего друга Де Голля. Сначала Индокитай, затем Алжир... катастрофа не у ворот, а уже на пороге. Как и прежде, Зиновий Алексеевич – патриот того места, куда его определила судьба.

В этот момент кто-то «наверху» вдруг вспоминает о старом солдате: всегда найдутся деликатные миссии, которые разумные правители поручают только своей «старой гвардии». Восьмидесятилетнего Зиновия Алексеевича просят отправиться на другой край света и убедить его старого приятеля Чан Кайши, а заодно и великого Мао в том, что Франция – им обоим лучший друг. Пешкову удалось это сделать: пусть и ненадолго, но о Франции снова заговорили как о великой державе, творящей судьбы мира.

Это была последняя миссия старого легионера – 27 ноября 1966 года Пешкова не стало. Все газеты вышли с некрологом под заголовком «Ушел Солдат». Его написали Луи Арагон и Эльза Триоле. В православной церкви на рю Дарю, чьим прихожанином был Зиновий Алексеевич, его старый друг священник Николай Оболенский отслужил по нему заупокойную панихиду. Были высокие французские и иностранные чины. Из советских, разумеется, никого. Почетный караул из легионеров. Ордена на подушечках. Застывшая в горе Эдмонда – ушел не только солдат, но и самый близкий ей друг.

Кем же был этот человек, которого сын Лаврентия Берии Серго в воспоминаниях даже умудрился приписать к ведомству своего отца? Авантюристом? Шпионом? Солдатом? Трудно сказать. Он относился к тому племени мальчишек, которые сначала долго не взрослеют, а затем категорически отказываются стареть. Редкая порода людей, для которых жизненный опыт не оборачивается цинизмом. Они живут так, будто у них много жизней. И пишут роман своей жизни, где главный герой – они сами. Но они же – его единственные настоящие читатели. ¶

в русский ресторан «Новый», где, сидя за столиком, так приятно послушать рассказы о войнах и есть с кем поделиться своими воспоминаниями.

А вот по ночам трудно уснуть: вспоминается Лиза, о судьбе которой он ничего не знает. Да и юность, проведенная в России, теперь воспринимается уже совсем по-другому. Старея, легионер Пешков становился все больше и больше русским генералом-эмигрантом – как те белые генералы. Один из французских дипломатов, встречавшихся с Пешковым в те годы, написал так: «Кризисы, которые тогда переживала Франция, задевали за живое велико-душного и чувствительного человека, каким был Зиновий Пешков... Не называя Россию, он в разговорах мало-помалу начинал говорить о ней, о русской литературе, о Чехове, об отце и о прочих, прочих, прочих. Он искал и вновь находил в различных современных формах вечную Россию. Он верил в русского человека, в его жизненную силу, в его добродетель».

И в это тоскливоое время обеспеченной старости в жизнь Пешкова врывается свежий ветер, имя ему – Эдмонда Шарль-Ру. Ему под семьдесят, а ей всего за тридцать. Даже в дочери годится с трудом... Их разделяют десятилетия, но объединяет пережитая война и Легион. Медсестра Эдмонда прошла с легионерами всю войну. У нее меньше наград, чем у Зиновия, зато они так хорошо понимают друг друга. Пешков обретает в ней то, чего так и не нашел в других женщинах за всю свою долгую жизнь: собеседника, друга и собутыльника.

Эдмонда работает корреспондентом *Elle* и пишет романы. Ее первая книга – о судьбе сицилийских эмигрантов в Америке. «Прощай, Палермо» получает Гонкуровскую премию и переводится на 27 языков. Сегодня этот роман мало кто вспомнит, зато ее книгу о Коко Шанель охотно раскупают от Москвы до Владивостока по сей день...

Вскоре Эдмонда становится бессменным главным редактором *Vogue*: в Зиновии был *charme*, а Эдмонда создавала *chic*. Так шарм объединился с шиком...

Однажды в штаб-квартире экзистенциалистов в *Café de Flore* на бульваре Сен-Жермен, теперь одном из самых «попсовых» заведений города, Эдмонда представляет «своего генерала» своим знакомым – Сартру и всем тем, кто с ним ищет новый духовный путь меняющейся Франции. Старому легионеру прибавляется размышлений в его «яхтенном» кресле, выставленном в солнечный день на балкон: новомодные философские идеи о персональной ответственности за происходящее так далеки от его

«ЗАКОН О РЕПАТРИАЦИИ – ЭТО КАК ФЕЙС-КОНТРОЛЬ ПРИ ВХОДЕ»

ЕВГЕНИЯ МИХАЙЛОВА

М

ихаил Иосифович, а сами вы как себя ощущаете – откуда вы?

– Я чувствую себя из двух мест. Из Ленинграда и еще из детства, из Забайкалья.

Часто делается элементарная ошибка. Бумажку в кармане отождествляют с гражданством. Бумажка в кармане, даже самая яркая и радостная, не есть гражданство. Она есть бумажное документное подтверждение тех или иных юридических прав, гарантированных гражданством.

Если говорить о самосознании, самоидентификации, строе душевном и так далее, то это юридической принадлежностью к тому или иному гражданству не определяется. То есть. Я всегда ощущал себя котом, который гуляет сам по себе – а сейчас просто в большей степени, чем раньше.

Европаспорт – это одна маленькая дополнительная гарантия того, что в случае чего возможны еще какие-то варианты. Еще куда-то уехать. Еще из-под чего-то ускользнуть. Потому что, прожив до 40 лет за закрытой на три оборота советской дверью, свободу ценишь особенно.

Я в Россию не возвращался – потому что, строго говоря, я отсюда не уезжал. Но я хотел бы делать то, что мне заблагорассудится – в рамках, предписанных законом. А вот это у нас по жизни не гарантировано никому, потому что написано одно, а сделать с тобой в один миг могут совершенно другое.

– То есть вы – мой соотечественник, как и большинство тех, кто когда-то жили в СССР, а теперь остались за чертой России...

– Простите, ради бога, если я кого-то задену. Вот имеется женщина. Эта женщина во вполне благополучном браке. Но когда-то она любила другого мужчину и любит его до сих пор. Судьба ее сложилась так, что часть времени она проводит с любимым не мужем, который для нее чужим никогда не стал. А часть – с собственным мужем, с которым у нее прекрасные отношения. Вот такой брак. А теперь спросите ее, кому из двух мужчин она принадлежит более. Она ска-

Михаил ВЕЛЛЕР – один из самых читаемых сегодня писателей. Много ли нынче литераторов, которых издательства, не моргнув, издают стотысячными тиражами, а потом допечатывают, допечатывают и допечатывают? Он родился в Советском Союзе, какое-то время жил в независимой Эстонии. Сейчас история повернулась так, что он уже и гражданин Евросоюза. При этом он много работает и издается в России. Более того, пожалуй, трудно назвать сегодня человека, более страстно отстаивающего интересы России. В интервью для «Русского мира.ru» наш соотечественник Михаил Веллер – о наших соотечественниках.

148/
149

жет, что она хотела бы быть мужчиной в мусульманском обществе и жениться на двоих, а можно даже и третьего. Вот у меня примерно то же самое.

– А что же нам делать с людьми, которые когда-то были нашими согражданами, а сейчас они, как и вы, тоже родом из детства, кто-то из Ленинграда, кто-то из Москвы, но все они сейчас живут в других странах, с другими юридическими правами?

– Я написал об этом в «Великом последнем шансе». Эта книжка вышла в сентябре 2005 года, три с половиной года назад. С тех пор этого шанса стало меньше.

Мы с вами не можем вообразить себе ситуацию, когда американские граждане в массовом порядке, миллионами и десятками миллионов, оказываются за границей и хотят получить гражданство другой страны, в которой они живут. А им этого гражданства не дают. А Америка гневно говорит: почему вы не даете бывшим нашим гражданам свое гражданство? Почему вы дискриминируете наших американцев, которые хотят стать нигерийцами или алжирцами? То есть сюрреалистическая, невозможная картина!.. Парадокс и ужас заключается в том, что многие миллионы наших соотечественников за рубежом, так называемых русскоязычных, а в большинстве своем русских, осознающих себя советскими, идентифицирующими себя с русской

Есть два уровня самоидентификации. Индивидуальный, личностный и социальный, общественный.

культурой, не хотят брать российское гражданство! А хотят брать гражданство тех крошечных и даже ничтожных стран, в которых они живут. Потому что от российского гражданства они прибытка большого не видят, а с того гражданства для себя выгод и гарантит больше.

Здесь есть повод пригласить товарищей, которые Конституцию составляют и которые Конституцию блюдут, и сказать: мужики, что же мы тут такого напороли, что они нашему гражданству предпочитают другое? Дело-то в чем?

На самом деле вопрос обстоит предельно просто. Несколько лет страна была завалена незаработанными деньгами, которые с небывалой в истории легкостью крали в астрономических масштабах и угоняли за бугор. На эти деньги массовая программа репатриации могла бы профинансироваться легко.

Пример вспоминый в истории, когда крошечный Израиль, стоящий на бесплодной земле, не имеющий никаких ресурсов, мог в течение года принимать количество людей, рав-

ное где-то десятой или чуть ли не пятой части своей численности. Никто не оставался без крыши над головой и без куска хлеба.

Мы говорим, что нам нужны рабочие руки. Но мы не делаем ничего для возвращения всех желающих, которые в России свои. Первое. Для того чтобы приехать, нужно, чтобы с тобой здесь не обращались как со скотиной. С тобой не разговаривали бы хамы. Тебя не унижали всеми родными бюрократическими способами.

Второе. И у тебя была, что называется, сумма подъемных на обустройство. Это очень просто организовать. Но я боюсь, что с нашей чиновничьей ментальностью, практически невозможно сделать.

Третье. Должен существовать закон о репатриации и должна существовать беспощадная кара – беспощадная, я подчеркиваю – для любого чиновника, нарушающего законы. Но поскольку законы у нас не действуют вообще, поскольку мы живем по подзаконным инструкциям и негласным понятиям, это у нас невозможно.

– И что должно быть записано в законе о репатриации?

– Закон элементарен. Каждый, кто состоял в гражданстве СССР и желает вернуться в Россию как правопреемнику СССР, может это сделать.

– Таджикистан, welcome?

– Э нет. Дальше у нас пойдут неполиткорректные ограничения. Если вы имеете в виду, кто может вернуться в Россию, то это в первую очередь исключительно люди, отождествляющие себя с русской культурой. При этом он – татарин, литовец, еврей или таджик, – значения это не имеет. Поэтому что мир не воспринимает Фазиля Искандера как абхаза, а Булата Окуджаву или Григория Чхартишвили как грузина. Они по этническому происхождению кавказцы, а по культуре они в общем и целом давно уже наши.

– Но «отождествление с русской культу-

рой» – это такой приблизительный подход...

– Нет не приблизительный. Признаки принадлежности к культуре совсем не трудно перечислить. Первое – это твой первый, или единственный, или основной язык. Человек, который говорит по-русски с акцентом, а это значит говорит на каком-то другом языке лучше, не находится в парадигме русской культуры.

вать самую дешевую, самую экономически выгодную для рынка рабсилиу.

По законам рынка неграмотный таджик, нелегально живущий в России и работающий за пятьдесят долларов в месяц, несравненно выгоднее, чем русский. Русский с семьей, с правами, с социальными гарантиями, который еще и в профсоюз вступит. И не в шмаковскую дешевую бутафорию, а в реальный профсоюз, и потребует своих прав.

Рынку это не выгодно. Вот поэтому у нас в России 10 миллионов нелегалов, которые растворяют страну. А за пределами 20 миллионов русских, которым плохо жить за границей, но в России еще хуже.

– А что нужно делать для наших соотечественников там, за рубежом?

– В той же книге «Великий последний шанс» у меня в нескольких главах говорится о соотечественниках. И одна глава даже называлась, кажется, «Российский дипломат – дурак или вредитель?».

В идеале любой российский гражданин или желающий вступить в российское гражданство может в любое время дня и ночи позвонить консулу и сказать, что он нуждается в помощи. И консул, как герой, как ученик товарища Сталина из мифологии, встает со своей походной кровати, всегда бессонный, всегда заботливый, и делает все для любого человека. Ведь свой гражданин в чужой стране – это свой агент влияния в определенном смысле. Это своя пятая колонна. Это наш человек в Гаване. Так вот, консул должен делать все.

«Все» означает – по любому вопросу человек приезжает к нему и говорит: вы знаете, в общем, мне надоело это латышское, или украинское, или таджикское гражданство. Я бы хотел взять российское гражданство и приехать в Россию. Консул говорит: голубчик, да никаких забот. Вот пройди сейчас вот в ту комнату, сейчас там Машенька [Ольенька, Сашенька] поможет заполнить анкету. Вы оставите все свои данные, в течение недели вам позвонят, и так далее. Вам выписывается вот такая сумма подъемных и бесплатные билеты. Вы выбираете город первоначального пребывания, куда вы прибудете. Дальше поедете куда угодно, там выделена квартира, работа и прочее.

Нам же на самом деле абсолютно наплевать и на тех своих, которые внутри границы, и на тех своих, которые за пределами

Далее. Воля ваша, Россия это если не православие, то хотя бы вообще христианство. И здесь возможны очень небольшие отходы. Поскольку подавляющее число советских граждан были, конечно же, атеистами. Значит, это или христиане, или атеисты, или люди, которые иному вероисповеданию практически не придают никакого значения.

Далее, это ментальность, это вся сфера поведения, это вся система ценностей.

Здесь невозможно прописать абсолютно все на свете. Невозможно избежать каких-то ошибок и злоупотреблений на местах. Это, простите, почти как фейс-контроль при впуске куда-нибудь.

– И это будет экзамен по русскому языку, графа «вероисповедание», а дальше – вся наша родная бюрократия и хамство, о которых вы сами только что говорили.

– Нет, не так. Потому что есть люди, имеющие преимущественное право.

И с этой точки зрения таджик-мусульманин, говорящий с акцентом по-русски, будет получать разрешение на въезд и репатриацию в последнюю очередь. Когда до того будут репатриированы все остальные, и будет рассматриваться вопрос, репатриировать ли других.

– А что мы должны предложить этим людям здесь, чтобы они захотели приехать в Россию? Ведь из Прибалтики русских сюда не заманишь.

– В ряде стран это называется «корзина абсорбции».

Это означает, что когда человек приезжает, то он без всяких хлопот получает паспорт или временный документ. Который через полгода и без всякого собирания справок будет ему заменен на постоянный паспорт.

Это безоговорочное разрешение на любые работы, которое дается автоматически.

Третье – это или жилье, соответствующее тому, что нужно ему или его семье по санитарным нормам. Или сумма денег – реально адекватная тому жилью, которое ему полагается. И адекватное по рыночной стоимости, а не по тем нашим выкладкам, которые составляются ворами.

Человек получает деньги на первые полгода жизни. Потому что ему нужно осмотреться, привыкнуть, найти работу. Ничего больше.

Я повторяю: деньги на это были. В течение ряда лет страна не знала, куда их девать. Но при этом страна принимала бесправных и нищих гастарбайтеров, потому что это выгоднее крупным бизнесменам. Рынок, наш оголтелый либерально-рыночный взлет, диктовали нам импортиро-

чем в Израиле, и чем в Штатах. По сравнению со Штатами у нас количество чиновников на душу населения выше примерно в четыре с половиной раза.

– **А нужно ли затевать эту громоздкую программу депатриации? Может, России выгоднее, чтобы эти люди оставались там и были, как вы выразились, агентами ее влияния, ее эмиссарами?**

– Если продолжать вашу логику, то мы придем к тому, что, может, не надо им возвращаться сюда, может, надо нам всем уехать туда...

– **Но смотрите. Когда развалилась Римская империя, когда пришел конец Британской империи, они же не тянули к себе людей с отпавших земель. Люди оставались жить там, где жили. Оставались агентами влияния римской или британской империи...**

– Нет, нет. Все было не так.

В Римской империи, которая разваливалась триста лет подряд, проблемы соотечественников не стояло. Того римского населения давно уже не осталось. У власти давно стояли фракиццы, германцы, Рим был населен как ни попадя со всех провинций.

Теперь что касается Британской империи. Была метрополия и были колонии, они же провинции. Метрополия никуда не делась. Что касается Индии, то оттуда англичане благополучно возвращались. Что касается далеких, проклятых Африканских и Азиатских уголков, то оттуда возвращались. А Австралия и Канада были уже состоявшимися странами, где люди жили в течение довольно многих поколений и ощущали себя «тутейшими». Местными.

У нас ситуация другая. Российская империя была территориально целостна, едина. При распаде многие оказались за пределами метрополии в одночасье. Причем деление производилось по сугубо условным, формальным административным границам.

– **Ну почему в одночасье? Началось-то в 17-м, когда отпали Польша, Финляндия...**

– Нет, с 17-го уже все давно перемерли. Я имею в виду осень 91-го года. Здесь вопрос был другой.

Русскому меньшинству в ряде новых стран показывали абсолютно жестко: вы здесь чужие, пошли вон. И помочь им не было никакой, ни с какой стороны.

Мы предпочитаем не говорить о геноциде русских в Чечне. А это было раньше, чем бомбардировки российской авиа-

границ. Каждый занят своим. Одни воруют, другие завидуют, третья думают, как бы выжить.

– **Сколько же жулья сбежится на раздачу денег!**

– Столько жулья, сколько в русском бизнесе, здесь не будет. Потому что, как правильно сказали, невозможно лечить болезни, не леча организма.

Когда ребятам в Чечне говорится: да мало ли, что вы подписывали контракт, а денег на боевые нету. А рядом ходят другие и говорят: мужики, вот подписывайте, и за пятьдесят процентов мы вам ваши деньги добудем.

Значит, так: первое – расстреливается начфин части. Перед расстрелом с него снимается допрос с физическим воздействием, чтобы он заложил тот кусок вертикали кверху, куда взятки идут. Третье – после этого расстреливается его комполка, потому что без его участия это невозможно. Четвертое – на месте пристреливаются те ухари, которые обещают все за пятьдесят процентов.

– **Уже гора трупов.**

– Как только вы пустите с молотка особняк одного генерала с Рублевки и деньги эти раздадите тем, кому давно обязаны были заплатить в армии, гора трупов кончится. А сейчас она не кончается никогда. У нас и в центре Москвы пристрелять, кого надо, раз плюнуть. Меры поощрительные и меры карательные всегда должны сосуществовать, в противном случае вас будут резать перочинными ножиками прямо у вас дома.

– **А как вы относитесь к двойному гражданству?**

– Лично я к двойному гражданству отношусь абсолютно спокойно. А почему бы и нет? Это чисто юридический момент, облегчающий людям жизнь, в нашем очень сильно забюрократизированном мире. Все, что снижает степень бюрократизации, должно приветствоваться.

– **А говорят, что в том же Израиле такая бюрократизация, что наша по сравнению с израильской – ерунда.**

– Вы знаете, и в Израиле, и в Великобритании, в Штатах, действительно, колоссальная бюрократия. И народ там воет. Но такого беспрания человека перед лицом бюрократии, как у нас, я думаю, не существует нигде. Потому что там, если ты зашел на этот эскалатор, то тебе нужно тихо и постепенно брать и заполнять бумажки, и тебе по ним все будет. Тебе придется набраться терпения, но тебе не поставят препон и не обрадут.

У нас ты собираешь бумажки, будучи реально беспомощен перед лицом бюрократа. Что он захочет, то и будет. И жаловаться будет некуда. У нас количество государственных чиновников на душу населения больше и чем в Англии, и

цией Грозного. Мы предпочитаем не говорить о геноциде в Таджикистане и этнической чистке. Я не знаю, то ли это такие политкорректные журналисты, то ли это говорят верхов, которые ради своего экономического благополучия предпочли не говорить об этом.

Так что мы имеем совершенно другую ситуацию. Когда люди осознают, что они принадлежат к России, а живут они не на родине.

И когда я в Эстонии слышу в русской телепередаче «наша страна», извините, но это немножечко бред. Потому быть по самоидентификации русским, или, как говорят сейчас, русскоязычным, это не только говорить по-русски и рассказывать своим детям, что Пушкин – наше все. Это является частью русской культуры, истории и народа, который к России привязан совершенно жестко. Потому что если отрезать человека от России, то ему нет смысла говорить по-русски. Получается, что ты просто эстонец второго сорта, который говорит на негосударственном языке и все. У человека (это редко понимают и мало говорят) есть два уровня самоидентификации. Индивидуальный, личностный, и социальный, общественный.

Человек всегда идентифицирует себя как «я», такой-то или такая-то, с такими-то качествами, языком, образованием, друзьями, взглядами, профессией. И «мы». А «мы» это уже может быть – «наш район», «наша школа», «наш город» или «наша контора». Но максимум «мы» это «наш народ» или «наша страна». Людям это свойственно на уровне инстинкта.

То есть. Это мы брали Берлин. Мы вышли в космос. Это мы победили на поле Куликовом. И это мы приняли христианство тысячу лет назад.

– А может, это просто идеологические приемы и имперская риторика?

– Очень часто так говорят. На этом паразитируют и спекулируют банды идиотов. Но это категорически не риторика.

Людям на уровне устройства Вселенной присущ социальный инстинкт. Социальный – это означает: осознавать и ощущать себя как часть единого целого. Иначе не бывает в природе. Потому что формы существования материи есть: неорганическая, органическая и социальная. Социальная форма существования материи так же объективна, как и две более простые. Социум собирает себя из человеков. Мы сейчас не будем

углубляться в проблему свободы и выбора. Но если человек осознает себя русским, то он отождествляет себя со страной Россией, русской историей, русским всем. Слова «имперские замашки» идут просто от глупости, а большинство людей являются глупыми.

– Но, согласитесь, скажут о ком-то «у него имперское мышление» и понятно – сказали гадость.

– Вы знаете, о человеке можно сказать много гадостей. Можно сказать, что он «патриот», «еврей», «русский», «коммунист», а можно сказать, что он «капиталист».

– То есть ощущение себя частью российской империи – это нормально?

– Слово «империя» не имеет здесь никакого значения. Заметьте, я этого слова не употреблял. Я говорил «Россия». Слово «Россия» можно заменить словами «Советский Союз».

{ Я к двойному гражданству отношусь абсолютно спокойно. Это чисто юридический момент, облегчающий людям жизнь. }

Если говорить о военно-политической истории державы, да – она складывалась как империя. Любое большое государство складывалось как империя. Франция складывалась из множества маленьких государств по имперскому принципу. Англия еще во времена Альфреда Великого складывалась как империя. Оставим эту историю в стороне.

Я имею в виду: есть моя страна. И независимо от того, живу я в ней или нет, я осознаю себя принадлежащим к моей культуре, моему народу, моей стране. Я могу из нее уехать, но ее судьба не перестает меня касаться. Потому что социальная самоидентификация не ограничивается языком.

Человек – это часть целого. Пятьдесят лет назад этот элементарный тезис не требовал никакого разъяснения. Меньшинство это понимало, а большинство просто выучило после тысячекратных повторений.

А когда 20 лет назад наступило царство неолиберальной идеологии, главным стало «не дать себе засохнуть» и «брать от жизни все», то большинство стало это воспринимать как демагогию и старое имперское мышление. Это получается, что в любые века в любой стране любой патриот, отдавший жизнь за родину, вместо того, чтобы тихо сидеть дома и заниматься домашним хозяйством, обладал гнилым имперским мышлением. Все это очередная бредятина. ●

«НУЖНО МЕЧТАТЬ О ВОЗМОЖНОМ, А ЖЕЛАЕМОЕ ОСТАВИТЬ ПРИ СЕБЕ»

ВЕРА МЕДВЕДЕВА, ПАРИЖ

Двадцать фильмов,
восемнадцать сценариев,
двадцать шесть
кинематографических наград,
да ко всему прочему еще и
четыре поставленные оперы.
Мировая критика так пока и не
смогла вместить разноплановое
творчество Андрона
КОНЧАЛОВСКОГО в какие-то
рамки.

П

очему вы назвали «Глянец» ва-
шим самым пессимистическим
фильмом?

– Потому что во всех моих
прежних картинах в конце всег-
да остается какая-то надежда,
а в этом фильме – никакой. Хотя, кто зна-
ет, может быть, я сниму «Глянец-2», а там,
глядишь, и появится надежда.

– В Париже зрители очень хорошо приняли
этот фильм. А российская критика вас боль-
ше хвалила или ругала?

– Антон Павлович Чехов говорил, что у
нас в России всегда ругают, поскольку
хвалить опасно, можно ошибиться. А когда
ругаешь, то – на всякий случай – как будто
«поднимаешься» над тем, кого ругаешь.

– Когда-то вы сказали, что центры современного искусства переместятся в те
страны, культура которых сможет сопротивляться глобализации. Это Китай,
Азия и даже Латинская Америка. Вы не включили в этот список Россию...

– Да, поскольку считаю, что, к сожалению, Россия гораздо больше подвер-
жена культурной глобализации, чем названные мною страны. Причем под-
вержена главным образом американскому влиянию.

– А как же постоянные разговоры об особой духовности Рос-
сии и ее особой культурной миссии?

– А что вообще означает «особая духовность»?

– Я-то не знаю, потому у вас и спрашиваю. Милицейские
сводки переполнены чудовищными преступлениями, в том
числе против малолетних детей, а политологи рассуждают на
тему духовности России. Непонятно, как это совместить...

– Я тоже не знаю, что такое духовность. Если речь идет о том,
что можно бесконечно мечтать о будущем и ничего не делать
для этого будущего, называя все это «духовностью», то – по-
жалуйста. Лично мне кажется, что любая нация имеет свой,
особый дух. И считать, что мы «духовнее» других, не стоит.

– Может быть, сейчас, во время кризиса, Россия удастся из-
бавиться от многоного «наносного», в том числе и в культуре?

– Не нужно рассчитывать, что кризис может все вылечить.
Россия всегда очень старается быть Европой, и, поскольку
все время ее имитирует, ей неизбежно придется «отдаваться»
западной культуре. Причем не в лучших ее проявлениях, а в
самых простейших, внешних. Пить кока-колу и носить «Хьюго
Босс» еще не означает принадлежать к западной культуре.

– До сих пор можно встретить людей, убежденных в том, что
несколько столетий назад Россия совершила ошибку, взяв
курс в сторону Европы. Вы так не считаете?

– Я делаю кино, а не пытаюсь строить какие-то философ-
ские обобщения, да и потом, совершенно разные мысли
могут приходить в разные периоды даже одного и того же
дня, не говоря уж о целой жизни. Но мне кажется, перед
Россией сейчас очень серьезно стоит проблема самоиден-
тификации. Может, кому-то это покажется обидным, но про-
блема такая же, как, скажем, у африканских стран.

– Получается, Россия переживала, переживала разные пе-
риоды, а все никак не самоидентифицируется?

– Когда существовал Советский Союз, то была хоть и слож-
ная, но вполне четкая сущность: мы – особые люди, строим
социализм, у нас многонациональное, единое государство.
Но сейчас все это закончилось. Россия осталась одна в чи-
стом поле со своими соседями и даже празднует при этом

абсурдный праздник – День независимости. Независимости от кого? Я этого не могу понять. Как можно праздновать День независимости, когда мы отпустили массу зависимых от нас республик? Получается, мы празднуем день их независимости.

Хотя, честно говоря, мы уже опоздали с самоидентификацией русских. Мир развивается невероятно быстро. Мировой финансовый кризис, экологические проблемы, терроризм, политическая ситуация – все это настолько угрожающе, что народы должны вместе сопротивляться глобальным опасностям. Многие вопросы просто не могут быть решены в национальных границах, а следовательно, человечество должно выработать какие-то совершенно новые механизмы их урегулирования.

Причем рассчитывать на политиков в большинстве случаев не приходится. Если раньше политические партии всегда считались основой демократии и вполне единственным механизмом решения многих задач, то сейчас они зачастую просто бессильны. Левые, правые, центристские партии, их борьба – все смешалось в одну кучу и давно превратилось в аморфную жижу. Между левыми и правыми разницы практически никакой. Взять ту же Францию. Саркози, с одной стороны, воспринимает некоторые идеи Социалистической партии и даже приглашает социалистов в свое правительство. А с другой стороны, утверждает идеи Ле Пена, очень многое у него позаимствовал. Получается, Ле Пен был прав, хотя еще недавно его «гнобила» французская пресса.

Время самоидентификации прошло. Уже просто некогда этим заниматься. Для этого были XVI, XVII, XVIII века. В эти века Россию попытались идентифицировать с Европой, создав из нее некую имитацию Европы.

– **Но, наверное, все-таки правильно, что нас «подтянули» к Европе?**

– Кто может сказать это наверняка? Мы не можем ответить ни «да», ни «нет». Куда подтянули и зачем? Никуда. Ничего не изменилось. Строительство Санкт-Петербурга, ношение европейских камзолов и париков совершенно не изменило российскую ментальность. Может быть, поэтому Россия до сих пор недружелюбно рассматривается Западом. Иногда с уважением, но в целом недружелюбно. Я бы сказал, что к России относятся с осторожной враждебностью. Запад боится России. Нам же, русским, нужно перестать вечно стараться понравиться Западу. Мы все время хотим, чтобы нас любили, а в результате делаем какие-то глупости. Зачем кому-то нравиться? Нужно строить нормальную жизнь в своей собственной стране для своих собственных граждан. Люди должны сами гордиться своей страной, а не ждать одобрения от

{ **Мне кажется, что любая нация имеет свой, особый дух. И считать, что мы «духовнее» других, не стоит.** }

кого-то. Никто не должен навязывать России путь, как ей развиваться, и потом ждать, что она непременно пойдет именно по этому пути. Это – невозможно. Если же кто-то хочет невозможного, то может сколько угодно пытаться, а потом в конце концов просто лопнет. Нужно мечтать о возможном, а желаемое оставить при себе.

– **А что для России означает «возможное»? Представляете, как обидно россиянам будет услышать, что, по вашему мнению, в России невозможна демократия.**

– Это совершенно не должно никого обижать. Тем более что большинство просто-напросто не представляет, что такое демократия. Я лично когда-то провел опрос среди ста российских крестьян. Среди вопросов был и вопрос про демократию. Никто толком так и не смог сказать, что же это означает, и лишь один ответил: «Демократия – это когда все можно и вообще все хорошо».

В России уже сейчас демократии полно, но при этом, парадоксальным образом, она не существует. Наша история так и не научила россиян правильно обращаться со своей свободой. Обижаться тут не на кого, если только на Господа Бога. Просто не возникло соответствующих исторических предпосылок. С другой стороны, зачем вообще нужна демократия, если она реально не функционирует? Совершенно необязательно, что при демократии будет рай земной. От многих можно услышать, что демократия решит все проблемы. лично я считаю, что это заблуждение.

Провозглашаемые права человека также являются довольно абстрактным понятием. Права человека не универсальны. У каждой нации они свои. Да и, кроме того, одна нация

знает свои права, а другая просто может их не знать. Постоянные разговоры о правах человека – это отголоски той иллюзии, которая родилась после Второй мировой войны, когда была принята знаменитая Декларация прав человека. Обжегшись на нацизме, в панике само слово «национализм» стали считать негативным и все заменили некими всеобщими унифицированными правами. А ведь национал-социализм и национализм – это разные вещи. Национализм не так уж и плох, он нередко помогает людям выжить. Абстрактные же права человека – это поспешно принятая идея. По этому поводу очень хорошую статью написал президент Чехии Вацлав Клаус. Она называется «Почему я евроскептик».

– **А вы – евроскептик или нет?**

– Я не политик, поэтому мне трудно сказать. Но думаю, закат Европы все-таки происходит, и те, кто об этом писал, были правы. Европейская цивилизация подходит к варварству и к своему концу. Это, кстати, подтверждает абсолютный упадок европейского изобразительного искусства.

– **Упадок изобразительного искусства вы рассматриваете как синоним заката цивилизации?**

– А как же? Конечно! Все ориентиры потеряны, постмодернизм снял все ограничения. Посмотрите, постмодер-

Люди должны сами гордиться своей страной, а не ждать одобрения от кого-то. Никто не должен навязывать России путь, как ей развиваться.

низм пришел даже в политику: например, провозглашается, что бомбардировки сербов осуществлялись для их же собственного блага и развития демократии. Это – просто нонсенс!

– **Получается, что в современном мире демократия – это иллюзия, права человека – тоже, Европа «закатывается». Так куда же движется человечество?**

– А что вы так обобщаете – «человечество»? Одно дело – Европа, другое дело – человечество. Это разные вещи. Европа многие сотни лет вообще не знала о существовании других цивилизаций и считала себя пупом Земли и центром Вселенной. А оказывается, за тысячи лет до нее уже развивались цивилизации Латинской Америки, Китая, Индии. Европа более или менее знала только своих врагов – мусульман – и боролась с ними. Остальное ее мало интересовало. Для Европы история начиналась с истории античного мира, в то время как до этого уже пять тысяч лет существовала индийская цивилизация. Европе не следует думать о себе как о колыбели мировой цивилизации. А сейчас, к сожалению, ей нужно приготовиться к разложению. Может быть, когда-нибудь потом начнется ее очередной Ренессанс, поскольку, исходя из теории цикличности, обычно после варварства появляется новая цивилизация.

– **А как вы относитесь к мнению, что у России всегда свой особый путь?**

– Может быть, и особый – не европейский, не азиатский – но какой? Вот что нужно понять. Я согласен, что не азиатский и, наверное, не полностью европейский. Один очень умный человек написал: Европа – это большая базарная площадь, где Запад торгует с Востоком. На эту базарную европейскую площадь с Востока приходит сейчас нефть, золото и древесина, а с Запада – демократические

идеи, а потом происходит процесс торговли. Те, у кого есть что продавать, продают нефть и газ, а те, на Востоке, у кого ничего нет, торгуют своей самоидентификацией. И вполне готовы продать за деньги свои национальные традиции, чтобы обменять их на какую-то абстрактную европейскую цивилизацию. А из этого, конечно, ничего не получается.

– **Но если, как вы считаете, демократические институты не присущи русскому народу, то, наверное, все-таки его можно «научить» демократии. Как?**

– Здесь может помочь только реформа национального сознания.

– **Словосочетание красивое, а что это означает на практике?**

– Должна осуществляться целая программа, на которую нужно тратить деньги и колоссальные усилия средств массовой информации. Знаменитый историк и философ Зиновьев когда-то замечательно сказал, что «сегодня история управляема». Сейчас вполне можно управлять сознанием масс, только нужно сконцентрировать определенные государственные усилия на соответствующем направлении. Не для того, чтобы зомбировать человека, а для того, чтобы воспитать в нем некие этические нормы, которые не свойственны русскому православному сознанию.

– **Мы смотрим много западных фильмов, однако это не сильно меняет наши установки.**

– Кино ничего не меняет, и вообще, искусство не может изменить человека. Это очередная красивая иллюзия XIX века.

– **Интересно. Обычно кинематографисты доказывают, что они «творцы человеческих душ». Я думала, вы тоже будете защищать эту мысль.**

– Не стоит защищать то, что невозможно.

– **А в чем же тогда лично вы видите смысл искусства, если он вообще существует?**

– У искусства вполне может и не быть какого-то особого смысла. Оно может быть развлекательным и забавным. Смысл присутствует уже тогда, когда человек пришел, например, в кинотеатр и посмеялся. Если же художник серьезный, то смысл его творчества – это всегда попытка понять человека. При этом нужно отдавать себе отчет, что никогда до конца его так и не поймешь. Искусство старается проникнуть в тайну человека, в мотивы его поступков либо же высветить его совершенную немотивированность. И все это разделить со зрителем, который посмотрит, а потом, наверное, забудет.

– **Вы часто стараетесь показаться циником, хотя, похоже, вовсе им не являетесь, и говорите, что только настоящий циник может любить людей. Почему?**

– Школа циников считала, что человеку свойственно как хорошее, так и плохое. Человек не создан для счастья, как птица для полета, и люди зачастую бывают мерзкие и отвратительные. И это – тоже человеческие качества.

– **Но трудно любить людей, когда они мерзкие...**

– А кого еще любить? Наряду с ужасным в человеке бывают и божественные проявления. Все-таки в человеке есть какое-то чудо. Конечно, люди заслуживают и всего хорошего, и всего плохого. И, возможно, больше плохого. Все мы видим, до чего человечество довело Землю.

– **Вы больше не верите в то, что «красота спасет мир». А что тогда?**

– Мир спасет страх смерти, страх уничтожения. У живой природы есть главный стимул – не умереть. Вся живая природа строится на стимуле прокреации и страхе смерти. Может быть, раньше существовали какие-то иллюзии, но все равно человечество всегда спасал именно страх смерти и страх прекращения рода.

– **Мы, россияне, часто виним в своих проблемах всех, кроме себя. Как вам кажется, что нужно пытаться изменить россиянам, чтобы и страна жила лучше, и они сами?**

– Мы не знаем своего будущего, не знаем даже, что случится завтра. Но нельзя отрицать того, что России в силу своего природного богатства и своих пространств – пока, к сожалению, в большинстве своем не освоенных – всегда суждено быть крупнейшим мировым игроком. Для этого нужно, чтобы те люди, которые управляют Россией, понимали, что у них в руках, а не разбрасывали бы и не раздаривали эти богатства.

И нужно перестать стараться всем нравиться, а тихо и хорошо делать свое дело, тогда и процветание придет. Кроме того, россияне должны научиться ценить свободу и свой собственный труд. В России люди не ценят своего труда, никогда не ценили. Возможно, потому, что плохой климат не способствовал вере в результаты труда. Каждые два года – неурожай. Работай не работай, все равно много не получишь. Все это и выработало у русского человека определенный исторический пессимизм. Он вообще лишен деловой хватки. Но парадоксальным образом у самой России все равно великая история и впереди, я надеюсь, нормальное будущее. Россия не должна развалиться. У нации, как и у отдельного человека, существует инстинкт самосохранения. Хотя наша нация в этом смысле одна из наиболее пассивных и, я бы даже сказал, способных к самоуничтожению. Нам нужно отдавать себе в этом отчет и пытаться преодолевать в себе это. ●

РОССИЙСКИЙ ЛЕПЕСТОК «НОВОГО ЦВЕТКА»

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

Первый визит
в «Балча-госпиталь»,
как называют в Аддис-Абебе
больницу российского Красного
Креста, оставил неизгладимые
впечатления.

К этому моменту я провел в разных странах Африки больше месяца и уже забыл, как звучит родная речь. И вдруг будто кусочек родины материализовался в Эфиопии, в самой глубине Черного континента: много русских лиц, родной язык, кустик земляники, растущий на пригорке, старая «Волга»—«скорая помощь» у ворот и даже запах русской бани, доносившийся непонятно откуда... Да и само здание госпиталя — коридоры, лестницы, регистратура, кабинеты, очереди — напоминало до боли знакомую типичную районную поликлинику. Только вот в очередях здесь томились темнокожие люди. Тогда я и не предполагал, что мне предстоит вернуться сюда и проработать в «Балча-госпитале» больше года.

ЭНТУЗИАСТЫ XIX ВЕКА

Сначала госпиталь размещался в палатах, что создавало огромные проблемы медикам. Родственники больных вели себя в клинике как дома. Приносили продукты и устраивали трапезы, в период холодов и дождей оставались ночевать в лазарете, хором пели песни и молитвы, оплакивали умерших. Врач-хирург Н. Бровцын писал в дневнике:

«Мы удручены, поражены, убиты; ищем крюков покрепче и веревок потолще...»

С эфиопским императором Менеликом II было условлено, что Русскому госпиталю создадут условия для работы и построят специальное здание. Работу поручили местным мастерам, которые умели строить только из глины и соломы. Получившееся здание длиной 25 метров с соломенной крышей и верандой смотрелось на фоне местных хижин царским дворцом. Менелик гордился этим шедевром зодчества. Особое восхищение императора вызывала веранда, имевшая своеобразную колоннаду из массивных бревен, и каждому вновь появившемуся при дворе иностранцу Менелик советовал увидеть ее.

Русские врачи отмечали почти полную медицинскую неграмотность даже эфиопской аристократии. Например, совершенно невероятным представлялось им действие хлороформа. Солдаты под наркозом нередко начинали выкрикивать боевые лозунги, «бегать и стрелять» на операционном столе. Посовещавшись со своими придворными знахарями, Менелик решил, что хлороформ заставляет говорить правду. Император направил к русским врачам двух человек, подозревавшихся в совершении преступления, полагая с помощью чудесного препарата выведать правду. Но хирурги категорически отказались использовать наркоз в подобных целях.

Русские врачи открыли в Аддис-Абебе медицинские курсы, а П.В. Щусев написал первое в истории страны пособие по основам медицинских знаний

ГОРОД-ЦВЕТОК

На русский язык с амхарского «Аддис-Абеба» переводится как «Новый цветок». Город основала в 1886 году императрица Таиту, романтическая особа, обожавшая цветы и национальный колорит.

Новый цветок расцвел среди зеленых гор, черных скал и ароматных эвкалиптовых лесов. Считается, что Аддис-Абеба – одно из лучших на земле мест для жизни человека. Здесь никогда не бывает слишком жарко – 25–30 градусов круглый год, никакой малярии, свежий горный воздух, сочная зелень. Но есть и другая Аддис-Абеба: роскошные виллы и сверкающие витрины супермаркетов буквально соседствуют с трущобами и сарайями – такая вот своеобразная «интеграция» богатых и бедных в столице Эфиопии. Центральные улицы города напоминают американские горки: машины то ползут вверх, то падают вниз.

Бросается в глаза обилие на улицах красивых людей. Женщины – с длинными африканскими косичками, из которых у каждой на голове воздвигнута целая прическа: у одних косички заплетены зигзагами, у других – кругами, у третьих – волнистыми линиями, треугольниками, ромбиками... Нет ни одной одинаковой «укладки»!

Тротуаров в Аддис-Абебе почти нет, все ходят по проезжей части. Водителям приходится постоянно обходить идущих, сигнализировать им, чтобы те уступили дорогу. Пешеход в Эфиопии – равноправный участник дорожного движения. Встречаются и «грузовые пешеходы». Женщины из окрестных деревень ташат в город здоровенные вязанки с ветками эвкалипта. У некоторых груз тянет килограммов на 40 и достигает трех метров в ширину. Такие пешеходы имеют преимущества на дороге. Все прекрасно понимают, какой нужный груз они доставляют. Ведь до сих пор добрая половина эфиопской столицы обогревается и готовится пищу на эвкалиптовых дровах. Те, кто побогаче, перевозят дрова на ишаках. Часто можно видеть, как небольшая колонна осликов движется по правой полосе абсолютно самостоятельно, без погонщиков.

А вот и Русская улица в старом квартале города. Именно здесь 110 лет назад появился госпиталь российского Красного Креста.

и правилам личной гигиены «Врачебные советы для абиссинцев». В 1906 году Русская миссия отправилась на родину, оставив больницу со всем инструментарием абиссинскому Красному Кресту, учрежденному императрицей Тайту.

Новая история госпиталя началась в 1947 году, после установления советско-эфиопских дипотношений. Эфиопское правительство предоставило советскому Красному Кресту здание и территорию сроком на 50 лет. Госпиталь расположился на новом месте, в районе Лидета, и был назван в честь национального героя Эфиопии деджазмача (один из высших феодальных титулов Эфиопии. – Прим. ред.) Балча. Успешное лечение тяжелейших форм туберкулеза, отравлений, сепсисов, полиомиелита, малярии снискало славу Русскому госпиталю как одному из лучших в Восточной Африке. В 1978 году было построено современное здание из стекла

В больнице работает около 80 специалистов, командированных из России, и 230 человек, набранных из местного населения.

и бетона. Кабинеты оборудовали по последнему слову техники, что позволило проводить сложнейшие операции и стало настоящим прорывом для Эфиопии.

В 90-х годах на госпиталь свалилась масса тяжелых проблем. С одной стороны, распад Советского Союза и прекращение помощи, с другой – гражданская война в Эфиопии, отделение провинции Эритреи, смена политического курса. Но в 1997 году было заключено новое Соглашение между Минздравом Эфиопии и российским Красным Крестом, которое продлило работу госпиталя еще на 25 лет.

В 2003 году госпиталь снова попал в сложную ситуацию. Больница имела огромные долги, и шел разговор об изменении ее статуса или закрытии. Спасать положение был призван известный специалист российского Красного Креста, возглавлявший госпиталь в 1982-1987 годах, доктор медицинских наук Анатолий Ермаков. Огромный опыт нового директора, работа в Иране, Чаде, Нигерии, Камеруне, на Кубе и его профессионализм помогли старейшему госпиталю преодолеть кризис и перейти на самофинансирование.

зом, чтобы богатые платили за бедных.

Основа выполнения финансовых планов госпиталя – операционный блок, а также высококлассные палаты стационара, которые всегда заняты. Европейцы и американцы, туристы и дипломатические работники, сотрудники международных орга-

120 ТЫС. БОЛЬНЫХ В ГОД

Сегодня «Балча-госпиталь» – это много-профильное лечебное учреждение, включающее в себя большое поликлиническое отделение, рассчитанное на 400 посещений в день, и стационар на 225 коек, состоящий из четырех отделений: хирургического, терапевтического, инфекционного и реанимационного. В госпитале функционируют лабораторное, физиотерапевтическое, рентгенологическое отделения, компьютерная томография и т.д. В больнице работает около 80 специалистов, командированных из России, и 230 человек, набранных из местного населения. Российские сотрудники проживают на территории госпиталя, больничную часть территории от жилой отделяет парк из эвкалиптов и фруктовых деревьев. В целом нагрузка у врачей и медсестер здесь в два раза выше, чем в российских больницах. Каждый терапевт оказывает помощь в среднем 13 тыс. пациентов в год. Общее число принимаемых за год больных доходит до 120 тыс.

Сейчас, когда госпиталь находится на самофинансировании, благотворительных бесплатных программ осталось немногого. Например, госпиталь сотрудничает с международной благотворительной организацией «Чеширский дом», созданной для помощи детям с последствиями полиомиелита. За 15 лет сотрудничества наши врачи прооперировали более 1200 детей, выполнив около 1600 реконструктивных операций. Самые бедные пациенты при наличии соответствующих документов из районного управления лечатся в госпитале бесплатно. Платное лечение в третьем классе стационара стоит около \$3 в сутки, а в первом классе и люксе – в десятки раз дороже. Система построена таким обра-

низаций часто выбирают именно Русскую клинику. Даже несмотря на то, что в городе в последнее время появилось несколько госпиталей с современным оборудованием: рейтинг русских врачей по-прежнему очень высок. О престиже Русской больницы говорит и тот факт, что именно сюда поправить свое здоровье приезжает патриарх Эфиопской ортодоксальной церкви и другие представители эфиопской элиты.

«НА ТО ВОЛЯ БОГА!»

В целом Эфиопия стоит на четвертом месте в мире по количеству инфекционных заболеваний. СПИД сегодня – одна из главных проблем страны. При этом брать анализ на ВИЧ без согласия пациента строжайше запрещено законом. Даже разговоры с пациентом на тему сдачи анализа на ВИЧ может вести только особый специалист – каунслер. В «Балче» работает несколько каунслеров-эфиопов, но далеко не всегда удается получить согласие пациента на анализ.

Эфиопия – страна специфическая. Особенности менталитета работают совсем не на руку врачам. Эфиопы очень набожны: считают, что абсолютно все – во власти Бога. Поэтому руки моют редко, едят сырое мясо и даже от СПИДа никак не хотят предохраняться. Распространение туберкулеза вообще приняло угрожающий размах, особенно в столице. Иногда набожность эфиопов принимает совсем уж странные формы. Например, они могут ни с того ни с сего прыгнуть под колеса машины. Согласно местным поверьям, перебежать дорогу перед самой машиной – значит «отсечь чертей», которые частенько «садятся на хвост». Ну а если чертей не отсек, то с чертами встретился... А нашумевший на весь мир голод 80-х годов?! Люди просто сидели и ждали помощи от Бога. Да, тогда был неурожай. Но ведь Эфиопия – не пустыня. Здесь очень богатая флора и фауна. Кругом много диких гусей, рыбы, но никто ничего ловить не собирался. Люди просто сидели и умирали... Исключитель-

ная вера в Бога способствует и тому, что люди приходят в госпиталь с крайне запущенными заболеваниями.

Продолжают эфиопы и «развлекать» русских врачей почти так же, как сто лет назад. Аборигены племени мурси (те, что вставляют дощечки в нижнюю губу и мочки ушей) своим появлением в госпитале в 2005 году произвели фурор. Большинство жителей Аддис-Абебы никогда живьем этих аборигенов тоже не видели. Поэтому в течение двух часов фотографировались с туземцами не только русские, но и эфиопские сотрудники госпиталя. Сметливые мурси брали по 5 бирр (около \$0,5) за снимок. Когда же их спросили, зачем они пришли, то в ответ услышали: «Зубы подлечить... ну, и заработать на корову».

Эфиопский персонал госпиталя – особая тема. Кое-кто учились в медицинских вузах России, другие – выпускники местных учебных заведений. Администрация госпиталя создает все условия для изучения русского языка и стимулирует сотрудников к этому. В результате почти все говорят по-русски. Некоторые эфиопские сотрудники – местные знаменитости. Например, водитель Иосиф был активистом оппозиционной партии на выборах 2005 года. Пытаясь опротестовать официальные результаты выборов, оказался за решеткой. Под нажимом международного сообщества Иосифа и других оп-

позиционеров освободили по амнистии в 2008 году.

Есть в госпитале эфиопская волейбольная команда, которая довольно успешно выступает в чемпионате страны. Проходят и товарищеские встречи с волейбольной командой посольства России.

На входе в госпиталь – вывеска на русском, английском и амхарском языках. Здесь же большой железный ящик, где посетители оставляют свои автоматы и пистолеты. Обстановка в Эфиопии по-прежнему сложная. Но одно из правил «Балчи» – никакого оружия на территории госпиталя.

Сотрудникам российского Красного Креста к экстремальным условиям не привыкать. Например, в мае 2005 года, когда проходили парламентские выборы и, по официальной версии, победила действующая власть, народ вышел на улицы. Едва не свершилась новая революция. Дороги были перегорожены баррикадами, всюду костры, стрельба... Госпиталь оказался почти в центре беспорядков. Но, слава богу, обошлось.

Другое дело в Иране. Анатолий Ермаков, руководивший в конце 70-х годов таким же госпиталем тогда советского Красного Креста, наблюдал исламскую революцию из окна кабинета. «Однажды, – рассказывает экс-директор, – вошли люди с автоматами и, не говоря ни слова, посадили меня в машину. Привезли в город Кум в резиденцию Хомейни. Там меня ждали еще три врача: анестезиолог из Швейцарии, уролог из Австрии, кардиолог из Германии. Все попали сюда примерно таким же способом, как и я. Вождю революции нездоровилось, и нас привезли ему на помощь. Все боялись брать на себя ответственность. Уролог готов был сделать операцию при условии гарантий со стороны анестезиолога, анестезиолог говорил, что даст разрешение на наркоз, если кардиолог поручится за сердце пациента, и т.п. Хомейни мы, конечно, помогли, потому как прекрасно понимали, что без этого нас отсюда не выпустят. Пришлось изрядно потрудиться, чтобы сделать все без-

операционно. После того как вождю стало легче, нас всех развезли обратно по своим больницам. На следующий день все участники этого принудительного «консилиума» бежали из Ирана со всех ног – первым же рейсом улетели назад к себе на родину. Один я остался. Но госпиталь в Тегеране мы все-таки потеряли. Хомейни заявил, что «неверные не могут лечить правоверных». Советский Красный Крест был вынужден свернуть миссию, а здание госпиталя со всем оборудованием подарить иранскому народу. Примерно таким же образом мы лишились и крупной клиники в Алжире. Так что «Балча» остается единственным госпиталем российского Красного Креста в мире».

ТРИНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ В ГОДУ

Самое необычное для русских врачей – работать в условиях местных традиций. Эфиопия, наверное, одна из самых архаичных стран мира. Сохранившаяся во многом тысячелетняя культура – прямое следствие того, что Эфиопия никогда не была ничьей колонией.

Так, страна живет по собственному календарю, в котором 13 месяцев. Новый год в Эфиопии – 12 сентября, и только в прошлом году здесь наступил 2000 год. Эфиопское время не имеет никакого отношения к Гринвичу. Новые сутки наступают с восходом солнца – в 6 утра.

День в «Балче» часто начинается с пения эфиопских священников. По соседству с госпиталем находится крупный эфиопский ортодоксальный храм. Священников там много, петь они очень любят и поют в микрофоны через мощные усилители. По всей округе разносятся утренние молитвы. Правда, слушая их песнопения, ни за что не догадаешься, что звучит христианская молитва. Все эти пряные восточные интонации, скорее, напоминают пение мантр индуистскими брахманами. По большим праздникам пение не прекращается всю ночь...

Российские женщины осваивают эфиопские экзотические продукты, стараясь приготовить из них традиционные для России блюда. Существует даже так называемая «Книга рецептов Балчи», где можно узнать, как испечь шоколадный торт, засолить черемшу, эфиопские грибы и т.п.

Сам факт проживания на высоте 2400 м над уровнем моря, в условиях, приближенных к высокогорью, очень сильно влияет на работоспособность. Особенно восприимчивые

европейцы периодически проходят курс оксигенотерапии. Распространенная шутка на эту тему – положение британского законодательства, согласно которому показания свидетеля, прожившего пять и более лет в Эфиопии, во внимание не принимаются.

В выходные дни для сотрудников госпиталя организуются поездки

в курортные зоны. Для полноценного отдыха на территории госпиталя имеются баня, спортивная площадка, а в клубе – русский бильярд. Здесь же расположена русская библиотека. За последние годы она пополнилась коллекцией дисков с музыкой и фильмами, главным образом русскими, чего так не хватает в далекой стране. У каждого сотрудника в квартире телевизор. Доступны основные российские телеканалы. Хорошую культурную программу обеспечивает и Российской центр науки и культуры в Аддис-Абебе. Хотя центр и расположен далеко от госпиталя, на особо интересные мероприятия, такие как выставки российских путешественников, встречи с заезжими российскими писателями и исследователями, администрация больницы организует специальные поездки.

Что касается жизни духовной, то, хотя Эфиопская церковь и близка Русской православной, обряды двух церквей имеют мало общего. В Эфиопии принято, например, снимать при входе в храм обувь, службы делятся по несколько часов и сопровождаются игрой на барабанах и танцами! Для этого даже существует специальный чин церковнослужителя – дабтара. Танцы, конечно, весьма специфические, напоминают притопывания и прихлопывания с наклонами влево-вправо. Рассказывают, что такой танец символизирует Христа, идущего на Голгофу. Весьма проблематично физически попасть в храмы во время службы – слишком много народа. Наверное, поэтому для русских сотрудников госпиталя настоящим спасением в этом смысле является Греческая православная церковь, которая существует в Аддис-Абебе более 80 лет.

ГУМАНИТАРНАЯ ПОМОЩЬ

Трудностей сегодня у госпиталя множество. Прежде всего это самофинансирование и отсутствие какой-либо финансовой поддержки извне. С одной стороны, заработанных госпиталем денег не хватает, чтобы обеспечить достойные зарплаты сотрудникам. У многих врачей зарплата здесь ниже, чем в России. Это затрудняет привлечение высококвалифицированных кадров. С другой – сам факт постоянно повышающихся цен за лечение в госпитале заставляет эфиопских чиновников подозрительно относиться к этому

{ «Балча-госпиталь» – это лечебное учреждение, включающее в себя поликлиническое отделение, рассчитанное на 400 посещений в день, и стационар на 225 коек. }

благотворительному учреждению. И уж совсем сложно госпиталю находить возможности для модернизации оборудования и ремонта помещений. Медицинское оборудование в большинстве своем изношено, инструментария не хватает. Травматологи нередко обращаются к работнику гаража, эфиопу по имени Люль, чтобы тот выточил необходимые для операции пластины, штифты, гвозди. Осложняется ситуация и возросшей конкуренцией со стороны новых, хорошо оборудованных госпиталей. Причем используются порой недобросовестные методы борьбы за клиентов. Сотрудники конкурентов появляются у ворот «Балчи», уговаривают всех направляющихся в госпиталь воспользоваться услугами их клиники.

Администрация больницы пытается привлекать спонсоров для модернизации госпиталя. Тем не менее проблему, в общем, это не решает.

Именно поэтому министр иностранных дел Сергей Лавров во время своего визита в госпиталь в 2006 году, обратив внимание на обветшалость больницы, обещал помочь. На докладной министра тогдашний президент, В.В. Путин, поставил резолюцию, чтобы госпиталю была оказана помощь оборудованием, инвентарем и медикаментами на сумму \$1 млн. В декабре 2008 года самолет МЧС доставил в Аддис-Абебу долгожданную помощь.

«В МУТНОЙ ВОДЕ ЗОЛОТУЮ РЫБКУ НЕЗАВИСИМОСТИ НЕ ВЫЛОВИШЬ»

ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

Впервые юбилей – 300-летие Полтавской битвы – вместе будут отмечать победители и проигравшие. Украина, Россия и Швеция, несмотря на разную историческую трактовку событий 1709 года, вновь сойдутся под Полтавой. О том, зачем и ради чего, рассуждает член-корреспондент РАН, директор Института российской истории РАН Андрей САХАРОВ.

Андрей Николаевич, как вы относитесь к тому, что в год 300-летия Полтавской битвы из-за информационных войн обозначились две интерпретации этого события? Первая: Мазепа – предатель, а Петр Первый – царь, выступавший за европеизацию России. Вторая: Петр – азиат и тоталитарист, а Мазепа – «евроинтегратор», разумеется, Украины в Европу.

– Я не отношу себя к числу тех, кто слишком серьезно относится к информационным войнам и тем тенденциям, которые сегодня проявляются в действиях украинского руководства относительно России и Полтавской битвы. Недальновидно на равных вести полемику с людьми, которые этой полемики недостойны. Дело же не в информационно-культурологических войнах, а в том, что несколько последних лет Украина, точнее, ее руководство круто повернуло в сторону антироссийского альянса с теми силами в ЕС и США, которые мыслят

категориями холодной войны и видят в России геополитического противника.

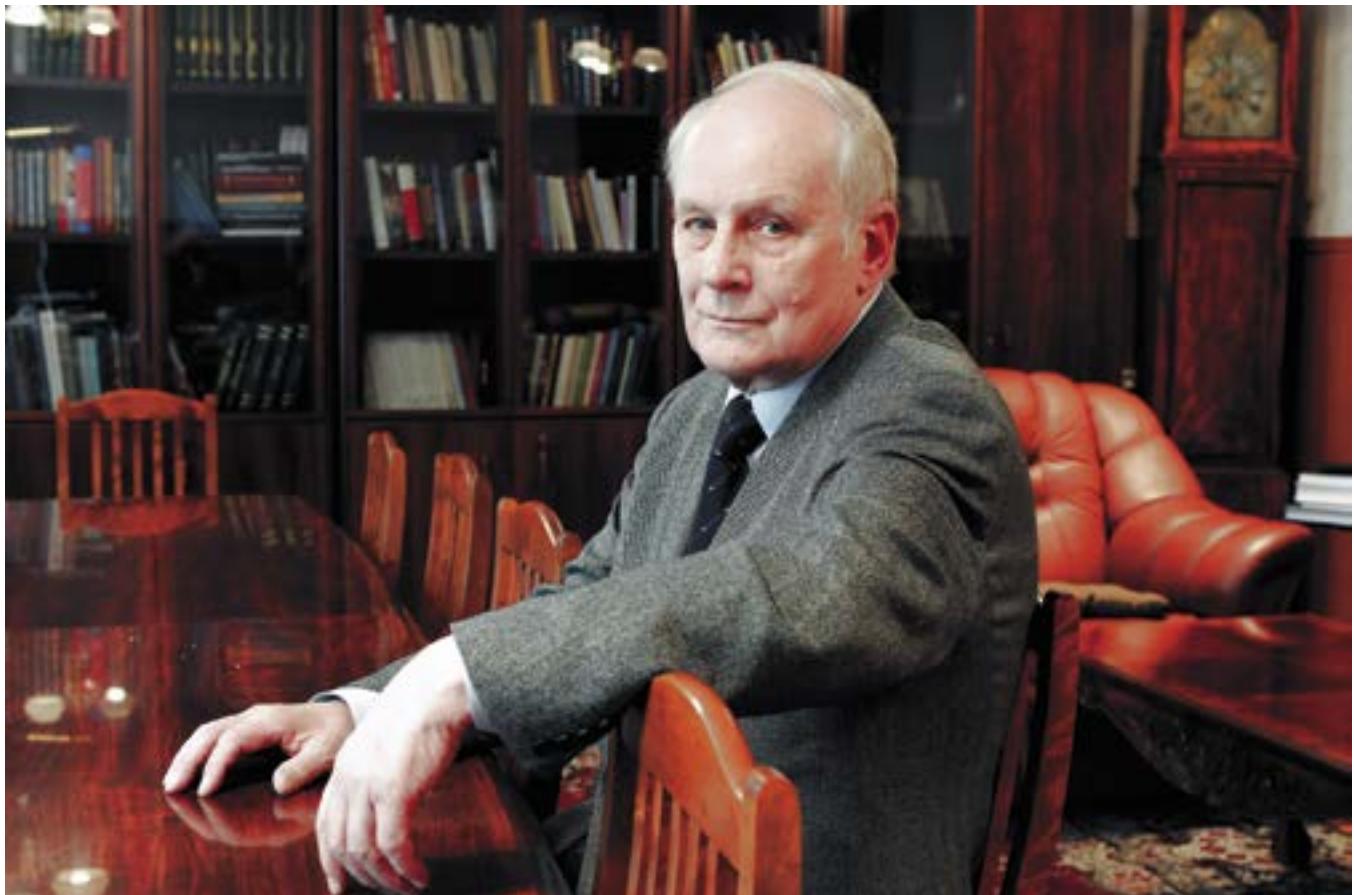
Что касается противоречий относительно историографии Полтавской битвы, то это – следствие противоречий внутри украинского общества. Как Украина не едина внутри страны, так и по отношению к России она не едина, соответственно, разнотечения появились и в отношении оценки Полтавского сражения. Чего не могу сказать об украинском народе. Основная его часть как была с глубины веков в дружбе с Россией, ощущала себя с русскими единым славянским и православным анклавом, так это ощущение и осталось. Оно традиционно дружественное, потому для большинства народа Полтавская битва – это общая победа украинского и русского народов.

– Что вы думаете как ученый об инициативе президента Украины Ющенко и его команды, предложивших Стокгольму поставить в Полтаве памятник Карлу XII?

– Как историк, я не могу комментировать бред. Это – к психиатру. А как гражданин – сочувствую больным. Я знаю, что когда со стороны украинских националистов возникла идея поставить памятник Карлу XII в Полтаве и они ее высказали Швеции, ее высшему руководству, те были изумлены, но тактично промолчали. Когда же просьбы повторились, шведы осторожно, но твердо отказались от сомнительной чести. Швеция благородно не включается в обойму информационных войн. Это страна с устоявшимися геополитическими и научными ценностями, со зрелым взглядом на российско-шведские отношения. Поэтому мы со стороны шведских политических и научных кругов не чувствуем противодействия, противостояния и тем более того, что вытворяют «коранжевые» идеологи Украины.

– А как вы относитесь к тому, что к 300-летию Полтавской битвы в центре Полтавы встанет памятник Мазепе?

– Это все та же внутриукраинская проблема. Идея памятника Мазепе не есть точка зрения народа, это точка зрения националистической части украинской элиты. Она ведет бурную и громогласную антироссийскую и русофобскую кампанию, перекраивая плюс на минус. Недавно в Москве прошла научная конференция по Полтавской битве. Там выступали украинские историки, включая ученых Полтавы.

союза с Петром Первым было то, что русский царь сам применял тактику «выжженной земли» на оккупированных шведами землях и Мазепу заставлял осуществлять ее.

– Что касается тактики «выжженной земли», то со стороны Петра ее не было. Русские просто применяли жесткую тактику в борьбе с противником. Я напомню: шла война, и на кону стояли независимость России и физическое выживание ее союзника – украинского народа. Целью ведь была не Полтава – через нее,

а потом через Смоленск враг целил на Москву. Такая война диктует определенную тактику выживания. Ее суть в том, что в пределах 60-километровой зоны Петр в направлении наступления шведов действительно приказал увозить продовольствие, делать завалы и другие преграды. И просил местных жителей о помощи. Кстати, сами украинцы уходили в леса, помогая русскому воинству противостоять шведской интервенции. И вот тут опять идет нагромождение бессовестной лжи. Истина в том, что тактику выжженной земли использовали шведы, не доверяя своему новому союзнику, Мазепе, ведь

Они спокойно и аргументированно рассматривали причины раскола внутри украинской элиты в период русско-шведской войны и причины предательства Мазепы. Я спросил их: «Могли бы вы на эти темы, с этими же выводами выступить у себя дома?» Они ответили: «Конечно, мы об этом говорили и говорить будем». Так что идея сооружения памятника Мазепе украинцами воспринимается далеко не так однозначно, как ее преподносит националистический официоз. Среди украинских ученых и народа закреплены иные ориентиры, нежели те, на которых настаивает «оранжевая» команда Ющенко. Реальность иная.

– Какой она представляется с исторической точки зрения? Вот, например, почему в современной Украине начинает распространяться мнение о том, что причиной отхода Мазепы от

он постоянно метался от одного покровителя к другому. И чтобы втереться в доверие к шведам, он лично проводил карательные операции против своего народа. Грабежи, поджоги, насилия, пленение жителей Мазепой и частью казачества, его поддержавшей, – это все зафиксировано не только российскими, но и европейскими историками. Они признают, что даже для шведских интервентов такая жестокость Мазепы казалась чрезмерной. Вот что было в реальности. Что, кстати, вызвало партизанское движение сначала в Белоруссии, а потом и на Украине. К партизанам присоединялась все большая часть украинского народа, поддержавшего Россию. С Мазепой остались, а потом сбежали с проигравшими шведами, по разным данным, от 4 тыс. до 6 тыс. казаков, что ничтожно мало.

– **На ваш взгляд, выдерживает ли критику тезис «оранжевых» о том, что Мазепа и казаки совершили не предательство, а перешли на сторону шведов ради завоевания независимости Украины?**

– Опять все с ног на голову. Да, частично Мазепу поддержала и Запорожская Сечь – та часть формировавшейся украинской элиты, которая не хотела иметь над собой ни власти Карла XII, ни Петра I, ни польской шляхты. Но ни в XVI, ни в XVII, ни в XVIII веках в тех исторических реалиях не было шансов и предпосылок для независимости Украины. Был выбор – ориентация на Россию или Польшу. Борьба за такую «независимость» велась руками казацкой верхушки ради своей золотой мечты: получить те привилегии, которые имела польская шляхта. Последняя владела крепостными, более жестокой эксплуатации не было во всей Европе, но никаких обязанностей ни перед королем, ни перед государством не несла. В то время как в России дворяне были служивым сословием, да, владевшим крепостными, но несшим царскую службу. А зачем элите казаков такая морока? Им хотелось войти в состав Польши и жить припеваючи, эксплуатируя крестьян и не имея обязанностей. Все это теперь подается как борьба за независимость.

– **Но будем объективны, это Россия, а не Польша ввела на Украине крепостное право. И как считают «оранжевые», тем самым отняла у Украины шанс войти в Европу?**

– Абсолютно верен первый посыл. Только эпоха становления российского абсолютизма и крепостного права наступила сначала для русского крестьянства, а значительно позже – для украинского. Это был закон исторического развития, но обелять русский абсолютизм и крепостничество никто не собирается. Жесткая оценка ему дана в научных трудах. Вот только одна деталь. Когда Петр Третий издал указ «О вольности дворянской», которым освобождал дворян от обязательной службы при сохранении за ними крепостных, вся «освободительная борьба» Запорожской Сечи

вмог окончилась. Началась новая гонка. Казацкая верхушка бросилась делать фальшивые родословные, для подтверждения своего «дворянства», которого в Малороссии отродясь не было. И казаки приписывали себе польских и литовских предков. Введение крепостного права на Украине было с восторгом встречено украинской верхушкой. Вот она, истинная цена борьбы за «независимость». Что же касается шансов не существовавшей тогда Украины войти в Европу... Современные «западники» путают божий дар с яичницей – реалии XVI, XVII и XVIII веков с мечтами «оранжевых» XXI века. Тогда понятия «украинец» не было. Было малоросс в России и – «хлоп» (в переводе с польского – «раб». – **Прим. ред.**), введенное польской шляхтой. Поляки, напомню, малороссов-хлопов не пускали даже в их же города. То есть возвращение в состав Польши означало возобновление национального, религиозного и социального угнетения, похлеще крепостного права.

– **Накануне юбилея Полтавы на востоке Украины прошел соцопрос: считают ли украинцы Мазепу предателем или он перешел на сторону шведов ради независимости Украины? 54% потомков тех, кто партизанил против Мазепы, ответили, что он перешел ради независимости родины. Может, стоит пересмотреть наше небрежное отношение к информационным войнам?**

– Конечно, это одно из следствий идущей информационной войны. Но я не вижу поводов для печали. Разумеется, Мазепа был человек неглупый, с определенными, как сегодня говорят, PR-талантами. Он понимал, что достигнуть своей цели – мифической по тем временам независимости – можно только путем демагогии и прямого

обмана, в частности, казачества. Казаки ведь шли за ним и не понимали, куда идут. Когда до них дошло, что речь идет о переходе на сторону интервентов обманным путем, часть людей сбежали от Мазепы. С ним остались либо авантюристы, либо русофобски мысля-

щие фигуры, которым терять было нечего. Исключать того, что эти люди мечтали о независимости для Украины, тоже нельзя. Но в условиях противостояния китов европейской политики – Швеции, Турции, Польши и России – эта мечта была утопией, способной погубить народ. Дальновидные украинцы сделали выбор в пользу России, гарантировавшей этническое выживание украинского народа. Ведь в то время все решали не европейские Хартии и Конвенции ООН, а грубая сила. И переход украинцев под любое другое влияние, кроме России, означал бы потерю веры, что по тем временам означало исчезновение этноса. А часть украинской верхушки во главе с Мазепой пытаясь в той мутной воде выловить золотую рыбку независимости.

– Учебники Украины Полтавскую битву сегодня трактуют как «пoltавский переворот», который обернулся «временным поражением Украины в борьбе за независимость и интеграцию в Европу»...

– Это пропагандистская чепуха. Какой переворот? На Украину вторглась вражеская армия, против которой началось партизанское движение.

– **Как нам, россиянам, быть? Преподавать украинцам их историю?**

– Нет. У каждого поколения свои мозги. Рассчитывать на то, что целое поколение можно оболванить? Есть в истории такие примеры, в том числе в недалекой российской. И мы знаем, чем они окончились. Поколение растет и развивается помимо воли пропаганды и PR-технологий. Рассчитывать, что PR-история победит, – наивно. Время иное. Слишком много есть разных информационных каналов, кроме официоза «оранжевых» и информационных войн, которые дают и иные сведения. Интернет, ТВ, миллионы украинцев работают в России, миллионы русских бывают на Украине. Восточная Украина – бывшая партизанская Слобожанщина и вовсе не зашорена пропагандой «оранжевых». Наконец, половина украинцев, если не больше, говорят на русском языке. Мир давно един. Железный занавес исчез.

Вернувшись к московской научной конференции «Реформы Петра I и Полтавская победа». Там высказывались разные точки зрения. В частности, выступил историк из Полтавы, который пытался объяснить мотивацию непоследовательных действий Мазепы, обернувшихся предательством.

Дальновидные украинцы сделали выбор в пользу России, гарантировавшей этническое выживание украинского народа.

Он меня не убедил, но мы с ним потом пили вино и чай; обсуждали проблему, спорили. Вот что и надо делать. Ведь то, что «оранжевые» говорят и пытаются внедрить в массовое сознание украинского народа, выходит не только за рамки научного приличия, но и общественного здравого смысла. Это своеобразный психоз. Его следствие – в Полтаве разные группы людей выходят на улицы с требованием снести один памятник и поставить другой. Потом они снова спорят о месте расположения этих памятников, но в украинском обществе эти телодвижения не находят понимания и поддержки. Это надо учитывать. Я вот как дачник общаюсь с украинскими рабочими. И вижу – они думающие, сомневающиеся, нормальные люди, которые не спешат ни с какими решениями. Они же видят, какая власть в России и какая – на Украине. Это тоже канал опосредованного воздействия на умы.

– **Несмотря на информационные войны, впервые достигнута договоренность о трехстороннем формате отмечания 300-летия Полтавского сражения – Украиной, Россией и Швецией. Вы в него верите?**

– Да, это новый гуманитарный ресурс взаимопонимания. Он подтверждает мою позицию: к информационным войнам надо бы относиться чуть снисходительнее. Это было бы логическим продолжением российской политики, которая остается спокойной, взвешенной, не поддающейся на истерики и провокации. Это и есть логика европейской интеграции.

– **Но всякая власть юбилеи всегда использует в своих интересах...**

– А чего тут плохого? Я думаю, юбилей Полтавской битвы подорвет те антироссийские geopolитические тенденции, которые вынашивают некоторые западные страны. И стыдиться этого не надо. Я убежден, надо открыто говорить о том, что мы используем этот юбилей для укрепления дружбы и взаимопонимания братских украинского и русского народов, а через них – со всеми россиянами и странами СНГ. Что в этом плохого? Что плохого в том, что Украина на постсоветском пространстве останется другом России, других стран СНГ, а не будет оголтелым проводником антироссийской и антирусской политики третьих сил, как на это в свое время и рассчитывал Карл XII?

НЕ ПРЕДАВАТЬ СЕБЯ

КСЕНИЯ БОБРОВИЧ

По парижским улицам беспечно прогуливались размякшие от мартовского солнца пешеходы, шелестели шинами велосипедисты... В палисаднике при церкви осыпалась белым цветом магнолия... Город жил своей жизнью...

Наталья Дмитриевна Солженицына, приехавшая в Париж для участия в коллоквиуме «Наш современник Александр Солженицын», прошедшем в Колледже бернардинцев, пожертвовала единственным выдавшимся за день полу часовым перерывом для нашей встречи.

– **Почему вы решили провести коллоквиум именно в Париже?**

– Это не я решила, а те французы, которые занимаются Солженицыным гораздо дольше, чем им занимались в России. Все то время, когда имя Солженицына на родине нельзя было упоминать, здесь серьезно изучали его творчество. Я только «обслуживаю», по возможности, тех, кто занимается Солженицыным. С тех пор как он ушел, он принадлежит всем, и решения, где и как будут собирать такие толковища о нем, не мои... То же и с большой успешной конференцией в Москве в декабре прошлого года, в которую мы вложили много труда и времени. Но я не была и ее инициатором. Всероссийских и городских конференций было уже много. О многих из них я ничего заранее не знала, узнавала через Интернет. География огромная: от Калининграда до города Свободного в Приморье. Если говорить о международных конференциях, эта, парижская – четвертая. Первая была в 2003 году, когда Алексан-

дру Исаевичу было 85 лет. Она проходила в Москве, было довольно много людей из Европы и Америки, называлась она «Александр Солженицын: проблемы художественного творчества». Вторая конференция была в Америке, в Университете штата Иллинойс, ее организовал Ричард Темпест, декан департамента славистики. Она называлась Aleksandr Solzhenitsyn as Writer, Myth-maker & Public Figure. Третья прошла в начале декабря 2008 года в Москве, она называлась «Путь Солженицына в контексте большого времени». Затевалась она как конференция к 90-летию Солженицына, когда он был еще жив. А в результате она получилась как к юбилею, так и памяти его, потому что он четырех месяцев не дожил. Нынешняя, парижская конференция тоже задумывалась к 90-летию, ее тоже хотели провести в декабре, в крайнем случае – в январе. Но в январе получалось близко по времени для тех, кто хотел присутствовать и там, и там... Тема ее поначалу звучала так: «Солженицын – человек, писатель и вестник миру». Рассматривались все аспекты: и биографические, и художественные, и гражданско-публицистические.

– **Как вам кажется, в какой стране более правильно воспринимается творчество Солженицына?**

– Довольно трудно сравнивать, и немного несправедливо. С одной стороны, в России Солженицына воспринимают горячее и ближе, чем в других странах. На родине, там, где все читают на языке, на котором произведение написано, он, конечно, как мастер художественного слова воспринимается ярче и глубже, чем в переводах. Это естественно. Но поскольку он очень долго был фигурой запрещенной, читать было нельзя, читать было опасно, то, я бы сказала, он больше прочтен в той же Франции, даже в Америке, нежели в России. Его ведь и в перестройку «держали» до последнего, до него вернули всех: Булгакова, Евгению Гинзбург, Шаламова... А Солженицына все «держали». Об этом есть довольно интересное интервью Вадима Медведева, который был идеологом при Горбачеве. Начали все «запрещенное» печатать с 85–86-го годов... а Солженицына напечатали в самом конце 89-го. И была большая битва, хотя вроде бы ясно было, что это неизбежно... Медведева спросили: когда будет напечатан «Архипелаг ГУЛАГ»? Он публично ответил: «Ни-ког-да».

Однако через полгода «Новый мир» напечатал. Но когда «Архипелаг» наконец напечатали, вся страна уже сидела у телевизора и смотрела съезды. Кроме того, у всех было такое впечатление, что это мы уже «проехали», знаем... Мол, ну да, было лагерное прошлое, но лучше не оглядываться, давайте смотреть в светлое будущее... Однако эйфория прошла, осознание того, что жизнь «такая, как за бугром» не случилась, что до нее еще топать и топать... И может быть, она вовсе не идеальный образец... Осознание этого снова заставило людей задаться вопросом: а что же было с нами? Откуда и куда мы идем? И тогда с новым жаром начали издавать и читать Солженицына. Сейчас его книги можно найти в любом столичном магазине. В провинции хуже, потому что разорвано культурное пространство, нет «Союзпечати», нет «Союзкниги», все стало трудно. Но изданий Солженицына много, и постоянно допечатывают тиражи, в том числе «Архипелаг ГУЛАГ», теперь мы добавили к нему именной указатель, более двух тысяч аннотированных статей.

У Александра Исаевича был принцип, он мне всегда говорил: «И при моей жизни, и после смерти никому не предлагай ни одно мое произведение. Ничего. Надо будет – придут и попросят». Я этого строго придерживаюсь. И действительно, издательства приходят сами. У меня действующие договоры с 12 издательствами одновременно. На Западе это звучит дико, потому что там обычно один писатель – одно издательство. К этому и наша страна придет, но пока у одних – одна читательская аудитория, одни регионы распространения, у других – другие.

– Как произошел момент вашего возвращения? Вы уезжали из одной страны, приехали внешне – в ту же, а внутренне?

– Конечно, она изменилась. Не было такого аспекта жизни, который бы не изменился. Но несерьезные люди ее меняли. Прямо скажем. Или люди без воображения, или безответственные, или просто глупые... уж не знаю. Ни один из уроков прошлого не сработал, и страну обрушили! Ее не просто «изменили» – ее обрушили, ее отдали на разграбление. Вернуть это и трудно, и, наверное, не нужно, потому что всякое возвращение будет в форме передела, который только удлиняет путь... А путь и без того был выбран несправедливый, долгий. В тот момент, в конце 80-х – начале 90-х, был такой энтузиазм, были такие толпы поддерживающих людей, что кто-то из лидеров мог выйти на площадь и сказать: «Сталинизм осужден!», «Мы никогда к этому не вернемся», «Мы каннибальски относились к собственному народу». Тогда тот, кто возглавлял страну или был рядом, воспринимался как вождь – и это бы приняли. Это можно и нужно было тогда сделать. И то, что этого не сделали наши «мальчики от демократии», – их огромный исторический грех и вина перед страной.

– И как в этом контексте Александр Исаевич воспринимал свою роль как писателя?

– В каком контексте? Общей эйфории? Так и воспринимал! Он об этом трубил много-много лет: самым трудным будет возвращение в нормальную жизнь. В 46-м году в камерах в Бутырках он, молодой

**– То есть так создалась ситуация, что сейчас
Сталин «возвращается»?**

– Да. Потому что тот демократический путь, который тогда начинался, был дискредитирован воровством и прочими подобными вещами. Лидеры демократов, может быть, честные люди, но они терпели при себе шайку бандитов и разрешили ей разграбить Россию. И им больше нет никакой веры. После этого страна обнищала, люди жили очень плохо... И когда благодаря нефтьдолларам, или лично Путину, или каким-то разумным людям в экономике, имен которых мы не знаем, наконец удалось в какой-то степени улучшить жизнь, то люди сказали: «Не надо нам митингов, не надо чубайсов, а пускай будет как есть». И те же «капитаны перестройки» и их поклонники в претензии: «А почему Путин или Медведев сейчас от Сталина не отречется?» Да потому что момент упущен, сейчас это вело бы не к единению, а к расколу. И сегодня, кто бы ни вышел с обличениями прошлого, он не будет поддержан всенародно, половина населения думает иначе. И этот народ – не фашисты и не реакционеры, а просто люди, которые досыта наелись демократии в изложении Гайдара и Чубайса.

человек 26 лет, сидел и слушал то, что обсуждали умные люди... А умные люди, для которых было очевидно, что коммунизм кончится, обсуждали, насколько трудно будет из него выходить и каким путем возвращаться... Говорили именно о «китайском пути», который они, конечно же, не называли тогда «китайским». Они говорили, что начинать надо, условно говоря, не с гласности, которая все пустит вразнос, а с малого бизнеса. Надо накормить народ, обуть и одеть, а потом давать свободу слова. И тогда люди будут за вас. А у нас ведь до сих пор нет пути малому бизнесу. Вся печаль – только о свободе прессы. Да сейчас свободы слова у нас намного больше, чем люди способны ею разумно воспользоваться. Как потребители, так и создатели. Что сделали со свободой слова в 90-е? Поняли ее как свободу разнозданности. А вообще-то Россия ни на каком витке своей истории не была так свободна, как сейчас. Все историки с этим согласны.

– То есть централизация прессы, ее заорганизованность – это хорошо?

– Нет, не хорошо. Но это было легко предвидеть в свистопляске 90-х. История не движется по прямой, она ползет витками, закладывает петли. Изменится и нынешнее состояние. Но нельзя не видеть, что сейчас превалирует не столько цензура государства, сколько самоцензура. Журналисты, которые остались «на плаву», себя сами цензируют, они хотят хорошо жить. Большой раскрепощенности журналистов хотелось бы. Нет прямых «приказов», есть разве только «пожелания», чтобы пресса была «такая». Это уж журналисты «такие», огромное число – просто разложившиеся люди, которые сами держат нос по ветру.

– Вернемся к человеку, который в русском обществе всегда занимал большое место, – писатель...

– Это раньше так было. Сейчас не так. И так не может быть при свободе. Когда есть свобода, люди выбирают: один всю ночь смотрит порнофильмы, наутро голова болит, другой просто напивается – это, впрочем, и при несвободе легко, – третий идет на бессмысленную тусовку... Это – издержки свободы, их надо учитывать и, по возможности, смягчать. Да и за жизнь надо биться, многие работают до упаду, сейчас ведь не советская гарантитка. Так что читают гораздо меньше. Раньше, кроме книг, ничего не было, во-первых. Порнолитературы тоже не было, фантастика была только хорошая, потому что большевики следили, что переводить. Да и своя фантастика была неплохая. И были ясные приоритеты. В любой коммунальной квартире любая мама любому Петьке говорила: «Ты – дурак, солены уши, посмотри: Вовка из соседней квартиры в Физтех по-

ступил!» И этот Петька, который двойку принес, понимал, что Физтех – это хорошо. Вообще образование – хорошо. Это было разлито всюду. Сейчас «хорошо», если ты торгуешь хорошо. Кто идет в Физтех? Смешно... Страну «уронили» во всех аспектах. Неудивительно, что многие оглядываются назад и говорят: «При большевиках было лучше. При большевиках я могла отправить сына в летний лагерь, а сейчас он нюхает клей в подворотне». Это очень все плохо. Тут уж не до книг...

– Получается, писатели не нужны?

– Нет, писатели нужны, но они больше не «учителя жизни».

– Почему?

– Так всюду, где жизнь диктует рынок. Рынок не занимается нравственными ценностями. И государство, по существу, не отвечает за мораль своего народа. И в России теперь то же.

– Для вас премия (литературная премия Александра Солженицына, в 2009 году посмертно присуждена Виктору Астафьеву. – Прим. авт.), которую вы присуждаете, это возможность воздействовать на мнение?

– И возможность воздействовать тоже. Это не первая задача, но попутная. Наша премия не всеядна. Мы хотим, чтобы по нашим лауреатам была видна линия, которую мы поддерживаем. «Линия» – не жанр или способ писать и не эстетические предпочтения. Это те предпочтения, отказ от которых смертлен для общества. «Линия» подразумевает моральные предпочтения, позицию писателя. Не политическую позицию, а нравственную. Судя по отзывам прессы, эта линия очевидна не только нам. Это хорошо.

– Сколько у вас рассматривается претендентов? Кто эти авторы?

– По-разному. Так как мы вручаем премию раз в год, то у нас довольно многие «переходят» из года в год... Они стоят уже на «листе», их несколько раз обсуждали, и они – кандидаты несомненные, но всем сразу премию не дашь. И, конечно, при-

ходит много новых. Поскольку мы не премия типа «Дебют», мы даем, как правило, не за произведение текущего года, а по совокупности творчества и, если можно так сказать, за судьбу. Но не так уж много людей с Судьбой.

– И есть такие люди, которые в наше время выбирают Судьбу?

рынок. Рынок так страшно оскален... Раньше было: народ во тьме и жесток. А сейчас к этому добавляется резкая социальная несправедливость. И она ранит сердце гораздо больше. В 90-е годы было огромное количество самоубийств, особенно среди мужского населения... Потому что люди чувствуют, что они жизнь прожили зря. Они работали при советах, все это создавали, а сейчас их выкинули на помойку. А с наукой что сделали? Я впервые вернулась в Россию в 1992 году, когда Гайдар был у власти, и он публично говорил: «Пусть наука сама себя кормит». Что же ты делаешь?! В Америке наука сама себя не кормит! Нигде не кормят! По крайней мере, половину тебе даст государство, если наберешь другую половину. Тогда обрушили науку. Я так и сказала в каком-то интервью: «Как же нужно не любить свою страну, чтобы убить единственное, что есть»... А у нас только и были – нефть и наука. На наших реформаторах грех страшный. Но самый главный грех – тот, о котором я вам говорила: тогда, когда это было можно, они не заклеймили прошлое. Теперь его не заклеймить очень долго.

– Есть такие люди. И среди молодых такие есть, но им еще предстоит показать, что они идут по пути, который выбрали. Одно дело – выбрать правильно, высоко выбрать, другое – провести это хотя бы через часть жизни.

– **И эта высота выбирается ими только в произведениях или, как вы говорите, в Судьбе? Как они могут это проявить?**

– Это всегда связано. Никогда не бывает так, что человек в произведениях высок, а в жизни – свинья. Так не бывает. И наоборот не бывает.

– **Просто в советское время можно было «проявить себя», не подписав письмо, а как это проявляется во времена свободы?**

– Это хороший вопрос. Но он относится в равной степени к Франции, к Америке, ко всем. На каждом шагу подлые соблазны. Они не выглядят так в глазах всех. Но они – подлые. Предположим, режиссер театра хочетставить спектакль, а ему говорят: «Да, но на это не найти денег, лучше поставим другое». И он соглашается. А что ему делать? Сейчас – соблазны рынка. «Идолы рынка», как названо в «Раковом корпусе». Их очень много, и вроде бы ты – не предатель, ничего такого... Но ты предаешь самого себя! Даже если ты не сделал ничего вредного для общества – ты не сделал того полезного, что мог, ты зарыл свой талант в землю. И ты умножал мусор. Вместо того чтобы выгребать мусор с улицы – ты им кормишь публику. Это один из примеров. Можно тысячи примеров привести. На Западе тоже так...

– **Мне кажется, вопрос «соблазна» в западном обществе не ставится, каждый существует в своем кругу...**

– Ставится. Например, когда оканчиваешь Сорбонну, то приходится выбирать: идти ли на работу, которая тебя совсем не интересует, но на которой будут много платить? И в этом нет греха, и никто тебя не осудит. Эта работа нужна тебе, ты хочешь ребенка родить, как-то его поддерживать, все это так. Но, быть может, ты зарываешь талант в землю. Все зависит от критерия. Это еще самое простое. Я уж не говорю, если начинают сокращать людей в кризис... Пихнуть ли локтем соседа? Чтобы тебя не уволили, а его уволили. Как это называть? Человек, который так поступает, душу свою хоронит. Он ничего настоящего никогда не напишет. Хотя он может написать очень искусные вещи. Он может быть мастером, но он не принесет в мир ничего такого, что останется.

– **В этом году вы присуждаете премию Астафьеву. Насколько он современен?**

– Астафьев оказался, к сожалению, более современен, чем даже хотелось бы. Те ужасы советского быта, которые он описал в некоторых своих рассказах, сейчас еще больше усугубились. Их причина уже не советская, причина их –

– **То есть получается, что сейчас изменения могут быть только на уровне реформ? Законодательных?**

– Да нет, беда не в законах... У нас очень неплохие законы. Специалисты говорят, что и наша нынешняя Конституция, и наши законы очень хорошие. Конечно, они нуждаются в каком-то усовершенствовании. Пожалуйста – в Америке тоже масса поправок к Конституции. Проблема в России не в законах. И не в уровне законодателей. А в абсолютном параличе исполнения этих законов. Наша третья власть пока не годится никуда. Это старая российская болезнь, которая усугубилась и деформировалась во время коммунизма. Но она, по-моему, даже не начинала исправляться. Хотя сейчас Медведев говорит разные правильные вещи, но удастся ли ему что-то осуществить или нет... Он – юрист, молод и, я думаю, много понимает. Но есть ли у него возможность что-либо сделать? Это не ясно. Потому что та корпорация, которая этого не хочет, сильна.

«XXI ВЕК ДАЕТ РОССИИ ШАНС ОПРЕДЕЛИТЬСЯ СО СВОИМ МЕСТОМ В МИРЕ»

ВЕРА МЕДВЕДЕВА

В числе сорока «бессмертных» членов Французской академии еще недавно было три человека с русскими корнями. Сейчас из них осталась только Элен КАРРЕР Д'АНКОС, потомок графов Паниных. Историк, автор книг по истории России, она несколько лет назад была избрана членом и Российской академии наук, а в мае нынешнего года в Москве получила высшую награду РАН – Золотую медаль им. Ломоносова. Эта почетная российская награда впервые вручена женщине-историку. В июле у Элен Каррер д'Анкос юбилей – ей исполняется 80 лет.

В

последнее время крепнет тенденция к переписыванию истории. Изменился ли ваш взгляд на отдельные исторические периоды развития России?

– Я думаю, в русской истории существуют определенные константы, и они для понимания России важны гораздо больше, чем некая череда фактов, трактовка которых может меняться. Во-первых, необходимо отметить, что поступательность развития России постоянно прерывалась. В истории страны явно выделяются периоды катастроф и периоды прогрессивного развития. А второй принципиальный момент заключается в той экстраординарной специфики России, которая очень сильно повлияла на русский менталитет. Я имею в виду огромные российские пространства. Конечно, этот факт постоянно упоминается

при изучении особенностей российской истории, но я хотела бы обратить внимание еще и на то, что русское коллективное сознание привыкло воспринимать свою страну как огромное пространство, и это мне представляется чрезвычайно существенным. Если же говорить о трансформациях моего отношения к каким-то моментам российской истории, то раньше я была более критично настроена по отношению к советскому режиму. Это не означает, что сейчас я его одобряю или сожалею о нем, вовсе нет, но настроена уже не столь критически. Кроме того, сегодня я с большим пониманием отношусь к тем особенностям, которые отличали XIX век в России. Я всегда считала, что царствования Александра I и Александра II были двумя великими, прогрессивными правлениями, которые позволили России серьезно продвинуться вперед. С точки зрения экономического развития царствование Александра III мне также представляется очень позитивным. Таким образом, я особо не изменила свои взгляды. И мне кажется, самое главное, на что необходимо всем обращать внимание и в российской истории, и в российском менталитете, это особенности, которые, несмотря на катастрофы, позволяли России вновь возрождаться и двигаться вперед, к новым периодам прогресса.

– Вы упомянули Александра III, которого уважали и французы, неслучайно самый красивый мост в Париже назван его именем. Александр III когда-то правильно говорил, что Россия должна руководствоваться своими собственными интересами. Не кажется ли вам, что Россия зачастую стремится изменить весь мир, тогда как думать нужно в первую очередь об обустройстве своей собственной страны?

– С одной стороны, это верно, но одновременно не очень справедливо. Российской элите все время, особенно в XIX веке, размышляла о том, каковы недостатки России, и о том, каких качеств ей недостает. И, похоже, одним из недостающих качеств россиян является как раз критичный настрой по отношению к

самим себе. Россияне не очень себя любят. Хотя встречаются и противоположные примеры. Так, Достоевский полагал, что Россия обладает особой, «очистительной» способностью, а россияне являются народом-мессией. Однако в массе своей россияне не очень-то уверены в себе. Это утверждение мне кажется достаточно справедливым.

И также мне кажется верным то, что россияне не всегда отдают себе отчет в том, что же является их реальными национальными интересами. Вспомним, Александра II, который был одним из самых великих реформаторов в истории России: чего стоит отмена крепостного права! Этот царь произ-

вел своими реформами настоящую социальную революцию. И он все время спрашивал себя: что именно является подходящим для России? Что пойдет ей на благо? Сегодня российские руководители задаются теми же вопросами. Я думаю, это очень хорошо, но нужно делать акцент на тех моментах в российской истории и менталитете, которые всегда позволяли России продолжать двигаться вперед, и отдавать себе отчет в тех положительных качествах россий-

ян, которые могут помочь им построить достойное будущее. Главный вопрос: что нужно сделать, чтобы прекратить раз за разом начинать все сначала, перечеркивая сделанное ранее?

В данном случае показателен пример XIX века. Практически весь этот век был для России временем прогресса. Даже правление Николая I, несмотря на Крымскую войну, вписывается в канву поступательного развития. Александр II проводил реформы, Александр III развивал промышленность. И начало XX века характеризовалось поступательным движением. Так, Николай II, вопреки своим внутренним убеждениям, вынужден был принять созыв Думы и допустить эволюцию политической жизни страны. Но поступательное движение России в сторону большей прогрессивности было прервано революцией и тем разрывом с прошлым, который за ней последовал.

– Мы-то с вами согласны с Александром III в том, что Россия всегда должна помнить о своих интересах, но печально, что он не смог своего сына, Николая II, воспитать на этих же принципах. Ведь именно Николай II в Париже подписал катастрофический для России военный договор Entente (Антанта), который вовлек нас в Первую мировую войну.

– Николая II очень интересно сравнить с Александром II. Посмотрите, отец Александра II, Николай I, был, скажем так, не без недостатков, однако сумел воспитать из своего сына настоящего правителя. Александр II получил самое лучшее образование, какое только можно было себе тогда представить. В противоположность ему Николай II был образован средне. Я серьезно изучала его биографию и могу сказать, что он был очаровательным молодым человеком, его любил и собственный отец, и окружающие. Но все наблюдатели отмечали, что образование Николая II отличалось явным консерватизмом. Оно не позволяло ему серьезно размышлять об эволюции России. Александра II его отец отправлял путешествовать по стране, прививая ему стремление непосредственно знакомиться с жизнью России. Тогда как будущий Николай II путешествовал в основном за границей.

Можно предположить, что у Николая II отсутствовали некоторые необходимые правителю качества. Кроме того, его жена Александра, обладая многими достоинствами, к сожалению, имела проблемы со здоровьем, передав единственному наследнику царского престола гемофилию. И, кроме того, она отличалась истеричным характером. Александра Федоровна так никогда до конца и не поняла православие, ударившись в экзальтированность. В свое время Александр III был совсем не в восторге от этого брака своего сына.

Возвращаясь к сравнению Александра II и Николая II, можно отметить, что в юношестве и тот, и другой были достаточно слабохарактерными. Но у Александра II эта особенность была преодолена воспитанием. По крайней мере, он научился реагировать на проблемы, а не наблюдал за ними безучастно, как это зачастую было свойственно Николаю II. К чему последний по-настоящему был привязан, так это к своей семье. Получается, его отец, Александр III, который был так же умен, как и Николай I, воспитавший Александра II, тем не менее не отдавал себе отчета в том, насколько велика для будущего правителя роль специального образования и воспитания.

- Как вы полагаете, можно ли провести какие-то параллели в истории России и Франции?
- Мне кажется, никакая другая страна не прошла таких тя-

места в мире. Самые крупные российские историки постоянно задавались вопросом: европейская страна Россия или нет? Всегда была некая неуверенность.

В XVII веке, когда российская история в определенном смысле опять «началась сначала», Россия должна была догонять европейские страны. Франция никогда никого не догоняла, поскольку всегда была страной, которая, как считалось, находится в авангарде. Может быть, далеко не всегда она этому соответствовала, но, по крайней мере, сами французы всегда считали ее таковой. Россия же и россияне постоянно должны были что-то доказывать и себе, и

{ Мне кажется, россияне не всегда отдают себе отчет в огромности их собственного культурного наследия. И это обидно. }

желых испытаний, как Россия. Я думаю, историческое развитие Франции было более легким, чем историческое развитие России. Прежде всего потому, что история Франции развивалась относительно связным образом. Французская государственность сформировалась достаточно рано, причем вся история Франции фактически была «организована» именно вокруг процесса формирования государства и вокруг гуманизации французского общества. История же России многократно прерывалась, и страна раз за разом вынуждена была начинать свое движение сначала. Когда-то историческая последовательность была прервана тем, что центр государства из Киева переместился на север, затем два с лишним столетия Россия находилась под игом монголо-татар. И так далее, вплоть до Октябрьской революции. Иногда россияне даже не знали, являются ли они европейцами или нет. Русский национальный характер явно отличается этим постоянным рефлексированием относительно своего

окружающим. Петр I, который европеизировал Россию, не избежал разрыва с тогдашним обществом. Большинство своих реформ он утверждал с помощью силы, а вовсе не само российское общество приходило к осознанию необходимости этих преобразований. Петр считается великим реформатором, но многие из известных российских историков сравнивали происходившее тогда с катастрофой.

Французы, например, тоже говорили, что реформатор Людовик XIV слишком много воевал, но все сходятся на том, что правление этого короля являлось периодом естественного развития Франции и, более того, французского величия. То есть французские правления не прерывали поступательного развития страны. В российской

же истории нет такой последовательности. К лучшему или к худшему, но страна многократно сворачивала с того пути, по которому двигалась, и начинала все сначала.

И мне кажется, XXI век дает России шанс определиться со своим местом в мире. Сейчас она уже не представляет собой империю, не окружена сателлитами, а действует только от своего собственного имени. Найти свою новую идентичность очень непросто, и я с боль-

шим восхищением отношусь к российскому народу, который смог пережить все выпавшие на его долю испытания.

– Вы уже упоминали огромные российские пространства, которые определили наш менталитет. И все-таки – это благо или проклятие?

– Этот же вопрос неоднократно задавали себе и российские императоры. Когда Александр II на специальном заседании одобрил идею продажи Аляски, возможно, он как раз отдавал себе отчет, что российским владениям совершенно не-

сивных в российской истории. По поводу этого опроса разгорелись немалые дебаты, но в целом проект мне кажется довольно забавным. Я бы хотела также назвать и Столыпина, который, без всякого сомнения, является одним из наиболее блестящих персонажей в российской истории. Хотя некоторые мне говорят, что я ошибаюсь, и более великим реформа-

{ **Найти свою новую идентичность очень непросто, и я с большим восхищением отношусь к российскому народу, который смог пережить все выпавшие на его долю испытания.** }

зачем распространяться так далеко. Хотя многие россияне до сих пор его в этом упрекают, считая, что никогда нельзя расставаться даже с пядью русской земли.

Сейчас мы рассматриваем российские земли как нечто фиксированное, неизменяемое. Это пространство консолидировано самой историей. Вся русская литература и все русские историки, явно или неявно, основываются на огромности России, на связи с российской землей. В русском обществе такого рода воззрения всегда были выражены гораздо больше, чем во всех других европейских странах. И, наверное, можно сказать следующее: такие огромные пространства в определенной мере проклятие, но проклятие, которое дает потрясающую возможность всегда быть серьезной силой в мире. В современном мультиполлярном мире Россия всегда может найти свой собственный «полюс»: и с европейской стороны, и с азиатской, и с мусульманской. И мне кажется, Россия сейчас как раз учится использовать свои сильные стороны и свои особые возможности.

– Недавно у нас завершился проект «Имя России». Если бы вы участвовали в нем, то кого бы назвали?

– Я наверняка выбрала бы Александра II, поскольку считаю, что его правление было одним из наиболее прогрес-

тором был не он, а Витте. Но если искать истоки российской современности, то нужно выбрать Александра II. И я удивляюсь, почему он не популярен у россиян. Вообще же, Россия не испытывает недостатка в знаменитых персонажах. Взять хотя бы великую русскую литературу. Но мне кажется, россияне не всегда отдают себе отчет в огромности их собственного культурного наследия. И это обидно.

– Когда в XVII веке Ришелье основал Французскую академию, то вряд ли мог предположить, что когда-нибудь в ней окажутся женщины. Трудно ли вам было избраться? Эмиль Золя десять лет пытался это сделать, но так никогда и не стал «бессмертным».

– К сожалению, не только Эмиль Золя, но и Бальзак, и Бодлер не были избраны. Мой путь сюда был гораздо более легким, поскольку меня избрали с первого же раза, большим количеством голосов. Почему – я не знаю.

– Может, потому, что вы – очаровательная женщина?

– Не думаю, поскольку, когда я избиралась, женщины еще не занимали такого места в общественной жизни. Я бы сказала, что выбирать везде женщин еще не вошло в моду. Наверное, просто академики заинтересовались моими книгами. Причем это была не моя идея – подать свою кандидатуру во Французскую академию. Мне предложили это сделать, и все прошло на удивление легко.

– Я родилась во Франции и могу сказать, что ментальность у меня французская, несмотря на то, что я свободно читаю на русском, английском и немецком. И я очень привязана к Франции. Президент Ельцин когда-то предлагал дать мне и российское гражданство, однако я сказала, что люблю Россию, но хочу иметь только одну национальность. Мой отец был грузином, поэтому мне предлагали и грузинское гражданство, но по-грузински я даже не говорю. Хотя в нашей семье есть и шведские корни, и итальянские, и немецкие, но по происхождению я себя воспринимаю русской. А интеллектуально отношу к русско-французской культуре.

– **У каждого члена Французской академии должна быть своя собственная шпага. Это – часть ритуала. У вас в кабинете – целых пять шпаг. Какая из них является той самой, «академической»?**

– Та шпага, которую я надеваю в особо торжественных случаях, находится у меня дома. Когда-то я была первой женщиной-академиком, которая стала обладательницей шпаги. Две женщины, которые до меня избирались академиками, никогда даже не ставили такого вопроса, настолько это казалось нереальным как им, так и мужчинам-академикам. И знаете, кто настоящая, чтобы у меня тоже была шпага? Морис Дрюон. Он недавно ушел из жизни, и для меня это – личная потеря, поскольку мы с ним очень дружили. Когда он предложил, чтобы я также обладала шпагой, то вначале это вызвало много шума. С того же момента, как все было решено, остальные женщины-академики тоже имеют свои шпаги.

Мою шпагу сделал один из самых известных современных ювелиров, грузин по происхождению – Гуджи. Когда-то он украшал алтарь Шартрского собора. Для изготовления «академической» шпаги Гуджи нашел настоящий клинок XVII века, а на рукоятке изобразил Андреевский крест и святого Георгия – символы России; галльского петуха – символ Франции; музу Клио – напоминание о том, что я историк, и золотое руно, олицетворяющее Грузию. Получается, на рукоятке моей «академической» шпаги отражены и мои корни, и моя профессия.

Во Французской академии сорок кресел, и каждое имеет свою «генеалогию». Например, мое нынешнее кресло когда-то занимал Виктор Гюго. Для меня это чрезвычайно почетно, поскольку считаю Виктора Гюго исключительно важным для Франции человеком.

– **В ваших нарядах непременно присутствует какой-нибудь яркий, жизнерадостный цвет. И это притом, что большинство француженок давно уже носят черный цвет и какие-то тусклые оттенки. Может, в этом сказываются ваши русские корни?**

– У меня оптимистичный характер, наверное, именно поэтому я выбираю жизнерадостные цвета. Меня всегда пугали американские и французские феминистки, которые считали, что женщина должна маскировать свою женственность и представлять собой существо среднего рода, чтобы олицетворять женский триумф на рабочих местах. К счастью, сейчас это заканчивается.

Лично мне кажется, что быть женщиной – это шанс. Шанс быть приятной для остальных и для себя самой. Я люблю яркие цвета и элегантную одежду. Мне очень не нравится, как сейчас выглядят женщины на парижских улицах. У большинства на ногах кроссовки, а в одежде они вообще перестают прикладывать какие-либо усилия. Когда я гуляю по Москве и вижу много очень красиво одетых женщин, то думаю про себя: «Боже мой, все это выглядит так, как на парижских улицах тридцать лет назад!» Сейчас большинство российских женщин очень ухоженны и прекрасно одеваются, а француженки, наоборот, в большинстве своем перестали стараться выглядеть элегантно.

Когда я была избрана в академию, до меня там была еще одна женщина. И могу сказать, что серьезные академики всегда замечали наши наряды. Им было явно приятно, когда рядом находились хорошо одетые женщины. Я для себя поняла, что выглядеть элегантно – это своего рода вариант женской вежливости по отношению к окружающим.

– **Как вы сами ощущаете, чего в вас больше: русскости от ваших предков или чисто французских качеств?**

ТАКОЕ ВОЗМОЖНО ТОЛЬКО В РОССИИ

ЕВГЕНИЙ ВЕРЛИН

Как только не называют театральные критики Романа Григорьевича ВИКТЮКА! И «самый скандальный режиссер России», и «неповторимый экспериментатор», и «классик театральной провокации». А еще «выдающийся русский режиссер», хотя сам Виктюк говорит, что он – украинец и греко-католик.

К

ритики неоднозначно восприняли вашу недавнюю премьеру – «R&J. Ромео и Джульетта». Что вы хотели этим спектаклем сказать?

– Я хотел воплотить свой вариант, непохожий на те, что пользовала наша культура. Мне кажется, сам материал, воплощенный в нашей стране на сцене раньше, был театральный, он не отличался должным уровнем с точки зрения психологии. Мы всегда снижали Шекспира до уровня бытовых человеческих отношений. Поэтому МХАТ, когда брался за него, терпел неудачу. Только один раз была попытка что-то изменить. Когда почти сто лет назад приехал англичанин Гордон Крэг и попытался изменить ту структуру правдоподобия, которая была верой для Станиславского и его театра. Они его приняли, конечно, в штыки. В замечательной тетрадке Сулержицкого (Леопольд Сулержицкий, русский режиссер, театральный деятель. – Прим. ред.) записано: Станиславский задавал вопросы, в которых было полное непонимание того, что хотел этот европейский режиссер.

Я думаю, русский театр все-таки должен освоить не только Оскара Уайльда, пьесы которого, например «Саломея», вообще не ставились у нас. Никто не пытался превратить их в некое мистериальное действие на сцене. Мы попытались сделать это и уже много лет играем в разных странах именно так, как мне это представляется возможным. И этот магический, культовый поход принимается публикой на ура. Я думаю, театр подошел к тому, чтобы возродить то, что утрачено. А утрачен был наив, наивность детства, то, что существовало как бы до словесного воплощения в литературе. Это еще оставалось до советского театра, но затем было вконец утрачено. Я за то, чтобы устраниТЬ со сцены

В начале XX века Мейерхольд и Таиров возрождали мистериальное начало театра. У них психология не была основой, она была землей, но на ней как бы вырастали другие цветы. Это были неправдоподобные цветы. Самым главным тогда было воображение, сон, а не реальное и сознательное. Мейерхольд и Таиров это не просто культивировали, это была их вера, за которую они поплатились жизнью. Поэтому Советы постарались сделать все, чтобы это никогда больше не возникало. Я помню, когда приехал Жан Вилар из Парижа и привез «Марию Тюдор» Гюго, то вся пресса писала о гениальности этого спектакля. А Вилар сказал: «Это – ваше достояние, я просто изучил то, что делали два ваших великих режиссера». Но тогда эти два имени произносить было нельзя! Жена Таирова, Алиса Коонен, может быть, самая великая актриса русского театра, была председателем экзаменационной комиссии у меня в ГИТИСе, и, когда наступил черед ставить оценки, она встала и сказала, что не имеет права – и вообще никто не имеет права! – судить творца по оценочной системе. А потом добавила, что ни о ком говорить не будет, что есть один человек, который достоин называться творцом. Это был я, Роман Виктюк.

– ?!

– Напрасно смеетесь. Когда уже были поставлены «Служанки», «М. Баттерфляй», критика стала писать, что я как бы «сын Таирова». И когда пришли оставшиеся в живых артисты Камерного театра таировской эпохи – их было человек восемь, – вручили мне медаль Таирова после спектакля «М. Баттерфляй» в Театре Пушкина, я был счастлив! Увы, в этом театре в помещении, где был кабинет Таирова, теперь туалет...

– Недавно вы сказали, что собираетесь ставить «Идиота» Достоевского. Вы теперь больше внимания русской классике стали уделять?

– Да нет же! Я и раньше всегда это делал. В Театре Вахтангова я «Соборян» делал и «Анну Каренину». Так что не только Оскара Уайльда и Жана Жене ставлю. Когда началась перестройка, я первым делом взялся ставить те вещи русских писателей, которые попали в черный список Надежды Крупской в бытность ее министром просвещения в 20-е годы. Первым номером в нем были «Бесы» Достоев-

{ Я за то, чтобы устраниТЬ со сцены косноязычное бормотание, ведь тело точнее любого слова передает то, что происходит с человеком. }

{ Театр – это единственное место в России, где одиночество может общаться с артистами, с которыми оно встречается. Это место спасения. }

ского, вторым – «Мелкий бес» Федора Сологуба, третьим – «Соборяне» Николая Лескова. Далее, я решил для себя, что Серебряный век не может не быть представлен на нашей сцене. В итоге в конце 80-х поставил в Театре на Таганке пьесу Марины Цветаевой «Федра».

– А как вы приступили к реализации «списка Крупской»?

– Я понимал, что поставить в Москве запрещенные еще с тех времен пьесы было невозможно. Я сделал из «Мелкого беса» пьесу и поехал в Эстонию. Это было в конце 1982 года, когда во главе СССР стоял бывший шеф КГБ Юрий Андропов. И вот именно в это время я предложил им поставить «Мелкого беса»! Меня пригласили в ЦК Компартии Эстонии, разговаривал со мной секретарь ЦК, отвечавший за культуру и идеологию, эстонец. Он перед встречей прочитал мой текст и, когда мы беседовали, сказал мне, расстигивая слова так, как это делают прибалты: «А мы бы в эстонском театре сыграли это более остро». Я ему в ответ: «А зачем эстонцам издеваться над русскими? Пусть русские сами о себе расскажут всю правду». Он на меня с грустью посмотрел и сказал: «Хорошо, вы разумный человек». Это был завотделом агитации и пропаганды, и он подписал разрешение на постановку «Мелкого беса» в Русском драматическом театре Таллина.

– И что в результате получилось?

– Когда я вновь приехал в Таллин, то сказал принимавшим товарищам, что хочу пойти в ЦК и поблагодарить того завотделом за оказанное доверие. А мне в ответ: «Куда вы пойдете, он две недели назад поехал с семьей в Париж и там остался!» Но уже никто не мог мне запретить это ставить! И успех «Мелкого беса» был невероятный! Трудно себе пред-

ставить, чтобы эстонцы стояли в очереди за билетами – и зимой в мороз, и летом в жару.

Когда же началась перестройка, мне позвонила Галина Волчек и говорит: «Скажи, что бы такое особенное ты мог у нас поставить? Скажи не позднее чем через месяц». Я ей: «Зачем через месяц? «Мелкий бес» Сологуба, завтра начинаем». Я ей дал почитать пьесу, и Галия сразу же согласилась. Спектакль шел очень долго, и играли его замечательно. Так что с русской классикой я связан всегда, и оченьочно.

– В советское время вы ставили такие спектакли в Прибалтике, находясь как бы в творческой полуэмиграции...

– Да, а в России приходилось выкручиваться. Когда я в самом начале своей режиссерской карьеры поехал в Калинин (ныне Тверь) и возглавил там Театр Ленинского комсомола, случилась такая история. К 100-летию со дня рождения В.И. Ленина я поставил «Коварство и любовь» Шиллера.

– ?!

– Это действительно нонсенс. Синявский и Даниэль (советские диссиденты, осужденные по политической статье в конце 60-х годов. – **Прим. ред.**), с которыми я дружил, сказали: вот ты не хочешь обслуживать систему, но теперь, когда стал руководителем областного Театра Ленинского комсомола, деваться будет некуда. Они были убеждены, что я не смогу воспротивиться требованию поставить к 100-летию вождя спектакль о нем. А я им сказал, что смогу. И смог!

– Как же это удалось?

– Меня вызывали в обком КПСС перед активом партийцев рассказать, как я готовлюсь к юбилею. И вот я выхожу на трибуну, а в президиуме – вся партийная верхушка области. А это был понедельник, и они были с перепою, некоторые просто засыпали, да и кому было интересно слушать, как театр готовится к 100-летию Ленина! Ну, я в этот момент про себя сказал: «Мамочка, помоги!» И начал излагать легенду: был недавно в ленинском архиве в Москве и в таком-то хранении, полка

такая-то, том такой-то, страница такая-то нашел письмо Клары Цеткин Надежде Крупской. А в письме Клара пишет, что Володя в свое время ей говорил, что когда в советской стране восторжествуют идеалы коммунизма, то первое, что он бы хотел, чтобы молодежь увидела, – это великая пьеса Шиллера *Kabale und Liebe...* В эту секунду я подумал, что мне конец. Все как-то напряглись, когда услышали название на немецком, а я, сделав паузу, медленно произношу по-русски: «Коварство и любовь!» Тишина, и тут я слышу, как за моей спиной в президиуме первый секретарь говорит второму: «Ты посмотри, он без бумаги говорит, и так разумно! Я поддерживаю». Так я и поставил Шиллера к 100-летию Ленина. А в это время под Калинином снимали советско-итальянский фильм «Подсолнухи» с Марчелло Мастрояни в главной роли. Мастрояни, попав на мой спектакль, оказался под большим впечатлением, а после спектакля громко вопрошал: «Где этот генио? Покажите!» И даже написал восторженные слова в книге отзывов, вернее, это была школьная тетрадь за 2 копейки. На мою беду, отзыв этот прочитали люди из «компетентной организации» и сделали, как мне потом сообщили, неприятный для меня вывод: «Раз капиталистам нравится, значит, там есть неконтролируемые ассоциации». Вот тогда я и понял, что пора ехать в Прибалтику. Окончательное решение пришло в Москве, неподалеку от здания ЦК КПСС. Там был телефонный переговорный пункт, я позвонил оттуда в Министерство культуры СССР, спросил имена и фамилии начальников по театрам Литвы, Эстонии и Латвии. Звоню в Вильнюс, представляясь вымышленным именем работника Минкульта СССР и, ссылаясь на мнение анонимного начальства, говорю, что товарища Виктука надо трудоустроить главным режиссером в вашу республику. Помню разговор с женщиной из эстонского отдела культуры, она чуть не плакала, когда извинялась передо мной за то, что вот, мол, в Москве озабочились о главном режиссере для них, но у них, увы, уже целых два главных режиссера. Тогда я звоню в Вильнюс и разговариваю с замечательным человеком по фамилии Якученис, который боялся советской власти больше, чем я. И вот он, когда я приехал, объявил всем: «Роман Виктюк будет главным режиссером Русского театра Литовской ССР». Да, когда мне было 14 лет, я видел сон: здание, маски, колонны и в правом крыле дверь без ступенек, и я хорошо запомнил это здание. Так вот, я приехал в Вильнюс ночью, утром пошел в театр, свернув в его сторону с улицы Ленина и увидел... именно то здание, которое видел во сне в 14 лет!

время там были Ливанов, Грибов, другие великие русские актеры...

– Ловлю вас на слове «русский» и хочу спросить: а почему на некоторых театральных сайтах вас называют «русским театральным режиссером»? Вы же украинец по национальности, во Львове родились...

– Но вы рассказывали журналистам, как, приехав впервые в Москву, «увидели» и дом, в котором потом поселились...

– Это было в 17 лет, когда я впервые попал в Москву. Как только троллейбус, на котором я ехал, повернул на Тверскую, я тут же увидел этот величественный дом и с отчаянием подумал: «Вот здесь, в этом доме, я никогда не буду жить». А потом всегда специально обходил его, даже переходил на другую сторону. Это был первый, самый потрясающий дом, который я увидел после Кремля. И я всегда знал, кто там живет, какие люди, какие артисты, так вот я понимал, что подступаться к этому дому нельзя. Ведь это был дом для генералитета, в нем жил сын Сталина Василий. Кто знал, что в 1996 году я там поселиюсь. (Как раз в квартире Василия Сталина. – **Прим. ред.**)

А работа в Вильнюсе была для меня творческим спасением. К тому же первый секретарь ЦК Компартии Литвы Антанас Снечкус очень любил театр и во время первой нашей встречи сказал, что я могу ставить все, что хочу. И яставил там Вампилова, который здесь был фактически под запретом, потом был Рощин, в России он тоже был изгояем.

– Вы общались там с такими актерами, как Донатас Банионис?

– Да мы с ним дружим до сих пор! Кстати, в Литве я еще поставил первый в СССР спектакль абсурда, «Джаз и приведение» польского автора, и он шел в Вильнюсе более десяти лет с неизменными аншлагами. Я уж не говорю, что там же я поставил «Мастера и Маргариту»... И все это благодаря поддержке Снечкуса.

– А после Вильнюса?

– Я сразу приехал ставить во МХАТ. В то

к нам и будете гражданином Украины. Вот мэр Киева, например, так говорил. Видите эти часы? Это его подарок. Когда он мне их дарил, то сказал, что это залог того, что я должен туда переехать. Даже квартиру обещал, причем не как громодянина, а просто как народному артисту.

– **Так кто же вы все-таки?**

– Западный украинец, к тому же греко-католик. Я – запорожанец **[смеется]**. Есть такое украинское слово. То есть человек, который продал родину. Раньше еще говорил, что я – бандеровец, а теперь это говорить нельзя, я замолкаю...

– **Вы уже приступили к постановке «Идиота»?**

– Мы вместе с Алексеем Бурыкиным работаем над текстом. Этот спектакль будет связан с глубинными пластами. В том числе с хлыстами. Это была вера, которая приводила к самоистязанию, и Достоевский имеет к этому прямое отношение. Рогожин был ярый представитель этого течения, хлысты были такой подпольной sectой, а актер Федор Эткин недавно об этом написал, и это мне показалось очень интересным. Взглянуть на этих двух персонажей с точки зрения этого человеческого безумия мне кажется крайне интересным... Там будет сцена, когда над труппом Настасьи Филипповны Рогожин перевоплощается в Мышкина, а Мышкин в Рогожина и т.д., и это будет иметь прямое отношение к тому, чем, как мне кажется, бредил Федор Михайлович. Я, кстати, давно к «Идиоту» прицеливался, но все никак не решался, но теперь у нас в театре есть два артиста – Дмитрий Бозин и Дмитрий Жойдик, они могут воплотить то, что я задумал.

– **Почему вы не ставите спектакли о современной русской жизни?**

– Как – не ставлю! А «Рогатка» Николая Коляды! А «Полонез Огинского»! Как только началась перестройка, тут же поставил их. «Полонез...» – это пьеса о том, как с Запада в СССР вернулась девушка, которая не смогла перенести то, что увидела здесь, и в итоге сошла с ума. Да и «Нездешний сад» про Рудольфа Нуриева – это же тоже про современность, про то, что происходит с человеком, лишенным родины. Кстати, и Наташа Макарова, которая 17 лет прожила на Западе, играла у нас в спектакле «Двое на качелях» Гибсона. И это было безумно

– Знаете, в 16 лет сразу после школы я приехал в Москву... И после приезда в Россию «русифицировался». Для прибалтов я стал русским, для Израиля, где мой театр часто гастролирует, тоже, для американцев – тоже. Кстати, забавная история в конце 90-х случилась. Я тогда ставил «Братьев Карамазовых» в Греции, и тогдашний министр культуры Украины, Иван Дзюба, попросил меня, чтобы я обязательно говорил о себе как об украинском режиссере. Ну что ж, я и говорил – и газетам, и телеканалам. И вот в день премьеры греки меня спрашивают: «Какой флаг повесить в зале – российский или украинский?» А я им отвечаю: «А вы приготовьте оба флага – кто первый из послов приедет, той страны флаг и повесите». А тогда послом России в Афинах была Валентина Матвиенко. Так вот она приехала на премьеру. А украинцы... они за время моего пребывания там ни одного цветочка не прислали, даже не позвонили из посольства ни разу. Из Киева звонили, а из посольства нет! И вот – день премьеры! Без пяти семь, а украинцев нет! И что вы думаете делают греки? В finale премьерного спектакля у них есть обычай дарить подарки. И эти подарки должны быть такими, чтобы можно было надеть, съесть или выпить. В общем, зал торжествует, начинается праздник, доходит очередь до меня, и тут мне подносят какой-то пакет, в котором, как мне показалось, лежит либо свитер, либо пиджак какой-то. Думаю: ну на кой мне это нужно? Но греки кричат: «Разворачивай!» Я, как настоящий украинец, руками щупаю, а сам думаю: «Как бы, не дай бог, не опозориться, не хочу свитер...» Разрываю пакет, а там – украинский флаг. И они взметнули его над сценой. Я позвонил министру Дзюбе и говорю: «Что ж ты не робишь, что ж ты один из ваших не пришел?» А он мне: «Да оны такие дурныэ...»

– **И после этого на Украину затаили обиду?**

– Ну почему же? Когда в Киеве произошла «оранжевая революция», я находился в Нью-Йорке, так после спектакля вышел и сказал: «Я украинский режиссер и горд этим». Зал встал и стал аплодировать... А потом я побывал в Киеве, после спектакля ко мне подошли Ющенко с супругой, так она чуть не рыдала у меня на плече, говорила, что я настоящий украинец. Ну а я, будучи народным артистом Украины и уроженцем этой страны, конечно, украинцев люблю. Хотя одинаково отношусь и к России, и к Украине. Хотите, чтобы я был русским? Да, я русский, особенно по культуре! Но в то же время я украинец по крови. Но когда меня спрашивают там, «громодянина ли я Украины?» – я говорю: «Нет, не громодянина». А они: «А як же?» Ну и говорят: мол, бросайте Россию, приезжайте

интересно. Наташа, когда вернулась сюда, боялась выходить на улицу, ей все время казалось, будто с ней что-угодно может случиться...

– Это когда и где было?

– В Петербурге в начале 90-х. Когда Макарова приехала и начала репетировать в этом спектакле, она говорила, что боится жить в Питере. А Анатолий Собчак, с которым у меня были прекрасные отношения, сказал: ну хорошо, она будет жить в Смольном на одном этаже, а вы на другом. И мы поселились там: она внизу, а я наверху, в кабинете Жданова. А тут еще приехали американцы снимать о Макаровой фильм, и я предложил снимать в кабинете, который при Сталине занимал Жданов. Приготовились к съемке, и тут вдруг я начал играть Жданова, который «приказал» поймать Макарову и привезти в Смольный на допрос. Сначала она хохотала, но я был настолько строг и безжалостен, требовал говорить правду... А она за эти годы мысленно отрепетировала то, что говорила бы в КГБ, если бы ее привезли на допрос. И в слезах стала рассказывать историю своего побега, историю побега Барышникова, Нуреева. И я испугался даже: даю ей понять, что хватит «работать на публику». А Наталья не слышит совершенно, входит в раж, продолжает играть. Американцы снимают. И тогда я поднимаю трубку телефона, соединенного с кабинетом Собчака, и говорю: «Товарищ Собчак, с вами говорит Жданов». Он в трубке отвечает: «Да, я Собчак, а это кто?» Я ему: «Жданов говорит, и не надо переспрашивать, вы должны понимать, с кем вы разговариваете!» И тут он сделал паузу, словно не зная, как на это реагировать. А потом вошел к нам, увидел Наташу всю в слезах, увидел, что я сижу за столом и «допрашиваю» ее... Он присел к столу сбоку и сказал так смиренно: «Спрашивайте и меня, товарищ Жданов». И вот тогда Наташа стала хохотать...

– Вы говорили, что Европа чуть ли не изжила себя в плане культуры, духовности... И что в таком случае для вас русская душа?

– Да, в этом есть доля истины. А вот насчет России и русской души попробую сформулировать так. Эта земля отмечена свыше. Ее миссия в мировом масштабе, наверное, Богом определена так, что дух есть основа этой земли, и чем больше его уничтожают, тем больше он крепнет и остается основополагающим. Эта земля, и небо, и ад – это русский дух! Это, я думаю, объединение несовместимого. Этот дух, как травинка, пробивается сквозь асфальт, несмотря ни на что. А поэтому потребность в театре

{ Театр подошел к тому, чтобы возродить то, что утрачено. А утрачен был наив, наивность детства, то, что существовало до словесного воплощения в литературе. }

здесь несравненно больше, нежели в какой-либо другой стране мира. Потому что театр – это единственное место в России, где одиночество может общаться с артистами, с которыми оно встречается. Это место спасения. Это было и в советское время, это остается и сейчас.

– Есть такое мнение, что лучшие-то люди в России либо погибают, либо их расстреливают, либо они уезжают за границу...

– Это небо их забирает.

– Но ведь люди-то долгие годы уходили из жизни, а оставались не самые лучшие...

– Нет и еще раз нет! Потому что наличие и сила русского духа не зависит от числа людей. Я думаю, даже если останется один высокодуховный человек, он будет способен своей энергией, своим духом воскресить нацию. И это уже было в истории России не один раз.

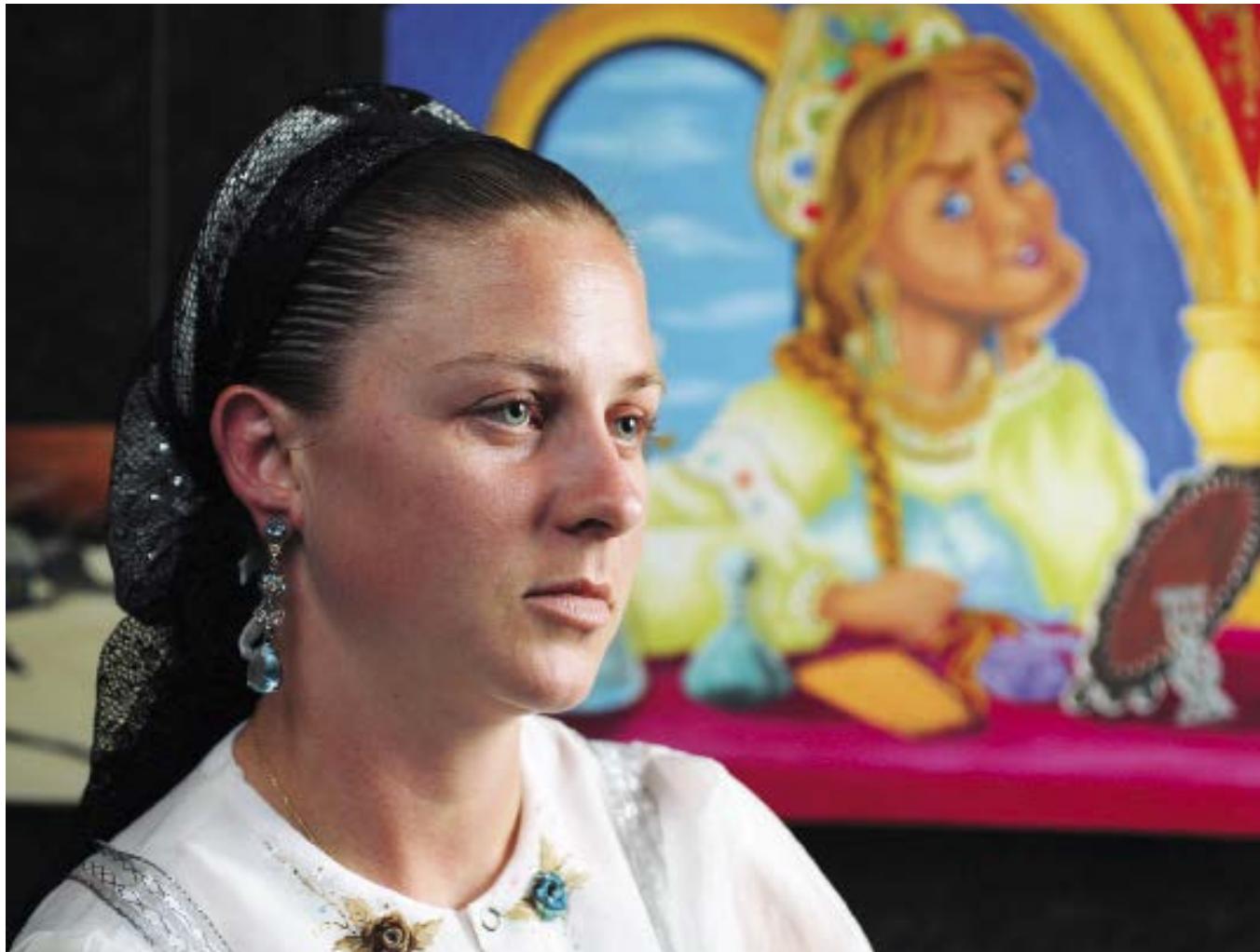
– Но ведь если большинство в России, как некоторые считают, деградировало...

– Может такое случаться. Вот Иисус Христос! Тысячелетия проходят, а все равно благодаря ему, его духу, его распятию этот мир не исчезает в пустоте и темноте мироздания. Этот дух и держит этот шар. И русский дух тех мучеников, что ушли, никуда не исчезает, и нежность, страсть этого духа, она вокруг земного шара образует какое-то такое свечение, которое не дает нашему миру исчезнуть.

– Вот вы возите свои спектакли по всему миру, показывали нашим соотечественникам за рубежом... Где лучше принимают?

– Самая лучшая публика в Петербурге и Москве. Самые великие и эмоциональные меньшинства на планете. Но именно меньшинства. И они, эти меньшинства, как-то сообщаются непонятными для меня фибрками между собой... Такое, как мне кажется, возможно только в России. ☺

С ДРУГОЙ СТОРОНЫ СВЕТА

ЛАДА КЛОКОВА, АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

Приглашение было интригующим: «Хотите увидеть художницу из старообрядческой уругвайской деревни Ла-Питанга? Приходите. Это ведь уникальная возможность». Старообрядцы из Уругвая в Москве, да еще с выставкой своих картин?! Дважды повторять приглашение не пришлось.

С

толица плавится от июльской жары. Пробки, толкотня у метро и торговых центров, воздух дрожит от автомобильных гудков и людского гомона. На Рождественском бульваре ныряем в тихую арку, находим галерею LaBase – конечную цель поездки. Здесь прохладно, окна плотно зашторены.

Людей много, и практически все они столпились вокруг кого-то в центре галереи.

...Нарядное, черное с серебром, платье в пол, длинные светло-русые волосы зачесаны под красивый головной убор, у правого виска – кокетливая черная роза, прямая гордая осанка, яркие голубые глаза и открытая добрая улыбка. Необычайная, красивая речь. И редкое имя – Капиталина. Капиталина Бодунова.

Она явно смущена таким пристальным вниманием и суетой вокруг своей персоны. Держится с достоинством. Спокойно и просто отвечает на вопросы, которые сплюются со всех сторон. Да, она впервые в России. Нет, никогда не училась живописи. Да, ей здесь очень интересно. Нет, ничего ее здесь не пугает.

Становится ясно, что пробиться сквозь толпу, которая «хвостиком» передвигается за Капиталиной по галерее от картины к картине, весьма затруднительно. Причем, судя по приглушенным репликам («совсем не такая, как я думала!», «держится как!», «лицо доброе»), посетители ожидали увидеть совсем другую женщину. «Даже у образованных людей при слове «старообрядцы» возникают мрачные ассоциации, – говорит секретарь Комиссии по изучению старообрядчества при Международном комитете славистов Ольга Ровнова, пригласившая нас на выставку. – Это не соответствует действительности. Глупые стереотипы, от которых следует избавляться. В 2006 году я впервые побывала в старообрядческих общинах Латинской Америки, в том числе в Уругвае. Люди, с которыми мы там встречались, необыкновенно гостеприимные, открытые, умные, с потрясающим чувством собственного достоинства».

...Наконец удается добраться до Капиталины. «Здравствуйте!» В ответ легкий полупоклон: «Здравствуйте!» Быстро договариваемся о встрече «без свидетелей», чтобы поговорить в спокойной обстановке.

Встречаемся несколько дней спустя. Капиталина сильно смущается, когда ее фотографируют, опускает глаза, виновато улыбается:

– Муж всегда на меня сердится, когда фотографирует. Я любила бы сниматься, но мне неудобно.

– **Почему же неудобно?**

– Да я никогда красиво не получаюсь **(смеется)**.

– **А сами фотографируете?**

– Я люблю фотографировать. Здесь сейчас много фотографирую. Меняшибко интересует все раннее.

– **Простите – какое?**

– Раннее. Ну, как это сказать? Давнишнее.

– **А! Старинное?**

– Да, старинное. Все такое красивое. Как в сказке.

Капиталина рассказывает, что ее водили по московским музеям и по городу, что ей все понравилось. Все очень красиво, особенно церкви, а еще ее поразила... «как это? Красная площадь, да?». Речь Капиталины – плавная, баюкающая, с несколько непривычными интонациями и ударениями. Жесты скучные. Зато улыбается она часто и смотрит собеседнику прямо в глаза, так что видно: совсем не лукавит.

Капиталина заранее извинилась: не обижайтесь, если я вас буду переспрашивать, некоторые ваши слова могут быть мне непонятны. Правда, непонятным для нее в разговоре оказалось только одно слово – «изоляция».

КРАСИТЬ КАРТИНЫ

Капиталина рисует с 13 лет. Действительно никогда не училась живописи, если не считать стандартных уроков рисования в бразильской школе. В 14 лет вышла замуж и уехала жить в уругвайскую Ла-Питангу с мужем Анатолием, которому на тот момент было 19. Кстати, если мы говорим «рисовать» или «писать картины», то старообрядцы употребляют слово «красить». Так вот, Капиталина красит картины вовсе не о том, как живет ее община в Ла-Питанге. Это в основном сказочные сюжеты, русские пейзажи или сцены из российской истории. Вот заснеженная, прикорнувшая у леса избушка, вот вороной конь в сугробах, вот задумчивая красавица в кокошнике, а вот фашистские танки, которые советские солдаты готовятся подорвать гранатами... Картины немного наивные, но яркие, искренние и чем-то завораживающие. А если еще при этом помнить, что нарисованы они художницей из старообрядцев, до сего дня в России не бывавшей...

– **Капиталина, а вы снег когда-нибудь видели?**

– По телевизору и на фотографиях. А еще раз в Бразилии и раз в Аргентине снег упал. Я видела его, но мышибко ма-

ленькие были, я мало чего помню. Да и шибко мало его выпало. Ну, сколь? Ну, вот столь мало (показывает пальцами зазор в 1,5–2 см). Но я снег люблю, и рисовать его люблю. Он такой белый. Хочется настоящий снег в России увидеть. Сетует, что не хватает времени, много работы, что не успевает рисовать все, что хочется. Еще бы: в семье трое маленьких детей – Федора, Илья и Серафима, нужно за всеми присматривать, «по дому мы работам», да еще хозяйство – «корову дЁржим, курочек», да еще мужу на пасеке надо помогать, хотя у Капиталины аллергия на пчелиные укусы – даже до больницы дело доходило. А еще нужно шить, вязать, вышивать, из одежды ведь покупаются только «пальтушечки да фуфаечки», да успевать красить «что-то маленькое на продажу». «Небогато живем, но и с голоду не помираем».

– Тяжелая жизнь...

– Я так скажу со своей стороны: не шибко сладкая жизнь. Но вот что: я-то в нескольких странах жила, видела, как в наше время в мире живут. А вот тот, кто в деревне все время сидит, мира не видел, ему, думаю, легче. Но с другой стороны, это тоже плохо. Надо, чтобы они знали маленечки, что делается-то на улице. Они ж не знают, что делать в мире. И это трудно.

– А что в России происходит, у вас в общине знают?

– Да, знаем. У многих здешняя родня есть – письма пишут, по телефону звонят. Но больше списываемся.

– Как вы себя в России чувствуете?

– Я хоть и нездешняя, но я чувствую, что здесь все нашенко, все свое. Скажем, наши люди ходят, по-нашему говорят, по-русски. По-другому немного, я иногда удивляюсь, но по-русски же. Все понятно.

Сейчас Капиталину больше всего заботит вопрос, связанный с обучением детей. В Ла-Питангу периодически наведываются преподаватели из уругвайской школы, уговаривают старообрядцев отправить детей обучаться. Капиталина «за», но многие в деревне против. Потому как считают, что в школе детей могут научить не тому, что следует. Например, чем отличается мужчина от женщины и откуда берутся дети. Капиталина, в общем, тоже считает, что этому «малых» учить не следует – «когда вырастут, все в свое время сами узнают». А вот язык той страны, где живут, знать должны – в этом Капиталина уверена. Она сама прекрасно говорит по-испански и часто используется жителями своей общины в качестве переводчицы. Например, когда старообрядцам Ла-Питанги приходится обращаться в банк, больницу или муниципалитет. В деревне все и всегда говорят по-русски,

так что знающих испанский язык в общине – по пальцам пересчитать.

– Ну а вы сами-то детей учите читать-писать?

– Да, с детства по старым азбучкам учим. Вот к нам ученые ваши приезжали, так они фотографировали наши азбучки и удивлялись: таких, говорили, теперь нет.

– А книги на русском языке помимо азбучек у вас есть?

– Есть, но все больше старые. Церковные книги. Есть книги по истории России. Вот у меня муж любит такие читать.

Выяснилось, что о классической русской художественной литературе Капиталина представления почти не имеет. Негде взять книги Достоевского, Толстого или Чехова. В библиотеку ближайшего местного городка Капиталина наведывается регулярно, но откуда там возьмутся русские классики? Помимо библиотеки Капиталина частый гость и в местном интернет-кафе: «Переписку веду. И в компьютере все больше картины рассматриваю. Я учусь. На каждой картине. И на своих картинах учусь».

Старообрядческая община Ла-Питанги насчитывает около ста человек, рассказывает Капиталина. Свободного времени у жителей общине немного. Обычно старшее поколение собирается на «вечерку», разговаривают, поют. А молодежь затевает игры. «В круговую играют, еще – в стеновую, также в лапту, а дети – в мячик».

Решения по важным вопросам жители Ла-Питанги принимают на общих собраниях:

– Делаем в церкви собор и начинаем говорить, кто о чем думает или как что сделать. И пока все не будут согласны – не договоримся. Вот, скажем, все будут согласны, а один человек – не согласен, так мы не можем принять решение и сделать что-то. Остальные должны этого несогласного убедить, он должен сам согласиться. А иначе дело не пойдет.

ТРИ ГОДА УГОВОРОВ

Чтобы привезти свои картины в Москву, Капиталине пришлось три года упрашивать мужа и родню отпустить ее. Не хотели, боялись, пугали ее, что здесь «злой, сурьезный народ».

– Пришлось мужа уговаривать. Его родители раньше тоже говорили: ты поедешь и исчезнешь, не вернешься. А в прошлом году они сами поехали жить в Россию, под Владивосток. Вот я мужу и стала

говорить: а что же твои родители не исчезли? Чего я плохого такого сделала, чтобы мне исчезнуть? Если откажешься, говорю, буду плачать. А потом решила и говорю: пустишь не пустишь, все равно поеду! А он мне: ты что же, уже доходишь до разводства?

– **У вас же разводиться нельзя?**

– Нельзя. Хотя в последнее время случается такое... Ну, вот и уговорила мужа. Нашенские в общине, когда узнали, что поеду, стали спрашивать: а зачем ты едешь в Россию? Что, здесь не можешь свои картины показывать и продавать? Да я могу, но мне интересно повидеть Россию, других людей, узнать, что они скажут. У нас ведь малые города. Я хотела раньше в Буэнос-Айресе выставку делать, но тамошняя галерея мне поздно согласие прислала, когда я картины в Москву отправила.

– **Ну и как, злой и сурьезный в России народ?**

– Мне кажется, нормальный. Сурьезный – это да. В Москве не злой народ, а сердитый. Но это потому, что здесь много людей.

– **Простите?**

– Я сначала тоже не понимала, а теперь, кажется, поняла. Много людей, много машин, люди не успевают по делам,

– **А в общине многие хотят вернуться?**

– Многие боятся еще. Наш народшибко испуганный. Я не застала тех времен, когда старшие страдали. Родители-тошибко помучались. Их гнали, хотели, чтобы бросили крест. Это у нас невозможно. Как нам потом к Богу идти, если мы крест бросим?

– **Но живут же в России старообрядцы!**

– Прежние? Наши, которые здесь остались, все потеряли. Это уже не христианцы: мужчины бороды не носят, замужние женщины сожмуря не носят...

– **Со... Что?**

– Со-жму-ры. Вот, видишь? **(Показывает на свой головной убор.)** Это женский венец. Когда замуж выходишь, закрываешь свои волосы. Потому что ведь это – прелест... С волос-то, если имеешь их, все с мужчиной можешь сделать.

Мы все дружно смеемся.

– **Капиталина, знаете, у нас ведь большин-**

{ «Почитать старших, почтить родителей, почтить любого человека. Молиться Богу – не забывать. Молитва с тобой всегда должна быть. Если Бога нет, то и тебя нет. И Господь тебе не поможет. Что еще может быть главнее?» }

нервничают, сердятся, друг дружку подшвыривают. Большой город, потому так тяжело. Я так понимаю.

– **А родственники мужа, которые под Владивостоком устроились, что говорят?**

– Им нравится. Сначала с ними не очень хорошо обошлись, но теперь им нравится. Они сначала ведь под Белгородом осели. Им обещали помочь, дали консервы. А консервы просроченные оказались, они потравились. Потом под Владивосток уехали. Народ там с ними хорошо обошелся. Сейчас вроде все нормально.

Спрашиваем: а сама Капиталина не хочет в Россию навсегда вернуться? Она задумывается. Крепко задумывается. Потом тяжело вздыхает и говорит:

– Хочется. Шибко тут мне нравится. Но боязно. Мне же со своими картинами поближе к Москве надо. А муж захочет к родителям. С другой стороны, ежели жить в Москве или другом большом городе, то ведь веру никто не сохранит. Трудно будет.

ство считает, что старообрядцы – злые фанатики и ходят всегда в черном...

– Как это? Кто это такое сказал? Почему – в черном? Ну, это не про нашенский народ. Мы не злые и в черном постоянно не ходим...

Пошел третий час беседы, а мы, забыв о времени, с увлечением разговариваем с Капиталиной о воспитании детей, о вредных привычках, о джинсах, о том, как правильно шить настоящий сарафан, что по телевизору нечего смотреть, что мобильные телефоны и компьютеры мешают жить, что ей нужно обязательно побывать в Суздале, о котором она ничего не знает...

Пора прощаться, но почему-то не хочется. Но делать нечего. Последний вопрос:

– **Капиталина, что главное для вас? Чему вас прежде всего учили родители?**

– Почтить старших, почтить родителей, почтить любого человека. Молиться Богу – не забывать. Молитва с тобой всегда должна быть. Если Бога нет, то и тебя нет. И Господь тебе не поможет. Что еще может быть главнее?

Действительно. Что может быть главнее? ●

ОБЕДНЯ БЕЗБОЖНИКА

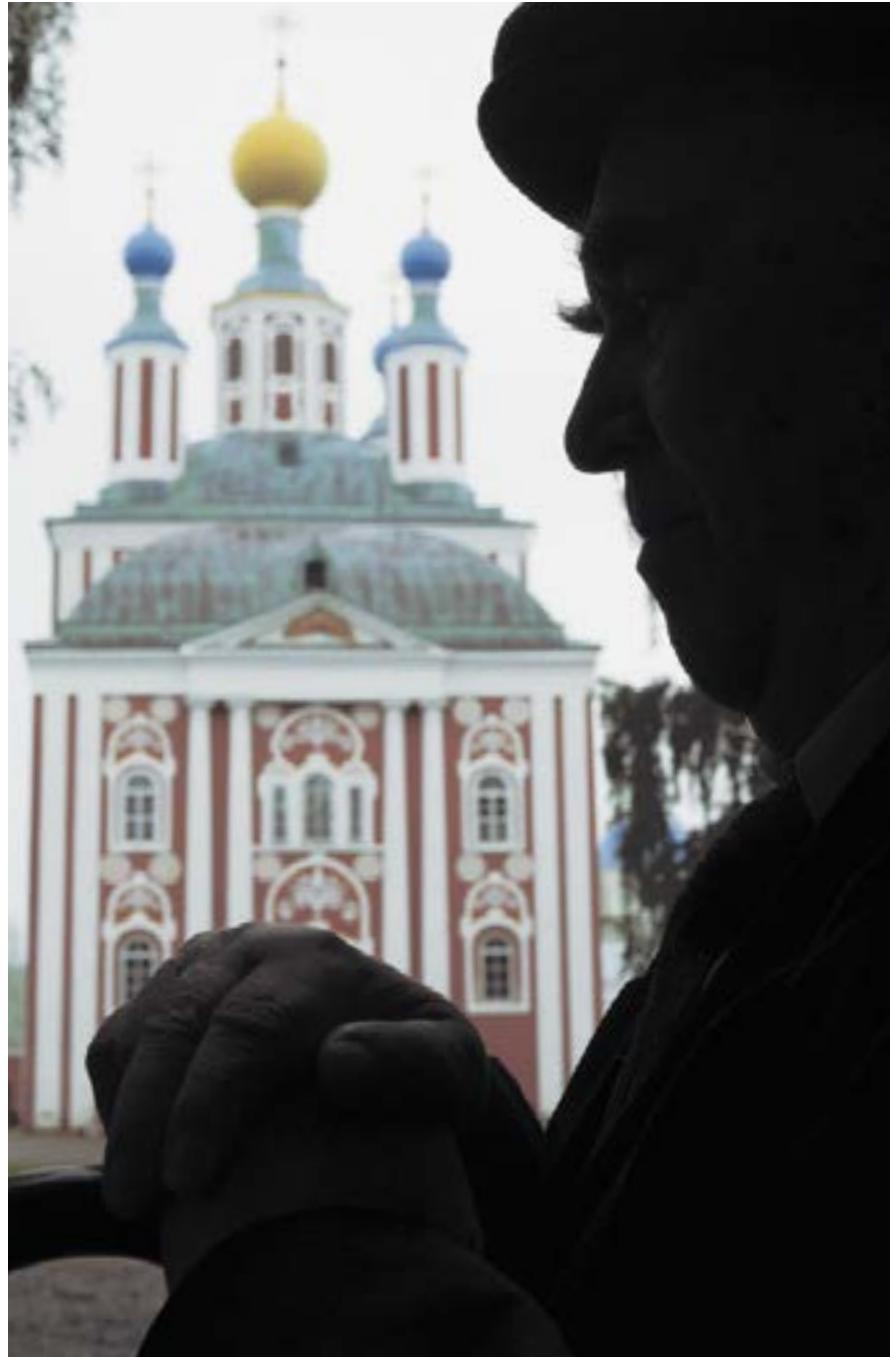
ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

Центральный Банк России объявил о выпуске в будущем году 54 видов новых памятных монет. На самых дорогих по номиналу – 25 рублей – будут изображены известные монастыри России.

Ветеран войны из старинного русского города Темников Михаил Коршунов сможет увидеть на серебряной монете и свой любимый

Санаксарский монастырь, в стенах которого находится могила великого русского флотоводца Федора Ушакова.

Ради спасения этого монастыря от разрушения партийный секретарь Михаил КОРШУНОВ когда-то пожертвовал карьерой.

Михаила Алексеевича Коршунова я нашел в госпитале для ветеранов войны и труда. Группа людей в больничных пижамах и белых халатах окружала крепкого старика, рассказывавшего о войне. Его громкий голос разносился по коридору, привлекая все новых слушателей. Окрики дежурных медсестер, пытавшихся разогнать ветеранов по процедурным кабинетам, не действовали. «Вот он, наш Коршунов! Первый секретарь Темниковского района!» – с гордостью пояснила одна из них. Я прислушался. Коршунов говорил уже о державе, патриотизме, военно-морском флоте. Речь была складная, знание предмета – глубокое. Из замечаний слушателей я понял, что лекция эта не первая. Как дед ляжет в госпиталь, каждый день «партсобрание» проводит. И откуда только силы берутся? Ведь 84 года человеку!

Рождество-Богородичный Санаксарский мужской монастырь в старинном русском городе Темникове известен почти всем верующим. Паломники и туристы – частые гости в монастыре. Каждый, кто побывал здесь, испытывает чувство благодарности людям, сохранившим этот монастырь. Я не оказался исключением. Разговорившись с саранским реставратором Анатолием Митронькиным, рассказал о своих впечатлениях. А в ответ услышал невероятную историю о спасении этого монастыря от разрушения в годы советской власти. Причем спасителем оказался секретарь райкома Коршунов, который, казалось бы, должен был способствовать уничтожению православных святынь...

Я вглядываюсь в героя. Лицо – властное, жесты – повелительные, речь – с приказными интонациями. Не заметил я на старике крестика, не увидел в его палате ни одной иконки на прикроватной тумбочке, как у его тихих соседей. В стакане лежала запасная вставная челюсть, а по поводу святой воды, которую приносили соседям их жены, Коршунов лишь замечал: «Сейчас бы наших фронтовых сто грамм за Сталину выпить!» Нет, это самый настоящий матерый партийный секретарь. Я рассказываю Коршунову, что скоро Санаксарский монастырь будет изображен на серебряном рубле. Ветеран хмурится: «А когда-то за него и ржавой копейки не давали!» И вдруг – утирает слезы: «Извините! Возраст. Не могу говорить. В следующий раз».

муга! Своим партийным товарищам Михаил рассказывал о католическом монастыре под Веной. Советское командование запретило использовать артиллерию, чтобы не уничтожить памятник архитектуры. И даже немцы, отступая из Австрии, не разрушали старинные замки и парки... А дома в Темникове?

НАЧАЛО

Когда-то Коршунову нравилась книга «Забавная Библия» Лео Таксиля. Из-за нее он часто ссорился с девушкой, читавшей настоящую Библию. Из-за партийной карьеры даже ей, с которой дружил еще до войны, не простили икон. А ведь за соседними партами сидели, влюбленными взглядами обменивались. На фронте только ее письмами и жил... Во время последнего, решающего свидания она ему крикнула: «Наша вера сильнее вашей!» Молодой работник райкома партии Михаил Коршунов тогда решения своего не изменил, но слова запомнил. То же самое сказала ему и мать, когда узнала о решении сына связать жизнь с партийной работой. Сейчас те слова нет-нет да приходят ему на ум... «Жить мало осталось, вот и слезы!» – находит оправдание Коршунов. Хотя не скрывает: первые сомнения в правильности курса партии у него появились сразу же после войны.

Из Европы, где он застал окончание войны, Коршунов вернулся другим человеком. Своему личному водителю ставил в пример немцев. На фронте на его роту выскочил запутавший немецкий автобус. Пока Коршунов с солдатами противотанковое ружье заряжал и наводил, немецкий водитель сумел в два поворота развернуть автобус на бедорожье и уехать невредимым... Вот это класс! Правда, роте командир тогда всыпал по первое число, чтобы рты не разевали. Своим хлеборобам и пекарям Коршунов ставил в пример белый хлеб, который пробовал в Венгрии. Он был такой упругий, что молодым солдатам нравилось ставить эксперимент: они садились на каравай, вставали, а хлеб расправлялся и снова принимал прежнюю форму. Вот это

Однажды пришел к Коршунову, работавшему тогда вторым секретарем райкома, сотрудник того же райкома Сергей Исаикин и спросил совета в трудном деле. Начальник Исаикина, секретарь по пропаганде Наталья Таранова, была воинствующей атеисткой. В командировке по району она ездила часто, принимала приглашения на семейные обеды в тех местах, куда приезжала. Но если она видела в доме иконы, то, не обращая внимания на хозяев, скидывала образа на пол, топтала их каблуками да еще писала кляузу в вышестоящий орган. Не у всех хватало смелости возражать против такого поведения. А тут стало ей известно, что на одном из сельских кладбищ люди соорудили часовню. И она послала Сергея Исаикина на кладбище разрушить эту самую часовню. Тому исполнять страшно – что люди скажут? Не исполнить – тоже боязно, накажет Таранова, и никто не защитит. Он и обратился

скрывал. Когда в конце 50-х годов встал вопрос о взрыве расположенного рядом с Темниковом знаменитого Санаксарского монастыря, где находится могила великого русского флотоводца Федора Ушакова, и даже были обозначены места, куда закладывать взрывчатку, жена Сыркина уговорила мужа спасти монастырь. Но часто и открыто выступать за сохранение монастыря партийный руководитель не мог. Боялся за свою карьеру. Поэтому он с глазу на глаз просил второго секретаря Коршунова взять дело спасения храмов в старинном русском городе на себя. Порядочность Коршунова и понимание им ситуации не вызывали у Сыркина со-

{ В 2004 году Архиерейский собор Русской православной церкви определил причислить к лику общеправедного воина Федора Ушакова. }

к Михаилу Коршунову за советом. А тот ему посоветовал взять две бутылки водки да отдохнуть где-нибудь на берегу реки Мокши, а утром доложить о выполнении задания. Тот послушался фронтовика. На следующий день влетает в кабинет Коршунова Таранова и устраивает скандал. Она сама лично съездила на кладбище и проверила, выполнил ли Исаикин ее поручение. А часовня-то как стояла, так и стоит. Обвинила Коршунова в пособничестве религиозным деятелям.

После этого случая с подачи Тарановой подобные обвинения против Коршунова станут обычными даже в самых высоких кабинетах. Спасло Коршунова лишь общее мнение бюро райкома города Темникова и тайная поддержка руководителя района Сыркина. У последнего отец жены был когда-то священником, и Сыркин это тщательно

мнений. Больше никому он эту тонкую работу доверить не мог. «В случае чего мы между собой тебя здесь поправим, а уж со мной расправа будет в другом месте», – говорил Сыркин.

ДОМ СОВЕТОВ ПОД МОНАСТЫРСКОЙ КРЫШЕЙ

Монастырь от взрыва удалось спасти. И хотя атаки на монастырские стены продолжались, предпринимались они уже не столь часто. Благо, самого активного борца с храмами, пропагандиста Таранову, к тому времени перевели на вышестоящую должность, а Коршунова выбрали первым секретарем Темниковского района. Стал он его хозяином при новом руководителе республики – Петре Елистратове. Коршунов слышал, что Елистратов проявляет большой интерес к памятникам культуры. В свое время он был даже назначен в комиссию правительства, определявшую список городов «Золотого кольца». В Азербайджане, где он до того работал, Елистратов оказывал покровительство художникам и писателям. А в его квартире на стене висела картина Павла Никонова «Гео-

Вместо потолка – крестовина. Ничто не мешает дождю и снегу портить росписи на стенах. Елистратов строго спросил, где, мол, крыша монастыря. «Да вы под этой крышей сидите!» – ответил Коршунов. Елистратов не понял и нахмурился. Решил, смеется над ним Коршунов. Да нет, объяснил тот, крышу с главных куполов монастыря сняли, увезли в столицу республики и покрыли Дом Советов, где сидело все партийное и советское руководство. А часть железа партийные начальники себе на дома разобрали.

логи», которую когда-то на выставке раскритиковал Никита Хрущев. Картину эту Елистратов не боялся показывать гостям. В местных партийных кругах судачили, что Петра Елистратова сослали в Мордовский обком партии из Баку за свободолюбивые взгляды и высказывания.

Районные руководители, чтобы угодить Елистратову, выискивали старинную утварь и антиквариат. Один нашел старый колокол в лесу. Елистратов велел тот колокол положить возле дороги: когда будет ехать, посмотрит. Колокол оказался казаном, в котором рабочие кашу варили и в лесу на зиму закопали. Снял того районного секретаря Елистратов за несообразительность. Коршунов же решил ему показать остатки Санаксарского монастыря рядом с Темниковом. В монастыре располагались склады, держали скот, находилось там и профтехучилище, которое в итоге эвакуировали из-за рушащихся стен. А подвигли Коршунова на решение спасать монастырские постройки разговоры об инициативе Елистратова начать восстановление комплекса церковных строений (конечно, как памятников истории и культуры) на Макаровском погосте, где раньше тоже был мужской монастырь. Происходило все это в конце 60-х, а потому казалось Коршунову удивительным и странным: раньше руководители республики интереса к памятникам старины никогда не проявляли.

Один раз Елистратов уже приезжал в Темников на День Победы – смотреть многолетние пастбища. Тогда они с Коршуновым выпили по рюмке коньяку, вспомнили войну, и Коршунов стал надеяться, что сумеет найти подход к руководителю республики. Во второй приезд Елистратова Коршунов уговорил его посмотреть Санаксарский монастырь. Дорога туда была плохая, пыльная, по грунту. Елистратов недобро шутил: «Будет как с тем колоколом – я тебя в порошок сотру!» Приехал руководитель республики в скверном настроении. А на что смотреть? Лестница на второй этаж храма разрушена, вдоль стены узкие помосты, которые прогибались и трещали под двумя мужчинами. Поднялись. Стены в плохих надписях.

Даже с монашеских келий железо поснимали. Случилось это после войны, году в 1949-м, так как взять было больше негде. «Не может быть! – воскликнул Елистратов. – Ну и варвары, ну и головотяпы! Разве можно так?!» Потом он долго ходил вдоль стен и все повторял: «Варвары! Варвары!» Тут Коршунов осторожно намекнул: неплохо бы отреставрировать монастырь. Раз уж взялся новый руководитель восстанавливать архитектурные памятники, чем темниковцы хуже? Тем более и подходящий человек у него на примете есть, продолжал гнуть свое Коршунов. Иван Семенович Болдин работал директором межколхозной организации, а недавно его сослали заведовать цехом ширпотреба в лесокомбинат в самый глухой угол района. Пострадал Болдин за то, что тайно писал иконы. Из такого человека вполне выйдет прораб реставрационного участка, заметил Коршунов. Елистратов велел Болдина привести к себе в кабинет.

ЧТО ЛЮДИ БУДУТ ПОМНИТЬ?

Уговаривать Ивана Семеновича Коршунову было трудно. Для этого пришлось взять бутылку коньяку, посадить Болдина в свою секретарскую машину, везти на озеро, таинственно рассказывать о визите руководителя республики и его намерении восстановить постройки монастыря. Болдин намерение поддержал, но участвовать категорически отказался: «Мне фермы не доверили строить, а вы – монастырь!» На самом деле он боялся повторения истории с иконами. Не по-

местное Министерство культуры подготовить приказ о создании реставрационного участка и найти для него деньги. Ослушаться главного партийного начальника даже в таком крамольном деле не посмели.

...Когда Коршунов привез Болдина в монастырь, тот оглядел разруху, задумался и сказал: «Если бы я все это увидел раньше, то не согласился бы!»

могли ни вторая бутылка, ни разрешение заниматься росписями в монастыре, ни обещанная перспектива общения с художниками и членами правительства. «Не пойду. Жена против». Партсекретарь повел речь о высоком: «Что ты оставил Темникову? Скотные помещения? Свинаярники? Что люди о тебе будут помнить? А это будет монастырь твой. Люди скажут: Болдин восстановливал!» После этого Болдин не устоял и дал согласие. На следующий день руководитель республики принял Болдина и, обрисовав ему задачи, сказал: «Благословляю!» Елистратов заставил

Председателям соседних с монастырем колхозов Коршунов распорядился не мешать колхозникам, которые уйдут трудиться на реставрационный участок. Сам он бывал там по три раза в неделю и приказал звонить по каждому вопросу, который требует его внимания. Еженедельно он докладывал о восстановлении монастыря руководителю республики. Когда можно было подняться на второй этаж без опасе-

РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЧНЫЙ САНАКСАРСКИЙ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ

Основан в 1659 году, в царствование Алексея Михайловича, в трех верстах от уездного города Темникова, на левом берегу реки Мокши. Место под будущую обитель уступил житель Темникова, дворянин Лука Евсюков, пригласивший из Старо-Кадомского монастыря первого строителя и настоятеля, игумена Феодосия, построившего в 1676 году, по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Иоасафа II, первый храм обители. Название монастырь получил от озера под его стены – Санаксар (на местном наречии: «лежащее в болотистой ложбине у возвышенности»). Молитвами и трудами преподобного Феодора Ушакова – великого подвижника второй половины XVIII века – обитель уже при его жизни приобрела общероссийскую известность, прославилась строгостью уставного богослужения, особым аскетическим духом. В 1765 году высочайшим указом велели Санаксару именоваться монастырем.

Судьба великого русского флото-водца адмирала Федора Ушакова оказалась связанный с Санаксарским монастырем. Отец будущего адмирала купил землю и деревню Алексеевку рядом с монастырем. Настоятель Санаксарского монастыря Нафанаил в своих записях сообщал: «Адмирал Ушаков, сосед и знаменитый благотворитель Санаксарской обители, по прибытии своем из Петербурга около восьми лет вел уединенную жизнь в собственном доме, в своей деревне Алексеевка, расположенной от монастыря через лес версты три...» Каждый день Ушаков приходил в монастырь на обеденную службу. Сейчас эта дорога называется адмиральской. В начале грозных событий 1812 года все вспомнили, что Ушаков ни на море, ни на суше не проиграл ни одного сражения. Дворянство Тамбовской губернии избрало его начальником ополчения. Но адмирал отказался от этой должности по

состоянию здоровья. В стороне от бедствия, постигшего страну, он не остался: развернул патриотическую пропаганду среди населения уезда и богатых паломников монастыря, на свои средства Ушаков содержал лазарет для раненых воинов. Над могилой похороненного в стенах монастыря адмирала установлен памятник с надписью: «Здесь покоится прах его высокопревосходительства и высокопочтенного боярина флота, адмирала и разных российских и иностранных орденов кавалера Федора Федоровича Ушакова, скончавшегося 1817 года, сентября 4 дня, на 73 году рождения». Наряду с Саровом Санаксарский монастырь в те годы – духовный центр России, который имел сановитых почитателей в Санкт-Петербурге и Москве. Трагические события XX века не обошли стороной и Санаксар: монастырь был закрыт, монахи разогнаны, благолепие храмов осквернено.

ния сломать шею, то наблюдать работы приезжали из Министерства культуры РФ.

Тогда мордовские храмы и монастыри относились к Пензенской епархии, и приехавший через год епископ Пензенский дал высокую оценку реставрации. Но приезд его не афишировался. Да и вопросы реставрации монастыря тоже нигде не обсуждались открыто. Официальное отношение было все-таки отрицательное, и спасало это святое дело только то, что его держал под личным контролем сам руководитель республики Елистратов. Жесткому и решительному руководителю противоречить в глаза никто не осмеливался. Зато за спиной недоброжелатели звали его «попом» и даже пустили злую шутку, что день у него начинается с утренней службы на Макаровском погосте, продолжается обедней в Санакаре, а потому работать ему некогда. А тут еще стало известно, что новые купола монастыря первый секретарь обкома намеревается покрыть сусальным золотом. На это жаловались министр культуры и архитектор, которых Елистратов заставил подписать приказ.

Осматривать монастырь первый секретарь обкома приехал с коняком. Долго любовался работой кровельщиков на куполах, а потом пригласил их спуститься и выпить с ним. Но Коршунов больше любит вспоминать другую встречу.

Елистратов привез с собой гостей из Москвы: председателя Союза художников СССР Николая Пономарева и академика Российской академии художеств скульптора Владимира Цигаля. Те разглядывали остатки фресок и говорили: «Мы в Италию посылаем на стажировку, а у нас под боком такое!» Никогда прежде, да и после, Коршунов таких глубоких и серьезных разговоров об искусстве не слышал. И еще раз он понял, какой правильной затеей было восстановление монастыря.

«НЕ ТЕМ ЗАНИМАЕТСЯ!»

Но Елистратов на посту руководителя республики продержался недолго. Перед партийным съездом в Москве неожиданно почувствовал себя плохо. Освободили его от должности по обвинению в неподобающем поведении, а люди шептались, что его отравили, чтобы он с товарищами не

ли больше о своей карьере. Коршунова, и эти реставрационные работы прекратили, но поделать уже ничего было нельзя, так как это вызвало бы нежелательные толки среди населения и справедливое осуждение. И хотя активность реставрационных работ снизилась, а финансирование урезали, монастырь преображался. Купола были покрыты, кельи вос-

МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ КОРШУНОВ
Ветеран Великой Отечественной войны,
кавалер ордена Славы, награжден двумя медалями
«За отвагу», медалями «За взятие Вены»,
«За взятие Будапешта», «За победу над Германией».
В мирное время награжден двумя орденами
«Знак Почета», медалями «За трудовое отличие»,
«За доблестный труд», «За отвагу на пожаре».

смог выступить с предложениями об изменении курса партии. Долго еще потом гуляли разговоры о несостоявшемся заговоре. Интригана Елистратова отправили в ссылку в Афганистан советником посла, а в Темникове Коршунову сразу дали почувствовать: восстановление монастыря надо прекращать. Никому не хотелось быть замешанным в делах опального руководителя. Сменившие команду Елистратова люди никогда бы не взяли на себя смелость продолжать реставрацию Санакарского монастыря. Они, по мнению Коршунова, были недальновидны и трусоваты. И думали

становлены, подобные помещения построены. Между тем Коршунову неоднократно намекали на сокращение работ в монастыре, советовали свести их на нет. Коршунов внимания не обращал.

Поскольку показатели у района были хорошие, то главным поводом для придирок стал монастырь. Окончательно Коршунов убедился в этом после визита к завотделом обкома Алексею Поршакову. Тот долго ругал краеведческую книгу местного автора про Темников, которую ему представили на рецензию. Поршаков требовал прекратить восхваления духовенства, которые он усмотрел в описаниях храмов и монастырей, а потом сказал: «Вы там, Михаил Алексеевич, не тем занимаетесь!» После этого началось.

С высокой партийной трибуны при большом скоплении народа секретари обкома открыто говорили: «Коршунов взял

сокими гостями из Москвы, но Коршунову всегда удавалось этого избежать. В общем, Санаксарский монастырь становился угрозой для его партийной карьеры. Но остановиться он уже не мог.

По собственной инициативе Коршунов поехал на прием в правительство РФ и убедил увеличить финансирование на реставрацию монастыря. Не позволял прекращать реставрацию и отзывать людей на другие работы. За это ему тоже доставалось. Были анонимные письма на него, доносы.

Когда монастырем можно было уже любоваться и водить людей смотреть могилу

{ У Михаила Алексеевича Коршунова две дочери, пять внуков, шесть правнуков. «Хлебнули мы горя из-за этого монастыря!» – говорят они. }

под бочок монастырь!» Михаил Алексеевич в долгу не оставался. Не тот он человек, чтобы молчать даже при самом высоком руководстве. После войны на воздушном параде в Тушино с ним был такой случай. Прыгал он с парашютом и приземлился рядом с правительственной трибуной. Там сам Сталин стоит с членами правительства. Коршунова охрана волоком тащит с глаз вождя долой, а солдат упирается и кричит: «Дайте на Сталина посмотреть! Я ж за него воевал!» Сталин обернулся и улыбнулся в усы. Этим случаем Коршунов до сих пор гордится.

«Как – не делом! – возмущался Коршунов после напрасного обвинения. – Это исторический памятник!» «Знаем мы, чей это памятник!» – говорили ему и смотрели так грозно, что ни у кого не хватало смелости защитить Коршунова. Обвинения в том, что партийный устав он променял на монастырский, секретарь слышал часто. Приезжали комиссии из областного комитета партии с целью подготовить почву для освобождения Коршунова от должности. Несколько раз пытались поставить его в неловкое положение перед вы-

адмирала Ушакова, у Коршунова возникла идея отправлять темниковских ребят служить на крейсер «Адмирал Ушаков». Для этого он ездил к командующему флотом адмиралу Горшкову. Тот согласился.

КОНЕЦ КАРЬЕРЫ

Чтобы лишить Коршунова главного помощника, Болдина перевели на работу в другой город. Уезжал Болдин со слезами. На новом месте вскоре умер. Назначенный вместо него человек расторопности не проявлял. Появились среди работников реставрационного участка пьяницы и бездельники.

Окончательное решение по Коршунову приняли после того, как он показал монастырь приехавшему из Афганистана в отпуск бывшему руководителю Елистратову. Тот долго благодарил Коршунова за мона-

стырь, радовался его восстановлению, советовал быть готовым к любым неприятностям со стороны партийных товарищей. Решился Коршунов на уход с поста сам после длительных размышлений. Выбирая между партийной карьерой и монастырем, он выбрал долг. Заявление приняли и быстро подписали.

же как и многие члены его семьи. У него две дочери, пять внуков, шесть правнуков. «Хлебнули мы горя из-за этого монастыря!» – говорят они и с явной неохотой отпускают своего старика прогуляться с журналистом по Темникову, когда я приезжаю в город.

...Мы идем с Михаилом Алексеевичем по старинным улочкам. На

одной из площадей в этом городе в XVII веке сожгли Алену Арзамасскую (сопрано Степана Разина. – **Прим. ред.**). Иностранные послы отсылали своим государям описание этой казни... Почему-то именно Темников выбрал для последних лет своей жизни удалившийся на покой после ратных дел адмирал Федор Ушаков. Об этих событиях напоминают памятники, картины в музее, мозаики на стенах домов.

А о современной жизни старого города свидетельствуют переливающиеся огнями залы игровых автоматов, ресторан, стая блестящих машин перед зданием городской администрации. Ее, кстати, тоже строили при Коршунове. Филиал завода при нем построили, дороги, мосты, сберегли от вредной распашки берега реки. Далеко мог пойти этот человек... Какие амбиции были! Так ради чего пожертвовал карьерой? И не из таких руин монастыри поднимали.

Я спрашиваю Коршунова об этом. Михаил Алексеевич поджимает губы и после длинной паузы отвечает: «Я – русский человек».

Санаксарский монастырь Коршунов посещает только по одному поводу. Ветераны войны и труда, бывшие партийные работники часто просят своего товарища организовать для них экскурсию. Михаил Алексеевич не отказывает и лично показывает бывшим партийцам, с чего и как началось восстановление монастырских построек. Иногда экскурсию эту Михаил Алексеевич сопровождает рассказом о своем давнем споре с несостоявшейся невестой. «Ну, чья вера сильнее?» – спрашивает он строго своих товарищих. Те молчат и слушают звон колоколов...

Обычно после окончания работы всем первым секретарям районов предлагали квартиру и какую-нибудь должность в столице республики. Оставлять их по месту прежней работы считалось недальновидным: как правило, население не испытывало к бывшим партийным руководителям особого пieteta. Михаил Коршунов остался жить в районе навсегда. «И ты не боишься остаться в районе?» – удивились тогда. А чего ему стыдиться? Наград, полученных за подбитые танки и высокие урожаи? Славы защитника монастыря?

Одно ему было досадно и больно. Строительство дорог и мостов, начатое при Коршунове, было свернуто. Пять председателей колхозов, которые помогали восстановлению монастыря, сняты с должностей. Пришло время и самого монастыря. Преемник Коршунова стал снимать с реставрационного участка людей. Монастырь вновь опустел. Правда, желания разместить в монастырских стенах ПТУ у властей все же не возникало. Коршунов, работавший директором сельскохозяйственного техникума, продолжал защищать монастырь. Писал просьбы, ездил в Москву за собственный счет. Из-за такой деятельности многие прежние сослуживцы перестали с ним общаться. А тут еще один удар – известие о смерти Петра Елистратова...

НА КРУГИ СВОЯ

В 1991 году Санаксарская обитель была возвращена Русской православной церкви, и 26 мая 1991 года, в день Святой Троицы, наместник монастыря архимандрит Варнава совершил первую Божественную литургию. В монастыре было уже более 90 монахов. В 2004 году Архиерейский собор Русской православной церкви определил причислить к лику общеперковых святых праведного воина Федора Ушакова.

Об адмирале Ушакове и Санаксарском монастыре написаны горы книг. Проводы молодых темниковцев на службу на военный корабль имени знаменитого адмирала обставляются пышно и торжественно.

Монастырь действует и считается жемчужиной среди архитектурных памятников России.

...Михаил Алексеевич Коршунов бывает в монастыре редко. Вообще-то он, как и прежде, неверующий человек. Так

ВЕРГИЛИЙ ГОРЫ ПЛОДСКОЙ

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

**Свеча, которой
я освещал себе
путь в лабиринтах
Наровчатского
пещерного монастыря,
была получена из рук
отца Иоанна.**

Теперь, у выхода из пещер, пришло время с ней проститься. Я, как и многие паломники и туристы, должен прилепить свою свечу на стену. Огарки здесь повсюду. Скрюченные, потемневшие, величиной с мизинец. Некоторые так затвердели, что их не растопить, даже если истратишь на это весь спичечный коробок. Эти свечи стали частью пещер.

Вот и моя свеча теперь среди них. Свеча, с которой я прошел всеми лабиринтами подземелья, с содроганием сердца глядя на готовый угаснуть тонкий фитилек. Когда я, бредя за отцом Иоанном, слушал его рассказ о таинственном ярусе, куда нет хода, но куда можно провалиться в любой момент, казалось, только пламя моей свечи защищало меня. Когда отец Иоанн говорил о монахах, которых сто лет назад замуровывали в каменных кельях, я вновь с надеждой смотрел на свечу, пребывая в непонятной уверенности, что она выведет меня на белый свет из этого мрачного места. А когда отец Иоанн сообщил о крови, выступающей на стенах, то только свеча успокаивала меня, помогая отгонять плохие мысли. Казалось, я с ней сроднился. И вот мы расстаемся. Прощай, свеча! Здравствуй, свет!

ОТЕЦ ИОАНН

Наша группа, вернувшись на поверхность, в полном составе дружно бежит на солнце, отряхивает одежду, удаляет пауков, остатки корней и паутины, кто-то шутит: а не ровен час обнаружатся вцепившиеся в куртки летучие мыши? Дамы аккуратно складывают платочки, поправляют прически, достают зеркальца. Все разговоры, конечно, о пещерах и о нашем проводнике – отце Иоанне. В отличие от нас он держится в тени, чтобы восковые свечи, которые он пересчитывает, не растаяли. Он не отряхивает рясу, не поправляет сбившуюся шапочку, а когда дамы сообщают, что в его бороду набился мелкий мусор, в ответ лишь улыбается и отмахивается. Тогда видно, что под мышкой у него – дыра. Но он ее не стесняется.

Через несколько минут отцу Иоанну снова надо спускаться в пещеры, снова вести запутанными ходами новую группу паломников. Они уже окружили его плотным кольцом и разбирают новенькие свечки. Сердобольные дамы качают головами, оглядываются на вход в подземелье, из которого несет ледяным холодом, и зовут: «Погрейтесь на солнышке, отец Иоанн!» «Борода согреет!» – весело отвечает наш проводник.

На ногах отца Иоанна – солдатские сапоги, ряса – в дырках, в сумке на плече – завернутые в бумагу пучки свечей. Стrogие глаза под косматыми бровями.

Днем и ночью в любую погоду, вооружившись свечой, водит он людей по лабиринтам подземного монастыря. В какое бы время ни приехали сюда паломники или туристы, отец Иоанн ведет их в пещеры. Такое на него наложено послушание...

С высоты Плодской горы, в недрах которой находится монастырь, виден лес. У его кромки приотился убогий деревянный сарай. Это келья, в которой живет отец Иоанн. Невольно ловишь себя на мысли: сумрачный лес, как в «Божественной комедии» Данте, окружает вход в загробный мир, куда ведет паломников Вергилий Плодской горы.

«За что же вас так наказали?» – спрашивают обычно у отца Иоанна паломники. На что он неизменно отвечает: «Великий грешник я!»

{ Протяженность подземного лабиринта – 710 метров. Внутренний микроклимат пещер считается уникальным. В различных ярусах зафиксирована устойчивая температура, сохраняющаяся и зимой, и летом. }

МОНАСТЫРСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

Этот подземный монастырь, более известный как Наровчатские пещеры, находится в 5 километрах от женского Троице-Сканова монастыря, что расположен у пензенского села Наровчат. Пещеры датируются примерно XIII веком. Найденные здесь наконечники копий и стрел позволили предположить, что первоначально пещеры были выкопаны для спасения от набегов кочевников, а потом их нашли удобными для пещерного монастыря. Первыми тут появились киево-печерские

старцы Антоний и Феодосий. От них и стала распространяться в здешних местах православная вера.

Целебный источник у подножия горы Плодской, где когда-то стояла часовня, назван в честь святых преподобных Антония и Феодосия. В начале прошлого века пещеры имели привлекательный вид. Вход был украшен красивым орнаментом, сводчатые потолки и стены пещер выложены кирпи-

чом и побелены, в маленьких нишах перед каждой кельей в проходах стояли зажженные свечи. На вершине горы красовались каменная церковь, часовня и несколько деревянных флигелей для братии. Часть монахов принимали схиму и уходили в подземный монастырь для уединенных молитв. Наверх больше не поднимались. Жизнь их проходила в окружении камней, тишины и мрака. Келейник приносил

кусок хлеба и воды и ставил в окно кельи. Если через сорок дней пища оказывалась нетронутой, окно замуровывалось. И никто никогда туда больше не заходил. Эти факты лежат в основе многочисленных легенд о мерцающих огоньках и странных голосах в глубинах пещер.

Подземный монастырь просуществовал до 1928 года. Бытует легенда, что пещеры соединялись широким подземным ходом, по которому могла проехать телега, с Троице-Скановым монастырем. Когда представители советской власти пришли в Троице-Сканов монастырь за большим золотым иконостасом, то настоятель уговорил их оставить иконостас на ночь, доверившись замкам на дверях и выставленной охране. Утром оказалось, что иконостас исчез. Говорят, его вывезли подземным ходом. Последствия не заставили себя ждать. Сторожил подземный монастырь один из последних монахов, Тихон. Помогал отцу Тихону келейник, который уже работал в колхозе. Ког-

дила искусственное происхождение пещер. А вот сведения из «Пензенских епархиальных ведомостей»: «Надископанием их первый трудился послушник обители Иоанн, за ним и другие, но более всех монах Арсений, который почти всегда и жил здесь. На протяжении столетий подземные сооружения расширялись и перестраивались, появлялись новые галереи и кельи». Сейчас лабиринт пещер – это проходы и кельи, расположенные в трех ярусах, соединяющихся между собой. Внутренний микроклимат пещер считается уникальным. В различных ярусах зафиксирована устойчивая температура, сохраняющаяся и зимой, и летом. Воздух в подземелье свежий и чистый. По протяженности подземного лабиринта – 710 метров – Наровчатские монастырские пещеры превосходят знаменитые Киево-Печерские. Легенда говорит еще о двух или трех уровнях. На нижнем якобы расположено подземное озеро с женскими статуями по берегам. В близлежащих селениях есть еще люди, которые утверждают, что старики проводили их на таинственный ярус и показывали это озеро. Легенды всегда подогревали инте-

Пещеры датируются примерно XIII веком. Первыми тут появились киево-печерские старцы Антоний и Феодосий. От них и стала распространяться в здешних местах православная вера.

да однажды келейник вернулся в пещеры, то старца Тихона не оказалось на месте. Ночь келейник провел в тревоге, а утром позвал людей, с которыми и нашел тело старца в пещерах. Рядом с ним лежал окровавленный топор. Могила старца Тихона сейчас огорожена, над ней установлен крест. После этого убийства пещеры закрыли для посещения. Кирпич, которым были выложены подземные коридоры, потихоньку разбирался местными для ремонта печей и колхозных построек. В 1930-е годы пещеры взрывали, вскрывали в ходах боковые ниши, останки монахов выкидывали. Иконостаса из Троице-Сканова монастыря так и не нашли. Из Наровчатской тюрьмы привозили на грузовиках осужденных засыпать пещерные ходы землей. Спустя много лет археологи-любители нашли в пещерах 19 черепов с пулевыми отверстиями.

В годы войны подземный лабиринт облюбовали дезертиры. После этого даже местные жители перестали сюда ходить. В августе 1980 года после тщательного осмотра всех доступных полостей московская экспедиция спелеологов подтвер-

дес к Наровчатскому монастырю. Желающих пройти по рукотворным ходам подземелья было и есть много. «Слева и справа зияют проемы-ходы в небольшие жилища монахов-отшельников, – пишет один из путешественников 1970-х годов. – Каменная лежанка и ниша под икону – вот и все богатство келий. На стенах видны пятна сажи – следы обгоревших свечей. Видны и своеобразные то ли подслушивающие, то ли переговорные устройства – в каменную толщу из келий каким-то образом врезаны керамические трубочки, благодаря которым на других ярусах прослушивался разговор в кельях, даже если он велся шепотом».

«ГОСПОДЬ ПРИВЕЛ!»

После того как местными из подземного монастыря был выбран для своих хозяйственных нужд кирпич, появился новый вид промысла. Жители близлежащих сел стали предлагать туристам свои услуги в качестве проводников. За что требовали денег. На какие только уловки ни пускались: изображали голоса замурованных в кельях монахов, устраивали фокусы с «блуждаю-

щими огоньками». Каждый мальчишка из самого ближнего к пещерам села Сканово может рассказать кучу подобных историй, а также поведать о том, что его дед или отец показали ему секретные ходы в подземном монастыре. Были среди проводников и великовозрастные балбесы, отслужившие в армии. Они водили туристов по пещерам, держа в одной руке папироску, а в другой – банку пива. Показывали места на стене, где лучше поставить автограф.

Все изменилось три года назад.

Сначала местные проводники заметили, что со стен кто-то стирает автографы туристов. Затем этот «кто-то» собрал и вынес из подземных ходов все окурки и пивные банки. Быстро выяснили, что каждое утро из Троице-Сканова монастыря приходит человек, долго молится перед входом в пещеры, а затем пропадает в подземных лабиринтах. Человек этот оказался самым серьезным конкурентом местных проводников.

Почти все туристы сразу предпочли совершать прогулки по пещерам в сопровождении именно этого бородатого проводника. Свечки он раздавал бесплатно, молитвы читал, рассказывал об истории пещерного монастыря и денег не

просил. Для пожертвований он повесил внизу горы ящиков. Все собранное относил в Троице-Сканов монастырь, в который пришел жить трудником. Работал в монастырском гараже, жил в отдельной келье, а затем принял постриг и надел рясу.

Конечно, местным проводникам такой конкурент не мог понравиться. Им и раньше досаждали монахини, которые по православным праздникам приходили к пещерам и служили там молебны, оставляя после себя бумажные цветы, запах ладана и прикрепленные к выступам на входе в пещеру свечки. Но они хотя бы в пещеры не спускались. А этот... Напрасно его пугали рассказами о привидениях. На все он отвечал молитвой, поклонами и шутками. Напрасно подстерегли в лесу и побили. Напрасно крали ящики с пожертвованиями. Напрасно зимой стащили у него лопату, он руками расчищал снег у входа в монастырь. Зря намекали, что может он повторить судьбу старца Тихона, могилу которого отец Иоанн обустроил и поставил над ней крест...

Каждое утро отец Иоанн появлялся у входа в пещеры и добродушно разговаривал с туристами и паломниками,

словно намедни ничего не случилось. Никому отец Иоанн ничего не рассказывал. Казалось, он только радовался испытаниям, укреплявшим его дух. Он лишь улыбался и шутил. А на вопрос, как он сюда попал, всегда отвечал: «Господь привел!»

Отстали от отца Иоанна на второй год его послушания, когда у Наровчатских пещер поздней осенью появился скромный деревянный сарайчик. Сначала никто не мог поверить, что отец Иоанн собирается постоянно жить здесь, где сугробы – выше человеческого роста, а по ночам в лесу жутко воют волки. Но ни разу не прибежал он в село за помощью, ни разу не дал повода усомниться, что хоть на один день или ночь покинул свой пост. Редкие гости его кельи могут увидеть здесь лежак, вязанки свечей по всем углам да грубый стол, на котором чугунок и деревянная ложка.

пулярности. После экскурсии он никогда не будет заводить беседы о бедности монастыря, но обязательно попросит мужчин, к примеру, передвинуть распиленные деревянные колоды, а женщин – прополоть тряжды монастырского огорода. Но чаще люди сами предлагают свою помощь. Вот, например, грядка огурцов и помидоров посажена работниками администрации Пензенской области. Клумбы с цветами разбиты сотрудниками прокуратуры Ульяновской области. Лес на поляне выкорчеван руками солидных бизнесменов, которые приехали сюда на отдых, а после экскурсии по подземному монастырю с отцом Иоанном вдруг решили потрудиться. «А вы знаете, кем был отец Иоанн в мирской жизни?» – часто спрашивают у монахов любопытные туристы и паломники. Посторонним об этом знать незачем. Но братии ответ известен. Майором Комитета государственной безопасности вышел в отставку Иван Кузнецов (таково мирское имя отца Иоанна). На пенсии решил подрабатывать, стал ездить с реставраторами восстанавливать храмы. Однажды,

Сейчас братия трудится над возведением в лесу большого монашеского корпуса и строительством подземного храма, в котором совсем скоро начнутся службы.

ОТ МАЙОРА ДО МОНАХА

Пещерный монастырь был воссоздан с благословения патриарха Алексия II. Наместником сюда назначен отец Корнилий, присланный из Христо-Рождественской пустыни в селе Трескино.

Сейчас братия трудится над возведением в лесу большого монашеского корпуса и строительством подземного храма, в котором совсем скоро начнутся службы. «Лицом» своего монастыря они называют отца Иоанна, который по-прежнему несет свое послушание и водит паломников и туристов по подземным коридорам. Даже когда вся братия, устав от дневных трудов строительства и расчистки леса, отдыхает, а к пещерам вдруг прибывает автобус, отец Иоанн собирается «на экскурсию». Даже если кто-то из братии вызовется заменить его, он откажется. Да и слава об этом проводнике по пещерным коридорам подземного монастыря разнеслась так далеко, что люди просят только его. Отец Иоанн, однако, извлекает выгоду из своей по-

работая на лесах, вынужден был принять на руки сорвавшийся с веревки колокол, который поднимали наверх. Тонкая деревянная доска под ногами по всем законам физики неминуемо должна была под ним разлететься, а он – разбиться. Тогда-то впервые он вспомнил имя Господа и... Доска прогнулась, но выдержала... Это все равно что на нитке пудовую гирю поднять. С того момента бывший майор госбезопасности ушел трудником в самый близкий к его дому монастырь. Много обитателей он сменил, пока не было наложено на него послушание епископом Пензенским и Кузнецким быть проводником в заброшенном подземном монастыре.

«ЧЕРНЫЕ КОПАТЕЛИ»

Эти люди под самыми разными предлогами проникают в подземный монастырь, разрушают старинную кладку стен, роют норы, чтобы проникнуть на самый нижний ярус и добыть нефритовые статуэтки с берегов легендарного озера. Но главное, что рассчитывают найти здесь «черные копатели», – это исчезнувший из Троице-Сканова монастыря золотой иконостас. Один

из них даже специально устроился сюда в числе рабочих, нанятых для восстановления подземного монастыря. Хотел получше ознакомиться с лабиринтом. Когда работы перестали финансировать, то он стал торговать у входа в монастырь сувенирами и свечами. Местному населению и братии этот «черный копатель» по прозвищу Кореец известен как скупщик антиквариата. А еще его называют «лицом неопределенного возраста». Есть у него такая особенность. После посещения лабиринта его лицо покрывается сетью морщин, появляется сутулость, что выдает его солидный возраст. А до спуска под землю он выглядит весьма моложаво и подтянуто. «Господь видит, кто с чем идет», – объясняет эту метаморфозу отец Иоанн.

Корейца отец Иоанн не жалует, свечек у него старается не покупать и предпочитает отмахать 10 километров и принести свечей от сестер из женского Троице-Сканова монастыря. Но когда паломников много и свечей на всех не хватает, приходится отцу Иоанну бежать к Корейцу с деньгами. Почему-то эти купленные свечи слипаются между собою и быстро гаснут даже от дыхания. Заметил отец Иоанн это, когда однажды во время экскурсии свечи разом потухли и ни у кого не нашлось спички или зажигалки. Долго он плутал по лабиринту, рассказывая паломникам все, что знал о подземном монастыре, а сам лихорадочно искал выход. Запомнил он ту экскурсию надолго. Только молитва помогла ему найти выход, а паломники так и не догадались, что их проводник заплутал. «Я так думаю, что 600 лет молитвы сильнее против 70 лет бесовства», – сказал о том случае отец Иоанн. А чтобы свечей у Корейца больше не покупать, предложил братии завести пасеку. Она уже обустроена, так что скоро у монастыря и свечи будут свои.

Вся братия знает о том, что отец Иоанн страстно желает быть первым упокоенным в стенах подземного монастыря. Хочет он повторить путь старцев-отшельников, от которых сегодня не осталось даже имени. «Для меня, великого грешника, это было бы самым большим счастьем», – говорит отец Иоанн. Правда, и в этом ему попытались помешать.

Некий монах, пришедший прошлой зимой в монастырь, заявил о желании уподобить-

ся пещерным старцам. Показал он себя монахом строгой жизни, даже других стал учить. Просьбу его удовлетворили. Взял монах с собою в каменную келью одеяло и деревянный чурбак, чтобы не сидеть на каменном ложе. А братия стала ждать, чем все кончится. Только отец Иоанн улыбался в бороду.

Ночью монахов разбудил стук в окно. Не получилось из претендента пещерного старца. «Бесы одолели!» – стучал зубами от холода и страха, рассказывал он о трех часах, проведенных ночью в пещере. Братия справедливо решила, что не готов человек к такому духовному подвигу: жить в подземном монастыре. Слишком трудное, даже невыносимое дело самого себя навеки замуровать в земляной тверди и при этом молиться за свой народ, за свою страну.

Паломники и туристы часто спрашивают отца Иоанна о происхождении в каменной келье деревянного чурбана, который бросил здесь тот монах, сбежавший в первую же ночь от трудностей взятого на себя испытания. Но кажется, ни разу проводник не рассказал эту историю, которая прозвучала бы забавой или анекдотом для туристов. Отец Иоанн знает как никто другой, какого великого подвига требует от человека уединенная молитва внутри подземного монастыря, какие искушения и страхи одолевают его. Поэтому отец Иоанн стремится увести гостей подальше от этой кельи с чурбаном.

«Следуйте за мной!» – командует отец Иоанн туристам и заводит разговор о белках и куницах, которые живут в пещерах и могут прошмыгнуть под ногами или над головой.

...Он бредет темными ходами подземного монастыря со свечой в руке. За его рясу хватаются испуганные туристки и слабонервные паломники. Все они пришли сюда, чтобы посмотреть, как жили, молились и умирали монахи под этими молчаливыми мрачными сводами. Кто-то из туристов пищит, кто-то крестится, кто-то прижимается к стене от страха. Отец Иоанн продолжает вести людей по подземному лабиринту. Мимо пустых каменных келий и ниш. Вдоль стен, в которых замурованы забытые миром старцы-отшельники, молившиеся за Русскую землю.

Окажется ли когда-нибудь на их месте отец Иоанн? Или другой отшельник найдет в себе силы для этого подвига? Кто даст ответ?

Отец Иоанн выше поднимает свою свечу и делает следующий шаг. Он продолжает нести свое послушание. ¶

НЕВОЛЬНИК ЧЕСТИ

МИХАИЛ БЫКОВ

Литературный институт имени Горького возник по инициативе Горького в 1932 году. Следом появились уже узаконенные КЗоТом профессии прозаика, драматурга, поэта. За сто лет до этого удивительного события 18-летний Михаил ЛЕРМОНТОВ пойти учиться на дипломированного поэта, само собой, не мог. Пошел учиться на офицера.

Ш

кола гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Основана 9 мая 1823 года. Первоначально размещалась в казармах лейб-гвардии Измайловского полка, с 1825 года переведена в дом графа Чернышева у Синего моста на Мойке. С 1826 года в Школе сформирован эскадрон юнкеров гвардейской кавалерии. Учебный курс был рассчитан на два года при восьми часах ежедневных занятий в классных комнатах, манеже и летних лагерях Петергофа и Красного Села. Состав учащихся Школы во времена Лермонтова – 192 подпрапорщика и 99 юнкеров. Традиционное лермонтоведение считает, что этот выбор Мишель сделал спонтанно. Покинув стены Московского университета, хотел поступить в Петербургский. Но Лермонтову предложили сдать вступительный экзамен на общих основаниях, что он посчитал за оскорбление достоинства и отказался. Все так. Но стоит ли сбрасывать со счетов генетический код древнего рода с доминирующими молекулами воинского призыва? Фамилия Лермонт известна с 1057 года. Сомнительно, что историческая память шотландцев сохранила бы информацию о семье, занимавшейся мирным делом и занимавшей скромное место в дворянской иерархии. В Средние века запоминались воины, прелаты, властители. В 1613 году в Россию прибыл Георг Лермонт в качестве офицера-наемника, начальствующего над «шкотской ротой», воюющей за Польшу. Едва на Москву появился царь Михаил Романов, как шотландец перешел к нему на службу, получив чин прапорщика, а позже – ротмистра и к нему – деревни и земли в Костромской губернии. Сам Георг погиб в бою за Россию в 1634 году под Смоленском.

Лермонтов более двух месяцев, но хромота была заметна всю его недолгую жизнь. Куда меньше знают о физической силе поэта, тренировавшего руки простым, но эффективным способом. Завязывал на спор с другим юнкером – силачом Карабинским – в узел металлический шомпол для чистки кавалерийских карабинов. А потом развязывал...

На военной службе в русской армии и флоте отмечены 116 мужчин, носивших фамилию Лермонтов либо имевших лермонтовскую кровь в венах, продолжая дворянские роды Свиньиных, Катениных, Куряновых, Рузских, Вербицких, Сальковых, Буйницких, Шкотов. Были среди них почтенные генералы, погибшие молодые офицеры, сподвижники Сенявина, адъютанты Нахимова и Скobelева, директора кадетских корпусов, участники декабряских событий на Сенатской... Лермонтовы сражались в Гражданскую войну – по обе стороны фронта. И в Великую Отечественную – против гитлеровцев.

Поэтому мне кажется излишне прямолинейным утверждение, будто поэт принял решение поступить в военную службу исключительно «из вредности характера», которую ему любят приписывать. Сохранились и его признания по этому поводу. В частной переписке и в стихах. Лермонтов писал в Москву Марии Лопухиной о летних лагерях под Петергофом: «Из-за бесконечного дождя мы, бывало, по два дня сряду не могли просушить свое платье. Тем не менее эта жизнь мне до некоторой степени нравилась». Юнкерские поэмы Лермонтова, прежде всего «Гошпиталь» и «Уланша», которые сегодня можно прочитать без цензурных белил, конечно, попадают под гриф «до 16». Но показывают, что поэт в юнкерах не был «кисейным юношем». Знание предмета в поэмах говорит, что в Школе он жил ярко и сравнительно беззаботно. Противники этой точки зрения тут же приведут строфу Лермонтова из шуточной «Юнкерской молитвы»: «Царю небесный! Спаси меня от куртки тесной, как от огня...» Правильно, просил, но тут речь идет о желании поскорее выйти в офицеры. Из элитной Школы выходили в лучшие гвардейские полки. И молодой Лермонтов мечтал об этом. Он писал той же Лопухиной: «Единственно, что придает мне сил, – это мысль, что через год я офицер. И тогда, тогда... Господи! Если бы только вы знали, что за жизнь я собираюсь вести. О, это будет чудесно!» И где, спрашивается, приписываемая Лермонтову с младых ногтей вечная меланхолия, переходящая в злое раздражение?

Не вяжутся с обликом скептически настроенного к военной службе юноши и юнкерские увлечения Лермонтова в фехтовальном зале, на стрелковых рубежах и в конном манеже. Известно, что, пойдя на поводу у собственного взрывного и отважного характера, юнкер сел на необъезженную лошадь, а та взбунтовала других лошадей, одна из которых сильно повредила поэту ногу. Лечился

Помимо военных дисциплин в Школе изучались математика, география, юриспруденция, русская и западноевропейская история, русская словесность и французский. Лекции по теории русского языка читал словесник Плаксин, и, по воспоминаниям однокашников, эти занятия Мишель конспектировал особенно тщательно.

Хочется поспорить и на тему вредного влияния учебы в Школе на творчество. За эти два года поэт написал несколько поэм, в том числе «Измаил-Бей», продолжил работу над «Демоном», начал роман «Вадим», завершил «Хаджи Абрея». А стихи? Самое время вспомнить, что Лермонтову было всего-то 18–20 лет! Юноша, живущий в наполненном развлечениями и страстями Петербурге. Учись будущий гусар в столичном университете, вряд ли он был бы чужд естественным потребностям возраста и любознательности пылкой души.

Да, он переживал последствия безответной любви. Да, мучился от собственного молодости неприятия ограничений личной свободы, неизбежных в юнкерской школе. Но обманутая любовь приносит страдания любому, независимо от того, бьется сердце под юнкерской курткой или блузой художника. А Царскосельский лицей требовал от учеников суровой дисциплины.

Впоследствии Лермонтов стихами и прозой доказал удивительно глубокое понимание трагической сути войны и одновременно обязательности исполнения долга на поле брани. Без всякого преувеличения юнкерский, офицерский и боевой опыт подарил России в лице Лермонтова основателя русской батальной литературной школы.

Осенью 1834 года Михайло Лермонтов высочайшим указом был выпущен корнетом в 7-й эскадрон лейб-гвардии Гусарского полка.

породистого рысака Парадера за 1580 рублей – жалованье корнета за несколько лет. В полку он не столовался, не считая обязательных ужинов в офицерском собрании и дружеских попоек. На квартире в Царском Лермонтова ожидали слуги и повар. Гвардейская жизнь внука обходилась Елизавете Алексеевне в 10 тыс. годовых.

Сослуживец Лермонтова граф Васильев писал: «В Гусарском полку было много любителей большой карточной игры и гомерических попоек с оргиями, музыкой, женщинами и плясками... Лермонтов бывал везде и везде принимал участие, но сердце его не лежало ни к тому, ни к другому. Он приходил, ставил несколько карт, брал или давал, смеялся и снова уходил. О женщинах, приезжавших на кутежи из С.-Петербурга, он говорил: «Бедные, их нужда к нам загоняет»... Из всех шальных удовольствий поэт более всего любил цыган». Я подробно остановился на повседневной жизни Лермонтова в лейб-гусарах, чтобы еще раз оспорить образ поэта, созданный учебниками. Лермонтов вовсе не был убежденным революционером, врагом «света». Он пользовался всеми благами, достав-.

**«ГУСАР! ТЫ ВЕСЕЛ И БЕСПЕЧЕН,
НАДЕВ СВОЙ КРАСНЫЙ ДОЛОМАН...»**

Лейб-гвардии Гусарский полк. Основан в 1798 году. Дислоцировался в Царском Селе, из-за чего чины полка получили прозвище «царскосельские гусары». В 1855 году получил окончательное наименование – лейб-гвардии Гусарский Его Величества полк. В его рядах помимо множества представителей аристократических фамилий России числились члены императорского дома. Гусары его величества отличались роскошной формой, цвет которой менялся неоднократно. Наиболее известный вариант – красный с золотом.

В свое время царскосельские гусары повоевали вдоволь. В лермонтовские времена – а он числился в полку примерно 5 лет – полк жил жизнью мирной и избалованной вниманием света и двора.

Фамилия Лермонт известна с 1057 года. В 1613 году в Россию прибыл Георг Лермонт в качестве офицера-наемника, начальствующего над «шкотской ротой».

Лермонтов не стал томить себя запретами. Он блестящий офицер! В полку его приняли тепло, что было в традициях офицерских полковых семей. От людей, несимпатичных полковому собранию, старались избавиться превентивно. Блеск поэтической славы Лермонтова в те годы сильно уступал блеску его шнурков из золотых нитей на красном доломане. Но не знать о дарованиях корнета в полку не могли. Сыграли роль и юнкерские поэмы, и рассказы товарищей по Школе, и рисунки, сделанные Лермонтовым с натуры, и профессиональные навыки музыканта. Кто все это узнал первым? Видимо, отцы-командиры. И прежде прочих командир 7-го эскадрона Николай Бухаров, известный приятельскими отношениями с Пушкиным и служившим некогда в лейб-гусарах Чаадаевым. Вскоре Лермонтов обессмертит его в строчках: «Гусар прославленных потомок, пиров и битвы гражданин».

Если вчитаться в прозу 30-х годов XIX века, описывающую жизнь петербургского высшего общества, сложится впечатление, будто люди только и делали, что ходили на балы, играли в карты, волочились, мотались к цыганам в Павловске... Узкая прослойка аристократии, разбавленная гвардейской молодежью, жила именно так. Наличие средств давало возможность так служить.

У Лермонтова средства были. Их предоставляла ему его бабушка, Елизавета Арсеньева, урожденная Столыпина. По приходу в полк Мишель приобрел у эскадронного командира

шимися ему в силу происхождения. Он в принципе плохо себе представлял, откуда берутся деньги и какова их цена.

Лермонтов принял присягу и служил Отечеству так, как и большинство его товарищ по сословию. О чем и сказал как-то: «Если будет война, клянусь Богом, буду всегда впереди». Замечу, поэт не считает необходимым уточнять, в какой именно войне он готов быть впереди. Долг и присяга обязали его сознание воспринимать любую войну против России как требование встать в ряды воинов. Разумеется, Лермонтов видел несправедливости мира и искал ответы на тревожащие его вопросы. И конечно же, работал. Не в офицерском качестве – как поэт. Его литературные поиски не замыкались в кругу личностных переживаний. Но в этот мир Лермонтов сослуживцев не пускал.

«Приедается все», – писал другой поэт уже в XX веке. Первый бал Мишеля в лейб-гусарском мундире состоялся 4 декабря 1834 года. До дуэли Пушкина с Дантеом оставалось два с небольшим года...

«КОГДА ТЫ, МЕНТИКОМ БЛИСТАЯ, ТОРОПИШЬ СЕРОГО КОНА...»

Нижегородский драгунский полк. Сформирован в 1701 году указом Петра I. С 22 июня 1791 года и вплоть до Первой мировой войны стоял на Кавказе. Первый полк русской армейской кавалерии по числу коллективных наград. В 1834 году был высочайше пожалован уникальным обмундированием, перекликающимся с боевой формой кавказских горцев, что подчеркивало уважение к полку за боевые заслуги в Кавказской войне. В полку служили Лев Пушкин (братья поэта), Николай Раевский, Александр Чавчавадзе, Алексей Брусилов.

Лейб-гвардии Гродненский гусарский полк. Образован в 1824 году в местечке Седлец под Варшавой. В 1831 году за отличие в Польском походе получил права Старой гвардии и был переведен в Селищевские казармы под Новгородом. В 1864 году возвращен в Варшаву. Традиционный полковой цвет – зеленый с серебром.

Пушкин умер 29 января 1837 года. 7 февраля Лермонтов пишет еще 16 строк к уже разошедшемуся в списках стихотворению «Смерть поэта». 18-го он арестован. А 25-го военный министр граф Чернышев объявил решение государя, по которому корнет лейб-гвардии Гусарского полка Лермонтов переводится тем же чином на Кавказ, в Нижегородский драгунский полк.

Насколько Лермонтову не везло в любви, настолько ему благоволила судьба в части сослуживцев и друзей. В первую ссылку поэту довелось представиться самому Ермолову. Помог случай – бывший адъютант бывшего кавказского наместника передал через Лермонтова своему патрону письмо. Короткой встречи с опальным генералом оказалось достаточно, чтобы Алексей Петрович летом 1841 года, получив весть о гибели Лермонтова, сказал: «Можно позволить убить всякого другого человека, будь он вельможа или знатный: таких завтра будет много, а этих людей не скоро дождешься!»

На Кавказе Лермонтов познакомился с декабристом Александром Бестужевым, более известным современникам в качестве писателя Марлинского. Подружился с разжалованым офицером за «события 14 декабря» князем Александром Одоевским, вскоре сгоревшим от малярии в Туапсе. Но войны Лермонтов в этот раз не увидел. Единственное, что рассказывал по этому поводу по возвращении в Петербург, так это историю, когда по неосторожности нарвался на трех черкесов, бросившихся преследовать его в районе Георгиевского укрепления. Помог уйти хороший карабахский конь.

товарищ и гуляка, преображенский прапорщик Костя Булгаков незадолго до отъезда Лермонтова в ссылку. Придя домой к поэту и не застав его, Булгаков увидел новый мундир, в котором отныне Лермонтову предстояло существовать. Мундир для Петербурга диковинный: шаровары, барашковая шапка, к нему – «азиатская» шашка... По уставу офицер тех лет не мог появиться в обществе в цивильном платье. Булгаков посочув-

Лермонтова уберег от передовой начальник штаба Кавказского корпуса генерал-майор Владимир Вольховский, однокашник Пушкина по Лицею, получивший нужные письма из столицы. На словах он говорил, что надо отправить бывшего гвардейца в экспедицию против горцев, на деле все лето позволил ему провести в Пятигорске на излечении от простуды. Поначалу Лермонтов и в самом деле чувствовал себя прескверно – «весь в радикулитах». Но потом он сам пишет в письмах о том, как славно проводит время в окрестностях Пятигорска. Осенью боевые действия окончились, и Лермонтов потерял возможность «искупить в бою». Помог случай. В это время на Кавказ прибыл император. На первый смотр в Геленджике Лермонтов, похоже, не успел прибыть. Что, вероятно, и к лучшему. Из-за непогоды смотр был сорван, и царь гневался. Зато 10 октября в Тифлисе смотр удался на славу. Больше других порадовали императора драгуны-нижегородцы. На следующий день Николай, помня о многочисленных заступничествах, в частности Василия Жуковского, наставника цесаревича, и Александра Бенкендорфа, начальника Тайной канцелярии, приказал вернуть прапорщика Лермонтова в лейб-гвардии Гродненский полк, корнетом. Пока бумаги ходили в Петербург и обратно, поэт жил в Кахетии, где в ущелье Карагач стоял Нижегородский драгунский.

Помимо вспыхнувшей любви к Грузии Михаил вынес из непродолжительной службы в нижегородских драгунах чувство глубокого уважения к семье старого командира полка, князя Александра Чавчавадзе, известного сочинителя и мецената. И не менее глубокое сочувствие к его старшей дочери, Нино, вдове Александра Грибоведова. Лермонтов стал своим в их доме в Кахетии.

Какой же нелепой представлялась теперь почти годичной давности шутка с маскарадом, которую устроил всеобщий

ствовал вчерашнему лейб-гусару, а потом – переоделся в нижегородское и отправился фланжировать по городу. Откуда ж было знать шутнику, что за несколько минут до того великий князь Михаил наткнулся на разгуливающего по Петербургу в гусарской форме поэта. Лермонтову грозило строгое наказание: великий князь крайне ревниво относился к соблюдению военного этикета. Не помогли бы и ссылки на портного, затянувшего с работой. Но... проехал Михаил Павлович несколько сот метров и увидел невысокую фигуру офицера в форме нижегородского драгуна. Офицеры этого полка не баловали столицу визитами, и великий князь довольно хмыкнул обворотистости Лермонтова. «Молодец!» – подумал брат царя и простили. Что б он сказал, если б разглядел в офицере Костю Булгакова? Теперь, после Кавказа, Лермонтову и в голову бы не пришло смеяться над особенностями драгунской формы. Он ехал на север из боевого полка.

Впрочем, гродненских гусар в пристрастии к бальным паркетам обвинить тоже было нельзя. Полк занимал казармы под Новгородом и был одним из немногих успешных примеров программы военных поселений, затеянных генералом Аракчеевым при прежнем императоре. И пусть поэт пробыл в гродненцах не более двух месяцев, он не мог не заметить особый стиль, им присущий.

Лермонтов поселился в двухэтажном домике, где жили холостые офицеры полка, получившем прозвание «Сумасшедший дом». Комнату он делил с корнетом Краснокутским, тоже склонным к словесности. Правда, его любовь выражалась иначе, чем у Лермонтова. Краснокутский знал десять языков. Один из шуточных стихов Михаила Юрьевича, адресованный сослуживцу Михаилу Цейдлеру, – вольный перевод из Мицкевича, а подстрочник делал как раз Краснокутский.

Говорят, в их комнату офицеры ходили как на экскурсию. Все стены были изрисованы и исписаны стихами. К сожалению, позже дом ремонтировали и стены закрасили. Оставалось одно напоминание – фамилия Мишеля, вырезанная ножом.

Интеллектуальная жизнь разбавлялась обычными офицерскими буднями в глубинке. Охотились, много и вкусно ели, ездили верхом. Также в Гродненском гусарском любили играть по-крупному. Устав запрещал офицерам азартные игры в полку, но в отдалении от Петербурга его нарушали

охотно. Лермонтов прибыл 26 февраля, явился к командиру полка князю Багратиону, получил назначение в 4-й эскадрон, пообедал, а после проиграл офицеру Арнольди... 800 рублей. Кстати, Арнольди оставил о Лермонтове очень «теплые» воспоминания: «Я не понимаю, что о Лермонтове так много говорят. В сущности, он был прелестный малый, плохой офицер и поэт неважный. В то время мы все писали такие стихи». Александр Арнольди впоследствии дослужился до полного генерала.

В апреле 1838 года в полк пришел приказ о переводе Лермонтова в лейб-гусары.

«ЧУ – ДАЛЬНИЙ ВЫСТРЕЛ! ПРОЖУЖАЛА ШАЛЬНАЯ ПУЛЯ... СЛАВНЫЙ ЗВУК...»

77-й Тенгинский пехотный полк. Сформирован в 1796 году из нескольких гарнизонных батальонов Петербурга. Носил разные названия: Мушкетерский генерала от инfanterии Архарова, Тенгинский мушкетерский, Сузdalский, с 1825-го – Тенгинский пехотный. Награжден полковыми георгиевскими знаменами за походы 1812–1814 годов и за Баязет (1829). В марте 1840 года при штурме горцами укрепления Михайловское принял смерть нижний чин полка Архип Осипов, взорвавший гранату в пороховом погребе, после того как враги ворвались на редут. Этот подвиг впервые в русской военной традиции был отмечен «навечным занесением в списки части».

Об этом подвиге не мог не знать Лермонтов, переведенный в Тенгинский пехотный полк спустя считанные месяцы. Но прежде – о последнем петербургском периоде службы поэта в лейб-гусарах.

6 декабря 1839 года Лермонтов произведен в поручики. Это сейчас не слишком понятно, что особенного в чине лейтенанта. А в то время гвардии поручик – это армейский капитан. Лермонтову едва исполнилось 25. Казалось бы, карьера налаживается.

Лермонтов всю жизньвольно или невольно «чистил себя под Пушкиным». Отсюда так много связывающих двух поэтов духовных нитей и странных совпадений в судьбах. 16 февраля 1840 года на балу у графини Лаваль между лейб-гвардии гусарским поручиком и сыном французского посла де Барантом состоялся прескверный разговор. Причину объясняют как соперничеством в ухаживании за княгиней Щербатовой, так и странными претензиями де Баранта к строкам Лермонтова из стихотворения «Смерть поэта», которыми нанесено оскорблениес всей французской нации. История сохранила диалог в подробностях,

и очевидно, что де Барант, как сказали бы сейчас, нарывался.

Дуэль состоялась через два дня. В поединке на шпагах оружие Лермонтова сломалось при выпаде. Перешли на пистолеты. Барант дал промах. Лермонтов выстрелил в сторону. Военные власти узнали о дуэли с опозданием. Лермонтова арестовали только 11 марта. Он дал показания, и военно-судная комиссия признала, что поручик прежде всего защищал честь русского офицера. Но де Барант не успокоился, принявшись распространять слухи, будто Лермонтов лжет и выстрела в сторону не было. Лермонтов узнал об этом и пригласил француза посетить его в заключении. Разговор кончился повторным вызовом. И тут военно-судебная машина заработала на полную мощь. С формальной точки зрения офицер совершил целый ряд преступков: не донес о свершившейся дуэли, предложил стреляться вторично, тайно принимал человека, находясь под арестом. Еще со времен Петра I дуэли в России запретили. Участие в них, даже намерение участвовать, требовало жестокого наказания вплоть до лишения жизни. На практике таких случаев не зафиксировано, но наказывать – наказывали. Причем амплитуда наказаний огромна. От 3-дневного ареста до лишения чинов и дворянства вку-

депеша: поручика Лермонтова не удалять из фронта полка. В переводе это означает, что поэта не следовало использовать в боевых операциях, что лишало его возможности отличиться и получить право на реабилитацию.

Но на Кавказе генералы подобрались боевые во всех отношениях. Командующий войсками на Кавказской линии генерал Павел Граббе, тот самый, что был когда-то адъютантом у Ермолова, отправил Лермонтова не в Анапу, где ждал его в качестве командира роты батальонный начальник Константин Данзас, секундант на последней дуэли Пушкина. Граббе включил поэта в Чеченский отряд генерала Галафеева. Отряд выступил из крепости Грозная 6 июля. После ряда мелких стычек и карательных операций у Большого Атагу, Гойтинского леса и села Урус-Мартан отряд вышел к речке Валерик в Гехинском лесу. Боевое крещение Лермонтов получил именно тут – 11 июля 1840 года. Вспоминая сражение,

Боевое крещение Лермонтов получил 11 июля 1840 года. Вспоминая сражение, писал: «У нас убыло 30 офицеров и до 300 рядовых, а их 600 тел осталось на месте...»

пе с каторгой. С Лермонтовым решили поступить строго. От жесткого приговора его спас человек, который, узнав о гибели поэта уже на другой дуэли, бросил: «Туда ему и дорога». Имя этого противоречивого человека – император Николай I.

В решении суда значилось: содержать в гауптвахте три месяца, затем лишить чинов и дворянства и сослать рядовым на Кавказ. Николай ограничился рескриптом: тем же чином в Тенгинский пехотный полк. Немедленно. 13 апреля Лермонтов отбыл из Петербурга. На прощальном вечере у Карамзиных его провожала вдова Пушкина Наталья Николаевна.

Были, видимо, причины, по которым император хотел удалить Лермонтова из Петербурга надолго. Мы сильны лишь гипотезами. Одну из них высказал исследователь Лермонтова Юрий Беличенко: искать ответ стоит в биографии императрицы Александры Федоровны, супруги Николая I. Неслучайно вслед ссылочному понеслась на Кавказ

он по горячим следам писал: «У нас убыло 30 офицеров и до 300 рядовых, а их 600 тел осталось на месте – кажется хорошо! – вообрази себе, что в овраге, где была потеха, час после дела пахло кровью».

14 июля отряд вернулся в Грозную, а 17-го вновь выступил из крепости – в сторону Темир-Хан-Шуры в Дагестане. Экспедиция продолжалась три недели.

А в сентябре из штаба в Петербург уходит представление к наградам отличившихся при Валерике. Среди прочих – Лермонтов. В пояснении говорилось, что «офицер этот, несмотря ни на какие опасности, исполнял возложенное на него поручение с отличным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами солдат ворвался в неприятельские завалы. Испрашивается орден св. Владимира 4 степени с бантом». В

штабе для Лермонтова по причине осторожности испрашивали только орден Св. Станислава 3-й степени. Документ сохранился, причем с царскими пометками. Фамилии нескольких офицеров, включая Лермонтова, подчеркнуты, а рядом приписка: «Высочайше повелено поручиков, подпоручиков и прапорщиков за сражения удостаивать к монаршему благоволению, а к другим

наконец в лагере собственной части. Чтобы вскоре его покинуть.

Лермонтов прибыл в Петербург на масленицу 1841 года. День возвращения на фронт он уже определил – 9 марта. Понимал, что новые экспедиции начнутся не позднее середины апреля, а значит, надобно на передовую. Расчет прост: либо убьют, либо удастся выслужить отставку. Насмотревшись на

наградам представлять за особенно отличные подвиги». Тем интереснее, ибо находившиеся в том же списке корнет Глебов и поручик Евреинов получили ордена Св. Анны 4-й степени.

Бумаги бумагами, а воевать надо. Галафеевский отряд вновь уходит в предгорья. Лермонтов прикомандирован по кавалерии. 29 сентября и 3 октября (в последний день своего рождения! – **Прим. авт.**) поручик отличается в боях. А 10 октября принимает отряд из 40 казаков и прочих кавалеристов, коим ранее командовал выбывший по ранению Руфин Дорохов, ставший прототипом одного из героев «Войны и мира» – Долохова.

Сам Дорохов отличался неимоверной храбростью, а по молодости лет – и беспринципной дерзостью. Снискав славу бретера, будучи неоднократно разжалован за дуэли, он

Лермонтов принял присягу и служил Отечеству. О чём и сказал как-то: «Если будет война, клянусь Богом, буду всегда впереди».

вновь обретал офицерский чин на Кавказской войне, партизана с группой сорвиголов. Сменить самого Дорохова на посту командира – уж только для этого поступка нужна была отвага. Лермонтов рискнул. «Невозможно было сделать выбора удачнее», – писал генерал Галафеев. Вскоре отряд Дорохова стали именовать Лермонтовским отрядом.

В боях прошли октябрь и половина ноября. 9 декабря генерал-лейтенант Галафеев пишет рапорт с просьбой перевести Лермонтова назад в гвардию тем же чином. Похоже, бумаги сталкиваются в пути и разбегаются по адресам. Потому как в ответ 11 декабря военный министр Чернышев сообщает о решении императора откликнуться на просьбы госпожи Арсеньевой и повелении предоставить поручику Лермонтову двухмесячный отпуск в Петербург. Эх, подай бабушка прошение двумя неделями позже! Эх, отправь генерал рапорт неделей раньше! Запоздал и рапорт командующего всей кавалерией действующего отряда на левом фланге Кавказской линии полковника князя Голицына о награждении Лермонтова золотым оружием «За храбрость!» – награда, аналогичная ордену Св. Георгия 4-й степени. Понятно, царь отказал – наградил уже отпуском!

31 декабря приказом по Тенгинскому пехотному полку 20-й пехотной дивизии поручик Лермонтов зачислен в полковые списки налицо. То есть впервые оказался

на реалии войны, поэт решает, что долг отдан, служба в Петербурге в случае прощения после Кавказа будет в тягость, а главное – литература занимает теперь главное место. Не творчество как таковое – оно всегда превалировало в его жизни. Именно литературная работа во всем ее многообразии, включая издание собственного журнала. Тем необычайнее поступок опытного офицера сразу же по приезде в столицу. Он сам пишет об этом со скепсисом в свой адрес: «Я на другой же день отправился на бал к г-же Воронцовой, и это нашли неприличным, дерзким. Что делать? Кабы знал, где упасть, соломки б подстелил...» Но ведь не мог не знать! Или в кавказской мясорубке забыл, что прибывающий в столицу офицер обязан первым делом явиться к военному коменданту и зарегистрироваться? А уж потом – балы! Да еще те, на которых присутствует великий князь Михаил.

Отпуск был прерван. Лермонтов с новой подорожной выехал на Кавказ. В Тенгинский пехотный полк, куда так и не прибыл. Но это уже другая, трагическая история, прямого отношения к военной службе поручика Лермонтова не имеющая. За исключением одного важного факта. Отставной майор Мартынов, убивший поэта 15 июля 1841 года, вместе с ним учился в юнкерской школе, служил в Гвардейском корпусе в Петербурге, только в кавалергардах. Вместе с Лермонтовым воевал осенью 1840 года. Такой вот товарищ по оружию.

Как-то весьма далекий от словесной эквилибристики французский кавалерийский генерал де Лассаль обронил: «Гусар, не убитый до тридцати лет, – не гусар!» Сам граф, отчаянный смельчак и рубака, любимец Наполеона, погиб в битве при Ваграме в 1809 году от пули, попавшей в лоб. Однако было ему тогда уже 34 года. К великому несчастью, граф де Лассаль не всегда ошибался. Даром что француз.